

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παλιπομένων

Сергей Петров

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

НЕИЗДАННОЕ

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παραλιπομένων

Сергей Петров

George Thompson

*Сергей
Петров*

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

НЕИЗДАННОЕ

*Водолей
Москва
2011*

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
А. Б. Устинов (США),
Л. С. Флейшман (США)

Составление, подготовка текста *А. Петровой, В. Резвого*

Оформление *М. и Л. Орлушиных*

ISBN 978–5–91763–064–9

© А. Петрова, В. Резвый, составление, 2011
© М. и Л. Орлушины, оформление, 2011
© Издательство «Водолей», оформление, 2011

ОСКОЛКИ

1930-е

* * *

Так! Одиночество златое
я с пальца согнутого снял.
Вокруг души, темнея, пляшут
судьбы нахмуренной дома.
Пустыней тянется зима.
И я стою, один как перст,
подъяв горящие ресницы.
А череп комнаты отверст,
и я смотрю ему в зеницы.
Душа, душа! Я так сжился с тобой,
что ты навек исчезла от меня.
Я чувствую твои обмерзнувшие ребра,
сквозь откровенье комнаты
вошедшие в меня.
Ломают потолок нахлынувшие мысли,
и тени мечутся, как совы в тишине.
Направо стук, и дверь летит на ключья.
Налево, брезгуя стеной,
окно с заброшенной ночью
и неизвестностью глухой.

1930?

ШПЕНГЛЕР

Всё шло на запад. Обрывались листья
и дни. Кружился по спиральям год, как сад.
И, как величественный идол истин,
огромной бронзою гремел закат.

Кипела пыль. Дороги содрогались.
Всё шло на запад: солнце, и кусты,
и мы, и тени, и других страдалиц
проклятья лепетавшие уста.

К ужасным капищам спешили пилигримы,
дабы вериги странствий съять с рамен.
Мерцали черной славы ангельские думы,
и страшен был прозрачный обморок времен.

1930?

КРУШЕНИЕ БЕССОННИЦЫ

О, комната с дедовским трюмо,
замкнувшаяся каюта ли,
но только руки Тепло и Темно,
блуждая, опять перепутали.

Прносятся стены. Садовый поток,
темнея, окно захлестывает,
и белым сознанием плывет потолок,
кружится, ныряя в сумраке.

И кажется: счастье идет на дно,
бессонницы слезы проглатывая.
А тучи стучат. И мутнеет окно,
как взор утопающих, матовое.

И время бежит по спиральям вниз
вдоль комнаты перевернутой
с окном, закатившимся под карниз
и смертной плевой подернутым.

А тело, сверкая, сквозь тьму кричит
о близком да и о том еще,
что страшно тому, кто ночью не спит
и у неба не просит помощи:

хватает свечу и бежит наобум.
Вот вспыхнуло, руки заламывая.
В трюмо потемневшее, как в трюм,
летит голова и проваливается.

1930?

* * *

Посреди болот и кочек
скачет, скачет поездочек.

Он вертит тяжелым дымом
и качается едва.
И в испуге нелюдимом
прочь бросается трава.

На концах косых болот
ночь болотная встает.

Гончих окон легкий пламень
гонит тени пред собой.
И качает белый камень
лысой головой.

апрель 1933

DANSE MACABRE (отрывок)

Эта ночь не внемлет Богу,
дышит тьмой колючих жабр,
превращаясь понемногу
в dancing-room и danse macabre.

Что за чудо-превращения?
В рощах сели кучи звезд,
и деревья приращенья
расцветают в полный рост.

Рыбы с краткими хвостами
вдруг восстали на восток;
он запутан меж кустами,
он повешен, как листок.

Лист смородины, сирени
унесен в полночный ил.
И мечтает о сирене
лупоглазый крокодил.

А луна, земле довлея,
проливается со сна.
И под знаком Водолея
в тьме рождается сосна.

О, зеленых лун аллея!
Круглоглавые дубы!
Повеленьем Луполея
в щеку – шлеп! – печать судьбы.

На два па танцует воздух –
легкий ветра поворот.
И шагами жаб бесхвостых
раздается ночь болот.

Рыбы сели на рябине,
как живые существа.
Ночь царицы, ночь рабыни,
ночь ума и естества!

18 января 1934 – 3 августа 1935

* * *

I

Бьет волна в бок корабля
звоном полного рубля.

Оснащенный корабель
зыбок, будто колыбель.

Он качается от дум,
он морской внимает шум,

водит носом по воде,
длинный нос сует везде.

Допотопен, как ковчег,
он плывет, как человек.

Капитан, мерзавец-грек,
непогоду нам предрек.

Не в угоду потому
я, быть может, потону.

II

Ах, Арго, поговорим
мы с тобой без всяких «но»;

я плыву ведь за иным,
чем Язоново руно:

с морем пить на брудершафт
за побережье, за ландшафт.

Не горжусь я: что ж, на «ты»,
так на «ты»! – мне всё равно,
но от волн и тошноты
всё кругом темным-темно.

Оседает вниз корма,
виснет жирным курдюком,
и лежит на досках тьма
полнотелым бурдюком.

Злобой, словно бурей, полн,
расплачусь я, капитан,
полноценным звоном волн
за тошноту, за туман.

Рассердившись, кораблю
нос и уши отрублю,

и, подобен палачу,
я к закату полечу.

Буду – мытарь, буду – кат,
невзирая на закат.

15–20 февраля 1934 – 10 августа 1935

КЛОУН

Посмотри, как легко вращается
колесо золоченое цирка,
и ты вспомнишь синее небо
над зеленым разливом Кампаньи,
такие тонкие речки,
где по мостикам деревянным,
позвякивая бубенцами,
тащится покорное стадо.

Как звенят у тебя браслеты,
и твой итальянский голос,
уходящий под купол цирка, –
будто нежное вечернее аве,
будто белый Гавриил-архангел.

Дети, круглые как апельсины,
смеясь, ударяют в ладоши.
А людские большие спины
сидят как черные карты.
Грозный конь ударяет в бубен,
и гремят военные марши.
Распустив тяжелые гривы,
разметались по арене кони.

Ты выходишь под ливень криков,
под град человеческой радости.
Хлопки, как листья бумажные,
навстречу тебе несутся.
И ты вспомнишь: это ведь масленица,
дождик сухой конфетти,
и знаешь, что рядом маски
commedia dell'arte.
И ты летишь, улыбаясь,
всем телом в далекий купол,

под деревянные своды,
где воздух опасен и зол.

А я в расписном балахоне,
с лицом, умершим от мела,
с черными от страха губами
стою и слежу за тобой.
Словно в сотнях зеркал, мои взоры
остановились невольно,
ибо ты, человечества радость,
играешь с небесной бездной.

И душное ходит волнение
по кругу, по темным рядам.

А что же ты вспоминаешь?
Полет безумца Икара
иль того немого раба,
который, как бог, появлялся
на тяжелой деревянной машине
и по закону трагедии
валился на радость Риму
в жесткий гравий арены?

Когда же уйдешь, я останусь,
смеюсь и шучу от радости,
что боги мне даровали
этот веселый вечер.

И дети вонзаются в яблоки
с удвоенным аппетитом.

Начинается громкий фейерверк,
рвутся шутки, трещат хлопушки
и горят, горят от восторга
веселые римские свечи!

А когда погаснут свечи
и уснут блаженные дети,
я, не сбрасывая балахона,
отворю дощатую дверь.
И ты взглянешь так утомленно
на мою неловкую руку,
где лежит, словно детский мячик,
надкушенный апельсин.
А потом чуть-чуть улыбнешся,
в самый раз, ни больше ни меньше,
и молча возьмешь мой подарок,
бывший когда-то знойным...

И отшвырнешь браслеты
и трико до земли опустишь,
и на плечи твои внезапные
два розовых голубя сядут...

Но буду я вечно помнить
круг заколдованный цирка,
придурковатый запах арены
и то, что зовется счастьем.

20 февраля 1934 – 12 мая 1941

* * *

Как наивен и безгрешен
деревянный мой домик!
Вечереющих черешен
к небу тянется дымок.
Май-малютка, просто майчик,
засыпает, словно мальчик,
от блаженства занемог.

Радость краткая: украдкой
у судьбы принять урок,
наклоняясь над тетрадкой
прошлогодних, зимних строк,
и следить, как за решеткой
воздух шаткий, воздух кроткий
превратился в ветерок.

Вот слежу я – тихий лирик –
шум от мельничных колес,
и луны смешной пузырьки
надуваются до слез;
он краснеет, он обижен,
он не кушал черных вишен
и уходит за откос.

Май-малюточка, спеленат,
в простынях нашел покой.
В речке лодки так и тонут
и сливаются с водой.
Вечер вновь и пуст и темен,
прошлогодний звон соломин
еле ходит над рекой.

12 марта 1934

* * *

В зеленом стекле стакана
на север идут корабли...

За румяное пью здоровье,
за пылающий холод щек!
Надувается скатерть, как парус,
тихонько чокаются льдины...

Далекий голос певицы:
«Jag älskar dig min vän!»¹.
Простираю пьяные руки,
опускаю навзничь губы, –
попавший в кинематограф,
захлестанный морем матрос.
Я весь какой-то беспутный,
с бродячей собачьей кровью...
О, неужели я Альмквист²,
вернувшийся назад?
Неужель я мохнатый изгнанник,
отверженец собственной грезы,
которому только и дали
на горькую память, что даль?

Чернеют знакомые ели,
и солнце по лыжному следу –
о поющая, милая дева! –
на север, на север идет.

Да здравствует!.. Падает на пол,
как подкошенный горем, голос;
от северного сиянья
кружится моя голова.

Как дым театральный, как вечер с любимой,
всё это трепещет. Как веер, как пух.
И шведская молодость во льду и в розах
проходит со смехом под звон хрусталия.

14 марта 1934

¹ Люблю тебя, мой друг! (*шв.*)

² Альмквист, Карл Юнас Луве (1793–1866) – шведский писатель. В 1851 г. был заподозрен в попытке убийства и бежал в Америку; в 1866 г. поселился в Бремене под именем Э. Вестермана.

* * *

Поломан, исковеркан,
престарелый ветер стоит.
Иду, бряцая душой,
как связкой ржавых ключей.
Под своды тяжелой природы
скрывается скорбный звук.
Деревья в суровой опале,
надвинувши плащ, сидят,
сидят дубы под замками,
и заперты губы мои.
И слышу в глуби подземной,
у сердца бряцанье ключей,
и там, за седьмой печатью,
на девятом божественном небе, —
перста одинокий обломок, —
лежит мое Существо.
Открою я разом засовы,
замок ударит, как гром,
и хлынут на волю липы,
от воздуха опьянев.
Облака оборвутся с башен,
журавли возвестят свободу,
и совершится пришествие
моего золотого Перста.
А я, роняя тело,
обрету огромное слово,
как широкие руки, брови
раскинув на лбу моем.
Вдоль его полированной сферы,
в каплях пота ушедшей в вечность,
побегут ягнячьей походкой
нарисованные облака.
И гордого ветра постройка
придет с размаху в движение,

и, заповедь презирая,
земля кувырком полетит.

1 апреля 1934

* * *

Ты рушишься постройкой ливня,
размашистою башнею дождя,
ты бьешь ключом, клокочешь в темном горле,
ты ищешь выхода во мне.

О, запертый в дворах, как сердце тесных,
стучащийся по переулкам теплокровным!
О, в каменистом теле заключенный,
ты, как припадок пены, — весь во Мне.
Взгляни! Я тихо строю хладнокровье
и озираюсь медленным умом
с двенадцатизэтажного созданья.

Чахоточный! К чему твой приступ влаги?
О, музыки волнующийся узник!
Иль это зренье? Зренье — будто скрипка,
как будто бы железом о железо...

Стучат подковы и блестят, как луны,
на небесах высокого асфальта.
И вверх бегут, блестя, перила,
и старческие вывески скрипят.

Зубами щелкают замки,
как одичалые собаки.
И ты лежишь, разбитый на куски,
на неразборчивые знаки.

13 сентября 1934

NOMINA SUNT ODIOSA

Блестя, как медный номерок,
луна болгается у ели.
И очень умный ветерок
на этой выдался неделе.

Весь месяц дождь, как напоказ,
толпился, суетяся, судача,
как будто слушать нанялась
его измученная дача.

Погода пакостней, чем грипп,
казалось – растянулась на год.
Пойдешь гулять – и хоть бы гриб
иль кустик самых волчьих ягод!
Погода, долгая как год,
висела в длинных каплях тягот
и наугад, как баба ждет,
ждала, пока в постель не лягут.
Погода может пригодиться,
и не спеша, как за чайком,
интеллигентная водица
бежит протяжным ручейком.
И в ней болтаются предметы:
мадера, кряква и чирок,
и ария из оперетты,
и колокольчиков букеты,
и многосложный вечерок.

Как выше сказано, умен,
он создал тьму вечерних правил,
он налепил на всё имен
и всё по полочкам расставил.

С террасы начал, превратив
ее в кораблик без снастей,

в плавучий кооператив
цветов, закусок и гостей.
Там, где за борт плюют, блюют,
идут во тьму кают, на ют.
А ветер ровно три часа
ей надувает паруса.

А вечер дале строит сад,
где тучи кучами висят.
Он лепит пару оплеух,
прекрасных дождевых пощечин,
широких, влажных, как лопух...

Забор, тревожен, озабочен,
идет калитку отворять
и вечер в поле выпускать.

И вот стоит на поле он,
достоин кликов и молвы,
и пень ему – Наполеон,
как покоровивший тьму травы.
Потом, растрепанней, чем веник,
он по дорогам напролом
влетает в свору деревенек
и называет их селом.

Грозы таинственнейший ящик –
Пандора, детка, ключик где? –
он предлагает, как приказчик,
предметы в клеймах и воде.
Он предлагает человеку,
игриво волны шевеля,
купить почти ручную реку
длиною в двадцать два рубля.

Он знает всё то так, то этак,
всему есть имя и цена.

От пней, дождя и статуэток,
от туч, от чая и от веток,
отчаянных до слез, от дна
реки я откажусь сполна.

И, сняв любезные очки,
я эту тьму чужих заметок
и расписные ярлычки
печально разорву в клочки.

5 декабря 1934 – 18 февраля 1936

ПРОМЕТЕЙ Фрагмент

I

О коршун, упавший, как сердце, навзрыд!
О сонные камни ударилось эхо,
слезою грохочет и в пропасть летит,
как в обморок темный, в сознания прореху.

В безумном зияньи ума, в глубине
нам ночи ковали в предсмертном провале,
и солнцем клянусь, что на крутизне
нам сердце в камнях и перьях взрывали,

и розовым пухом зари, и крылом
коричневых скал в лиловатом тумане
валили вершины, как дома, на слом,
когтями и клювом клялись на вулкане.

Я черствые камни в мученьях грызу,
я досуха взорами море повытер.
Бросаю на ветер, за тучу, в грозу
я имя твое, о проклятый Юпитер!

II

Я знаю: ты здесь, нелюдим!
Ты хочешь свирепой пищи.
Столетний, корявый дым
суетится в твоём жилище.
Ты жжешь эти травы дотла, –
не верю в твою науку
сидеть, наклонясь у котла,
мешая горе и скуку.
Кипит, свирепея, оно.
А пропасть – глубоким порезом,
и, чувствуя твердое дно,
оковано море железом.
Суровы твой хлеб и чеснок,
и честен твой стол ненавистный.
О горе, бьющее с ног!
О, скуки отвар темнолиственный!
Ты хвалишь, хозяин хромой,
свое пустынное место.
Дом дыма – дом этот – мой,
кузнечный замок Гефеста.

11 декабря 1934 – 19 марта 1936

* * *

По небу высокому месяц летел
и тихую песню пел.

И дни, и недели, и годы толпой
внимали и молвили: «Пой!»

И был он неполон, как всякий февраль,
он был хвастунишка и враль.

И полным его сотворить не могли
вращения грешной земли.

12 декабря 1934

НОЧНОЙ СНИМОК

По небу слабосильная луна плыла,
как пауза, среди предметов мрачных.
Лишив теней их темные тела,
она их сделала собранием прозрачных.
Они теперь – полночное окно,
а некогда жилище означали,
и лишь туманное небесное пятно
в середине их повисло, как в Начале.
Смертельным сном как морем обрастая,
бесчувственно дрожит душа, как ночь, одна.
Девятый вал, взметнувшийся со дна,
накатывает, как волна простая,
как черная беспамятства волна.

1934–1942

* * *

Утро пухнет, как щека...
Сонный голос ямщика
входит потихоньку в сени...
По снегу, толкая тени,
бродит пара лошадей.
Лошадиный зуб больной
всё торчит передо мной,
всё желтее и желтей.
Запрягают. Бьют в ладоши...
Запах пота и волос;

он большой и нехороший.
Это утро началось.
Никуда не тороплюсь –
может, трех, а может, двух нет...
И болезненно, как флюс,
утро пухнет, пухнет, пухнет.

13 февраля 1935 – 16 апреля 1940

ЩЕКА НА ПОДУШКЕ

Не подушка, а холм раскаленного мела.
Город ночи мостится на самом краю,
задыхаясь над бездной.

Щека онемела,
и как ложь ощущаю я щеку свою.
Свинцовые тени ползут по горлу,
как дороги из города, и на кадык,
на адамов бугор время пальцы простерло
перстами свирепых старых владык.
Фонари подступают нежданно, как слезы,
усадили в меха дорогое Тепло,
и мелькают литавры, тарелки, колеса.
Прячут лилию за стекло.
Вот, как буря в стакане, – романс в ресторане,
и цилиндров чернее – кареты кругом,
и в белой горячке напрасных стараний
салфетки и скатерти скачут...

Потом,
потом простынею становится плоской
пространство, и царствует свет ледяной
над мелом горячим. Щека каменеет известкой
и стала чужою и старой, истертой стеной.
И с ее высоты – высоты учрежденья
обрывается зренье, и еще горячей
ощущаю я бегство и отчужденье

экипажей и света, смертей и рожденья,
и спешащих в плащах косоглазых дождей.
Волшебство или нет, но вещей превращенье –
бегство вчуже и чудная чушь мелочей!

1 апреля 1935 – 1 мая 1940

НА БУЛЬВАРЕ

Пересекая площадь, дерево плелось,
позеленевши до корней волос;
оно притащилось сюда с бульвара,
изнемогая от стыда и жара.

На бульваре скамейки от ветра шатались,
на бульваре праздные люди шатались,
на бульваре осталось место пустое;
земля не попустит такого простоя.
Я занял место, и вот расту я,
без слов, без листьев, еще пустуя,
еще без рук, без любви, без ресниц,
без пенья весенних взбесившихся птиц.

По бульвару идет за каретой карета,
говорят, что теперь разразилось лето.
По бульвару стучит за коляской коляска;
от жары на колясках потрескалась краска.
Из колясок – и скрежет зубовный, и лязги,
из-под колес – и грязи, и дрызги.

Я же впросонках и вижу со сна:
моей природы бушует весна,
лезет чувство наружу, как прозелень листочка, –
это зренье сквозь ветки и мысль между строк.
И распускается коричневый, как почка,
мой карий, карий мой в золоте зрачок.

2 апреля 1935

ИДЕЯ ЛЕТНЯЯ

Лета легкого не троньте,
пусть оно стоит века...
На дырявом горизонте
в щели видно облака.
Очень одухотворенно,
словно тощая идея,
в небе вялится ворона,
с каждым взмахом всё худея.
Мысли бродят все снаружи
и никак нейдут на ум...
Петухи и куры в луже
подымают грязь и шум.
И как от незримой пыли
отряхаются сады –
верно, им подать воды
на сегодня позабыли.
Архимедовскую точку
тщетно ищет влажный взор
и проходит сквозь забор,
как через худую бочку.
Там в пальто дырявом, хуже
черта, чучело торчит,
и босые куры в луже
инфантильный взяли вид.
А ворона всё тощает,
кверху лезет напролом
и, орудуя крылом,
кучу счастья обещает.

В рассудительнейшей позе
я лежу и замираю:
жук, проглочен, почил в бозе,
стол в сенях готовят к чаю.
Кто ж так сделал, я ли, Бог ли, –
или нас попутал бес, –

чтоб вороны даром сохли,
словно груши средь небес?
Но ведь может так случиться –
к шутке каждый будь готов! –
что повесят там сушиться
мокрых кур и петухов.

Мысли бродят у откосов,
лето возится с теплом,
как молоденький философ,
получивший вдруг диплом.
И теперь оно недаром
в блеске славы и лучей
мир ошпаривает жаром
с душной кафедры своей.
И живи себе хоть век там,
где в саду – болван в пальто,
где ворона мне объектом,
а субъект – черт знает кто!
Пусть слетит с деревьев вехоть,
пусть сравню глаз с травой,
но субъекта не объехать,
не объехать на кривой.
И совсем благоговейно
вспоминаю про весну,
увидавши, по Эйнштейну,
в летнем небе кривизну.
По дороге в форме знака
за тележным колесом
быстро вертится собака
с выразительным лицом.
Лето, маленький философ,
мой вопрос не так-то прост:
отчего у всех вопросов
по-собачьи загнут хвост?

11 апреля 1935 – 18 апреля 1940

К ПЕЙЗАЖУ ПРИРОДЫ

У тебя корявый вид
и заезжены дороги.
Духота ль тебя гневит
или мысль о дальнем Боге?
Крик из птичьего гнезда –
и мелькают: борозда,
как мгновенная морщина,
словно беглый взгляд – ручей,
кашель вспугнутых грачей,
за лощиною лощина.
И в дороги поворот
конь мой нехотя идет,
и кружится в отдаленьи
солнце в каше воронья.
И, роняя вожжи, я
очарован нежной ленью.
Конь, иди, один пляши –
доберусь до смерти пеший!
Как безумно-хороши
у полей большие плещи!
За горою почтовая
осень мчится и звенит.
И, в телеге привставая,
замечаю, как тошнит
от дикарского ума
низколобого холма.

30 октября 1935 – 26 апреля 1940

ДЕТСКИЙ МАРШ

Шагая по природе
изящно и слегка,
проходят два Володи
и три Иванчука.

Июлем разогреты
да пивом чуть-чуть-чуть,
держат сигареты
(угол в 40°,
локоть на отлете),
пуская дым в глаза.

Касаются ромашек
цветистые носки,
присели за кармашек
счастливые часы.
И тикают кузнечики
в столетьях травяных.
Жар лезет, как из печки,
и валится на них...

А по краям долины,
чтоб цветы искать,
бродят три Галины
да с десятков Кать.
Парни-безобразники
глазами ковыряют,
а цветы, как праздники,
все-таки сияют.
Ахает последняя
влюбленная жара.
И небо оскорбленное
гремит, как раскаленная,
библейская труба.

И на прогулке дождик ставит каплю.

17 сентября 1939 – 1946

* * *

Я не хочу быть таким,
каким меня хотят видеть.

Ни шапки я не ломаю,
ни головы,
ни глаз.
Коль есть охота,
пусть переживают время –
перекраску листвы
и ломку голоса.
Пусть прикладывают губ печати
к стиху, заверенному любовью.
Для меня она – частное дело,
так называемая любовь,
памфлет,
делающий творца счастливым,
нежные пеленки
с лирической прозеленью,
к которой даже и прозе
лень прикоснуться.
Я не привык вывешивать
простыни за окошко,
это – не салютные флаги,
а принадлежность ночного сердца.
Я не хочу быть таким,
каким меня хотят видеть!
Люблю человека, который умеет
мастерить кораблики из мыслей,
бумажные лодочки с парусами,
суденьшки, что во всякую бурю
носят свои имена.
Я люблю человека, научившегося баюкать
свои и чужие думы
и спорить с ними,
как с маленькими детьми;
человека, который не позволит
грубому окрику или пощечине
коснуться мудреного завитка
ушной раковины ребенка.

И я осязаю в ритме
одно лишь чувство –
чувство события мысли,
в брызгах чернил и ветра
падающее, как плод.

2 ноября 1939 – 13 января 1940

РОЖДЕСТВО

Жила метель. Ошибки и поступки,
дела и мысли мчались напролет.
Кружилось Рождество. Шел улицами год,
заросший мхом, в косматом полушубке,
руками разводя, как старый дед. И вот
огромный мир в ореховой скорлупке
по морю снежному плывет.

4 ноября 1939 – 1946

НЕМНОЖКО ЛЕТА

Пионерского ли отряда
загорелая бродит рать?
А природе – одна отрада:
и родиться, и умирать,
выводить на поляны травы –
беспорядочный строй полков
под веселые кудри славы
разлетевшихся облаков.

Сколько резвых бежит кудряшек
под орешек разделить день!
Белки щелкают, и в овражек
от жары убегает тень.

Захлебнулись, как воздухом горным,
дикой зеленью тополя,
и дрожит пионерским горном
потревоженная земля,
и мелькают цветов игрушки –
и квадратики, и кружки.
Мушки прыгают, как погремущки,
флейты, дудочки и рожки.
И звенят и липа, и яшень,
и как в бочку ударил гром.
Ты, оркестр походный, прекрасен,
притаившийся за бугром.
Как в мотивах стала проста ты
на сегодня, природы медь.

Одуванчиков аэростаты
всё пытаются улететь.
Знаешь, дерзостный одуванчик,
кто заманит тебя в полет?
Это дождик бьет в барабанчик,
это молодость вверх зовет.
Я не знаю, что он ответил,
но я вижу – флажки горят...
Словно ветер, и чист и светел,
развеваясь, идет отряд.
Ветер ходит средь спора, шуток,
тормошит с разбега листву.
Одуванчики на парашютах
кувыркнутся теперь в траву.
Флейты, горлинки, флажолеты.
Горло тонкое хочет спеть
песню яблока, песню света.
Это – легкое спеет лето,
это лето умеет спеть.

24 ноября 1939 – 1946

1940-е

* * *

До чего же мы не похожи
друг на друга!

...Камень силится вылезть
из каменной кожи,
и дереву вывернуться надо,
как перчатке...

Ох ты, лицевая сторона неба
допотопного покроя!
Слишком хорошо я знаю
суконце твое сырое,
доброе суконце
солдатски серого мира,
где уцелело одно лишь солнце –
пуговица,
на которую всё и застегивается.
А если тебя перелицую,
милый мундир полинялый,
что у тебя за изнанка окажется,
в каком кармане затикает сердце?

И я тоже
пробую вывернуться
всей сумрачной серой утробой,
двенадцатиперстной кишкою.
Тут и кажется:
было время,
когда валуны катались
по холмам, словно гладкие яйца,

и выходили наружу,
оставляя скорлупки.
А надутые апельсины,
важные как щеки музыканта,
лопались от натуги
по своей фруктовой натуре
и под ноги бросали кожанки,
и бугорок шелушился,
слепым кротом выползая наружу.

Нет, я еще не нажился,
ждать буду и не нарушу
твоего покоя,
друг или враг!
Нас двое.
...Камень лезет из шкуры вон,
и если выползет к вечеру,
то ко мне на ужин явится он,
как статуя Командора.

2 февраля 1940

* * *

О чем писать? Ведь всё как мир старо.
Где отыскать слова? В последний раз оплачь их!
На них давно уж выжжено тавро,
как на одрах, как на Господних клячах.

11 мая 1940

В САНЯХ

Путь – на день-деньской длины,
всё скачи да что-то делай.
В сонный снег и холод смелый
мы до сна занесены.
Кони в стойло влюблены.
Я мечтою оробелой
в рот пустой ловлю блины,
булки локоть пухло-белый.
Уписать хочу очами
стол со щами, с калачами
и хозяйку у стола –
символ круглого тепла.

16 июля 1940 – 15 сентября 1947

* * *

По лугу шествуя однажды, я забрел
в собранье валунов многовековых.
В раздумьи обойдя с боков их,
я повесть их немудрую прочел.
И мнилось: я разумней сих камней,
их град сечет и дождь их мочит.
Но каждый камень тем меня умней,
что он лежит и ничего не хочет.

27 августа 1940

* * *

У жизни что за иноходь!
По узким тропкам дней
проехать половину хоть
пути верхом на ней!

30 апреля 1941

СКВОРЕЦ

Весенней радости творец
и мастер песенных дел,
кузнец веселия, скворец
на долговязый свой дворец,
как на Пегаса, сел.

Высок, словно замок с крышей крутой,
дом об одной ноге –
то поднебесная хата твоя,
ремесленник весны.
И не беда, что дом староват,
как зуб с червивым дуплом,
зато ты на радости тороват
и тебе не нужен диплом
певца во фраке, чтобы петь
под аплодисменты листвы.
С тебя достаточно и того,
что подпеваешь снег,
подтаиваешь, затаив
ручьи в глубине души.

Ты не зеленый маэстро чиж,
не франт-баритон снегирь
и не любимец-комик щегол.

Но, слава Богу, и ты не гол,
и по-мальчишески ты кричишь,
а мир и вглубь, и ввысь, и вширь
растет, и вверх и вниз,
куда ни обернись!

Речонка, хвостиком вильнув,
ломает последние льды,
а ты, горластый песнедув,

орешь, всю разевав клюв,
поешь на все лады.

Леса под хвоста треск ворчат.
Сопит медведь матерый.
Не видно еще в дыре скворчат,
оравы желтоперой.

Но весельчак и холостяк
обзавелся женой
и учит кузнечное ремесло,
чтоб крепче сковать семью.

Земля напрягает свои горбы,
и там, где прошелся плуг,
старательнейше ищут червей
заботливые скворцы.

Так повелось уже века,
что дом стоит на ветру,
что pater familias червяка
в семейную тащит дыру.

И с человеком бородатым
он будет лето вековать.
Тот тащит тоже... Да куда там!
Да разве сможет он ковать
такие радости?

О, ты хозяйственная птица,
великий знаток окрестных мест!
Растет над той трубой, что коптится,
прямой, как весенняя радость, шест.

10 мая 1941 – 1959

* * *

Идут хозяйки на базар,
шагают точно полк гусар,
чтоб мяса пакостную мякоть
небрежно о прилавок шмякать.

23 октября 1941 – 1959

* * *

Невелики на вечность шансы,
и, право же, я не солгу:
у смерти мы берем авансы
и вечно в шелковом долгу.

6 февраля 1942 – 1961

* * *

Так водится, бывает – дорогая,
пригоршнями начерпавши тепла
и пару глаз рысистых запрягая,
в великой доброте изнемогла.

И в пене розовой и в белоснежном паре,
в парной пурге, через разбеги бед,
ухабы горя – я на этой паре,
как на кривой, объеду целый свет.

Стрясись-ка что – помочь сумею горю.
Под горку мчаться любо лихачу.
И всё равно я горе объегорю,
на вороных его я прокачу.

Не нужно в этот вечер описаний,
и нынче кучер я, не книгочей,

и еду, в чувство прыгнув, словно в сани,
на паре серых – в яблоках – очей.

26 марта 1942 – 1961

* * *

Золотые обручи гоняет
солнце по дороге. Снег хрустит.
И ладонью легкой гладит щеку
кроткое весеннее тепло.
На полянах простыни помяты.
Пролежни чернеют. Словно гниль,
прошлогодня земля размякла,
и встречаются весна и смерть.

13 апреля 1942 – 1961

РАДУНИЦА

Зеленеют холмики гробовые,
осененные дряхлыми голубцами¹...
Радуница!
И вы живете, милые, дальние,
в царстве туманном памяти,
и воспоминание –
слезная тризна,
плач весенний.
Испиваем
солнечной сыты,
и масляный блин небесный
катится к нам в утробы...
Радуница!
Помилуй, Господи, далекие души!
Возложим красные яйца
на рыжую шерсть могилоч.

Да приидет царствие памяти,
да будет мир в заупокойном мире,
отпустим грех забвения
и смирится с долей утраты!
Господи, спаси и помилуй!
Радуница!

14 апреля 1942

* * *

Кусает скорбно нитку рот твой кроткий,
и, легких слез не в силах осушить,
над жизнью трудишься, как над косовороткой,
и ворот шелком пробуешь расшить.

И припасаете золотые чашки,
и ставишь толстопузый самовар,
чтоб милый у стола сел в вышитой рубашке
и чай тянул, сдувая с блюдца пар.

23 апреля 1942 – 1961

* * *

В печи ворчат корчаги,
грохочут чугуны.
Густой и жирной влаги
их животы полны.

И в аде бесноватом
торчат они, пока
их баба-черт ухватом
подденет под бока.

23 апреля 1942 – 1961

¹ Голубец – зд.: могильный памятник в виде креста с кровелькой.

* * *

Поднимается вечер. Печалью чаруя,
тишина обдаёт холодком нежилым.
И опять на крыльцо выхожу ввечеру я
дать душе подышать небывалым былым.
Далеко за рекой подымается дым,
и легки, словно тихие тени над Летой,
так и манят туманы. В тоске тростники,
и чернеют грехами в цепях челноки.
Как же вброд перейти необъятное лето?
Поднимается ветер. От смертной реки
отрекись, от реки этой вечно-вечерней!
Как же лето, жалея бывшее, прожить
и куда же бежать от печали дочерней,
от кручины природы? На чем ворожить
ей о девичьем роке?

 Как стог, ворошить
начинаю я волосы. Кружатся ивы.
Поднимается ветер, и тучи в стога
собирает и мечет он трудолюбиво,
и в тяжелых стогах не бегут берега.
И бывшее мечу я в огромную копну,
и примну его сердцем, ладошкой прихлопну.
Поднимается ветер и тучи стожит...
Поднимается вечер, и день пережит.
И меня – сколько ты ни хитри, – старожила,
на дорожке постылая грусть сторожит,
как не раз, и не два, и не три сторожила,
поднимаясь навстречу с пенечка, – и вот
возвращаюсь я к чаю из мертвого мира.
Поднимается дождь, и за мною идет
мелкий вечер по капелькам, скудно и сиро.

20 июня 1942 – 1961

ЧЕРДАК

Как ты высок, задумчивый чердак!
Ты по уши напялил крышу.
И я природы милый кавардак
с твоих высот отчетливее слышу.
Бесшумное кипенье облаков...
А взгляд лукав. Что делать? Я таков!
Чердак мой бедный, подожди,
дай только волю морокам хоробрым!
Ведь ночью слышу, как стучат дожди –
пьянисты иль врачи – по деревянным ребрам.
Ужель выстукивают смерть они?
Иль реквием играют? Кто их знает!
А в памяти светло. Безмолвно слепнут дни.
Рассвет, как поводырь, водить их начинает,
то за руку берет, а то и просто за нос.
Ужель, чердак, с тобою я расстанусь?
Судьба свела, как видно, неспроста нас,
и, у трубы приткнувшись дымовой,
по капелькам коплю за болью боль я,
соплю, хриплю, качаю головой, –
да разве шуба купится соболя?
Я маленький лохматый домовой
и знаю дом с макушки до подполья.
Великий мой чердак! В тебе по всем углам –
чтоб с глаз долой! – накидан разный хлам:
галoши дряхлые, вонючие овчины,
и серп зазубренный, и ржавая пила –
всё, что когда-то делало дела,
а нынче полегло без цели и причины
в безделии, забвеньи и тоске
на черном, на вечернем чердаке
и дремлет в баснословной дешевизне,
не стоя даже и деньги,
разменянной на мелкие деньки.
И ты, вместилище моей отпетой жизни,

ты, продувной и нищий, только так
и по душе ты мне, рехнувшийся чердак.

22 июля 1942 – 1961

* * *

Черствину жизни как пережевать,
когда огрызок сей давно повысох?
И начинаю я переживать
удел беззубых, шамкающих, лысых.

7 сентября 1942 – 1962

* * *

Какой опрометчивый ум
заране в Европе решит,
как будет хитро перешит
ее многоцветный костюм,
в котором ей, нищей, гулять
и долгие дни шеголять?

17 сентября 1942

ЗАЗИМЬЕ

Бредет зима, и нет покоя стуже:
жмет затемно в кулак морозный дни.
В тулуп укутай душу. Пояс туже
под самым сердцем затяни,
как песню заунывную всё ту же,
которая змее-тоске сродни.

Чернеет год, как дерево пустое.
Снег правдой очи ест, сучки торчат в глазу.

Увы! Моей зимы незыблемы устои.
Ночь с черным сеном едет на возу.
Куда тебя, душа, я повезу?

Прости мне, что живу я нерадиво.
В том дива нет. Всё нынче мне видней.
Морозным духом дышит снег правдиво,
как рукопись забвенья летних дней.
Но колет в глаз сучок мне. Вот заноза!
Гудит пурга, по всем путям занос.
Скорей домой! Что проку сунуть нос
в дела природы? Я, чай, не Спиноза,
и, право, я озяб, как пес.

Глаза слезятся. Веки плачут гноем.
Нарвали яблоки. Но в замыслах пурги,
в заметях памяти ведь всё равно им
уж с коих пор не видимо ни зги,
и я у года издавна изгоем.

Душе в охапке ласковой тулупа,
в объятиях мужицких меховых
темно, тепло. И надо жить для них
немножко с придурью, на грошик глупо
и только исподволь умно.
Душа со мной, и ей тепло, темно.
А что поделаешь? Такое ремесло ведь
не в тягость нам. Возьмем да подождем,
и станем вновь по каплям сквернословить,
гремять грозой и тарыхтеть дождем,
с прохладцей размышлять и ничему не верить,
а людям и скотам легонько доверять,
хулить грядущее, потерянное херить,
и не любить того, что можно потерять,
и шляться, размышляя, и, не зная,
всё делать словно бы наверняка.

Не значит ничего, что эта ночь сквозная.
В тулупе ты – не бойся сквозняка.

17 ноября 1942 – 1962

КОЛОДЕЦ

Ты – слуховой проход для наземных сплетен,
послух событий и чувств, дум затаенных и дел.

Черпают воду из глуби земной, опуская
в яму речи пустые в порожней бадье.

Вспомнится ль нынче Христос с женой самарийской?
Иль одиночество черное Эдгара По?

Да, у колодца бедную Гретхен кололи
в самое сердце веселой подруги слова.

Да, у колодца коня напоет кочевник
и от колодца поскачет мохнатая весть.

Булькает глухо вода между щелями сруба
и заливает слезами невидимый труп.

Ты – слухопровод, и земля слепая, глухая
слушает всё, что творится на лоне ее.

6 марта 1943

* * *

От меня до Бога
во главу угла
как-то однобоко
вечность пролегла.

29 марта 1943

* * *

Весенней зеленью горят
кусты и скачут вдоль обочин.
У неба ситцевый наряд,
лебяжьим пухом оторочен,
задумчив он и непорочен.

И вперевал и вперекат
едва ползут холмов обозы.
Вскипая до вершин, шумят
тревожной юностью березы.

Ручей, обидой истеки
и просветлей! Все подобрели.
И солнечные пустыки
многозначительны в апреле.

15 апреля 1943

* * *

Две головы развернуты на бой.

К. Вагинов

Умы писать умеют кренделя –
слепые «веди», гибкие «мыслете».
Вы, тени пьяные! И, этот день доля
на свет и тень,
я равнодушничаю.

При слове «ум» я вижу образ тени,
которой на свету и зябко и темно.
Передо мной, как некий лоб растений,
вдруг выдался упорный Холм Земли,
набух и словно лопнуть хочет.

Деревню за плечи закинув,
я от души шагал по ширям,
составленным из голубых и белых,
зеленых, серых, черно-бурых пятен,
квадратов, треугольников, кругов,
которые природою зовутся.
И, голову оборотив, как солнце,
я с высоты своей заметил,
что избы пораскинутые были
как чувства серенькие или
как маленькие воробьи.

Потом их ночь накрыла шайкой.

Прямоугольной, как окошко, думой
я загляделся в мудрые пучины –
вселенский водопад трескучий и немой.
Но не было во мне ни горя, ни кручины,
и голос у окна, казалось, был не мой.
Я был вдвоем с собой и равнодушной вдвое –
пусть друг на друга смотрят, как враги,
могучее молчанье ледовое
и жалко зеленеющая жизнь.

27 апреля 1943

* * *

Русый шелк на пальцы наматывая
в кольца хитрые – Боже мой!
И дремота пустынно-матовая
над блаженною тишиной.

Тишина, тишина обманчивая!
Снова ты со сном заодно.

Поцелуем сознание приканчивая,
нежность валится, ах! на дно.

10 мая 1943

* * *

Вот вы в саду шутивы,
но с видом мудреца
ужели душу тли вы
поймете до конца?

25 июля 1943

* * *

О день пестроголосый!
Уже издалека
раkitовые косы
раскинула река,
и руки заломила,
и, нежась на песке,
подмигивает мило
русалкам в тростнике.

18 августа 1943 – 1962

* * *

Шумя травую пожелтелой,
валила туча, словно вал.
С разбегу ветер оголтелый
девичьи рощи волновал,
вертел осинки тонкой тело
и с клена хамски шапку рвал.

Прошелся дождик, поливая
остатки мокрые полей.
В грязи дорога полевая
скользила вплоть до тополей,
где осень, бедная Аглая,
ждала червонных королей.

24 августа 1943 – 1962

* * *

Недвижимо стынет
в теплых берегах,
точно на картине,
синяя река.

И глядит сквозь пальцы,
радость не тая,
розовых купальщиц
девичья заря.

Ходит по раkitам
ветреный смешок.
Никакой обиды –
просто и свежо.

2 сентября 1943

* * *

Смели, пробовали, сметали,
с мели снялись – и в новый путь.
Золотая дыра медали
не пробилась синюю грудь.
И над пешим, крылатым, конным,
если горн или рог заиграл,

воздвигается рылом суконным
ожирелый рок-генерал.

18 сентября 1943 – 1962

* * *

Яблоня у шалаша
стала девкой-хорошавкой.
Шамкающая душа
вспоминает дни былые,
и досада скачет шавкой,
а известно – шавки злые.
Так досадуй же и тявкой,
карауль свои обиды,
поседевшая душа.
И, солому вороша,
молви яблоньке для виду:
«Ты, девица, хороша».

2 октября 1944

* * *

История – не ряд бездушный дат
и не парад имен, великих делом,
а на клочки разорванный солдат
и детский рев в жилище опустелом.

7 мая 1945

ЕЛЕНЕ, ЧТОБЫ НЕ ЗНАЛА

Я шагал по широкому миру,
заложивши за спину руки,
как по комнате незнакомой,
дорогая моя Елена.

Ох, какие страсти-мордасти
в темном небе темного мира!

Страсти двигаются, как ветры,
так что волосы встанут дыбом,
встанут черной травой могильной.

Звери злыми скрипят зубами,
соловьи захлебнулись в песнях.
Вязы вовсе не знают злобы,
но вскипают зеленым гневом
от корней до самой макушки.

Камень, от роду молчаливый,
польсевший от дум философ,
вздрагнет вдруг и сорвется с места,
и пошел стучать по откосам
кулаком, как пьяный начальник.

Звездный в небе проходит нерест,
а в кипучих, как тучи, реках,
колотясь о колючие камни,
от любви умирают лососи.

Вот и кажется мне, Елена,
в мире всё содрогается страстью.
Оттого ли, что в нем всё – наше,
всё – до ужаса человечье?

8 мая – 30 июня 1945

* * *

У ног растет, шумя, трава,
поодаль спит рука.
И одурь нежная права,
и, будто в море острова,
мелькают облака.

И плод висячий невесом,
я сам теряю вес.
А саду сквозь зеленый сон
приснится синь небес.

20 июня 1945

* * *

Я будто луг развернут пред лесами,
став от травы дикарски волосат.
Я, может быть, на дно ушедший сад,
где в чистых голосах деревья бродят сами.

Мохнатые умы насупились до боли
и тяжелей дубов и самых низких туч.
Но струйка памяти раздольной ищет воли,
светлеющей души рокошет ключ.

Далеко за умом, как за холмом, гроза.
Еще кидаются ко мне ее глаза,
и целый мир – как дождь, и звезды каплют тихо.
Какая же в вещах неразбериха!
И в каждой капле хоровод явлений
кружится, как в глазу, без милых слез.

Сегодня стыло возлежу я в лени,
приемлю дождь и круглый ход колес.

И, круглый год любовь передавая,
как заповедь, вещам, – чуть слышно говорю:
«Вези мой груз, телега годовая,
а то я чудной чуши натворю».

Всему я верю, ни во что не веря.
Всё истинно, коль истин не искать.
В находке спрятана заранее потеря,
и можно, даже нужно ложь ласкать.

7 июля 1945 – 15 апреля 1965

* * *

Не раз меня волна вздымала.
На море ли надеть узду?
Но на волну надежды мало,
как на вечернюю звезду.

19 ноября 1945

* * *

Из умов, каморок
и из мокрых глаз
водит ловко морок
за нос нас, пролаз.
А вовне по году
каждый нищ и наг,
и, как в непогоду,
правит стыд и мрак.

27 декабря 1946

1950-е

* * *

Как слабо – словно пальцы по лицу –
касается душа безбожной мглы вечерней!
Ни шагу не ступить без палочки слепцу,
ни слова не сказать без нежности дочерней.

Что палочка! Она – мушиный хоботок,
души стопальчатой немое продолженье.
И прибывает мрак, как стук и как поток,
и нежный и большой до головокруженья.

7 августа 1954 – 14 января 1966

* * *

Любовь! Как пред огромной тещей зять я,
когда она под утро в сени шасть.
Что может быть противнее объятья
румяной бабы, падающей в страсть?

17 июля 1957

* * *

За спиною грядущее и холодит.
Всем столетьем опять околеть?
И от века не ладит с судьбой троглодит
и не может ее одолеть.

И туда, где косматая дева-звезда
из планет затевает крокет,
поползут, надрываясь от мук, поезда,
поезда из последних ракет.

30 декабря 1957 – 30 марта 1966

СЕНОКОС

Широко дышит травами покос,
гудят, как осы, знойные махины,
железные вытягивая спины,
и легкое мелькание колес
пугает разыгравшихся стрекоз,
а жаркие зеленые лавины
ползут и громоздятся. И колосс
из сена душного уже возрос,
и скошен луг почти до половины.
Лишь нынче он просох от слез и рос.

И размахнулся во всю ширь колхоз.

Под легкое гудение колес
не вспомнятся ни мельница, ни прялка,
ни вопленица горькая русалка,
ни кроткие крупницы бабьих слез,
не черствая соха, ни ржавый плуг,
ни рыжий квас, ни жгущий очи лук...

Былое заросло, как этот луг,
и нам косить его не жалко.

Коси! Коси! Пусть где-то за бугром
поварчивает под нос древний гром.
Но хитрая земля уже нутром
почуяла, всей доброю утробой,

что лишь теперь – просторные дела
и чистый день, намытый добела,
она на свет могучий родила,
и молвит грому: «Сунься-ка, попробуй!»

Махины добрые сквозь маслянистый чад
неумолимо едут и стучат,
соперничая с бывшими быками,
ворочают тяжелыми боками.

А сердце радуется малолюдью,
тому, что, робкую природу вороша,
колхоз, как луг, широкой дышит грудью
и нараспашку русская душа!

А жизнь бежит, свежа и хороша,
с кувшином кваса – девочка-подросток,
минуя резвый перекресток,
березки ясные и мирный пруд...

Потом два парня честный пот утрут,
тропическим любясь травостоем.
Вовсю орудует наш загорелый труд,
и трудности такой мы, право, стоим.

8 апреля 1958

ЧАСТУШЕЧНЫЙ РОМАНС

По улице мчится метелица,
сугробы ведут хоровод...
Миленок мычит, а не телится.
Не стану я с ним канителиться
и дам от ворот поворот.
И наши дорожки разделятся,
и пусть его к черту идет!

Известно, любовь не безделица,
но мука моя перемелется!..
По улице скачет метелица,
пороша над памятью стелется, –
авось и любовь заметет!

18 июля 1958

* * *

Пил я и пел на пиру, словно яблоком, песней играя.
Фебовым зноем хмелен, полдень пчелиный гудел.
Оду я радости пел, а в ответ на стихи откликались
где-то в заморских краях беды и темная скорбь.
Ныне по лугу былого, слепые персты растопыря,
темным Гомером брожу. Радость, да где ж ты? Ау!

16 октября 1958

1960-е

* * *

Философ тоже! Фу-ты ну-ты!
На футы не измерить бремя.
Идут часы, бегут минуты,
летят секунды... Ну а время?
Куда девается оно?
С вином на дно? Быть может, но...

14 января 1960

* * *

Я далекой думой донят.
Что ж она мне учинит?
Рядом радио долдонит,
как бездарный ученик.

Слякоть, горечь, слизь и кислядь.
Был бы я здоров, как бык,
всё сгодилось бы, да мыслить
я по-своему обык.

27 апреля 1960 – 12 июня 1966

* * *

Мы играем в сумерки
у ограды мрака.
Разве вы не умерли?
Разве вы не рады?

Лири ли Орфеева
не целит вас снова,
барышня Офелия,
барышня Ленора?

22 июня 1960

* * *

Встану рано, на свету,
звезды с неба подмету,

в полумраке отворю
полусонную зарю,

ветром в фортку постучу,
первый лучик подхватчу,

в чистой вазе водружу,
и, быть может, я скажу:

«День чудесный, дальше сам
открывайся, как Сезам».

4 июля 1960 – 18 июня 1966

* * *

Чуть не спугнув бездумную лазурь,
в саду курчавая клубится дурь.

Назло валит зеленый буйный дым
вовсю над домом, добрым и седым.

Нет! Над годами можно лишь гадать,
а знать про них, ей-ей, не благодать.

И весело, когда идешь на слом,
себя увидеть заново ослом.

7 августа 1960

ИЗ ДЕВИЧЬИХ ПЕСЕН

Мы очень даже чинные
девчонки и дивчины.
Мы истинно картинные,
кручина для мужчины.
А парни-безобразники
считают девку дурой,
поддразнивая в праздники
костюмом и фигурой.
Глазами нас затрагивая,
идут себе, подрагивая,
идут себе, подпрыгивая
ногой в штанине узкой,
идут себе, подпрыгивая,
и губы трясогузкой,
идут себе, порывивая
водкой и закуской.

2 декабря 1960 – 23 июля 1966

ЛЕТНЯЯ ПРАЧЕЧНАЯ

В чистой речке стирает
лето этот день слегка –
и над солнцем стирает
на просушку облака.
Сохнет небо из сарпинки.
Куст раздулся, как мехи,
и травинки вдоль тропинки
тараторят без запинки –
чу! – чуковские стихи.

В голове шумит от стирки.
Пахнут пар и луг грехом,
а в овраге, словно в цирке,
скачут бабочки верхом.
Жар схватил жару за шею
на прохладе поласкать,
и по мяте, по шалфею
Навзикая Одиссею
мчится плавки полоскать.

25 декабря 1960

* * *

Вас доведет до хворости
расчетов безупречность!
Послушайте! Прилягте-ка,
устав от светоскорости!
Вот под бок вам галактика,
а под головы вечность.

17 июля 1961

* * *

В дугу согнулся лазурный луг.
Грозит ракета, разинут люк.

С наземной тварью я не в ладу,
свое же тело с собой кладу.

Рванулся выстрел. Раздался свет.
Я жизнь убыстрил. А смерти нет.

23 сентября – 7 октября 1961

* * *

И взглянет невзначай она,
посмотрит наугад она:
люблю-де я нечаянно,
нежданно и негаданно.

Уйду от ней верст за сто я.
Ни зги нет! След от счастьяца.
Но все-таки глазастая
не сгинет и не застится.

20 июня 1962

ДЕВЧОНКА С ЧЕЛКОЮ

Я девчонка с челкою!
Мазь моя, помада!
Как орешки, щелкаю
тех, кого мне надо.

Я девчонка с челкою!
Ну а пустоплясам
чокаю и щелкаю
прямо по мордасам.

Я девчонка с челкою!
Бью в чечетке пятки.
Любят краснощекую,
любят без оглядки.

Я девчонка с челкою,
и душа – с загибом.
Волосенки – щеткою,
а ресницы – дыбом.

Я девчонка с челкою,
я девица с перцем,
с черною печенкою
и с прожженным сердцем.

Я девчонка с челкою,
с чертовой прической!
На весь век трещоткою,
на весь век чечеткой.

17 ноября 1962 – 28 августа 1966

* * *

Мы въехали в квартирку
с замашками владык,
а спим мы в ней впритирку
и движемся впритык.

Предметы-пирамиды
застыли на посту...
Но нет у нас обиды
на эту тесноту.

17 сентября 1964

ПЛЯЖ

Оздоровительный морг
для перекатной голи
и натюрморт морд,
распластанных на воле!

Рука! Пусть кисть не спит!
Впрямь ли писать, на сгибе ль?

Цветной лимонад испит,
в искусство ведет нас гибель.

Пуантилизм оспин
оденешь не в трико же!
Пиши иконы спин,
пейзажи костей и кожи!

Пиши шершавый ландшафт,
где, наги, словно йоги,
сухих и голых правд
на небо лезут ноги.

А вот и парный портрет,
полный мяса парного.
Дурного в портрете нет
и многое в нем не ново.

Пленительный пленэр,
соленый по вкусу, сальный,
где бабочка всех мер –
бомбочкой секс-сусальной.

Задиристые зады
беспардонны и беспортошны.
Проточным глазам воды
столь точно их видеть – тошно.

Здесь дур узорный вздор
обрел свою смекалку,
здесь получает взор
великую закалку.

Гоп-ля! Ô place de Plage,
где пляс соплястых ляжек!
Здесь блажи скажут: «Ляжь!»
А блажь возьмет да и ляжет.

Здесь глушат валидол
и силы набирают,
и в голый волейбол
покойники играют.

Здесь солнцем кожу трут
и жарятся до корки:
здоровье – тоже труд,
не вышвырнешь на задворки.

И пар от усердных груд
такой, что простор в восторге,
и мертвецы орут,
совсем, совсем как в морге.

28 сентября – 13 ноября 1964

* * *

Я коробейник, старый воробей!
Морозец добрый, в тары-бары бей!
С тобой беседа – ни стихи, ни греза.
Я старый жук, тот самый скарабей,
что скатывает солнце из навоза.

1 ноября 1964

* * *

...Бежал от жалости я прочь,
и повторяю я, точь-в-точь
как прежде, с болью полушалою:
«Любовь, как девочку, не балуй,
и не лелей ее, как дочь.
Дай ей потешиться, пожалуй!»

И, каждой жилой возмужалой
до жизни жадно не охоч,
мой ум служилый и хожалый
державно ляжет с девкой в ночь.

22 ноября 1964

* * *

Du sagtest leben *laut* u sterben *leise*¹.

Я, словно время, сам бесстрашный часокрад.
Авось и не беда, что думаю я бренно!
Не встречу смело смерть, как палача Сократ.
Да нужно ли и жить, чтоб умереть смиренно?

27 ноября 1964

* * *

Тяжело из лесу, словно лось, я
сам в страну чужую выхожу,
и, как осы, жалятся колосья,
и не вижу я между.

Запрокинув взоры, не хочу я
ведать нынче друга и врага,
но, беду по запаху почую,
встречу я ее в рога.

11 декабря 1964

¹ И было сказано в Твоем законе:
жить нужно вслух, а *умирать* молчком.

(Р.М. Рильке. Часослов, кн. I. Перевод С.В. Петрова.)

* * *

Мой ум – как дом. И вот, от входа
разваливаясь до угла,
как праздник, пьяная природа
румяной бабой залегла.

Ее мужицкая порода
не любит храмов и дворцов,
она – царица огорода
и жрица свежих огурцов.

Она не любит жизни тощей,
в ней Божий дух и не сквозил,
но я на ней, как зять на теще,
капусту сроду не возил.

17 января 1965

* * *

(На лекции)

Был ум у наших предков птичий,
они не ведали приличий:
могли на ком-то злость срывать,
могли друг друга баловать,
предмет их мог разволновать –
так называемый «кровать»,
и, сколько помню, был обычай
любимых женщин целовать.

22 января 1965

* * *

Невесть чего настроя
в житье-бытье твоём,
я знаю: всего нас – трое,
когда мы только вдвоем.

И всё не могу подсмотреть я,
натужась глазом извне,
какое-такое третье
живет в тебе и во мне.

27 января 1965

* * *

Бойкий ум на отлете,
прыг из тюрьмы в тюрьму.
Горд он по лживой льготе.
Горе, горе уму!

Фыркнут ракет сопла
в мордочку простоте.
Шарик земной, теплый
носится в пустоте.

22 февраля 1965

ОТРЫВОК

Кем он будет? Медведем матерым
всё валить, и ломить, и драть
иль помятым, потертым актером
жизнь свою под суфлера играть?

25 мая 1965

* * *

Пес еще за будкой
дремлет на цепи.
Радио-побудка
голосит: «Не спи!»

Форточки зевают
в полный свежий рот.
Росы высевают
утром в огород.

И, вспорхнув на грядку
и над ней паря,
делает зарядку
девочка-заря.

11 июня 1965

ГЛАЗКОМ ОДНИМ ВПЕРЕД

По малости беря – не много будет тайн.
Любой отрывок издали обзорен.
И мир – как молотилка иль комбайн,
когда метель из раскаленных зерен
кружит с туманною половиной.
Валит Грядущее. Живет круглоголовый,
из всех былых существ миллиардный человек,
владелец гор, морей, озер и рек.
А холод наверху – у глаз в расщепе – черен,
правдив в обмане чувств, а в правде лжив.
И в герметическом плаще Печорин
стоит, за душу руку заложив.

26 июня 1965 – 7 декабря 1966

ОТРЫВОК

В годы гордости – ходатай
и ледащий соглядатай,
вверх века, а веки вниз...
С горя метя горы датой,
над эпохой городатой
бог науки бородатый
черноморчиком повис.

31 июля 1965

* * *

Я – только калека,
я – камень сидячий
и целых полвека
корплю над задачей,
задачей ходячей
про мир человека.

Не ждан и не гадан,
не зван и не прошен,
мне Господом-гадом,
как новенький грош, он
не подан, а брошен
с душой где-то рядом.

10–11 августа 1965

ОТРЫВОК

Идут всех мастей сердцеброды,
набравшись бравых страстей,
любители женской породы,
ценители бабьих статей,

потертого счастья монтеры,
работники средней руки,
лощеной любви полотеры
и разных отряд знатоки.

11 августа 1965

ТРУДОВАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Поднимаясь, тонна за тонной,
во всё утро и с прежней ноги,
начинает день железобетонный
ворочать жилистые рычаги.
Сонный, как на зарядке по радио,
но соки, как токи, уже включены.
Разворачивается медленным краном ради
новой порядковой величины.
И улыбается до седьмого пота,
верхолазом глазастым – прямо в зенит,
и слушает, как там внизу работа
орет и поет, гремит и звенит.

20 августа 1965

* * *

Ты франтиха иль шутиха,
не могу еще решить.
Невелико это лихо:
душу можно перешить.

С телом старого покроя
не попишешь ничего –
словно из квашни, сырое
прет всем брюхом естество.

Ты франтиха иль шутиха?
Соблюдем-ка дня режим:
посидевши с часик тихо,
снова жить мы побежим.

21 августа 1965

* * *

Не за горами, нет, а где-то за холмом
уже молчат, как гром, и молодость и детство.
Уже брожу в годах, как бы в себе самом.
Будь я хоть гением, хоть саменьким дерьмом,
будь я хоть вечный мим, хоть ироничный Мом,
придется все-таки до всей души раздеться.
И если бы всегда я действовал с умом,
то гадко было бы и в речку поглядеться.

2 сентября 1965

* * *

Я неделим пока еще, как атом,
душой и телом я пока – с собой,
но рудокопом я перед закатом
к себе спускаюсь в недра, как в забой.

Лежу, чуть-чуть прислушиваясь к жути,
ползу и раздираюсь до нутра,
не выбираюсь я из тесной сути
на Божий свет до самого утра.

Я распадаюсь до последних крошек
и лежа буду бунтом во гробу.
Поддай же, Боже, милостыни грошик
на усмиренье бывшему рабу.

27 сентября 1965

* * *

Я, как горшок, леплю лазурь,
леплю в глазу неторопливо,
и потом отдает глазурь
и глины легкая полива.

Целую пальцами слова
и мну их, как комочек хлеба:
твоя выходит голова
из рыжей глины, слов и неба.

Как незабудки, взор тая,
сосуд мой – суд мой – Магдалина!
Судбиной будет плоть твоя
в руках ваятеля, как глина.

6 ноября 1965

* * *

Слово ваше выварено...
– Вымерено, выверено,
взвешено и вывалено
в душу, в муках вываляно.
В закромах нашарено
у больной сиротки
и с перчиком поджарено
на адской сковородке.

6 ноября 1965

ПАРНЫЙ ПОРТРЕТ

Эх, и крутите вы шарманку! –
Дуй до свадьбы одним концом! –
Выворачиваясь наизнанку,
подаете товар лицом.

Бракодельная процедура! –
Вас и свел, и попутал бес,
самодельная лице-дура,
свежевыдубленный балбес!

Под пропой улеглась гитара. –
Струнка слабая, дзинь-черта! –
И бессмертнее вы катара,
вам не делается ни черта,
всякой твари вы та же пара
и бессчетная вы чета.

24 ноября 1965 – 24 января 1967

* * *

Стужа, скука и хвороба.
Больно? – Закуси губу.
Дым уселся на трубу,
ну а дом – подобье гроба.
«Ба, ба, ба!» – ягой в гробу
забубнила Баба-Злоба:
«ба, ба, ба» да «бу, бу, бу»!
Сядь со скукой однорукой!
Баба-Злоба, цыц! Тубо!
Руку бедную баюкай,
как бэбэ, когда бо-бо!

26 ноября 1965

ОТКАЗ

Как? Мне поехать к полюсу?
Да ну его ко псам!
Пройдусь-ка лучше по лесу,
по малым чудесам!

В лесу я крохоборствую,
всё в сумочку кладу –
и дождь, и корку черствую,
и горечь, и беду.

Надольше и подальше
убравшись от судьбы,
во все свои сандалиии
хожу я по грибы.

Катись-ка, гость непрошенный!
Как лист подкисший, грусть!
Брусничные горошины,
и гвоздь ядреный – груздь.

Всем телом заграбастаю,
а не рукой возьму
сырую и грибастую
дневную полутьму.

И волей и охотою
по горло нагружусь.
С пеньками я работаю,
над лесом я тружусь.

Тружусь, и застрахована
от страха и гнилья
до самых потрохов она,
такая жизнь моя.

По страховому полису,
как было в старину,
в страду грибную по лесу
тружусь и травы мну.

28 ноября 1965 – 28 января 1967

* * *

То, что ложно, как наружно!
Палец выскочил, грозя;
можно то, чего не нужно,
нужно то, чего нельзя.

1 декабря 1965 – 29 января 1967

* * *

Сам я ни в одном глазу!
Звезд узрел я прорву.
В трезвой памяти ползу
с балалайкой по рву.

Нет, не равен яме ров,
и пою, как Ленский,
для блуждающих миров
мой романс вселенский.

Небо по лбу – бим, бам, бом!
Волос ходит дыбом.
Нажил я своим горбом
голос с перегибом.

И ору себе во рву:
«Дай вруну по морде!»

Но струну я оборву
на каком аккорде?

13 декабря 1965

ДУМА

Я – длинная боярственная дума,
тягучая, как сказка, борода,
молчанья дутого, пронзительного глума
и яростного шума череда.
Корабль невольный я, где в брюхо трюма
погружены без пользы и вреда –
как бабы свальные – беда да меледа,
без совести, без чести, без стыда...
И в Полинезию везет его вода,
а мимо то сияя, то угрюмо
плывут, как пестрый воздух, города.

Я – дума, длинная, как дальняя дорога –
от расписных хором до нищего порога.
Я – дума долгая от друга до врага
о том, как брать в объятья и в рога...
Я – судно судное, я – детская пирога,
я – дума кроткая, я – дума-недотрога,
в пустынные посты вкушаю строго
с начинкой из червей кусочек пирога.

Я – дума важная, где всякие прикрасы –
кресты, усы да бусы, – где спуста
стучат копытом старые саврасы,
раскрашенные с гривы до хвоста,
где пробираются сквозь дебри китоврасы,
где препираются за старшие места
лохматые бояре-папуасы.

На заседаньи истин, на торгу
великих правд, молчу я, но не лгу.

А правды лезут из густых утроб,
прут царь и раб, боярин и холоп,
и разного достигнут в думе ранга,
но все они, с упрямством бумеранга,
убивши цель, отскакивают в лоб.

Я – дума, бедная, как Божья глина.
И кличет тучу знахарь-папуас,
и борода развернута предлинно
и непреложно, как царев указ.

10 февраля 1966

ОСТРОВА

Просторны вы, как в город сени,
пестреющие острова,
где по инструкции весенней
произрастает гострава,
где, исполняя директивы,
в соревновании ретивы,
глядясь, как в лозунги, в пруды,
дубов большие коллективы
организуются в сады,
где все вопросы о свиданьи,
о размышленьи ног и ртов
решаются на заседаньи
канал, скамеек и кустов.
Там белозадая Венера
рукою прикрывает грудь,
и этот жест – такая нудь –
старорежимная манера!
Там нарумянена фанера
и, чтобы знать, куда шагнуть,

как палец милиционера,
стрела указывает путь.

5–7 марта 1966

БУДДИЧЕСКОЕ

Итак – кому печаль мою повем,
когда я вовсе с панталыку сбился?
Убей себя в себе и стань никем,
покуда ты в ничто не обратился.

7 марта 1966 – 17 февраля 1967

* * *

Послушай, Дика, судьба-индейка,
ты и дикарка, и лиходейка,
ты и цесарка, ты и индюшка,
ты и наседка, ты и кукушка,
но не какая-нибудь пичужка.

Ты птица-цаца с повадкой зверя,
приобретенье ты и потеря.
Но, предикаты твои похеря,
скажу точнее, что ты тетеря.

12 марта 1966

* * *

По комнате медовый дух.
Часы – как белая тарелка.
На ней царапинками стрелка
медлительно считает мух.

Живется мне уж с коих пор
без выговоров и без премий,
на старческий манер. И время
растет, как белый мухомор.

22 марта 1966

* * *

Сажусь я за пир почестен
и вру во всю мочь на пиру,
что я сам себе неизвестен,
что не подберусь я к перу.

«Налейте бокал разврата, –
по-стриючки я острою, –
н. . . . я на вашего брата,
. . . . я вашу сестру».

Глушу во всю душу вино я
с замашками мукомель.
На черта мне горе хмельное!
подавай дионисов хмель!

Пожалуйте жизнь молодую!
Сократ я и Дионис!
Но сам себя не околдую,
и осталось одно обалдую –
клониться всё вниз да вниз.

13 апреля 1966

* * *

Как прожить, чтобы не обмануться,
не терять, не сохнуть, не хиреть?

Посредине счастья захлебнуться
и с блаженством рядом умереть.

15 июня 1966

ЧАСТУШКА

Буду я с Володенькой
оченно молоденькой.
Буду завтра с Васенькой
бабочкою басенькой.
Буду нынче с Коленькой
миленькой и голенькой.

18 июня 1966 – 4 марта 1967

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОДИНОЧЕСТВА

Как страусово яйцо,
я расписал лицо
под мрамор роковой,
под камень гробовой.

Но вдруг испуг и вздрог
меж двух бесстрашных строк,
но вдруг изгиб, уступ
неуступавших губ!

Но вдруг полезла слизь,
без слез закрылась близь.
Сведен конец с концом
над кокнутым яйцом,
над страусом-беглецом,
над треснувшим лицом.

28 июня 1966

ЭПИГРАММА

От ума его сутулого,
от ученого труда
титулованное тулово
не согнется никогда.

22 июля 1966

* * *

Вышел день, но какой-то тощий,
и держался едва-едва.
Из-под треснувшей серой толщи
носик высунула трава.

Лезет жидкая зелень сдуру –
ишь, ведь тоже жить норовит –
сквозь асфальтовую культуру
и сквозь двухвековой гранит.

24 июля 1966

* * *

Как чувства трудятся тревожно!
И плач – как бич, и клячей смех.
И неужели так у всех?
Не важно! Только бы не ложно!

Дрожу и душу нагружая
тобой на совесть, без стыда, –
у всех ли есть любви страда
и пот и слезы урожая?

6 августа 1966

* * *

Послушай! – А я оглох,
а я заглох! – Да ты рад бы еще... –
и зол, как чертополох
на полузаброшенном кладбище.

Послушай! – А я оглох,
и на кой вы мне сдались, законники!
Послушай! Да я, чай, не Бог!
Такой замогильный переполох,
что угожу при жизни в покойники.

4 сентября 1966

* * *

Бодрость я в себя вселю
и, с бедой не споря,
смеху, словно киселю,
нахлебаюсь с горя.

Подфартило: жил досель
как и подобает.
Но во сне сам Тит кисель,
ох, не расхлебает.

10 сентября 1966 – 14 марта 1967

* * *

Прижималась к нему сударкой,
но каких ледяных кровей!
И так тихо было под аркой
неподвижных ее бровей!

А зачем, и сама не зная,
открывалась вся, как лицо,
и трепещущая, и сквозная,
как осеннее деревцо.

В один миг потом надломилась,
отодвинулась, отошла.
Отчего же, скажи на милость,
по добру или так, со зла?

Захотела ли стать помаркой?
Взял левее он иль правей?
Но как пусто теперь под аркой
неподвижных ее бровей!

22 октября 1966

* * *

Земля! Ты очень весело
с размаху на пол села,
по моде обезлесела,
по моде польесела!

И хороша, плешивая!
И никакого лешего.
Так попляши, паршивая,
так повертись-ка, вшивая,
на ниточке подвешена.

25 октября 1966

ЕЛЕНЕ

С Новым годом! С новым горем!
С новой радостью! С тобой! –

спорим, миримся и вздорим,
и живем наперебой.

Друг у друга отторгая
благо, всё же не бежим.
С новым годом, дорогая,
не родным и не чужим.

1 января 1967

* * *

На чужих раздумьях ворожа,
сам не знаю, что же мне дороже,
только до последнего крыжа
к жизни я приставлен в сторожа.
Ражая, разительно рыжа,
может, и зарежет без ножа.
И пускай ни кожи в ней, ни рожи –
буду эту бабу сторожить
зла и блага собственного пуще,
а она мне будет ворожить
лучше Бога на научной гуще.

21 марта 1967

* * *

Последняя встреча!
Послушай, душа,
смеясь, и переча,
и перья ерша.

Не перья, а патлы,
мой ангел дотла.

И как же ты, падла,
на ласки подла!

Не в гости к соседу,
а в чудную чушь,
тебе я заеду
по морде, как в глушь.

В крови и без крова,
и в гроб не вогнать!
И места живого
в лице не узнать.

Ночь с 25 на 26 марта 1967

* * *

Я спал в былом и вот, как сон, разломан.
На месте церковки зияет котлован,
смердит, как нужник, и добром и злом он.
Оркестром будним ежедневный гомон –
вороний грай – летит по головам.

Ну что же! Рой и строй! Гуди и каркай!
А я, когда неможется душе,
усну с ней снова, с думою-дикаркой,
в убогом райском шалаше.

7 мая 1967

ПЕСЕНКА

Туча! Слушай-ка, голубушка,
стала ты серей воробушка.
Сядь, любезная хворобушка,
опустись мне на плечо.

Ты мне птичка, а не лобушка,
тучка-дочка, не зазнобушка.
Ах, пустым-пуста коробушка!
Так чего же мне еще?

21 мая 1967

* * *

Я не ропщу и не ругаюсь,
и не ищу, не бьюсь, не рвусь,
ни с Богом больше не тягаюсь,
и вот живу, не дуя в ус.

Лишь то меня и беспокоит,
что возле самого жилья,
но издалека, волком воет
собачья молодость моя.

17 июня 1967

* * *

Он жил уверенно и плотно
и научился жизни кроткой –
быть наготове беззаботно
расстаться с нею, как с кокоткой.

20 июня 1967

* * *

Подкатился к речонке бедовой
моложавый дружок-лужок.
Незабудок запах медовый
побежал, полетел, потек.

Под зеленые насмерть откосы
сиганула вода-егоза.
Но как сыры ночные росы
и как сухи чьи-то глаза!

22 июля 1967

* * *

Вслепь развалилась от благодущья,
луга родные нам даны
с цветами и такую сушью,
что для гербария годны.

Люблю взлохмаченное небо,
огромный гнев его люблю,
а голубого ширпотреба
с жарой дежурной не терплю.

2 августа – 20 октября 1967

* * *

Если нет и нельзя, говорят: «Пусть так!
Ничего особенного! Пустяк!»
А такой пустяк
ломает костяк.
Пустяк превращается в пустоту,
где вижу на дне раз по сту ту,
к кому нельзя, которой нет,
которая мне заслонила свет.

22 сентября 1967

* * *

А слово-то у вас салонновато,
его основа – пух, солома, вата
в подушке, в креслице, в халате-«рококо».
А мне чтоб с перчиком, чтобы солоновато,
пусть даже горько, лишь бы не легко!

8 октября 1967

* * *

Будь дотла живой,
глаз не суживай,
не поглаживай,
не подзуживай!

Будь без зла живой,
будь всюю живой,
душу слаживай
и покруживай!

30 октября 1967 – 11 июля 1968

ПРОРОЧЕСТВО

Вот вспомнилось, как мы шагали,
так явно вспомнилось! – до слез,
как предсказал я в мадригале,
что счастье будет с гулькин нос.

И сколько правды в каламбуре,
как в ларчике, заключено!
Два месяца блаженной дури
нечаянно предречено.

Пророк – тебя я проворонил,
стал сам себе невольный вор,
но как поверить, хоть и понял,
что не вернешься nevermore,

когда ты мне всё та же Гуля?
И вечная моя вина,
что даже разу не могу я
подумать о тебе: она.

22 января 1968
Новгород

* * *

Не верил я, что въяве может
стрястись со мной такое ТЫ.
Сбылось. И вот за то я дожит
до задушевной маяты.

Пусть так, однако не твоя ли
мне лыком каждая строка?
Казалось, мы судьбу ваяли,
а навалили дурака.

Нет, мы друг другу – не упреки.
Но я в пустыне городской
с тобой таскаюсь, как с тоской.

Ты – прочь, и все-таки беспроки
старанья стать мне никакой,
ведь роковой моей мороки
я не сменяю на покой.

24 января 1968
Новгород

ДВА ГОДА

1

Вдвоем они во мне, два полоумных года!
Гуляют по душе, гудят, как голова,
и нет им ни покоя, ни исхода!
И скоро ль их покроет трын-трава?

Один весной нечаянно был прожит.
Он кончился, а умереть не может.
Другой же народился как мертвец
и начался как голос похоронный,
отпев меня из трубки телефонной,
и жив, как нескончаемый конец.

2

Что же, тлеть мне иль околеть?
Или, может быть, пожалеть
да с судьбою на мировую?
По плечу ль мне просто печаль?
Разве просто тебя мне жаль,
жаль и мертвую, и живую?

Нет, не будет мира с судьбой!
За тебя я с нею – в разбой!
Пусть она в лес глядит, волчица,
палачится и сволочится!
Мне бывшее комом торчит!
Как молчать меня ни проси –
поперек себя не молчит,
ибо все-таки *ты еси*.

3

Стегай же во весь дух меня, двухлетье,
двухвостой плетью прямо по глазам!
Я, кажется, ослеп, я – сам не свой, а сам
ни бешенствовать, ни жалеть я
обоих не перестаю...
Пересажу, перележу, перестою,
перегляжу, перепляшу я горе!
Ах, горе-гуля, горе-голубок!
(И как же я по-божески убог,
упорствуя в одногласном споре!)
С себя я сбился или сбился с круга?
Перепляшу я боль! Прикинусь тишиной,
перегляжу я жизнь, и горе, как подруга,
закроет веки надо мной.

Согрей же, Боже, бедную беглянку!
Ей холодно. И по сердцу скребя,
я выворачиваю наизнанку
любовь и время, душу и Тебя.

25 марта 1968

В ОТОРОЧЕННОЙ МЕХОМ ШАПОЧКЕ

Как давно и все-таки недавно
(так недолго, но – увы! – навек)
ты пришла, голубка Ярославна,
ты, которую себе предрек.

Посланная словно с неба на дом,
на меня глядела ты взхлеб.
Я не знал еще, что счастье – рядом,
что я расшибусь об этот лоб.

Благостную весть ты принесла мне,
и росла ты, как дитя, во мне.
Ангельской я верил Ярославне,
преданной и умной тишине.

И за то, что веровал я чуду,
что любил я, может быть, не ту,
предан я тобою самосуду,
вышвырнут так просто в пустоту!

Только кто же у стены кукует,
бьется лбом и сердцем о нее?
Кто же раны милые целует
и ласкает мертвое свое?

26 марта 1968

* * *

Рыжеет сонно маленькое пламя,
и оплывает тихая свеча,
и знаешь – между днями и делами
нет силы жить наотмашь и сплеча.

Как ни живи – одно всегда не ново,
зато оно до устали свое:
с плеча чужого или же родного
таскаешь жизнь, как вечное старье.

28 сентября 1968

BREVE MORTALE¹

Я – папа, но крохотный в лапах недуга
и корчами согнут в дугу.
Мне тошно: привязан я к совести туго
и больше молчать не могу.

И вот возглашаю, но morbo et morti²,
земные прейдя рубежи,
что правде всегда попадало по морде
усиленной, нежели лжи.

25 октября 1968

ГРУСТНЫЕ ЧАСТУШКИ

Стыну я, ты – холодна.
Ни тепла, ни свету.
Я – один, и ты – одна,
а двоих нас – нету.

Ты покуда – без седин,
нажил я с тобой их.
Ты одна и я один –
нету нас обоих.

30 октября 1968

* * *

В человеке чувства
бывают на все вкусы.
Горького искусства
изучил я курсы.

¹ Breve mortale – предсмертное послание (по аналогии с breve papale – папским посланием).

² Morbo et morti – болезни и смерти (по аналогии с urbi et orbi).

Но несчастье прочно.
И сил нет от соблазна –
мучиться заочно
и любить заглазно.

26 ноября 1968

* * *

Я сам себя невидимо настиг
на полпути, дороги перепутав,
и плакал, как Овидий, - моностих
среди сарматских ямбов-шелапутов.

7 декабря 1968

* * *

Под Новый Год я враг друзьям и одам.
Под Новый Год лбом колочусь я о дом,
давно пустой. Таков он – *мой*,
моих часов предновогодний бой.
Под Новый Год иду я черным ходом
и старым остаюсь уродом,
а стало быть, и без тебя с тобой...
Но с Новым Годом... с Новым Годом!

31 декабря 1968

* * *

С тропы проторенных риторик
в какую гущу ни сверни...

– А зачем сворачивать?

Не лирик я, который горек,

не милый друг берез и зорек,
не клирик я, и не историк,
и не истерик – ни-ни-ни!

– Этого только и не хватало!

Я не поэт, а стихотворец.
(С трудом иль вовсе без труда!)
И однодум, и однодворец,
пишу-пашу, балдой балда
(но это вовсе не беда).

– И думается на авось да наудалую.

Ну, а на удаль где узда?
И стих туда, и стих сюда.

– Когда споро, а когда и с одышкой.

Ни складу нет со мной, ни сладу.
Любая ясность мне ясна.
Себе в последнюю усладу
я просто мыслю до упаду,
до пропасти, до дна, до сна.

– А сам на себя, как на заумь, глазами хлопаю.

22 января 1969

* * *

Меня сослали на луну
узнать, где верх, где низ.
Лежу, подобен валуну, –
надгробен, сер и лыс.

Во всю луну лицом кривлюсь.
Креплюсь. Но где же трос?
А мысли набок – точно флюс,
а за душой – мороз.

Стоят вокруг стада камней,
огромных, как слоны.
Но чем же буду я умней,
когда вернусь с луны?

30 января 1969

* * *

Стоят преданья старины глубоко.
Ногами врылись в суть земли столбы,
и покосились плечи. Ну а сбоку
бараньи так и напирают лбы.
На них косятся, их же подпирая,
и ломит стену очень новый взгляд,
и ломовозы с кротостью телят
на части делят то, что им велят,
с любой эпохи крохи подбирая.

Ах, глупые преданья старины!
Ведь вы не просто, а глубоко глупы,
тысячелетние халупы,
в своем углу вы только и видны.
А под углом иного ломовзора,
а под углом другого взоролома
вы или некий сорт неубранного сора,
или под силу легшая солома.

1–2 февраля 1969

ЭПИГРАММА

Не повар, а великий добродей,
и страстно хочет стать он тем Федотом.
По десять блюд питательных идей
он предлагает нам за табльдотом.

Он в каждом блюде чистоту блюдет,
но, чтобы не было чрезмерно пресно,
аптечные крупинки в них кладет
и сервирует очень интересно.
Но мыслимо ль по десять раз на дню
долбить нам ежедневное меню?

26 августа 1969

БЛАГОПОЛУЧИЕ

Не овечье, но и не сучье
и не волчье, но чье же, чье
человечье благополучье,
обобщеннейшее житье?

Можно купно жить и натужно,
не тужа через силу, но
если жизни рожна не нужно,
то кому же оно нужно?

13 сентября 1969

ЯДРО фуга

Я сам себе сегодня – просто Он,
протон какой-то, чье ядро распалось.

Про тонкий упокойный полутон
в углу ума мне что-то накропалось
(накрапало, как дождь рябой).
Предметы мельтешат наперебой
и тешатся, что зажили гурьбой.
И спрашивает Он: «Да что со мною случилось?»
Со мною? А не с ним и не с тобой?
И поучительным перстом Он тычет
(не понимая ровно ни хера)
туда, где из меня сотворена дыра,
как некий вековечный вычет
(из будущего или из былого?).
И не дождешься от Него ни слова!

А голос – ржавый дождь – наждачит глотку,
хотя и тих и глух. Иль это самый Он,
тот мирный замогильный полутон,
который подобрался с трех сторон
к последней жизни, словно к околотку
(к моей закрученной, крутой, как вихрь, округе),
через холмы, увалы и яруги?

Какая сказка скачет где-то мимо?
И чей же конь звенит неутомимо?
И я держусь на этом полутоне
(за ядерную жуть), бродя себе обочь.
И капли шлепают губами по Лутоне,
и лапти Он плетет во всю слепую ночь.
Притин притихший (но притом шальной!),
притон разбойный (но я с ним по-свойски!),
то с воем, то с бессмертной тишиной.

Мы с ним – две рати. (Только в нашем войске
какого и чьего пребудет полку?)
А Он мне грозно мною настает,
и, зубы вынув, их кладу на полку,
а мой Лутоня свой кусок жует.
Протонюшка! Куда ж Он без ядра-то?
Как драный пес! Мой невозбранный брат!
Да вот боюсь, начнут хватать Его кондраты,
как стражи-сторожа у всех ворот и врат.
Да полно врать! Не верую! Мы в рати
друг к другу вхожи, как в родимый дом.
Почто ты мнишься, мой побочный брате?
Зачем ты множишься – до мелочей – некстати
и рвешься, как великий чертолом?

Теперь, когда я сам – лишь Он,
Лутоня, и сижу я, свеся лапоточки
всё с той же печки, – слушай, брат Протон,
роток не разевай – на всякий вздох и стон
поставят всё равно нам весело по точке.
Частицами меня давно избита,
как бы копытцами, жизнь-мостовая.
Но всё еще скорбит, не уставая,
и стонет неизбывная орбита.

И, раскаленное всесветно и всечасно,
со злости как в кулак сжимается ядро.
И выльют на меня дождя ведро,
дабы я, охлажденный, дрог.
И до последних строк (как до последних дрог)
частично существую я и частно.

7 октября 1969 – 9 марта 1970

* * *

Оттого, что некого винить,
не винишь ты и не извиняешь.
Иль теперь вовек не изменить,
что ты мне с собою изменяешь?

На четыре стороны тобой
пусту полно был я молча предан.
Гуляй-ветер, – я живу гурьбой,
но тебе по-прежнему я предан.

Что ты сотворила из меня!
Стал я как собачья пасть ощерен.
Но тебе, Бог весть с кем изменя,
даже в сновидениях я верен.

21–29 декабря 1969

1970-е

* * *

Как жалобная пустота – утрата.
Она, увы, не просто ноль,
а с плюсом – ожидание возврата,
и с плюсом же печаль, и жаль, и боль.

Зачем так много всяких этих с плюсом,
что не разминусь с минусом никак?
И на себя гляжу через плечо, и сплю сам,
и жалобно хожу у сна в учениках.

Каков же я теперь, через плечо-то?
Немудрено сойти с ума,
когда *одной* утрате нету счета,
когда ее такая тьма!

Как дочку, я ношу с собой свою потерю,
и, вспоминая нашей распри миг,
не милую себя, и лишь теперь я верю,
что ты меня любила напрямик.

17–20 июля 1970

* * *

Каждый день на свет
рождаются города.
Каждый день мне сед,
как моя борода.

И на ту мету,
точку всех моих лет,
бородой мету,
заметаю след.

И от бедных дней
(только та иль не та?)
всё черней и видней
мне моя мета.

20 июля 1970

* * *

Водой плеча,
пришла гроза.
Как даст раз!
Как даст леща!

И все бегом
со всех-то ног.
А гром кругом
стал одинок,

как будто он
совсем старик,
в пустыне стон
и львиный рык.

25 июля 1970

* * *

Не видел и в глаза б их,
и побери их прах,
сирени наглый запах
и музыку в садах.

Оркестры бьют, как пена,
кружатся острова.
Как с черной кровью вена,
вздувается Нева.

А в сумраке, алея
и из конца в конец,
виляет по аллее
гуляние сердец.

Ты, вечер, просто изверг,
тебе не скажешь «брысь!».
Как фейерверка выскерк,
сигаешь яро ввысь.

Ах, девки-самокрутки!
И дурь идет от роз!
А ты берешь за грудки,
как боевой матрос.

И к горлу подступаешь
с обидой, черт морской,
и душу мне копаешь
тоской такой мирской.

Меня ты не ударишь,
забыл ты дома нож,
а только дрожью шарить
да как озноб трясешь.

Тебя очеловечил
затем я, недруг мой,
что ты – мой нежный вечер
перед последней тьмой.

27–28 июля 1970

* * *

Умирают цветы без агонии,
без горечи, без стыда.
На клумбах стоят как в загоне
тихо чахнувшие стада.

И отходят они без ропота
не к далеким летейским снам,
без того житейского опыта,
который так надобен нам.

8 августа 1970

* * *

Я вижу ведь и сам, что делаюсь слабей,
и мысли сизые, наверно, будут скоро
кормиться, будто стайка голубей,
у старых ног Казанского собора.

Пусть и не больно исподволь слабеть,
и я не Одиссей, чтобы покинуть Кирку,
но говорю: «Не смей перед судьбой робеть!» –
и яростно трясу себя за шкуру.

17 августа 1970

* * *

Слова закружились, обстали, как бор,
и обдали жаркой прохладой.
Ходи! – и хожу и брожу впереворот.
Пожалуй, споткнись, но не падай!

Ах, бедное слово! Оно на весу
дрожит – и черт знает, что выйдет.
В стихах хорошо, как в дремучем лесу
тому, кто в нем ходит и видит.

22 сентября 1970

* * *

За стеной у меня живет сосед.
Лицо висит, как пустой кисет.

И видно, что дело его табак,
когда он свирепей цепных собак.

Говорят, у него такая власть,
что любая погода ему не в масть,
что он сам себе – незваный гость
и над властью его владычит злость,

и ей до зубов он вооружен
и в землю, будто кол, водружен.

И этот с лицом обвисшим кол –
князь позолоченных мелких зол.

26 сентября 1970

* * *

Сколько было лакано
сладкого вина,
сколько было плакано
с горя и спьяна.

Сколько было выжато
смеха через край,
вытерплено, выжито –
прямо к Богу в рай.

Пусть жилось по-бодрому,
вновь не прыгнет прыть.
Счастьем быть ободрану,
счастьем битую быть.

5 октября 1970

* * *

Я много больше ста вселенных сразу,
когда их все в одном уме держу.
И провожу магическую фразу,
как несусветную межу.
Ах, бедный ум! Кулак, несчастная ладошка,
протянутая за куском.
Каких же звезд я нахватал с лукошко?
Что высмотрел во дне-деньском?
У кабака слоняюсь, точно нищий,
и под бока беру я трепака.
Пространство повернулось мне спиной
и говорит: «Смотри пока!»
И я смотрю, разинут ежедневно,
и оживают призраки-слова,
и, стучаясь отчаянно и гневно,
колотит, как кулак, о стойку голова.

Я много больше ста вселенных значу,
когда их все держу в уме одном.
В своем ли? И, как стопка, наудачу
я опрокидываюсь кверху дном.
Я – тоже нечто, малость, мелочь, грошик,
положенный себе же на ладонь.

Мне мало на закуску звездных крошек,
но труса нищего Ты, Господи, не тронь!
Не тронь меня – и я Тебя не трону,
дай сяду за выдавший виды стол.
И клянчить не пойду к торжественному трону,
который величается престол.

Я много больше ста вселенных сразу,
когда их все держу в уме моем.
А может быть, он хуже сглазу,
сей окаянный умом?

17 октября 1970

ВСЯ ОСЕНЬ

Живопись осени! Что ж тут калякать!
Кистью или ногами меся
листьев желто-зеленую слякоть, –
вот тебе, друг мой, и осень вся.

Зря зеленели, дрожа, листочки
на деревьях из папье-маше
и в душе продолжались точки,
в такой оборвавшейся душе.

22 октября 1970

* * *

Белый дождь вáлится,
не стуча ничуть.
Будет нам вабиться
в путь, в тишь, в муть.

Белый дождь сыплется
тихо, точно пух.

И судьба зыблется
их, тех двух,

тех, кто был нами же.
И во всю-то мощь
и со всей намети –
скок в белый дождь.

23 декабря 1970

* * *

Меня крапивой хвощет хворь,
нахлестывает дрожь, как дождь.
И говорю себе: «Не спорь!
У края розоватых зорь
стоишь ты, точно старый хвощ,
безлист, безлик и духом тощ».
Огромный лес настал, треща,
вокруг несчастного хвоща,
потомка тыщи тыщ хвощей.
В потемках тмища тем вещей,
а он, бессмертный что Кощей,
годится всё для тех же щей.
Не спорь! Не бейся! Не ищи!
Щипли на варево хвощи.
Не стой у розовой зари!
Руби крапиву да вари!

24 декабря 1970

* * *

К черту, что ли, ты исчезла,
что обоим нам накладно?

Но зачем же так нечестно?
И с чего так беспощадно?

Ты со мной не пожелала
поделиться даже лихом.
Где ж ты, милая шалава?
Не слышать тебя и слыхом.

Неужели ты всё та же
и доньне только злилась?
Помни, чертова пропажа,
ты в бессмертье провалилась!

24 января 1971

* * *

Зачинайся, милая былина,
с самого разострого конца.
Эх ты, жизнь, не жизнь ты, а малина,
уходила молодца.

Под тобой, весна сороковая,
ворковала пара дураков.
Далека обедня роковая
и не грянут сорок сороков.

Ах, весна на скороспелых шинах,
и лицо – как изумленный шиш,
ты теснишься на своих вершинах,
еле снишься, ибо ты спешешь.

Ехать и глядеть во все оконца,
разворачиваться, как рулон,
высмотрев из дуба – незнакомца
и лепя из снега поролон.

Солнце дней немного налудило,
на минуты нужно бигуди.
С холодильником блудила –
с пылесосом поблуди.

От какого матерьяла
ты обвисла, тяжела?
Может, больше потеряла,
нежели понажила.

Дохлый пальчик пососи,
у компьютера спроси,
хорошо ли непременно
жить и мыслить современно.

А потом давни четушку
и от найденной души
под нехитрую частушку
панихиду пропляши.

12 марта 1971

* * *

Рука из мрамора! Откуда взялся ты,
кусок отколотой веками красоты?
Какой же краской был весь облик древний облит?
Увы, я не Кювье, хоть бьюсь, как рыба об лед,
помыслить красоту, собрав ее куски.
Бог с ней. Довольно мне протянутой руки.

18 марта 1971

* * *

Передо мною скачет город,
он как веселый солончак,

он точно штопор или ворот,
он точно чахнувший рычаг.
Собачка хвостиком дымила,
свозили в небо свежий хлам.
Погода стройная, как мыло,
гуляла по пяти углам.
Ей не стоялось ни минуты,
а на задах у ней весьма,
как фу-ты-ну-ты, ножки гнуты,
бесилась рыжая тесьма.
И из души, как из кувшина,
сугубо личностный полив
производила вскользь машина,
дешевая как чернослив.
Понять всё это не хитро бы,
попавши пальцем в решето.
Из поэтической утробы
сам Бог несет черт знает что.

13 апреля 1971

* * *

Стынут голые, не шурша, сучья.
Зиму новую отбеля,
бежит от себя душа сучья,
удирает от старого кобеля.

Не помирится душа с перстью,
будут годы ей – как бобы.
И встает озверелой шерстью
шкура драная на дыбы.

15 апреля 1971

* * *

Я, слава Господу, еще не слеп,
и даже сквозь лихую хижу
в уме я каждый неуклюжий скреп,
как бы ощупывая, вижу.
А ум висит на тоненьких цепочках,
дыра глядит из каждого звена,
и жизнь, как в наволочках, в проволочках.
А истину поди-ка из вина
повычерпай, когда она сама
составлена из крепкого тумана,
вина червонного, ленивого обмана
и маленького Божьего дерьма.
Вот и кумекай хоть в четыре ока,
вот и гляди хоть в десять дыр,
как медленно и кособоко
вращается вокруг пальца мир!

17–24 апреля 1971

* * *

Поцелую моему
 шесть
 лет,
Но какой он по себе
 вляпал след!
След от губ,
 как от подошв
 двух,
пара вlepленных зараз
 оплеух.
Как охлеснутый вожжой,
 стыд,

не простыв,
 стал с утрагой
 врасстык,
ибо лишь
 память прочь
 со двора,
как заносит
 назад
 кнут.
Ты болишь во мне,
 как дыра,
годы ту дыру
 не заткнут.

30 апреля 1971

* * *

На крыши домов натыкаясь,
идет человечья тень.
И как это ей не лень?
Да вот уж она такая-с!
На тени висит карман,
из кармана торчит туман,
и всё это очень туманно,
картинка зато без обмана.
Неужто и вправду так?
А что же? Туман не тумак,
и с ног от него не брык.
В тумане прячется крик,
который уже привык
сидеть в добрейшем тумане,
как рубль последний в кармане.
А белая-белая ночь,
как бледная блудная дочь,

вернулась прозрачная, ан
от ней только тень да туман.

8 июня 1971

* * *

Сегодня Катеньке два года.
Она игрива, как погода,
то моросит слезой со сна,
то снова весело-ясна.

Едва она переступает,
придя домой, через порог,
как уж по комнате летает,
как будто легкий ветерок.

Пишу я нынче бестолково,
былое где-то далеко,
но мне становится легко
от дуновения такого.

1 сентября 1971

* * *

Я ли, ты ли –
мы литые
двое, как из чугуна.
Мыли нас, дождем дробили
наши сказочные были,
наши, ветром, времена.

Я ли, ты ли –
мы застыли,
не дадим друг другу рук.

И подругу, как по кругу,
словно темную яругу,
обегают взглядом друг.

17–20 октября 1971

* * *

Осень, постой! Не увози хоромы!
Просто прошу: осень, постой!
Выгони хор ворон похоронный,
меня пусти к себе на постой.

Дней ни тебе, ни мне не много
осталось быть. Эх, ...!
Будем вдвоем шагать не в ногу,
будем вместе дрова ломать.

20 октября 1971

* * *

Всему верь, ибо всё возможно.

Сухово-Кобылин

Тот, что был когда-то так близок,
он не я. А я лишь отрывок.
Я тебе собачий отрывок,
в лучшем случае кочерыжка.

Да, мы, может быть, поумнели,
а что проку в уме таком
для тебя-то? Да и не мне ли
всё же хочется стать дураком?

Ибо тот, кто дурак, –
злополучию враг,
и хозяин он злополучию.

А сойдет благодать,
так ему угадать
долю, может быть, самую лучшую.

Как бывают просты чудеса!
Называют их также бредом.
Дух и нюх собачий у пса,
он, как с цепи, с ума сорвался,
но был предан за то, что предан.

Ночь с 17 на 18 декабря 1971

* * *

Я славлю посреди ума, тумана и невзгод:
«Благословен грядый во имя Божье год!»
А что сложить ему, акафист иль кондак?
Да Бог с ним! Этот год сойдет и так,
без ектеньи, псалма, элегии иль оды.
Пойдет он сам собою, без толчка.
Он новый, но, как все былые годы,
да будет жить он с кондачка!

Что думать мне о нем, о самом новом годе,
о гуде времени, о всякой липкой гади?
Забуду-ка судьбу, как шапку, на заводе,
распив заботу в пять зобов в бригаде!

Ведь можно быть и так. Не меньше станет счастья,
не больше горя, если жить в гурьбе.
Как я подумаю, что самовластия
одни обломки даже и в себе;
как я подумаю, что я такой народ,
который спяну мыслит и буянит;
как я подумаю под самый новый год,
что уйма я, такой невпроворот,
где, попросту сказать, и самого меня нет,

что скоро стану я совсем не свой, а Твой, –
и, душу за ворот, как друга, беребя,
себе же заору навзрыд: «Ребя!
А ну-ка ухнем всей братвой!
Дубинушка!» Да разве же я слажу
с оравую себя, с мордастою ордой,
когда я даже блажь таскаю как поклажу,
когда мешаю Ипокренин ток с бурдой?

И то сказать, ведь было бы чудно
мне, старому хрычу и хрену,
менять блажное зелено вино
на чистую, как радость, Ипокрену.

А если спяна я попал в попы?
А если я псалом из трещин и расселин?
А если целый год в меня нацелен?
А если мне от собственной толпы
деваться некуда и ею я расстрелян?

1–4 января 1972

* * *

Жду еще какого же рожна я,
жертвою надежду в огонь влагая?
Может быть, ты даже и блажная,
но блаженная и мне благая,
вроде вдохновенной чертовщины,
от которой тошно, но не скучно.
И со мною рядом тень мужчины,
и за ней плетутся годовщины
скорби, и живу я двоедушно,
словно жрец, жратвы и лжи служитель,
пожираю жертву и в расплату,
словно сам какой-то небожитель,
громом рушу на себя утрату.

Ночь со 2 на 3 февраля 1972

* * *

Копошусь муравьиной стройкой,
голова – котлован всё равно.
А с масленицей и с тройкой –
с ними расчет давно.

Время журия, дежурю,
на студеном стою посту,
вспоминая пустую бурю
о своем Великом Посту.

Дома вроде бы всё на месте,
и погреться тогда не грех,
но, как морось, сыплются вести
изо всех газетных прорех.

27 февраля 1972

* * *

Я время сдал давно в музей.
Стоит оно, и только.
Скрипит – и никаких мазей –
его любая долька.

И хризантемами в апрель,
и песней лебединой
летела мебель, как метель,
по голубой гостиной.

И ради старой красоты,
почти ломая чресла,
в невероятные цветы
закручивались кресла.

А тот, на страже, стул-старик,
с нутром, подбитым кожей,
метался, как крутой парик,
от ветра из прихожей.

И, голубея высоко,
пристало небо к окнам.
Уж так мне было рококо,
что сам чуть-чуть не кокнул.

Паркет как свет, паркет как лед,
катись любой колбаской.
И я в лихой вещице полет
шагал с большой опаской.

Я был изрядно бородаст,
и знал я очень кстати:
никто на холст не передаст
движенья старых статик.

Я время сдал в музей давно,
он рад дарам во храме.
А мне, ей-право, всё равно,
что время было в раме.

15 марта 1972

* * *

Мой вековечный друг – простяк,
по имени Иван Пустяк.
И мы всю жизнь не знаем с ним,
нам снится или сами сним.
Себе он на прогулке трость,
а страсть его шагает впрость.

Беги, печаль, и, грусть, теки,
когда есть рядом пустяки.

*7 мая 1972
Комарово*

* * *

О вас я складываю фразы –
так на портрет кладут мазки.
И вот ползут глаза-пролазы,
как черномазые жуки.

Я подобрал штрихи для челки
и кое-что еще нашел.
Но как придумать для креолки
с дымком сигарным ореол?

Птицеобразною Мадонной
наохлились из тишины,
своей судьбою двоедонной
вы всё еще не решены.

В какой бы чин вас мог возвесть я?
Эх! Да куда там! Осади!
Но вы мне просто как предвестье
оставшегося позади.

17 июля 1972

* * *

Куда себя сложить мне, бедокуру?
Или теснину точно рану сшить?
Пространство растянув, как бычьью шкуру,
на кольях я его повешу ли сушить?

А сам смотрю на жизнь, как лис на куру,
которую нельзя по ветру распушить.

Не гаси окурочка,
не печалься шутке,
бедокурка-курочка
в белокурой шубке!

Всё может быть. Погода так чудесна!
И крепок, как кулак, мужицкий двор.
Но мне и в мировом пространстве тесно,
мне и в миру пощенье и затвор.

Курочка по зернышку
набивает зобик.
Вертится по солнышку
золоченый гробик.

Огромный двор я в кулаке скукожу
и, может быть, к куриному стегну
себя ясырем пристегну.
И всё Пространство, как на доску кожу
свою родную, натяну.

Гляди, обжористый ясырь,
как солнце опочило в Бозе,
покуда лапы вглубь и вширь
в огромном роются навозе.

Мала пространства каждая частица,
теснится, словно истинная нудь,
но ведь расширится и участится,
когда его на кольях растянуть.

И растяну! Наука мне порукой.
И жилы можно вытянуть наукой.
И не беда, что от такой растяжки
медвежья желчь, как слезы, потечет,

что хрустнут сухожилия и костяшки
и грусти новый поведется счет.

Не гаси окурочка,
не печалься шутке,
бедокурка-курочка
в белокурой шубке!

29 августа 1972

* * *

Не брани, не кори с потолка меня,
с этажа своего девятого!
Мое сердце в тебе, а твое в камени,
а и слово мое не пустосвятово.
Старость не радость, а смерть не корысть.
Грусть подбирается кости грызть.
Здорово я в старости понаторел:
ключи в кармане, а амбар сторел.
Не хлебница, не гуменница,
знаю, умница не изменится.
Ты без гроз живешь и суха,
и держись, как вошь, кожуха.
Ты в себя, как в кулак, зажалась.
Наше счастье комом слежалось.
По утрам и ночам и нутром и умом
желчь медвежью, а не медвяные росы, пью.
Не гляди на меня, мой друг, комом,
гляди россыпью!
Не брани, не кори с потолка меня,
мое сердце в тебе, а твое в камени.
Так вот в жизни-то мы и поворачиваемся,
с косточки на камешек переколачиваемся.

2 сентября 1972

* * *

Я слышал очень много жалоб,
что к рифмам заросла тропа.
Когда бы так, то набежала б
в стихи одна лишь шантрапа.

Не вяжет руки рифмы огруз,
и ей вовек не иссякать,
когда умеешь мысль и образ
из трудной рифмы иссекать.

23 сентября 1972

* * *

Н.Г.

Ну что такое Ваши двадцать девять!
Не пропасть, даже не порог.
Они моей старинной бороде ведь
лишь легких пальцев женский ветерок.

От старости ни признака, ни знака!
Усталость – это только глум и грим.
Забудьте про пузатого Бальзака!
Он клеветник! Бог и все черти с ним!

Вы, слава Господу, себя не завершали,
не строили, да и не жгли мосты,
и не беда, что годы отшуршали,
как мыши, как бумажные листы.

Ну что такое Ваши двадцать девять!
Чуть-чуть опасный возраст старых дев.
А я, ей-ей, хотел бы Вас одевить,
десятой Музою одев.

2 декабря 1972

* * *

Не стой рядом, ступай к ляду!
Не будь бредом! Возле не стой!
Конец – речи! конец – взгляду!
Как бал, кончен вечер густой.

Не режь взглядом! Остер ножик.
Иль так нужно, что и не жаль?
Затих топот твоих ножек.
Но как длятся проводы в даль!

26 февраля 1973

* * *

Люблю природу, Русь и девок,
люблю погожий день с утра,
и каждый во поле обсевок,
и урожай, и трактора.
Люблю и мельницу, и пруд,
и яркий коллективный труд,
люблю село и хату с краю.
А где сидит любовь, не знаю.

19 марта 1973

* * *

Ты была как дума, друг мой ситный,
мой давно отрезанный ломоть.
Мне душа до зла разъела плоть.
Сколько муки смог я намолоть!
Но себя не в силах побороть.
Зарюсь на тебя я, ненасытный,
как на агницу Господь.

Вышло у тебя из семилетья
тощих семь коров, и, может быть,
ты успела душу ознобить,
руку на саму себя набить,
чтобы жизнь, как нитку, теревить.
Но не разучился ни жалеть я,
ни как бес тебя любить.

Ночь с 25 на 26 марта 1973

ТЕБЕ НА ГОРЬКУЮ ПАМЯТЬ

Семь лет минуло поцелую,
но мне бывшее – на виду.
Я целовал наудалую,
нацеловал себе беду.

И сколько лет уже недужу
тобой, такой же, как была!
А сам – как сам, и даже дюжу,
и даже делаю дела.

Пускай в былом, как в черной пуще,
ни на вершок нельзя вперед,
но от запрета только пуще
охота к чуду разберет.

Тропа в бывшее проторится,
лишь ты немножко поколдуй,
и вместе с ночью повторится
тот ошалелый поцелуй.

30 апреля 1973

* * *

Томила́сь ты от милого,
и от тоски шальной
ты напилась Вампилова,
как одури хмельной.

Пусть правды ты сторонница,
но страх ведь Божий сплошь,
как правда с места стронется
да налетит на ложь.

И если хочешь лучшего,
то на исходе дня
почитывай-ка Тютчева,
а то так и меня!

28 сентября 1973

* * *

Б.Т.

Шестьдесят четыре года
создает тебя природа.
Шестьдесят четыре клетки,
шестьдесят четыре поля,
это мелкие отметки, —
здесь свобода,
там неволя.

Да, природа так хитра ведь,
что ее нельзя поправить,
эту матушку-натуру.
Так позволь без рассужденья
бросить к черту редактуру
и поздравить
с днем рожденья.

12 октября 1973

* * *

Откуда ты пришла.
О. Мандельштам

Не знаю, откуда
ты мне примечталась,
но скука-паскуда,
тоскуя, смоталась.

В чудачьем обличи
за радость такую
живу я по-птичьи,
кукую, токую.

Люблю небезгрешно,
судьбе в утешенье,
отечески нежно
до кровосмешенья.

5 ноября 1973

* * *

Н.Г.

Живешь и скачешь в три ухаба.
(Стоит, разиня рот, Бальзак.)
Ей-богу, ты совсем не баба,
а если баба, то казак.

Но потянуться, поленишься
порой бываешь ты не прочь.
Седлай кобылу, поленица,
судьбу, как сумку, приторочь!

А эти темные тороки
всегда с тобою, как обет,

полны природы и мороки,
беды, невзгоды и побед.

С разбойным посвистом заплачки
и с ними нежность без оков.
Вали и дальше на кулачки,
вали, как чурки, мужиков!

Не очень гладка с жизни взятка
и темен прошлогодний снег.
Скачи и дальше в три десятка,
скачи во весь разбойный век.

И бледно-немошной удачей
пусть он не будет пережит.
Пусть рядом с поскачью казачьей
лукавство нежное бежит!

1 декабря 1973

* * *

Мне правду вынь, да не положи!
Ее покой мне ненавистен.
И во спасение от истин
людей балует слепо ложь.

7 мая 1974

* * *

Высокие сосны
у сонной осоки,
как басни комарьи, легки.
Под воздухом росным
избушки далеки
мигают, как светляки.

И речка пустеет,
и глаз леденеет.
Прохлада – как водная гладь.
А небо густеет,
и время темнеет,
и вечер ложится спать.

19 августа 1974

* * *

Как эклога ты, Евлега,
вся для всех на полчаса.
Пропадай моя телега,
все четыре колеса!

И шампанского в фужер ты
накатала целый пруд.
И, держа ножи близ жертвы,
боги жаждут, боги жрут.

10 ноября 1974

* * *

Боялась ты любовь развить,
себя схватила в руки,
еще не зная, как язвить
способно зло разлуки.

Любить и через восемь лет –
не признак постоянства,
не верность нежная, о нет,
а нечто вроде пьянства.

22 декабря 1974

* * *

(логаэды)

Подле милого столько подлости,
словно мусора, понавалено.
Не прощу ему этой пошлости,
не из мрамора я изваяна.

Но зачем к нему тайно бегаю,
если пакости повторяются,
а они вдвоем с девкой пегою
нежной парочкой притворяются?

Пусть же знает он: не из глины я,
не из мрамора мое тулово,
и любовь моя – песня длинная
и сильнее стиха Катуллова.

24 февраля 1975

* * *

(логаэды)

Пляшут в глазах крохотные черти,
мерзнет зима, дует на стекло.
Мирно живу под боком у смерти.
Врут, что в часах время истекло.

Старость крива, лжива и горбата,
но и у ней есть же свой кусок.
С ней, как с сумой, ходишь до Арбата,
ибо еще сыплется песок.

5 марта 1975

* * *

Жил-был Рим. На холмах и в долине
сам, как сказ, говорил на века.
Но век-гвоздь был забит в старика.
Жил-был Рим, а остался Феллини.

9 марта 1975

* * *

На косогоре
черна земля!
Святой Егорий,
вали в поля!

И спозаранку,
мужик святой,
дави баранку
и песни пой.

Отдай в забавку
девчонке лень.
Пошли-ка бабку
по Юрьев день.

Снег по низинам
и пачкотня.
А ты бензином
гони коня.

25 апреля 1975

* * *

Ах ты, маюшко-май,
мой зелененький,
ты похай, помахай
веткой тоненькой.

У тебя впереди
красно летечко.
Душу мне не бери,
я не девочка.

У меня всей казны,
что ухмылочка,
да в наследство от весны
есть могилочка.

И тяну из житья
все-то жилочки.
По весне гуляю я
на могилочке.

1 мая 1975

* * *

Позабыв про те леса,
где водилась ты когда-то
(а теперь черна, как дата
календарная, расплата),
на худые телеса
кротко кличешь бога блата.

Так добра, что просто смех!
С милым видом неумех
на чужой свивалась вые.
Ты даешь в часы густые

запускать персты пустые
в свой облезлый рыжий мех.

И визгливый твой укус
стал паскудно-жалкой меткой.
Так куда я волокусь?
Так за что же я держусь?
Отчего же я горжусь
жуткой ржавою горжеткой?

26 июля 1975

* * *

Изготовить – не искусство ли –
нежной правды на пятак?
Полюби меня без усталы,
между прочим, просто так!

И без чувства человеческого
ты оставь пустую статью!
Полюби от делать нечего,
чтобы вовсе не устать!

24 августа 1975

* * *

Ты стареешь, я старею.
В древнем виде сыплет снег.
Подчиняется хорею
стих, как бы олений бег.

Тундра или наважденье?
На морозе не застынь!
В день рожденья, в день рожденья
колокольчик динь-динь-динь!

И в житейской этой спешке,
где дорога – дорога,
пусть бегут себе олешки,
черту выставя рога.

Никакого загражденья!
(Но не дай Господь дождя!)
Еду я на день рожденья,
даже с места не сходя.

27 сентября 1975

* * *

У меня зазвонил телефон.
Чуковский

Девять лет звонит телефон.
И подумать! – это ли фон
для последнего разговора?
Девять лет звонит телефон.
Знаю кражу и знаю вора.

Ох, как просто себя обокрасть.
То, что было, совсем не репа!
А ведь выдрано! Эка страсть!
Страсть и смерть – до чего нелепо!

Не была ли любовь тебе
только азбукой дуралеев?
Оттого и сказала *бе*,
не взбрыкнув и по-козьи проблеяв.

Дорогая коза-дереза
(или, может быть, просто робот?),
ты такого дала раза,
что едва не порвался провод.

Сказка детская про козу
вновь рассказывается, как спьяна,
только ты ни в одном глазу,
а тебе я вроде изьяна.

Всё беру, как последний бред,
на заметку и на зарубку.
Телефон звонит девять лет,
только труп не снимает трубку.

Ночь с 1 на 2 октября 1975

* * *

В пять ярусов стоит жильё,
а день расписан на бумаге.
Две тяжких бабы, полунаги,
на рынок прут, как колымаги.
Душа горит и просит влаги.
В подъездах пьёт ее жулье
и записные бедолаги.
И сохнет на дворе белье,
как государственные флаги.

12 октября 1975

* * *

Где ты спряталась, моя нелюдимочка,
не замерзла ли в углу, холодиночка?

По занозу ты живешь, да без горюшка,
по морозу ты плывешь, рыбка-корюшка!

Нет ни корюшки уже и ни ряпушки.
И не полно ли играть с чертом в прятушки?

Это адская игра преурацкая,
рыбка малая моя петроградская.

Худо долго быть стиху рассусолену.
Так и съел бы я тебя непосолену.

На девятом этаже дзынь – сосулечка!
Имя – лед на языке, моя ...

24 октября 1975

* * *

Н. Г.

Ода в честь не сложена
Вашу.
Очень обожаю На-
ташу.

Но слагается едва
ода,
если даме тридцать два
года.

И уж как ты ни хитри,
где-то
поджидают тридцать три
лета.

Будь тех лет и тридцать пять
даже,
Вы останетесь опять
та же.

До чего же я не строг
к Натe!

Надо Вам бесплатных строк?
Нате!

1 декабря 1975

* * *

Из себя ты выдрала клок письма.
За него признателен я весьма.

И тебе я кланяюсь до земли.
Ой люли-люлюшки, ой люли!

Ой, гули-гуленьки – ворковать!
Ой, горе-горюшко – куковать!

Токовать не хочется косачу.
Ничего не можется, а всего хочу.

17 декабря 1975

* * *

От осеннего тепла
люди облетают.
Нежность страшная пришла,
ажно сопли тают.

Осень целый воз таит
красок без расцветки.
Человечество стоит,
растопыря ветки.

Ночь с 31 января на 1 февраля 1976

* * *

Возьми на память хоть усмешку!
Былое – это не кино-с!
Всего хватало вперемежку,
а счастья было с гулькин нос.

Я дон-кихотствовал на кляче
по длинному календарю.
Дарю тебе мои удачи
и горе на помин дарю.

Я помню шапочку соболью
и ярославнину тугу.
С тобой, как с головною болью,
разделаться я не могу.

Яга взяла меня кагалом
в пустую сказку, но поверь,
что я не голым мадригалом
тебе являюсь и теперь.

Последний раз – как мяч в бейсболе
или как обух топора,
но я не рад, что жить без боли
пришла какая-то пора.

Знать, чувства сделались кургузы,
и посредине маяты
мы точку на явленьях Музы
поставим вместе – я и ты.

7 февраля 1976

* * *

К своему подножью
ты стекаешь телом
белым, оголтелым,
с дорогою дрожью.

Слушай волю Божью!
И с былым вы квиты.
Ходишь по любви ты,
как по бездорожью.

Если без заминки,
если без запинки,
то потом увидишь,
что ты – до кровинки,
вся, – и к дому выйдешь
по кривой тропинке.

22 июля 1976

* * *

По будним дням с тобой
псам на смех – вот умора! –
пройдусь какой стопой,
какой старинной морой?

Какой холуй, иль хам,
иль хахаль, или кочет
вослед таким стихам
как девка захохочет?

И будут все умы
гадать, на что мы гожи,

и в кожу лезть, а мы
смеяться будем тоже.

12 августа 1976

* * *

Нет, это правда, что батюшка-день оскудел.
Нет, наяву это серое небо в овчине.
Всё опаскудело, ежели день не у дел,
с матушкой-ночью опять вековать при лучине.

Выдь за околицу мира, и станет темно,
и отсыревшие звезды так трудно мигают.
Бегают волки повыть на родное гумно
и на погосте покойников бледных пугают.

Щуплое прошлое рядится в серый армяк,
и ничего от него наяву не осталось.
Только мой путь как осенняя память размяк
да вот погодушка как в кабаке нахлесталась.

Но от природы по-прежнему больно глазам.
Сыры заборы и капает дождь захолустный.
Небо с овчинку, и тащится серый азиям
мимо околицы в звездах, и мокрой и грустной.

16 августа 1976

* * *

День с тобой и ночь с тобой.
Бог с тобой, черт с тобой.
Сутки прочь.
Налетает густейшая,
августейшая
ночь.

Но и среди темноты,
в этой черной ночи мне белая,
сладко-спелая
ты.

А днем
я ищу тебя с огнем,
а ты стоишь как дерево
у логова зверева.

20 августа 1976

* * *

Разменяй любовь, разменяй,
как бумажечку сторублевую!
Только так, чтобы без меня,
сдача мелочью – дело плевое.

Ах уж эта любовь в кредит,
когда так по-ребячьи верится!
Случай чертов всё упредит,
и тоска во сне расщеперится.

Полон жеребьев барабан,
обалделою бабой крутится.
Пусть же вексель на жизнь и дан,
а недолго и обанкрутиться.

10 октября 1976

* * *

Хрустит Москва, дробя умы и кости,
как кофей мелет всяческую касть,
и боязно к такой хозяйке в гости,
как в мукомолку, и на час попасть.

Голубки красят приторные губки
и сизые раскидывают юбки,
а голуби повыставили трубки,
откуда бодрый дым идет вперед,
и тело как в огромной мясорубке
никак своих кусков не соберет.

Душедавилка, душевыжималка,
трещит Москва во всю метряну прыть,
и можно жить ни шатко и ни валко,
а ежели душа лишь приживалка
иль нет ее, так нечем и тужить.

День выходной, как должно, встал вверх дном,
без вдохновения, без божества.
И в этом кверху ногами выходном
нахрустывает знай себе Москва.

*24 октября 1976
Москва*

* * *

Прощай, огромная Москва,
бормочущая бестолково,
с домами выше Михалкова,
где можно жить едва-едва.

Забуду ль скоро вид нарочный
и скоро ль встречусь я с тобой,
такую прянично-метрошной,
такой богато-деловой?

Не гулять мне больше в паре
с Сонькой на Цветном бульваре,
не держаться, ветродую,
мне за руку золотую,

не слоняться, огольцу,
по Садовому кольцу.
У театра на Таганке
мне гадали две цыганки
между пальцев, между строк,
вкось, и вдоль, и поперек,
что моя судьба меня-де
сводит в гости к тете Наде
и что вроде гардероба
тети Надина литроба,
что умен я как Платон,
только малость жидко-жалок.
Но с обходом шел мильтон
и как ветром сдул гадалок.

Прощай, огромная Москва,
сидит во мне твоя неделя,
ее я сбагрил еле-еле
и еду прочь едва-едва.

30 октября 1976

САШЕ

Забавно вспоминать те дни,
когда бросались мы словами,
и ты была всего лишь Вами,
толпе и прочему сродни.

Потом, бывшее истребя,
день в сад из будущего вылез,
и вы, все сразу, превратились
в бесповоротную Тебя.

Судьбу мы носим во плоти.
Взгляни в лицо ее деннице

и нас с тобою в единицы –
помилуй Бог! – не преврати!

Ночь с 31 октября на 1 ноября 1976

* * *

Русь звенела утренней росой.
На Руси колокола гудели.
На лугу старик махал косой,
по тропинке мальчик шел босой
мимо старой мельницы косой,
где сама вода была при деле.

И жара в июле, тяжела,
на железо молотом ложилась.
Русь в кузнечном грохоте жила,
и визжала, как Яга, пила.
Русь пила и в кабаке божилась.

А потом скончалась, и по ней
все справляют пестрые поминки
столько лет, и месяцев, и дней
на иконке или на картинке.

Как на бешеное полотно,
я гляжу в глубокое окно:
ночь уже гуляет сволочная,
уличный забрав под ручку хлам,
молча начинается ночная
светопись окошек и реклам,
и свистит, как ветер, постовой,
одинок на бывшей мостовой.

28 ноября 1976

ЦЕРКОВЬ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ

Плывет, широк, как Волхов, старый торг.
По торгу ходит важный своей Георг,
а на него со зелена пригорка
глядит пирожник, вдовый сын Егорка.

Иван стоит, что камень, у воды,
храня аршины, кади и пуды.
А рядышком поглядывает влево
великомученица Параскева.

Параскева на торгу
ухватила кочергу.
Так и машет ею:
«Брысь! Не то огрею!»
Параскева Пятница
задом к Богу пятится.
Эх, водчонку пила!
Эх, с гостями спала!

Купцы, добродеем велики,
ей, белошеей и в зеленой кике,
с вечерней и до утренней поры
кладут в подол купецкие дары.
А мученица ходит и поныне
во сотканной из кирпича ряднине.

Параскевьюшка боса
проплясала три часа.
Параскева Пятница
задом к Богу пятится.
Зад, два пуда весу,
словно мясо бесу.
Бог засел на небеси,
беси пляшут на Руси.
Воет бедная вдовица,
бабе впору удавиться.

Эх, водку пила!
Эх, с купцами спала!
Параскева Пятница,
пятница-заплатница,
Параскева Пятница
задом к Богу пятится.

2 декабря 1976

* * *

Ни головою, ни хвостом не хвастай,
ни в зуб копытом, мой любезный бес,
а спи с надеждой этакой гривастой –
авось проспшишь и царствие небес.
В основу жизни положив надежду,
как под себя, лежи с ней на цепи
между сомнения и между прочим между,
терпи любовь и в нетерпеньи спи,
пока отчаянье, соседствуя за стенкой,
не застучит капризно кулачком, –
а ты, мой бес бесценный, этой сценкой
потешившись, отделайся молчком.
Забудь о старой стрекозе-соседке,
не вспоминай ее стократные глаза,
а выглянет, так дай во все фасетки
спокойного здорового раз.

Так вот и просуществуешь в общежитии земного шара!

17–20 декабря 1976

ОДА НЕВЕДЕНИЮ

Слава мне,
столь мало ведающему!
Много знать –
скоро состариться.
И Екклезиаст сказал,
что познанием
скорбь умножается.
Как хорошо, что не знаю
ни дня, ни часа своего смертного,
как хорошо, что не знаю
оценки моих писаний потомками.
Как хорошо, что я не знаю,
кто друг, кто враг, а кто просто так.
Разве не благо, что я не ведаю,
сколько у любимой
еще любовников?
Разве не благо, что я не знаю
судьбы и деяний
своих детей?
И разве худо, если не ведаю,
скоро ли будет в нарядных столицах
воду найти куда труднее,
нежели в Гоби или в Сахаре?
И разве плохо, если не ведаю,
когда и как издохнет в муках
изувеченное человечество?
Вот как мне весело
от неведения!

22 января 1977

BACCHUS SCHOLASTICUS¹

Мы пьянчуги, так вина-то
мало нам, и водки мы
дернем в память Аквината,
правоверного Фомы.

С пьяных глаз, а то и сдуру
не забудем помянуть
и отца Бонавентуру,
и его святую нудь.

Всяк из нас из обормотов
дербануть еще готов
на помин обоих Скотов,
двух Иванов, двух скотов.

Потихохоньку иль яро
помянуть позволит хмель
также Петьку Абеяра,
ибо добрый был кобель.

7 февраля 1977

* * *

И звезда с звездой говорит.

В черной нежити, в простых просторах
потеснее, нежели в гробу,
в тех студеных и пустых, в которых
слабосильных звезд пушистый шорох
слух щекочет Божьему рабу,
а вороний ангел на дубу
дует в золоченую трубу.

Видно на тяжеловесных шторах
тень коня, как дохлый остов в шорах,
остров, кругом согнутый в судьбу.
Даже дома нам от простоты
страшно. Ты сидишь, как сонный ворох.
Звезды виснут в странных разговорах,
кажется, что ты – не просто ты,
а невспыхивающий синь-порох,
и от смерти к смерти в черных порох
сто эонов мертвой пустоты.

22 февраля 1977

* * *

В двух шагах от катаклизма
обретаем мы приют,
и миазмы оптимизма
нас угаром обдают.

Всё мы знаем-понимаем,
но у нас природный дар:
мы носов не зажимаем,
не пугает нас угар.

И под сей вонючей сенью
нет нам дела до ума,
и к домашнему спасенью
приучили нас дома.

22 февраля 1977

¹ Бахус-школяр (лат.).

* * *

Языком я, как высерок, лазаю
по тебе до того, что мне больно,
но люблю я змею сероглазую
неподдельно, подспудно, подпольно.

Ибо кто же поверит, что на люди
смеет выйти чудовищный случай?
что любовь проползает по наледи,
как удавчатый морок гадючий?

что башка не остыла от инея
и что время и жидко и хлипко?
Но возможно ль мудрей и змеинее
о тебя ободраться, как липка?

Пусть! На гору дурацкой иронии
навалюсь я безумьем и грудью.
Это ты, мое сверхпостороннее,
будешь верить в поземках подспудью.

Пусть! Пусти! Стань великими бреднями
и обуйся последнею болью,
и, людскими пройдя и передними,
будь верна потихоньку подполью.

12 марта 1977

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА

Узилище, где стены – как закат –
красуются на небе побеленном,
алы от крови, как Петровский кат,
рубивший головы впопад и наугад
стрельцам, монахам, татям и гуленам.

А Охта по-чухонски визави
бормочет. Зодчий руки умывает,
как сам Пилат, и золото в крови
главами по лазури помавает.

В немецком платье Петербург с утра
стоит на улицах, так ладно сшит и скроен.
И с дозволения монаршего Петра
здесь по-боярски монастырь построен.

Санкт-Петербург верхами кирх взошел
в рай зодчества. Подобием кадавра
лежит, наследница московских бед и зол,
боярыней раскинувшейся лавра.

Москва – хоромы, тюрьмы, терема,
но зодчий – как же изошряться мог он,
что эта светлая прозрачная тюрьма
стоит во сто огромных окон?

История, как немец, – ох! – хитра!
Но Русь – не дура тож, и вживе
по дозволению великого Петра
пришипилась на Невской першпективе.

Ночь с 7 на 8 мая 1977

* * *

Кривое утро встало из-за роши,
как розовая полоса,
и в листьях тонут, тонки так и тощи,
серебряные голоса,
и целых три часа
висит в траве роса.

Роса качается и в огороде,
как на качелях, на ветру,
и всё бывает поутру
в таком эмбриональном роде.
А день глядит немножко вкось
и существует на авось.

13 июня 1977

* * *

Я людям вовсе не завидую.
Куда дороже мне покой.
А доведись – полбанки выдую,
стеклянную коровку выдою,
соленой закушу обидою,
и зависть снимет как рукой.

13 июня 1977

* * *

Я помню явно и точнее кода,
что есть во мне какое-то старье
и что была вокруг широкая природа
и нечто около нее.

7–8 июля 1977

БЕРЕЗОВЫЙ ДОМИК

Поэзия поленится
набрать сравнений лишек:
ведь домик сей – поленница
березовых дровишек.

А сзади за поленьями,
как и во время оно, –
с духами и томленьями
диваны и плафоны.

21 июля – 23 августа 1977

* * *

Вечер наш облака простер,
нет ему ни конца ни краю,
и ноктюРН я во весь простор
на гусястой душе играю.

Пусть закат на замок запрут,
как музейнейшее явление.
И глядится в меня, как в пруд,
сероглазое удивленье.

Ночь с 1 на 2 августа 1977

* * *

Средь моря ночи моему уму
плыть не впервые вовсе одному,
когда, как ноты, светят Симплегады,
а чувства-чудища, вивясь и пресмыкаясь,
ползучие, поганые, как гады
вселенские, и стыннут и кипят,
слепыми ртами в тело утыкаясь.
Пространство в звуках с головы до пят
раскрылось в образе звенящей пасти,
и некуда уплыть от этой касти!
И всё это ползет, шуршит и ворошится,
шипит, трещит, и бедному уму

среди бездн мирских привычно одному,
но этой музыки он все-таки страшится.

Ночь с 1 на 2 октября 1977

* * *

Исполнен поэтических красот
был кроткий лирик, он же и сексот.
К тому же он и разу не зарекся
до самой старости от секса.

12 октября 1977

* * *

Устал, как пес. И вот огромный мой зевок
того гляди вселенную проглотит.
Меня она не более заботит,
чем пшенной каши слипшийся комок
голодного. А я по горло сыт.
Вселенная летит дождем косым,
просеивая звезды на сто сит.
Зеваю. Я устал, как сукин сын.

7 декабря 1977

* * *

Я взором расписал большое в дол окно,
и взгляды вышли на поверку лесом.
Сижу, хлебая ложкой толокно,
но от него не стану Геркулесом.
Окно – стакан, а в нем осела муть.
И неохота мне привстать со стула.

Сижу уныло и живу сутуло.
А кто-то говорит: «Не баламуть
и не балуй!» Но злитесь естество:
«Помилуйте! Какое баловство?»

12 декабря 1977

* * *

Избушке светишь ты,
И Солнце светит миру.

А. Сумароков

О трезвенник умом, великий Сумароков,
не презирай тех скорбных скоморохов,
что душу потешают нищей басней,
котора злых сатир куда опасней.
Ужель ты ведаешь, что сделает судьба с ней?
Ты солнце выхвалял за то, что миру светит.
Ан глядь, оно меня прохладною отметит
да всыплет мне такого зною,
что слава Богу, если я за зной
одною поплачусь спиною,
а не победной головой.
Ты солнце выхвалял за то, что светит миру,
подобное злаченному потиру,
а я скажу, держа в уме сатиру:
не всё то золото, которое блестит.
Быть солнцем и светить, как ливень строя лиру,
пытался не один восторженный пиит.
И Разума божественное солнце
светило издавна до дней последних донца
зарей на Росса, Галла и Саксонца,
на Цезаря и Македонца
и на последнего наполеонца,
коловращением изображая Вечность
и чертову бесчеловечность.

А я в ночную превращусь свечу
и при водице да ржаной горбушке
безродному Федотке да Карпушке
да матушке родной избушке
в своем углу тихонько посвечу.

17 декабря 1977

НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Я повстречался в зеркале с собой,
таким знакомым и таким чужим,
как будто я в зеркальный взят зажим,
где чужака уводят на убой.
И в зеркале глубоко, словно в яме
зияющей, я был какой-то тот,
который движется безвольно к Яме,
кого ведет ученый пристав Тот
среди сияющих, как ледники, пустот.
(А тело было где-то за краями
дубовыми домашней полыньи.)
И я был Ты, украв черты свои
(грядущие или былые),
и думал, что обычной кабалы я
не убегу – как от жилья-быльи.
И перед зеркалом Господним
я отраженьем новогодним,
усы повеся, стал в одном исподнем,
как привидение из одного белья,
совсем другой себе. И думалось: иль год
не предоставит мне ни вольностей, ни льгот
и не увижу я до самой смерти,
безродный хам, великоханской шерти?
И ни на грош не стал я благородней
от этой встречи горько-новогодней.

В зеркальных думах пронеслось: иль я
не сам уже, а, может быть, Илья.
Какой? Который? Тот ли, что пророк?
Но я немедленно забыл про рок –
что в зеркале хожу я, как в гробу.
И, как пристойно старому рабу,
шагнул через порог
и вышел из прихожей,
и, как псалтырь, в ветхозаветной коже,
согласно грамоте кабальной,
отправился на вечер бальный,
одет в костюмчик погребальный
и взятый, как за шкуру, за судьбу.

Ночь с 1 на 2 января – ночь с 13 на 14 января 1978

* * *

Рождественское детство, где
у яслей жизни ангелов – что нянек
и где висит, как младший брат звезде,
первопечатный непочатый пряник.
Сочельник теплится, как Божий мрак, во всем.
Слепой мороз ведет снегурочью беду.
Девичий тает воск, а мы сосем
смерть, приготовленную на меду.

6 января 1978

ПРАЗДНИК

Я в старости справляю Рождество,
как Бог, родив себя из ничего.
И несть во мне ни робости, ни грусти,
зане и пустяки уже непусте.
Я по-державински сижусь с женой,
белеющей, как вечер кружевной.

Я старостью старею, право, славной,
а главное – что сам, как православный,
не рассуждая, жду себе да жду
мерцающую думу, как звезду,
и у себя же весь я на виду,
как на ладони, в долгом ожидании.
И я порядок должный наведу
в самом себе, и в доме, и в аду,
и лягу пред Тобою, Боже, данью.
Ну а от бед забытых и обид
избавиться жена мне пособит.

7 января 1978

* * *

Смирное тело устало и от восторгов остыло.
Стал я сутуло жить и, как нищий, хожу двукостыло.
Как костыли меня ночи по новому городу носят,
где, как полотнище, люди по-своему разногосят.
А в подземном аду, где грохочут железные пени,
книзу да кверху ползет время, ломая ступени,
и на лице у голов бледнеет скука искусства.
Нет моему языку ни песни, ни слова, ни вкуса.
Что же мне делать с собой, перед кем-то в чем-то виновным?
Как мне всем телом служить окостенело-чиновным?
В остекленелых глазах блеск равнодушья витринный,
и не взирают они ни на какие смотрины.
В осатанелых ушах грохот нагрывшей крови –
словно последняя ночь к горлу с ножом наготове.
Не шевелится душа, ничего не хвалит, не хаает.
Тело подземное враз по-домашнему – ах! – затихает.
Чувствую, в теле моем, бухгалтерском и канцелярском,
стало так далеко, как где-то за Красноярском.

11 января 1978

* * *

Посередь самой весны
вижу расписные сны
возле сказочной страны.
По лицу и по отчизне
на крестинах и на тризне,
от забвения хмельны,
слезы ползают, как слизни.
Люди всё равно бедны.
И на что они годны,
кроме жизни, кроме жизни...

11 января 1978

ДОЛГИ

Сам у себя сижу я в шелковом долгу,
и этих мелких дней не хватит расплатиться.
Но крохоборствую, упорствую да лгу:
авось одной ногой сумею воплотиться,
хотя бы той одной, которая в гробу
уперлась пяткой в днище и ни шагу.
И нищему, как своему рабу,
ленивый барин я, и в долгий ящик лягу.
На кладбище я роюсь, словно крот
(вслепую продираюсь через драму).
Макарке долг плачу, и холую и хаму,
и жалуюсь: ужель я тот банкрот,
который сядет в долговую яму?
А сколько занял я у пьяной яви дней,
чтоб сгромоздить себе больничные палаты.
И грустно говорю: тебе, Врачу, видней,
велик ли срок остался до расплаты.

17 января 1978

ТУРИСТЫ

Рассматривает Божий храм
турист-вахлак, как старый хлам.
И так же смотрят облака
презрительно на вахлака.
Но как неймется кулаку
поддать под гузно вахлаку,
чтоб современный ретроград
не гадил у церковных врат:
от этих туристячьих рож
бросает даже камни в дрожь.

20 января 1978

ПАСЬЯНС

Говорят мне, что пасьянс
нуден, словно заседание
de l'Académie des sciences¹
даже в модерновом зданьи.
А по мне, спокойствие пасьянса
занимательней киносеанса,
где всё те же мордочки да рожи,
словно карты, говорят всё то же.

20 января 1978

* * *

Ну, вот и дожил я, пожалуй, до беды,
когда – увы! – мои проворные уды
от лени барственной поникли и одрябли,
и только руки всё еще, как грабли,

к себе гребут свое, что ни приметит взор.
А это опали в аллеях бурый сор,
и надо этот хлам душевный, прошлогодний
в пахучий сладкий дым преобразить сегодня.
Вот так и буду жечь нежаркие костры,
пока еще глаза, как лезвия, остры,
но и из них, уже хвативших жалкой прозы,
по сохлой коже щек слезают зыбко слезы,
как будто резал я на кухне горький лук.
Создателю! Послушай-ка, мил-друг,
я не сержусь на то, что еле носят ноги,
зане, как ведомо, хромают сами боги.
Прихрамывал Венеркин муж Вулкан,
и бегать перестал под старость царь Полкан.
И старость-матушка, уж как ее ни прячь я,
будь хоть расцарская, а всё равно собачья.
А что как ум начнет божественный линять
и сил не обретет торжественно пленять
соломенных вдовиц, да и девиц мудреных,
как парой кулаков, четою строф ядреных?
Не дай мне, Боже, сесть средь бела дня к окну,
когда, как дурень, я от жалости всплакну.
Однако все-таки ступай-ка прочь, судьба!
От скорби вековой не натружу горба,
а только ухожу от бранной перепалки,
когда уды мои бесчувственны, как палки.

22 января 1978

РОНДО НА ПОРТРЕТ ЖЕНЫ

На холсте не грохот оды,
и является на портрете
дама габсбургской породы,
восседающая в менюэте.

¹ Академии наук (франц.).

Завитки воздушных линий,
барственные шуры-муры,
словно Моцарт на клавесине,
прелюбезные строя куры,
сыплет солнечные фьоритуры.

А в глазах таится признание,
что она убегает в нети,
словно призрак воспоминанья
о Марии Антуанетте.

Фон прозрачно-сероглазый
всех галантов примечает,
и любезно-важной фразой
сударыня привечает.

Широка она, как лето,
есть и нет на фоне чистом.
Чем-то вроде амулета
перстень с тайным аметистом.

Не забудем никогда мы
тайну, замкнутую в своды, –
вечный призрак белой дамы,
дамы габсбургской породы.

7 февраля 1978

СТАНСЫ

Опять увал! Огромная яруга!
Дорога вслепь идет, и нет на мне лица.
Так дай же руку мне пожизненно, подруга,
подруга скудного слепца.

Глаза вовнутрь! Навыворот! И дико
стучит дорога меж камней и ям.

Тащи безглазого Орфея, Эвридика:
он жизни не волочит сам.

17 февраля 1978

КРИВОДУШЬЕ

Окно распахнуто, а в нем
предутренняя позевота.
Заря на флейте входит в дом
походкой голубей гавота.

На музыку я все глаза
разинул и развесил уши.
Ужели я колоды глуше
и в ней не знаю ни аза?

И хочется себе пенять
за то, что угодил в поэты.
А мог бы ведь и менуэты,
авось, как Моцарт сочинять!

И вот от злости я распух
на самого себя и Бога
за то, что я такой лопух,
а музыка мне недотрога.

Ночь с 7 на 8 марта 1978

* * *

Я чья-то тихая жестокая затея –
игра без величин на тысячу ходов.
В растрепанном уме какого грамотея
я буду двигаться по клеточкам годов?

Но в хитрой безвоздушной красоте я
ни жить, ни кланяться ей не готов.

Как звездное скопление черных пешек,
идет без правил темная игра.
Я – взятый в зубы крепенький орешек,
который требуется грызть с утра.

Какой же дурень обломает зубы,
грызя меня, как сборничек задач?
И впору нам с ним подпустить слезу бы,
когда нельзя, как вплавь, пуститься в плач.

Взята моя фигурка или сбита,
но всё равно, решая жизнь в упор,
два дурака, как два больших гамбита,
наставя лбы, играют мной на спор.

17 марта – 20 октября 1978

* * *

К широкой памяти, как к Волге, подступил
громадой истинно с Казань я.
И сто веков, как сто визгливых пил,
о ваши бревна я навзрыд ступил,
лжефилософские мои иносказанья.
Зато блажен, кто, в блажь войдя, поймет
моих метафор многолетний мед.
Сижу один. Бежит спуста река,
и пилит память плаху старика.
И эта память слишком велика:
под корень валит жизни и века.
Сижу один, но вписан в нежный круг
любимых дел и дорогих подруг.
А за спиной меня такая уйма скачет,
как будто я еще и не был начат.

И всё же в насекомьем ходе ног,
египетский жучок, я одинок.
Навоз катаю я, подобно скарабею,
и всё еще нимало не робею.
Сижу один, но в окруженьи муз,
которых более нисколько не боюсь.
И та, которой нынче годовщина,
как размалеванная чертовщина,
висит на стенке, точно на экране,
бледна как начертанья Модильяни.
Так и во мне ни краски нет, ни страсти,
и память зыблется лишь на глухом контрасте.
И я вполне дивуюсь, что свою
дурную музу я не узнаю.
И память мне такая рвань и дрянь,
что стал я мал – размерами с Казань,
которая когда-то означала
самодержавный выход из Начала.
И вот лысею, как Державин в тоге,
и подвожу чугунные итоги,
и вокруг мы собрались, как маленькие боги.

25 марта – 13 октября 1978

1 АПРЕЛЯ

В месяцеслове у природы
наводит морок и туман
веселый и мокробородый
великомученик Обман.

Едва весна растворит святцы,
как правда ей уже тесна.
Ей выдумки и въяве снятся,
и дни уходят в нети сна.

И ничего-то я не чаю.
Иль это только показалось,
что нас природа водит за нос,
а сам я с ней озорничаю?

Нет, правда мне не по карману,
не перестану всё победней
служить дурацкие обедни
присноблаженному Обману.

И вот, в досаду всем природам,
всем вытянутым в струнку нервам,
смерть явится мне мимоходом,
оскалясь: «Эй! С апрелем, с первым!»

И сам себе скажу: «А ну-ка!
И до чего она желанна,
жизнь как веселая наука
первоапрельского обмана».

1 апреля – 13 октября 1978

* * *

На днях я стал прямой старик,
великий Пан иль просто леший.
Но мне не надобен парик,
как зонг, поверху яркой плеши.
Довольно мне своих куржавин,
и стал я стар, как истый дед.
Сижу я дома, как Державин,
в халат из лености одет.
Глотаю сладкие куски
неприхотливой грусть-тоски,
как палочки рахат-лукума
или кружочки мармелада.

И об одном и том же дума –
что ничего-то мне не надо,
окроме грифельной доски.

22 апреля 1978

ОДА НА ДОКАЗАТЕЛЬСТВО БЫТИЯ БОЖЬЕГО

Я верю, что Бог есть,
и верую именно я,
а до неверия прочих
умных, с привесом даже,
мне нет ни малейшей нужды,
ибо доводам науки
касательно Бога –
грош цена,
да и то в базарный день.
Ибо Господу Богу
отнюдь не нужно
искать точку опоры в науке,
чтобы засуществовать.
Ведь Бог – не Архимед
и ради доказательства своего бытия
голышом из ванны не побежит.

Да и как мне не верить в Бога,
если я захотел еще в детстве
стать истинным пиитой,
а Бог взял да и выполнил ребячье хотенье?
С опозданием, правда, под старость,
когда поэты уже угасают
и молодые музы
на них и не смотрят.

Да и как мне не верить в Бога,
если Он – слуга моих желаний?

Вздумалось мне, как в сказке,
раздобыть жену молодую.
Подмигнул я Богу: «А ну-ка!»
А Он сразу: «Извольте, сударь!
Вот вам надежная молодушка».

Как же мне не веровать в Бога,
когда Он меня опекал,
словно я Ему родимое чадо?
Если Он меня прятал в дебри,
а то укрывал и в тюрьмах,
чтобы неистовые лиходеи
не расправились со мной по-иному.

Слава Тебе, Боже мой!
Мой собственный и единственный!
Если бы мог я
восславить Тебя, аки Державин,
то не постеснялся бы
Тебя славословить
на все четыре стороны,
urbi et orbi,
зане Ты мне, грешному,
был милостивый слуга.

17 мая – 24 августа 1978

* * *

Бог весть с чего сегодня я столпился,
как громкий день на площади базарной.
Неужто я с утра уже упился
сорокаградусной и светозарной?

А если стукнет сорок первый градус,
меня ужасным жаром ошараша,

так неужели в дряхлом кресле ссядусь,
как диетическая простокваша?

Нет, не хватил я острого напитка
и сам себе нимало не довлею,
но от проклятого самоизбытка
не первый год хвораю и хмелею.

24 мая 1978

ПОДРАЖАНИЕ МОРГЕНШТЕРНУ

Телом был он тощ, как спичка,
духом – будто дуб, высок.
У него была привычка
на носу носить носок.

Часто нос бывал простужен:
свежий ветер продувал.
Оттого он обувал
нос – жемчужину жемчужин.

От такой его привычки
возникало много зол,
и над ним смеялись птички,
если он по саду шел.

Но обутому носине
не закрыт садовый дух.
Птицы пели на осине
про романчики старух.

27 июня 1978

* * *

Мокрое утро, и после дождя в темноте,
как после бани, сирень и кленок посвежели.
Капельки с крыши (как будто они и не те,
прежние) словно боятся упасть. Неужели?

Эти остатки дождя как живые висят
без парашюта на ветке над бездною влажной.
Шлепнутся наземь. И вздрогнет по-заячьи сад.
Вечная слава ей, летчице, капле отважной!

Насмерть разбилась. Трава пробегает мокра,
вся в поцелуях воды. А погода людей не спросилась
и подает, как хозяйка, на завтрак с утра
свежесть в прозрачной прохладе и крепкую сырость.

7 июля 1978

* * *

Я умер загодя; очнулся ото сна,
где в бледной памяти мне ничего не снилось,
и я не знал, что смерть бывает так красна –
как будто хмурая погода прояснилась.
Она стояла грозовой стеной,
какой не помнят даже старожилы,
а ты, мне став сплошной спиной,
вязала красный чепчик шерстяной,
как бы крючком вытягивая жилы.
И все-таки люблю твой чепчик! Ведь он ал,
что киноварью буква прописная,
с которой нашу жизнь писать я начинал,
об этой букве ничего не зная.
Да и узнать нельзя ни по какой науке,
что будет – Аз иль крохотные буки,

как страшные буканы, наползут
и вызовут при жизни кожный зуд.
Я умер загодя. Но если мы вдвоем,
ни памяти, ни кожи не тревожа,
а просто словно внове узнаем,
что в сером платье ты и в чепчике своем
на подосиновик похожа.
А бор у нас шумит такой грибной,
где под землей ползет бессмертия грибница,
а бор шумит, как будто надо мной
вечнозеленая гробница.
Я умер загодя, очнувшись после сна.
Усталой пустоты таскаю столько в теле!
И без сознания смерть до того ясна,
что стукнет по башке меня без канители.

13 июля 1978

* * *

Погода как жара нависла,
синее небо, как залив,
под ним порхают коромысла,
чей тонкий стан так похотлив.

И, изгибаясь, как сирены,
их пучеглазые тела
скользят по воздуху смиренно,
как в жаркой речке из стекла.

По омутам играют в салки,
где не шелохнется лоза,
и вылупляют, как русалки,
зеленые, как смерть, глаза.

22 июля – 29 ноября 1978

НЕОКОНЧЕННАЯ ФУГА

Не хуже прочих ванек и емель я.
Мне дней рабочих что-то было мало,
и думалось от лени, что с похмелья
башку на игрище судьбы ломало.
Натруженные мысли от безделья
болят, как мышцы. В теле потягота,
и размышление хлынуло, как рвота.
У каждого своя от жизни квота.
И думается отчего-то,
что смерть есть смерть и что она забота,
а уж никак не вольность и не льгота
дворянская. И вот исподтишка
зачем-то ни о чем болит башка
и валится, и ей не подостлать соломки.
Вот так же заболит у вас, потомки,
когда великие головоломки
вы станете решать в великой пустоте
(быть может, эти, а быть может, те).
И заворот мозгов, как заворот кишок,
пройдется по миру от скуки на вершок,
и, не жалея больше, что меня нет,
всяк сущий старый хрен меня помянет.

5 августа – 29 ноября 1978

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Каменной поступью, тяжеловесным потоком стремится
неторопливо к воде барственный Невский проспект.
Барина манит давно адмиралтейский кораблик,
ибо барин на нем мыслит в Европу отплыть.
И воздымает корабль, словно башню, медную мачту
и по воздушным волнам голубеющим в дали несет.
Невский проспект! Я с тобой, вот те крест, никуда не поеду.
Да и тебе-то зачем жаждать заморских чудес?

Сам, слава Богу, одет ты в европейское платье,
и пред французами ты в грязь не ударишь лицом.
Прям ты и строен, как трость или даже, может быть, скипетр,
факелом ночью к Неве, в полдень державным жезлом.
Плюнь ты, мой друг, на золотенький сей кораблишко!
В хлябях воздушных тебе незачем, право, тонуть.

17 августа – 29 ноября 1978

* * *

По всей по вероятности, я отнюдь не первый,
кому свои же близкие действуют на нервы.
Будь они мне дальние, так оно бы лучше:
мне б до них и дела как до стихов Кардуччи.
А то они не варезжки и с руки не сбросишь.
Так вот повседневную сверхдосаду носишь,
и не можешь плыть ты в медленном фарватере,
и нельзя отправить их к бабушкиной матери.

4 сентября 1978

* * *

Погода мокрая – как зябкие кусты,
а дни безвольные что пригоршни пусты,
и небо высунулось словно морда сучья,
и ревматические гнутся сучья,
а утренний туман ползет легко-легко
и повисает, как снятое молоко.
Но к полудню из млечности туманной
никто не сварит даже каши манной,
и роца влажная становится пустей
от деформации чернеющих костей.

7 сентября 1978

ПОСЛЕ САШИНЫХ ПАРОДИЙ НА СИМФОНИИ И ФУГИ

Скажу я про жену мою:
пригрел змею!
Еще не видели в природе
таких токсических пародий.

13 апреля 1979

* * *

Получает пан талон
на покупку панталон
и берет для гузна Музы
розоватые рейтузы.
Та глядит, как из-под арок,
и стягает вниз подарок.

23 апреля 1979

ЭПИГРАММА

Жил-был на свете переводчик,
отважен, как военный летчик,
притом большой оригинал:
он не читал оригинал.

11 июля 1979

* * *

Всем садом на окне, как бы зеленый тюль
с разводами, повис над зноищем июль.
Зной в комнате лежит, мужик иль мокрый барин,
как банный веник, он до одури распарен.

Соседи дачники тоскуют от жары,
как туполобые ракетные шары,
и оставляют ног витиеватый росчерк
в светлице боковой почти девичьей рощи.
А днем они глядят на голубой экран,
где бледным призраком шагает черный кран,
как испитой журавль по пустошам рассвета,
лишенным воздуха, и запаха, и цвета.

15 июля 1979

ЛЕТНИЕ ЭСКИЗЫ

На крыльцо в халате выхожу я голый.
Подбегает шустро ветерок веселый,
щекотаться лезет он ко мне под полы,
а вокруг распелись и леса и доли.

День-день-день!
Динь-динь-динь!
Тинь-тилинь,
тинь-тилинь.

Тренькает синичка или чижик-пыжик,
а под елкой где-то поджидает рыжик.
Луг в ромашках – это, в пику всем Европам,
жаркая яишня с луком и укропом.

На поддачу калачу –
эх, ешь не хочу!

Сколько лета у груди,
знает только кожа.
Сколько жизни впереди,
мне гадать негоже.

Утро тренькает: день-день!
Не сидеть же в хате.

Как Адам, я за плетень
выхожу в халате.

22 июля 1979

* * *

Задумавшись, что в кладезе глубококом,
запутавшись, что в сети, в кружева,
ты существуешь у меня под боком,
как музыка, бессмысленно-жива.

А фразы музыкальные – что сплетки.
Внезапно ты умнеешь. Вот так фунт!
Твое ворчанье до последней нотки
я сразу же включаю в контрапункт.

11 октября 1979

1980-е

25 МАРТА 1980 ГОДА

Ты! Но к четырнадцатой годовщине
мне просто нечего тебе сказать.
Ну, разве, перебрав морщину на морщине,
за тощие вихры тебя таскать?
Но ты была во всю свою натуру
взбесившееся жеребя.
Благодарю, что ты свалила дуру
и, наплевав упрямо на себя,
на одинокую залезла верхотуру,
безруко скуку под себя гребя.

Уже не озорует близоруко.
Былого нет. И снова ты одна.
Как равнодушная разлука
иль торжествующая скука –
вдруг вырваться стрелой из лука
и долететь, увы, до дна!
И тосковать мне больше не пристало,
хотя былого и не залечу,
но сквозь магическую даль кристалла
тебя теперь уже не различу.
Зачем же мне твое былое стало
как груз без грусти, просто по плечу?

25 марта 1980

ЦВЕТЫ

Кто знает, отчего же заперта
в цветах таинственная красота?
Какой Господь вложил рассудок
в глаза ребячьих незабудок?
И на стебле вытягивает голос
атласным алым горлом гладиолус,
и трогает меня, как шелковый мороз,
прикосновенье влажных белых роз.
Да буду я не к вечеру помянут!
Цветы прекрасны, даже если вянут.
Трагической стужей повалили,
текли к Офелии разливы белых лилий,
и кротки от цветной тоски,
развертывали лепестки
темно-лиловые братки.

7 июня 1980

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР В КАРТАШЕВСКОЙ

Деревья вечером невнятной
и темной зеленью кадят,
и электрические пятна
из этой зелени глядят.

И от таких часов спокойных
нельзя отделаться смешком.
Дорога между арок хвойных
идет от станции пешком.

И на пустой чухонской бричке
трещит вдоль Карташевской град,
и мчат вагоны электрички
из Сиверской на Ленинград.

27 июля 1980

* * *

Всё прожито. И к старости всё пусто.
Предсмертная бежит по коже дрожь.
А рожи-то! Цветные, что капуста,
корявые кочны родимых рож.

К собачьей я принадлежу породе,
но даже дога лютый стукнул шок.
А рожи созревают в огороде,
по пятачку за кочешок.

Держусь я в старости отнюдь не гордо,
и мне достоинство не страшно уронить,
но страшно, что раскрашенные морды
меня с рогами будут хоронить.

И вот не оттого ли я в тревоге
и в страхе за посмертную судьбу,
что люди будут, как в мундирах доги,
велеречивить на моем гробу?

Что будет гроб мой людям как эстрада,
что лишь помыслю я собачий этот вой
и то, как эта свора песья рада
быть маринованной капустою цветной.

27 августа 1980

СЕНТЯБРЬСКИЕ СКОРБИ

Сентябрь весь в мороси, и рощи отсырели.
Душа заволгла, как входная дверь.
Осины, как и лица, посерели,
и старость начинается теперь.

А я родился в марте и в апреле,
когда мурлыкал песню рыжий снег
и на лазури облака горели
и набирались красной акварели
и одновременно лебяжьих нег.
Начало старости и осени начало,
когда в деревьях костный хруст и скрип.
И десять раз оно предназначало
туман дождливый под созвездьем Рыб.
На мне повисло мокрое мочало,
и я убрался в бор, как белый гриб.
И, замирая на высоких нотах,
вишу на телеграфных проводах
и, как Сен-Бри в сентябрьских «Гугенотах»,
пою нахмуренно о Карловых врагах.
Я есмь один из крохотных колоссов,
стал в старости пустое божество,
я есмь последний сам себе философ,
которому не нужно ничего.

Как елка стал и горек я и колок,
и ничего не шьет моя игла.
Я просто грибоед, а не миколог,
и у меня в глазах стоит грибная мгла.
Я одержим, как тысячи Миколок,
признаьем, что убил из-за угла
всё время, как свое, так и чужое.
Оно же взяло и воскресло втрое.

Брожу в лесу с последней скорбной кровью.
Гляжу на вас, о сверстники мои,
и пособляю своему здоровью.
Живу себе, не дрогнув даже бровью,
и говорю: мечтай, скрывайся и таи
в себе самом разнузданные смерти.
Их тысячи, но есть среди них одна:

повесткою на суд в замазанном конверте,
на Божий суд придет ко мне она.
Я встал – воскрес, как томик с книжных полок,
засажен в электрическую ночь.
Спит темный двор, а с ним и весь поселок
неслышными шагами черных елок
куда-то отступает прочь.
Но ты мне, врач, безумия не прочь.
Я старый грач, но не изодран включь.
Еще живу да мыслю и теперь я.
Несутся вскачь по ветру эти перья,
а самому и ног не уволочь
от старости, от скорби сентября,
и я на дачу сослан, как Овидий,
весь в овиди и первозданном виде
российского богатыря.
На всё вокруг еще тарашу зенки
и очи пялю, и, открыв глаза,
я подвергаю всё переоценке.
Гляжу на мир – кому бы дать раза?
И с сентября еще снимаю пенки,
как с яблочно-брусничного варенья.
Заря стоит по-женски на дворе,
и я стихаю от стихотворенья,
написанного нынче в сентябре.

7–13 сентября 1980

* * *

Осенний пруд. Как желтые кувшинки,
в нем плавают кленовые листья.
Как по умершей юности поминки,
стаканы с воздухом и пусты и чисты.

Трепещет жизнь на берегу канала.
Стакан не пронесу я мимо рта,

пока еще меня не доканала
последняя вечерняя черта.

Пока еще не сгреб меня за ворот,
как милиционер, огромный город
и в свой участок темный не сволок
тихонько, как в предсмертный уголок.

4 октября 1980

ЖЕНЕ

Подкручивая усик,
стою немного вбок,
зато я твой Манюсик,
твой беленький грибок.

О лете вспоминая
всей ночью до утра –
придет ли нас грибная
порадовать пора?

И стану ли я с палкой
ходить наперевес,
с тобой, как с нежной Паркой,
в такой роскошно-жалкий
чухонско-финский лес?

Иль будет всё иначе?
Гадать я не хочу.
На Каргашевской даче
как еж протопочу.

Вращая в пальцах усик,
повисший сбоку щек,
всегда с тобой Манюсик,

как серебристый трусик,
старик-боровичок.

Так пусть же повеленье
исполнится судьбы.
Скажу я в день рожденья:
живи и без сумленья
знай собирай грибы.

1 ноября 1980

* * *

Ни в театрах, ни в киношках
не видать уже огня.
Николай на стройных ножках
вздыбил легкого коня.

У Сената отчего-то
Медный всадник, словно дым.
Скачет конь барона Клодта
у Исакия за ним.

Ты, Петров ваятель славный,
всю Россию оседлай!
Но полет самодержавный
догоняет Николай.

4 ноября 1980

* * *

И так бывает не всегда ль –
твои духами пахнут очи
и раздвигает сумрак ночи
твоя сиреневая даль.

Но есть лукавая минута,
когда повеет гробовым
и позабытое как будто
ко мне бросается живым.

В подушки музыка рокочет
и душу тайно мне скребет.
А даль кошачья когти точит
и время на клочочки рвет.

16 ноября 1980

* * *

Ах ты лапушка моя,
сыть железная!
Вот и снова дома я,
твердь надзвездная!

А велик ли мой урон?
Тьма русалочья,
племя тощее ворон,
стая галочья?

Всё равно я буду жить,
только, крикая,
будет около кружить
сволочь всякая.

И вокруг не потому ль
птички-галочки,
что я сам еще как ноль,
ноль без палочки?

Сыплет брань не оттого ль
с верхней полочки,

что я сам еще как ноль,
ноль без палочки?

По бессмертью шляюсь вдоль
вперевалочку.
Опираюсь, ноль и ноль,
я на палочку.

18 ноября 1980

СОСЕДКИ

Твоя жена с моей женой –
соседки по квартире.
Но все-таки любой ценой,
любой ценой, любой ценой
охота жить им в мире.

Несносен им полдневный зной –
откроют окна шире.
Одна прикинется больной,
другая хлещет квас хмельной.
Но все-таки любой ценой,
любой ценой, любой ценой
охота жить им в мире.

Они стоят стена стеной,
а хари – словно гири.
Сперва не терпится одной –
язык трещит как заводной.
Но все-таки любой ценой,
любой ценой, любой ценой
охота жить им в мире.

Твоя жена с моей женой –
соседки по квартире.

И я не знаю, что со мной:
весь день хожу я как сумной
и прячусь от жены родной.
Но все-таки любой ценой,
любой ценой, любой ценой
живу я с ними в мире.

28 ноября 1980

* * *

Брат русак, не трусь!
Выйдем на слободку
и помянем Русь
да матушку-водку!

И во весь простор
порасправим плечи,
кряжи древних гор
роя и калеча.

Будем, брат русак,
жить мы вольно ныне!
Пусть шипит гусак
со своей гусыней!

Мы будем впереди
наших обещаний,
а гуси-лебеди –
римские мещане.

Поле – бранный суд,
суд великой Руси.
Рима не спасут
гаканьями гуси.

20 декабря 1980

* * *

Я седой охальник и русак,
охаю да ахаю в канкане.
Со стихами я попал впросак
и рыдаю, как ушкан в капкане.

А ведь некогда я был в соку
и с кургою знался, точно ненцы.
Так подайте грошик русаку,
инструмент вращающие немцы!

21 декабря 1980

* * *

Сижу в своем саду,
малины спелой жду.
Дорожкой недлинной
хожу я за малиной,
пристукнув кулаком,
хлебаю с молоком.
Приходят ребятишки,
Валерки, Тошки, Тишки.
Зову ребячью рать
малину собирать.
А малые девчонки,
позадирав юбчонки
повыше ножек голых,
несут ее в подолах.
На ягоды мои
слетают воробьи,
нажрутся до отрыжки
малинки воробьишки –
эх, даровых даров, –
но я пугать здоров

пернатеньких воров.
Сижу себе в покое,
как пугало седое,
в цветной халат одет,
как старый добрый дед.
И вот слыву везде я
за деда-добродея.
И нынче мне отрада
сидеть владельцем сада.

Сижу в своем саду,
румяных яблок жду.
В свои повиснут сроки
их наливные щеки.
Глядит завистник тополь
в саду моем на опаль.
И яблоню свою
дотла я раздаю,
не выставляя даже
на рынке для продажи.
Дарю ранетки всем
и сам, бывает, съем.
Ранетки, как зарю,
я на меду варю,
и зреет без зазнайства
в плодах мое хозяйство.

На яблочные щечки
во все глаза цветочки
глядят виол трехцветных,
в саду весьма приметных.
Но я им предпочел
рои несчетных пчел,
которые несносны:
и злы и медоносны.

Но в окончаньи лета
с фантазией поэта
по прихоти судьбы
хожу я по грибы.
Искаживать природу
полезно пешеходу.
И вдруг – блаженный миг –
навстречу боровик,
ядренный, крепкий, целый
под бурой шляпой белый.
И пешеход старик
на гриб немедля прыг,
как старый пес на утку
или на гусака.
Лес вздумал не на шутку
мне поразмять бока.
Я, как Владимир Ленский,
с душою полуженской
среди жизни деревенской
похож на белый гриб.

Ловил я прежде рыб
наметкою и бреднем,
но впредь рыбацким бредням
не стану верить я,
остыла страсть моя.

Сажусь я под копною
и счастье грибное
свое перебираю
и всё перевираю.
Полезно, что я в лес
на час иль на два влез
и как из пистолета
вслед пролетает лето:

от самой от весны
деньки его красны.

После утренней побудки
я иду по незабудки.
Мне, садовнику, с руки
рвать сирень и огоньки.
А соленья и варенья
мне милей стихотворенья.

8–10 февраля 1981

* * *

Из смоленой капитанской трубки
сизый подымается дымок,
и мои нежданные поступки
сжались в спазматический комок.

Пробегают шелковые юбки,
задевая мимоходом – чмок!
И обиженные старцелюбки
молодым закрыты на замок.

Навевая судорожно сны,
дым из старой трубки до весны
доживет ли? Кто же знает это?
Тешит трубка старого поэта,
ибо даже в сереньком дыму
сновиденья чудятся ему.

22 февраля 1981

СТИХОТВОРНЫЕ ЦИКЛЫ

ЖЕНСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ВВЕДЕНИЕ В ПОРТРЕТНУЮ ГАЛЕРЕЮ

Пожалуйте за мной скорее!
Уже открыта для смотрин
лирическая галерея
цариц, и дур, и балерин –
каленных лиц, лукавых ликов
и глаз, закрытых на замок,
напевы рук, разливы ног –
всё, что художник видеть мог,
их как беду себе накликав,
всё, с чем он, бедный, был на «ты»
до тошноты, до расстаранья, –
и наготы, и полноты,
и женской нежности собранье.

Искусства ясные красотки!
Вы здесь до зуда, до чесотки.
Вы акварели и пастели,
вы сепии, гуаши, туши.
На масленице ли, в посте ли,
но вывешены ваши туши,
в ладоши взяты ваши души
со сном и теплотой постели.
Вы отгрустили, опустели,
как незапамятная дата,
как чувство, бывшее когда-то,
и живописцу еле-еле
сквозь дыры, трещины и щели

суть ваша все-таки светла.
Старался он не из корысти,
и краски выжжены дотла.
В отместку им на месте кисти
размахивается метла.

Одних чуть сдерживает рама,
других прикрыл холста кусок.
Они то вычерчены прямо,
то мазаны наискосок.
Тут снято с тела столько сливок,
и можно вам и так и сяк
смотреть за гривенник загривок,
увидеть пятку за пятак,
а если не жалеть рублевку,
тогда – и чувств, и лиц шпаклевку.

Итак, с размаху и взахлеб
любуйтесь буйно на любую,
а я, быть может, растолкую,
где правда тут, а где поклеп.

Предайтесь же моей заботе!
Я наперед все справки дам,
я проведу вас по задам,
по самым потайным местам
в нутро натуры их, и там
чего вы только не найдете!

Мадонн, истертых на работе,
огромных преподобных дам,
в которых утонул Адам,
певиц на самой тощей ноте,
девиц, бегущих по годам,
и выпирающих из рам
доброт на полном обороте,
и драных, словно кошки, драм,

и черных мучениц в кивоте,
сухих кикимор на болоте,
русалочий студеный срам,
блаженство с горем пополам,
шваль, заваль и хохлатый хлам –
всё это будет в праздник вам,
как сретение женской плоти
и как введение во храм.

Не остудить моих скорбей
павлиньим веером вороны.
Я вам и брань, и оборона.
Меня хоть вдребезги разбей –
я ваш проворный чичероне
и ваш покорный чичисбей.

3 января 1967 – 6 мая 1968

РАБЛЕЗИАНКА

Проста, как пицца для нагула
(знать, у тебя кишка толста!),
ты лет за двадцать чуть шагнула,
а радовалась – на полста.

Ты с добродушным хлебом схожа,
и лоно – словно масла ком,
солемой – волосы, а кожа
полакомилась молоком.

Великосдобной плотью пышешь.
Тебе не скажешь: «Не балуй!»
И ты губами враз упишешь
за поцелуем поцелуй.

Не Навзикаею-царевной
предстанешь ты из-за куста,

но Афродитой тупочревной
для рубенсовского холста.

И черный Эрос страстью черствой
тебя не разу не долил,
ни разу благодушный торс твой
от неги он не отделил.

Жеманно-женские приманки
не считаешь ты за честь.
Ведь для тебя, раблезианки,
любить – как выпить и поесть.

12 июня 1956 – 7 февраля 1966

* * *

Исхлестанная в линии,
с глазками – что сказанье,
ты – сумочка павлинья,
ты – самочка фазанья.

Затвержены, как школьные,
и режа и калеча,
до голи остроугольные
колени, локти, плечи.

Не в древности ли метрика
твоя была открыта,
Meretrix geometrica,
Beatrix valde trita¹?

По-доброму ль подогнана,
чтоб не отстать от старта?

Ты – внове преподобная
и старая Астарта.

Всё к вечеру очертится,
и, наготу накиная,
ты – веры страсотерпица,
ты – моды инокиня.

Ты – рамою, сестра моя,
где бритые гибриды,
ты – самочка, ты – самая,
ты – выродок Киприды.

10 ноября 1964

ПЕВИЦА

Поблескивая, чуть срыжа,
глазами в небе ворожа,
молчит, как будто на портрете,
размножена в лубочном цвете
до дьявольского тиража.

Так спой же, ангельская дрянь,
и мне, как Господу, предстань
вся в платье из глубоких гласных,
как ласка, розово-атласных
и влажных, как сама гортань.

15 апреля 1965 – 26 ноября 1966

СПОРТСМЕНКА

Жизнь, как воду, преодолевая
на большой русалочий аршин,
доплыла – натура волевая! –
в камышах ты встала, как кувшин,

¹ Геометрическая блудница, поношенная Беатриче (лат.).

волосы за спину выливая.
Вазою возникла из лазури
в запотевшей розовой глазури.

Нет ни чоха на тебя, ни чиха!
Но зато какая прыть!
Нынче изловчилась ты, пловчиха,
даже счастье переплыть.

О проплытом вовсе не жалея,
на камнях, как на чужом горбе,
ты Диана, иль Пентесилея,
или даже просто так себе.

И стоишь, прибрежная победа,
здесь во весь прозрачный ног разрез,
так легка, что нету Архимеда,
чтоб исчислить твой удельный вес.

19 апреля 1965 – 3 декабря 1966

* * *

С.Л.Д.

Как вздыхает копна твоя палевая,
на закате пастельном ждет!
Солнце, сбоку ее подпаливая,
всю тебя никак не зажжет.

И на холст я вдову соломенную,
переломанную не уложу,
и тебе я подлой оскоминою
верноподданически служу.

Краски медленно перемалывая,
перехрустывая черты,

добиваюсь уже не малого я –
вырастаешь, как вечер, ты.

Вижу ложе пейзажа стоялого я,
ни мазком, ни словом не лгу.
Не ругай своего слугу, –
но лежит судьба твоя яловая
у стогов на густом лугу.

23 мая 1965

* * *

Еще укутана в рубашку,
вполне тебя еще и нет,
стоишь ты – тело нараспашку –
во все свои шестнадцать лет.

И карий козий глаз косится,
что простыня белым-бела,
и белобрысые косицы
ты равнодушно расплела.

И, отходя ко сну, веснушки
(пусть в крапинках забвенье спит)
рассыпала ты по подушке
ребячьим бисером обид.

Твоя открытая скульптура
лежит от пола к потолку,
и два молочных абажура
тихонько теплятся в шелку.

Ты – лень, дремучая порода.
Но издалека вижу я:

ты – пень, та самая колода,
откуда выползет змея.

29 июня 1965

* * *

Выползла – гриб по грибы (разучилась ходить по гробы ты) –
в платочке сморчок, при очках и клюке.
Ты – сыроега-яга, и гаданья твои не избыты,
с бородавкой-ягодкой на щеке.

Черный ручей перейти через мостик – желтого шелка,
мшистого плюша – ложись-помирай!
Остановилась ты: за руку тянет кошелка
в избу, на двор, в клеть и в сарай.

Разве вспомнится, что ты с собой за тропинки кривые творила,
если всё бродишь где-то около ста,
а шершавые руки – нагретые солнцем перила
деревенеющего моста?

7 июля 1965

* * *

Девичий дождик – нежности образчик.
Прозрачна жизнь, как пенье первых струй.
И ты, ты, зафасованная в плащик,
как в целлофане поцелуй.

И в сарафане старого фасонца,
как из журнала прошлогодних мод,
бежит лужайка. И смеется солнце
и вас обеих не поймет.

7 июля 1965

* * *

Ты исполнена тука и духа.
Раскраснелась ты на обед,
оплеух румяных стряпуха,
повариха любимых бед.

Сколько нежного рыжего пуха!
И любой курбет – как шербет.
По обету ты молодуха,
розовеющая от побед.

Дорогая моя кухарка,
мне не холодно и не жарко,
и люблюсь заправской стряпней
и покачиваю головой,
когда вдруг ты выскочишь с тряпкой
удивительно половой.

28 июля 1965 – 9 декабря 1966

* * *

Люди созданы для любви,
как лучиночки на растопку.
Стоп, дивчиночка, не криви
душу. Выпей-ка лучше стопку.

Не косись на меня душой,
не коси, как под корень, взглядом!
Я тебе – человек старшой,
я из тех, кто бывает рядом.

На помин блинов напечем.
Закажи граммов двести лиха
и не спрашивай, что почем,
продешевленная чувиха.

Не касайся и не хитри,
и не рви ты ржавых косенок,
и не скалься и не смотри,
как ощерившийся лисенок.

Не кривись, не косись, не коси,
не разыгрывай мне Гекубу!
Лучше выпей да закуси
порастрескавшуюся губу.

1 августа 1965

* * *

Зелен откос до отказа, до рвоты с желтизной
одуванчиков. И так тошнотворен зной,
что ты зарылась в кусты целиком,
в лохматую сутемь, не думая ни о ком.

И какая ты, рыжая, желтая, сивая, синяя –
поди угадай! А ведь я не Кювье наяву,
если только нога, изгибаясь, как шея гусиная,
сандалеткой карминной при пуговке щиплет траву.

20 августа 1965

* * *

Как ты светла! Почти прозрачна с виду,
заря стекла, оправленная в сталь.
Но в памяти какую-то обиду
еще таит усталый твой хрусталь.

Ты небоскреб, машина или ваза,
созданье Божье или плод работ,

ты зренья аппарат и спазма глаза,
отрады механический завод.

Но по частям божественное зданье
я разберу и в горе уличу,
и в электрическую цепь страданья
я новый переменный ток включу.

И в памяти дойду я до зарубки –
обнимешь ты как будто со спины,
и руки, как неоновые трубки,
изогнуты, чисты и холодны.

29 августа 1965

* * *

Дочурку чудную баюкая
мечтательно и в прах и в пух,
тысячегрудая, сторукая
стоишь под завистью старух.

Блестишь здоровьем в палисаднике,
свежа, как утренний надой,
и за тобою день на заднике
написан краской молодой.

На нем в воздушной пене мылятся
пеленки или облака,
и ты сияешь, мать-кормилица,
слепой бутылью молока.

1 октября 1965 – 10 января 1967

* * *

Из-за кустов физкультурой дебелой,
рыжую гриву пустив в хоровод,
в воздух стоячий восходишь из вод
вооруженной сосцами Кибелой.

И надвигается в сумраке белый,
будто бы маска из гипса, живот,
много он вынес на лоне, и вот
он огрубел, что кулак задубелый.

Ликом напористым с вытекшим оком
и с бородачкой, залезшей в уста,
сгола глаголет, подобно пророкам:

«Будет погибель в изгибах из гипса!
Стой же, ни с места, пока не расшибся
лбом о слепое чело живота!»

1–27 октября 1965

КРАСАВИЦА

Не модной дамой, отданной до дна,
не размазней прекрасной на экране,
на кране ты взлетаешь в синей рани,
в кабине, как в светлице, ты – одна.

Вокруг тебя, как трудная игра,
дома, и высь, и вся иная внешность,
а ты – ты неотесанная нежность,
до поту улыбаешься с утра.

Зачем тебе работать свысока!
И, словно мыло, очищают дело

суровое хозяйственное тело
и добрая тяжелая рука.

10 октября 1965 – 14 января 1967

ГАДАНЬЕ

Лицо в лицо и рама в раме,
из свечек – в вечность коридор.
Он убран черными коврами,
он долог, как загробный взор,
как вздор, приставленный в упор.

Глаза плывут, кругами ширясь
до обморока, дотемна,
и судорожная спина –
ее нагая желтизна –
разламывает в платье вырез.

Чей образ явится, нафабрясь,
при галстухе, с букетом роз,
румян, как свадебный мороз,
дерущий кожу? Иль до слез
туманный, просто грубый абрис?

И ждешь ты, року не перечая,
шепча: «Сокровище мое!»
И страшно, если грянет встреча,
и, съежась и дрожа, как в плечи,
уйдешь в себя же самое.

18 октября 1965

НОВОФАЮМСКИЙ

Ты – воскресшая египтянка.
Размазные глаза горят.
Как раскрашенная портянка,
вкруг тебя намотан наряд.

Моду ведаешь вековую
(пусть хоть ею тебя помянут),
и играешь ты в роковую,
в роковую на пять минут.

По статьям своим ты расписана
и рассчитана из знака в знак,
иероглифами унижена
и сама себе саркофаг.

Нет в тебе ни черта безумия,
ты – итог, черта, полоса!
Лишь в постели ты свежая мумия,
оживающая на полчаса.

26 октября 1965 – 14 января 1967

С РАЗДВОЕНИЕМ

В ребрах засела, как в корсете,
кадушка в непрочных обручах,
пастушка-простушка попалась в сети, –
был ветер, махнул да опять зачах.

А может, и машет удалец по долинам,
шпорами клацкая, – мой голубок!
Роба рыбацкая кринолином
без ветра раздулась, как бочка, вбок.

Волосы словно волны взвиты,
припудрены солью... Ах, рококо,
сколько шалило в сладкой любви ты,
и как изящно, и как легко!

Обруч лопнул, сломана лодка,
а кадка – трещине нету дна!
И разохшаяся красотка
теперь пустотой особо полна.

4 декабря 1965 – 29 января 1967

* * *

В трех водицах купана,
в трех купелях крещена,
как живая вещь она,
к вечеру обещана,
золотая рыбка.
В трех водицах купана,
на всю жизнь закуплена
и не сходит с губ она,
вечная ошибка!

Бросьте! Где там! На фиг!
Что ни вечер – явка,
что ни ночь – то график,
и виляет хвостиком
смелая малявка.

Говорят знакомые:
«Дорогая штучка,
если уж в четырнадцать
этакая штучка!»

На нее психологи,
как на *пие* в салоне

знатоки и олухи,
смотрят всесторонне.

Расстегнулась лялочка,
а за ней – другая,
и в постель малявочка –
юрк, совсем нагая.

Вскинув ноги слабые,
захлебнувшись славою,
сердцем таратора,
по-ребячьи плавая,
по-девичьи прытко
в душном Белом море,
чудо-дрянь кудрявая,
золотая рыбка.

19 декабря 1965

* * *

Лицо набекрень – и актрисой надтреснутой
и вазой с одним-разъединным цветком
в себя опрокинулась, будто бы в бездну, ты,
до боли безбожной набита битком.

Но сунуться дальше, за душу, посмейте-ка!
И ты на пределе (а рот вперекос)
смекаешь, какая у смеха косметика,
какое кокетство бывает у слез.

14 января 1966 – 4 февраля 1967

* * *

Видно, и сама не знаешь, кто ты.
У тебя с собою неполадки.
Дрянь ты драная, накладываешь латки,
будто пластырь, на свои пустоты.

Трудно? Больно? Колется и жжется?
Быть весь век сама себе иголкой!
Перед зеркалом и голой балаболкой
жизнь всю жизнь и порется, и шьется.

Так прикинь заплатку к каждой дырке,
так прикинься бесшабашной с виду,
пристегни несчастье и пришпиль обиду,
подхлестни же боль, как лошадь в цирке.

Так ходи же чувствами враскачку,
так бросай же взгляды на галерку,
как серсо – гоп-ля! Любуйтесь на жонглерку,
знаю, знаю я тебя, циркачку!

Будь же и кукушкой и кликушей,
беспризорной птичкой-истеричкой
рот растягивай и рваным криком пичкай –
кукиши на постном масле кушай!

7 февраля 1966 – 7 февраля 1967

* * *

За душой я встречал тебя часто:
глаза до плаката натужены,
ты пахнешь как мятная паста,
и все складки души разутюжены,
но ты просто по-бабьи зубаста,
и таких вот три дюжины на сто.

И вчуже мне эти жемчужины,
и пусть на любовь ты губаста
и чувства не прячешь в запас ты,
но губы бесстыдно остужены,
да и вся ты какая-то – баста!

7 марта 1966 – 11 февраля 1967

* * *

О жизнь запинаясь чужую –
смирная жертва себе, –
живешь, и тебе ворожу я,
как бестолку сбитой судьбе.

Монашка и дикая девка,
ты детская правда и дурь,
ты тихая самоиздевка,
восторг одолевшая хмурь.

Ты вызов, ты выкрик, а ближе –
как строчка стихов ты жива.
До жалости я ненавижу
капризов твоих кружева.

В итоге же скудно-победном
скупа ты с собой, но всегда
несчастьем своим заповедным,
как чистым бесчестьем, горда.

7 марта 1966

* * *

По тебе только попусту шастаю!
Мне убраться бы верст этак за сто!

А в ответ получаю ушастую,
но которая слишком глазаста.

И не к месту глаза, не ко времени,
раскаленные добела, падки,
и теперь, дав раза, на ковре меня
ты положишь на обе лопатки.

9 марта 1966 – 17 февраля 1967

* * *

Как будто выглянув из детской,
глаза лучисты и чисты,
послушницею полусветской
себя подслушиваешь ты.
«Наверно, нежный Ходовецкий
гравировал твои мечты»¹.
Голубоглаза, как у Греза,
не уличенная ни в чем,
твоя задумчивая греза
склонилась над твоим плечом.

Но и сама в себе покоясь,
ты можешь жадничать и жечь,
и, как экватор, тонкий пояс
тебе нетрудно пересечь.

Там страсть Господня – без страданья,
распятие, но без креста,
и, как над Горним надруганье,
как сатанинская pieta,
миндальных бедер содроганье
и напряженье живота.

¹ М. Кузмин (*Примеч. автора.*).

Какой задорною Мадонной
ты притворяешься, дабы
жать и низиною бездонной
лежать, вставая на дыбы!

17 марта – 28 сентября 1966

* * *

Надоело играть мне в куколки,
в папу-маму играть устала я.
Сяду к жизни я на закукорки:
потаскай, повози меня, старая!

Ну, а ехать куда – не угадчица,
просто на сердце гололедица.
И как хочется мне ребячиться,
если шатко и валко едетя!

21 апреля – 19 июня 1966

* * *

В глазах ни ласки нет, ни женской власти,
в тумане сероледовитый взгляд,
а волосы светло-соловой масти
единым волоском не шевелят.

Но рвется мысль из тоненького тела,
сквозь океаны глаз течет взхлеб,
и ей вослед блестит осиротело –
хоть поросят лупи – огромный лоб.

Она то дышит, как ребенок, рядом,
то до нее далеко, как до звезд,

то словно повернется к миру задом,
задрив на темени кобылий хвост.

28 апреля 1966

* * *

Ты разгулявшаяся монна Лиза,
и не берут тебя ни пропад, ни провал,
ты – Муза повседневного стриптиза,
но без семи девичьих покрывал.

Ты пляска в полупьяном постоянстве –
и руки-ноги бедные галдят,
а ироды в блаженном окаянстве,
развеся губы, на тебя глядят.

Пластинки и надсадней, и занудней
ты вертишься по манию Творца,
с лицом как разрисованные будни
ты ломишься в открытые сердца.

В Москве тебя видал и в Чухломе я.
Любая стенка для тебя – экран,
выламывающаяся Саломея,
ты экспорт разных рас, эпох и стран.

Помилуй Бог, ты вовсе не кокетка
и даже не конфетка из дерьма,
нет, ты сама себе обертка, этикетка,
наклейка без фабричного клейма.

За блажь, и дрожь, и ложь недорого берешь ты
и прешь по малости против рожна,
и не нужны тебе чужие кошты,
когда сама себе ты не нужна.

Ты – музыка, но из одних прелюдий,
и, не пойму – смеясь или скорбя,
как голова Крестителя на блюде,
я закрываю веки на тебя.

31 мая 1966

* * *

Л.О.

На узеньком лице два неприкрытых глаза,
два ока неприкаянных больших,
и от очей до плеч, и с тонких плеч до таза,
до самых пяток, верченых, чужих –
ты жизнь живешь не на своих двоих.

Ты стих развинченный, изломанная фраза,
разнузданная грусть по щекам щеголих.
Прищелкнув языком, тот, кто на счастье лих,
заржет по-жеребьячи: «Вот зараза!»

А кто тобой до кости заражен,
тот словно столб в часы свиданья водружен
иль бабой вбит в столбняк, балдея, будто свая.

И, целиком тебя за ночь переживая,
он выковыряет себя из мостовой,
в недоумении, качая головой,
как нарушителю порядка постовой,
и скажет, может быть: «Какая ходовая!»

5 июля 1966

* * *

Безжалостно строга к веселым полуженам,
которые мужьям рога приносят в дар,
сияя, как луна, всем ликом полуженным,
воркуешь с мужем ты под добрый самовар.

Он для тебя – ночей спортивное событие,
и каждый Божий раз как будто невзначай,
кончая, точно матч ничейный, чаепитье,
его на нежности зовешь ты, как на чай.

12–22 июля 1966

* * *

Поцелуй меня, обалдуй!
Тишину мою расколдуй!

Ты разэтакий, растакой,
растолкай скорей мой покой!

Две недели была одна,
и стонала мне тишина.

Две недели что было сил
мне покой и днем голосил.

А теперь хоть примолк он, но
может выброситься в окно.

Карауль его, карауль,
незабвенный ты мой Рауль!

Поцелуй меня, обалдуй!
Тишину мою расколдуй!

28 июля 1966

* * *

Бульжником тебе под пятку голова! –
Но лысый шар земной – как бедный забулдыга.
И под каблук тебе цветы, и трын-трава,
и всякая душа, как грешная задрыга.

Ты в гамме похоти наивна и нага,
полено бывшее, вселенская Елена,
стоишь презрительно, как голая нога,
где ощупью чулок, долезший до колена.

7 сентября 1966

* * *

Даже если стукнет двадцать восемь,
нет, не покоятся оси глаз.
Смолоду поставлена ты в осень,
как в большой плаксивый плексиглас.

В сереньком стоишь непромокабле.
Хоть бы раз под хвост тебе вожжа!
Нет, тебя не пробирают капли
на ветру дрожащего дождя.

Взвесишь ты любую заковырку
поточней аптекарских весов!
Нет, не проберется кровь в пробирку,
и лицо закрыто на засов.

Склянка, пузыречек человека!
Хоть бы мускус или белена!
Ты чиста, как светлая аптека,
и со всех сторон застеклена.

16 сентября 1966 – 14 марта 1967

* * *

Ой же ты какая не надменная
и ни на копейку не кичливая,
ты моя рублевочка разменная,
не по дням, а по часам счастливая!

Ты клюешь, как дурочка, по зернышку,
по крупицам назобаешь счастьяца,
рада и прихмуренному солнышку,
не горя, если сердце застится.

14 октября 1966 – 25 марта 1967

* * *

Ты трясодушка, дрыгоножка,
знакомая до волоска,
пошла гулять – и, как киношка,
пошла, всенощна и плоска.

Плоска? Ну нет! Скорее – в теле,
и даже несколько плотна,
живешь от фильма до постели –
от полотна до полотна.

24 октября 1966

* * *

Не Лизой или Настенькой –
такая нежность в дичь ей! –
а просто голенастенькой,
с душепоходкой птичьей.

Куда ей кротость Настину,
когда уже зубаста!
И вновь за радость на стену
я не полезу – баста!

Любил зверюгу норковую
до чертиков, до бредней,
ну а теперь зачеркиваю
до черточки последней.

7 декабря 1966

* * *

Богиня доморощенной богемы,
ты пляшешь и живешь на трепака,
и, может быть, годишься ты для геммы
из стали, нержавеющей пока.

Душа твоя – прямолинейней гаммы,
а тело – что же! тело – под модерн.
Погружена ты в гомоны и гамы,
как в ванну, и нежна, как скверна скверн.

9 декабря 1966

В КУБИСТИЧЕСКОЙ МАНЕРЕ

Гляди наглей,
смотри смуглей,
и пей, и лей,
и веселей,
и сдуру блей
за мзду рублей,
ах, чертова цыганочка!

Будь тишь да гладь,
будь впрок, и глядь –
он тут опять,
чтобы раз пять
тебя распять,
Христова блядь
и чертова цыганочка!

25 декабря 1966

В СВЕРХКУБИЧЕСКОЙ МАНЕРЕ

С тобой
я б
был глуп,
слаб,
для бой-
баб
люб,
кто цап,
кто щуп –
хап
и хоп
в храп.

Стоп,
губ
раб!
Хлоп
сноб
с лап!
В гроб
иль в драп.
Ты б
всем тяп,

ты б
всем ляп.
Но всхлип –
что кляп.

25 декабря 1966 – 29 марта 1967

СТАРИННЫЙ

О седое чудо завитков и линий,
шеи выгиб и подол в руке,
ты божественная гибель в кринолине,
смерть с амурной мушкой на щеке.

Смотрит на тебя, воспетую поэтом,
хор придворных медленных светил.
До загробности голубоватым светом
робу живописец поцветил.

И гобои откликаются на это.
Быть с тобою – как открыть окно.
Серебристою походкой менуэта
на мое ступаешь полотно.

25 декабря 1966

* * *

На холст! И когти в холку!
И бейся лбом о лоб!
Как голую монголку,
я мыл тебя и скреб.

Как с бурым телом телку,
с очами ни о чем,
я тер тебя без толку
толченым кирпичом.

По моде, в богомолку
ты нагло улеглась,
умея без умолку
лежать на лоне глаз.

И за плечо, за челку
до самого хряща
закрылась на защелку,
грустя, хрустя, треща.

Ни кобелю, ни волку
до боли не была...
Кобылку-балаболку
не вымыть добела.

27 декабря 1966 – 13 марта 1967

* * *

Подружка-задрывка –
что кружка у рта.
А ежели крышка
и нет ни черта?

Из соли иль боли
она создана?
Не всё ли равно ли –
одна сатана!

И третьего сорта
ей мясо солю,
и лысого черта,
сусоля, сулю.

21 февраля 1967

* * *

Ах, какая же ты вареная!
Ах, какая же ты – судак,
когда рядом, то покоренная,
ну а то как-то просто так.

Никому ничего не отвалится
от недогнувшей красоты,
не отворится, не отварится –
ведь ни рыба, ни мясо ты.

4 июня – 26 сентября 1967

* * *

Ты тихонькая, ты рыженькая!
Поцелуй у тебя малокровен.
В полжизни уже замурыженная,
с собою не станешь вровень.

А хочешь? – скажу и пуще того
(пусть мы и будем порозь),
что лето твое веснушчатое –
как осень и милая морось.

Цена же тебе – барышниковая.
Угонят лошадку – и крышка!
Но останешься мне, тихо-рыженькая,
как эхо и как отрывка.

15 июня 1967

* * *

Будто дурой Венерой к Адонису,
как волной раскосмаченной ó берег,
словно знаю тебя сверху донизу
и изъездил тебя вдоль и поперек.

Сколько кручено – вороха рыжего! –
Сколько взрыда и пьяного кружева!
Целоваться? Так знай отчекрыживай!
Не нарушь того, что обнаружила!

Обнажила, но живо и спрятала,
а оно-то и было хорошее!
На попятный! До вопля проклятого,
до веселого месива-крошева!

13–22 июля 1967

* * *

Шевелишь, как усиком,
каждой волосинкой
и вхлюпье поводишь носиком
над слезой-росинкой.

Лишь кончиками трогая,
сидишь, себя томя, ты,
то кроткая, то строгая,
а крылышки помяты.

Ты легко знакомая,
каждый друг твой – летчик.
Ах ты насекомое,
вечерний мотылец!

Не томись же, милушка!
От себя не скрыться.
Зря ты прячешь в крылышки
чумазенькое рыльце.

Девочкой на лавочке
села ты в босяшках.
Забавная ты бабочка!
Да ведь не вся же в сяжках?

19–24 июля – 12–20 октября 1967

* * *

И зачем так нарядненько?
Или просто привычка?
Слушай, курочка рябенька,
где твое золотое яичко?

Ты живешь не по солнышку,
ты – как зябкая зорька,
и клюешь не по зернышку
то, что мило, и хрупко, и горько.

И не тронет окурочка
обгорелая спичка.
Золотая ты курочка!
Подари хоть простое яичко.

29 августа 1967

* * *

Какая ты удобная!
(На что ж я нападу?)
И добрая, и сдобная,
как счастье на поду.

Натешась, будто мячиком,
любовью в тишине,
ребяческим калачиком
свернулась ты во сне.

От нежности на цыпочки
привстанет и кровать.
Всю, до последней цыпочки,
начну я целовать.

Ах, родинки-изюминки!
И губы – точно вскачь,
когда в глазах безуминки
и дрожь до плеч, как плач.

Вот до пушка цыплячьего
не больше, чем вершок.
А ну, пригладь и спрячь его,
взьерошенный пушок!

Но доброты не выпачкай
любовью враскорячь!
Ты самой нежной выпечки
и тертый ты калач.

8 сентября 1967

* * *

Ресницы тусклые колыша,
голышкой ты легла не зря,
когда идет по краю крыши,
мяуча, рыжая заря.

Глаза зеленые линияют,
врасчес за клоком лезет клок,

а плечи зябнут и пленяют,
и пляшут пол и потолок.

Бесстрастный воздух с серым дымом
тебе как тюлевый халат,
а комната под блеклым гримом –
как недоеденный салат.

На страсть не зарься спозаранку
какой-то кошкой разбитной.
Ведь за царапинку, за ранку
недолго стать совсем одной.

13–20 сентября 1967

* * *

Построенная под углами,
пронзительно ясна без слов,
и в прорезях глаза углями
под барабанный стук мослов.

Бока твои и то скуласты,
любая кость – как честь одру.
Ладони, как о доску ласты,
пошлепывают по бедру.

Канюча ласково и клянча,
в обжорном жевана ряду,
моржовая ты, право, клянча,
добро на холостом ходу!

Вращая острогрудым задом
(иль это рассеченный лоб?),
уводишь за душу, как за дом,
своя и в доску ты, и в гроб.

1 октября 1967

* * *

До бела каленья
поводишь белком.
Повадка тюленья,
походка с жирком.

А милого сальца
вокруг простоты
в тебе на два пальца,
чумазых, как ты.

Под кожею скользкой,
поди, горячо,
и к роже монгольской
прижалось плечо.

Чаруй же и черпай
любовь через край
и нежною нерпой
в постели ныряй!

Но вскоре у нерпы
заметите вы,
что жилы и нервы –
как стон тетивы.

1 октября 1967 – 12–24 июля 1968

* * *

И стыд и боль в тебе оглохли,
тебе не надо даже мзды,
твои огромные оглобли
для грузной созданы езды.

И кто же по добру, по злобе ль
захочет всю тебя до плеч
между раздвинутых оглобелей
в любовь проезжую запречь?

2 октября 1967 – 13 июля 1968

* * *

Не гибкая ваза-подружка,
без поступи гордой амфор,
на полочке ты безделушка,
расписанная под фарфор.

С ресниц твоих злую заразу,
как черные слезы, слизну
и ахну, когда тебя сразу
открою во всю белизну.

Твоей голове беззаветной
не ведать, а мне на виду,
что ты – чистоты несусветной,
как лебеди в Летнем саду.

7–8 октября 1967

* * *

Накрашу я с три короба. Раздета
до скорби ты – и бух на полотно,
где кистью борозду веду я, но
взойдет ли и как скоро в борозде-то,
в первичной, вековечное зерно?

Натурщица настроившейся страсти,
всей наготой ты насторожена

(любовница иль наскоро жена?)
и словно говоришь: «Скорей украсьте,
укройте в краски заповедный срам,
повесьте сверху прелести-мордасти!»
Но если бы тот срам украсть – и
под кистью быть и жить всегда без рам!

И, встав в размах, мольберт раздвинул ноги,
и ты лежишь, подобная мольбе.
В прологе ты легка, как на пороге,
раскинувшись в открытой похвальбе,
и выгибаешься от страсти в эпилоге,
приподнимаясь на локтях к судьбе.

20 октября 1967 – 16 июня 1968

* * *

Тебя нагую полагая
и во главу, и под углом...
Блажная ты и всеблагая,
за телом будто за стеклом.

Затеи нежной не отрину,
пусть даже будет их и три,
но только через грань-витрину
со мною больше не хитри!

22 декабря 1967

* * *

Взгляд пронзительно голый,
а идешь – как поешь.
Гофрированный голос
и улыбочка клеш.

Из какой радиолы
родилась в эту рань?
Глаже, чем гладиолус,
розовеет гортань.

И идут через город,
словно мелкая дрожь,
гофрированный голос
и улыбочка клеш.

26 декабря 1967

* * *

Если пудру с тебя смахну,
если дочиста смою хну,
если с губ оботру улыбку,
если я тебя догола
(только, право же, не со зла!)
ввечеру обдеру, как липку,
то предстанет, как нагота,
деревянная пустота
без дупла и сучков. Но послушай!
Ни скорбить тебе, ни любить,
ни болезной тебе не быть,
а облезлой Матрешей баклушей.

21 апреля – 31 июля 1968

* * *

Ты до муки крестной красива,
так и бьешь изо всех зеркал,
плещешь прелестью! Эка сила –
налетающий тела вал!

Ты с собой ничего не попишешь,
и улыбку соболью – с плеч! –
рвешь долой, когда болью пышешь,
чтобы бурю навзничь лечь.

И устать. Затвориться в ладони,
как в молитву: «Прими мое!»,
и пустив при азартном стоне
себя по боку самое,

чтобы слаще пряника было
дрянь-житье. «Ах, не той стороной!»
И волною прынет кобыла
вновь и смуглой, и вороной.

19 декабря 1968

* * *

Я долго ждал, что ты ужалишь.
Год извивался наугад.
Я брал змею, а взял ужа лишь,
и скользок был безвредный гад.

А кольца – брачных безобидней,
как поцелуев липкий лед,
но и гадюке, и ехидне
даешь ты сто очков вперед.

От доли, видно, слишком доброй
иль оттого, что ты – везде,
кобенишься какой-то коброй,
стоять стараясь на хвосте.

26 декабря 1968 – 17 января 1969

ГРУППОВОЙ

Не ивы, не вербы, не вѣтлы –
не девы, а девичья касть,
и патлы мелькают, как метлы,
во всю заунывную страсть.

Не горько, не сдуру, не гордо,
а так, чтобы как у людей,
орется и пьется в три горла,
когда без себя – веселей,

когда при других, как при деньгах,
когда и беда – молода,
когда на пределе весь день их
и сами при деле, когда

и смолоду – ах! – словно с мола
да в море (в какое – плевать!)
и черные слезы, как смолы,
блюя, над собой проливать.

И плеск их стеклянный, и визг их,
и звон – словно клипсы в ушах,
и горечь от смол аравийских,
и всхлип, и душа – за кушак.

Лицо из пластмассы игриво
и тело как пляс на кругу...
Но вот под гримасами грима
тревога согнулась в дугу.

А вѣтлы? А ивы? А вербы?
Да пусть их в сторонке растут!
Растак их! Что верно – то верно.
И надо кончать институт.

2–12 января 1969

* * *

Прытки, в кротком беспорядке,
набежали прядки,
а глаза перепугались –
заиграли в прятки.

Ах, улыбки-балагурки,
до чего ж вы юрки!
А глаза поразбежались
и играют в жмурки.

Без оплошки, без промашки,
как две сизых пташки, –
оба глаза врассыпную
поиграть в пятнашки.

А в горелки ты согласна?
Иль это опасно?
Но глаза несутся в паре –
гори-гори ясно!

2–27 мая 1969

* * *

Сухую ткань из воздуха кусая,
зубами как соломинки беру
три длинных волосинки поутру
и ими, будто кистью Хокуся,
тебя рисую ивой на ветру.

И ветра завитки уже кружатся,
и коготками листьев острия,
и ты опять, натурщица моя,
от колдовства не можешь удержаться,
взлетая в вихре легкого белья.

И черною взлохмаченною ивой
несешься после ночи на холсте.
Страсть от тебя уже в полуверсте,
и день белеет как бедро, ленивый,
и голый припадает к наготе.

25 августа 1969

* * *

Во всю картину выкатила буркалы,
как будто людям родилась на страх ты,
и бурым голосом медвежьим буркнула
черт знает что с бухты-барахты.

И ух ты! Эким бабьим громом бухнула!
А зенки потемнели, словно назло,
и воспалились, будто два карбункула,
два черных вереда сибирской язвы.

Ты настрого со всех сторон острогана,
ты стражница самой себя сухая.
Не тронута и все-таки растрогана,
из рамы так и лезешь ты, вздыхая.

И вот уже глядишь ты тускло-матово
и застилаешь слезной поволокой.
Растрепана душа твоя лохматая
и занимается сама с собою склокой.

14 ноября 1969 – 8 июля 1970

ГУАШЬ

На свидание, как на вызов,
приезжаешь со всех сторон.

Что ж ты смотришь, как телевизор,
говоришь, как магнитофон?

Ты от бабочки иль бабины
так и хочешь сойти с ума.
И наматываешься на бобины
ты сама или не сама?

Ты ломаешься, как сухарик,
застигая себя врасплох.
От твоих перекатных харек
твой конструктор со смеху сдох.
Кто он был, залихват-механик
или сам забулдыга-бог?

16–24 января 1971

* * *

Живешь себе, не глядя в ноты.
Домой уходишь из гостей,
как будто собрана давно ты
из запасных своих частей.

Да что ж ты, маленькая, что ли,
чтобы на людях слезы лить?
А людям надо ли на доли
тебя, молекулу, делить?

Ты вся доверчива, как взятка.
Берешься – значит, получи!
И счастье в пальцах как десятка,
по мелочам, на калачи.

С улыбкой кроткой и во сне ты
всё потакаешь дуракам.

И, как разменная монета,
ты ходишь по своим рукам.

10 июня 1971

* * *

Она в самый раз изломана,
живет ни клейко, ни марко,
и вся она как из романа
наследников Ремарка.

Душа у нее ноздрястая,
идет, как сыр, на закуску.
Сама то бывает фрястая,
то держится за гузку.

Пускай и неудачница,
а в общем-то баба в теле
И в жизни она как дачница,
и пьет взахлеб коктейли.

31 декабря 1971

* * *

На теле выписанном ни одной помарки,
и каждая любовь тебе с руки.
И в легкой памяти, прилипчивы как марки,
налеплены любовно мужики.

И ты открыта, как садовая эстрада,
куда в обнимку страсть ведет тебя.
Но иногда в страде твоей отрада –
жалеть, лаская и нисколько не любя.

2 марта 1972

* * *

За твою улыбочатую мякоть
и за локоть, точно легкий лоб,
любят пылко мять тебя и шмякать
кусом мяса в лежку – шлеп.

И не диво! Ведь в тебе добра-то
от природы – ох, невпроворот!
Выдаст по две порции на брата
поцелуев твой огромный рот.

Ты себя отваливаешь щедро
на потребу, но и по труду.
Но хранят еще в избытке недра
негу, точно темную руду.

12 апреля 1972

* * *

Козетка записная, как малая книжка,
в которой есть десятки ненужных имен
с пометами: мошенник, насмешник, врунишка,
воспитанный донельзя, но слишком умен.

А вычеркнуть не хочешь – на грош, да забава!
И с каждым ты хохочешь на эти гроши.
Сам бес не понимает, да что ты за баба,
которой все на часик почти хороши.

20 октября 1972

* * *

Ах, взгляд твой вяло-оловянный,
и волосы – как провода.
И кровь в тебе бежит, как в ванной
течет горячая вода.

На ополоснутой эмали
остался мокрый блеск грустцы.
Еще на теле не сломали
белеющие изразцы.

Ты проживешь лет этак до ста,
и оттого, что с первых пор
ты – коммунальное удобство,
великой чистоты прибор.

22 октября 1972

* * *

Кто ты была, и знать неважно.
По жизни бегаешь ты прытко,
и в красках, и многотиражна,
и выставлена, как открытка.

Подобно до-мажорной гамме
повисли белых бус звонки.
До бедр набитые ногами,
смазливо лоснятся чулки.

Твои припухшие запястья
копируют так сладко спину,
и ты в авоське носишь счастье
от магазина к магазину.

И жить с тобою безопасно,
тебе ведь нечего скрывать.
Ты так божественно-колбасна,
что лезешь к Рубенсу в кровать.

21 мая 1973

* * *

Чиста, светла, прохладна
(а сколько раз бабахнута!),
живешь себе – и ладно,
как дверь всегда распахнута.

А всё же нелегко же,
если тело в сутолоке,
когда мороз по коже,
а в самой глуби судороги.

Жалеешь жен безмужних,
с душою зарубцованной.
Ты белая, как нужник,
глазурью облицованный.

22 сентября 1973

* * *

Ты как милое мясо в железной духовке томишься
и от жизни духовной раскрылась с заботою женской,
и доводишь любовь ты до отчаянных слез.
И не жаль погружаться в размякшие мышцы,
выжимая блаженство
из горько-соленых желез.

Словно чертовы рожки, навёрчены бойкие букли,
и размазаны веки, устало опущены щеки,
и под утро как будто после вскрытия ты.
Как фурункулы, губы разбухли,
и прощаешься ими еще ты,
постылой прося маяты.

25 октября 1973

* * *

На то тебе и ночи ведь,
чтоб каждая – как ожиг.
Ты ночи ставишь в очередь
из чем-то не похожих.

Тебе приятно нравиться
и очно, и заглазно.
Но ты, самоуправица, –
невольница соблазна.

И ходишь в мыслях лакомых:
«Чуть кончу, как начну я».
От будней одинаковых
да в чехарду ночную.

12 декабря 1973

* * *

Тело твое сбилось и собрано,
словно страна перед войной.
Ты до души бываешь ободрана,
как ноги, взгляд расщеперя двойной.

Этому – залпами – двуглядью,
имя – атака! А дело – в плевке.
Крошкой и лапушкой, сладкою блядью
вертишься ты на чужом языке.

К тому вот – со страстью, а к этому – с чином
страх потерять тебя погнал.
Нет, ты не тост для банкета мужчинам,
ты – как ракета, к атаке сигнал.

Тебе навстречу змей пятиглавый,
поручик бравый или ковбой.
Казачьей лавой, шальной шалавой,
оравой ночи летишь ты в бой.

Для тех – на потеху, для этих – на смех.
Хохочут плечи, гремит спина,
но вечно настезь и вечно наспех
всё тело грохочет, как война.

Сырье солдатам и анекдотам,
боеприпасом ты улеглась.
К тебе бросаюсь я, а не к дотам
твоих трассирующих, как пули, глаз.

2 февраля 1974

* * *

О.

Кажется, каждой минутой готова пригультиться,
кажется, взгляд дребезжит, как звонок.
Стелется музыка, будто бы узкая улица,
музыка – ах! – любострастных ног.

Сколько накручено, сколько наворачено птичьего,
сколько гадючьего – даже смешно!
Тело такое, что даже тебе не постичь его
было бы просто грешно.

Ночь 17–18 мая 1974

* * *

Всегда хотелось быть самой –
не полем перекатным,
не переметною сумой
и не лежачим камнем.

И кто-то камень уволок –
просторнее растению.
Бед безобидных диалог –
он вроде спора с тенью.

А тень туда, а тень сюда,
и солнце на дороге,
и чувства ждут, как ждут суда,
и долю носят ноги.

Нет ни двора и ни кола,
и кол забить забыли.
И вышли боком зеркала,
и зла в глазах – как пыли.

28 ноября 1974

КЛАВДИЯ

У девочки-трепачки
глаза – как два сверла,
и курит по три пачки,
и дует из горла.

А может быть, и враки.
Она не из матрех,
живя в законном браке
и в незаконных трех.

Ну, а по всей-то правде
дивятся: «Каково!»
Когда у этой Клавди
и нету никого!

Когда в тоске рабочей,
с лицом от дум худым
размазанные очи
и залихватский дым.

Когда у ней не пара,
а, может, триста ног,
и пуще самовара
гудит внутри станок.

Грехи и дней и ночек
ей отпусти, горлит!
Невидимый станочек
саму ее сверлит.

27 декабря 1974

ВАЛЕРИЯ

Раз-другой ты встречена –
и забыта робость,
а потом и трещина,
а потом и пропасть.

Вежлива, приветлива,
всё тебе игра, вишь.

А целуешь въедливо,
как гравюру травишь.

Пакость ты и резчица
по кости любовной!
На заре мерещится
скрежет твой зубовный.

Иль в тоске ремесленной
сжалась ты от жара?
И в истоме песенной
стонешь, как гитара?

Страстью ли ты выгнута
иль взяла сноровкой?
Или всё достигнуто
самодрессировкой?

Так что всё в порядочке —
выписано мелко,
до последней складочки,
милая умелка!

Не тоскуй же, резчица
по кости любовной!
На заре мерещится
скрежет твой зубовный.

16 января 1975

ТИНА

Где ты, думочка моя,
раскладушечка?
Где ты, душечка моя,
поблядушечка?

Во мгновение очей
и без паники
ты меняешь любачей,
словно штаники.

А чего же, всё с одним
да без пронизу?
И под ним ты, как над ним,
сверху донизу.

Можно жизнь разодолжить
глуховатую,
можно слуху заложить
ухо ватою.

Сдача с жизни три гроша
да и баночка.
Тем-то ты и хороша,
заебаночка!

22 января 1975

НОРА

Из не очень-то юных ты самая ранняя,
с губами желчнее билирубина.
Ты прекрасна, как двигатель внутреннего сгорания,
и в жизни вращаешься, как турбина.

Однажды увидел тебя в ресторане я.
Тебя завели, как мотор, двухтакто.
И ты завелась до перестарания,
до последнего выхлопа. Так-то вот, так-то.

Милый двигатель, полный внутреннего сгорания,
весьма надежный по технической сути,

и марка всемирная, и на год гарантия
безотказной работы, хоть на мазуте.

27 января 1975

* * *

На холсте тебя иль в яви я
вижу медленно и тихо,
благодатная Вирсавия,
третьей гильдии купчиха,

всё твое расположение,
где любые хватки гладки,
негу жиротложения,
завернувшуюся в складки.

Ты пейзажами да видами
открываешься в купальне.
Но такая ли с давидами
на гуляньи или в спальне?

18 сентября 1976

* * *

Жили да пожили,
и пошло на низ оно.
На белой на коже ли
это записано?

Что же досужего
взять довелось
из рыжего кружева
твоих волос?

Иль неказистые
ночи да дни?
Такие транзисторы,
что Бог оборони!

И сама не зная
того, что прошло
и что ты иная,
глядишь презло.

22 сентября 1976

* * *

В нечаянно больших очах
какой казоткою козлиной
ты чудишься и как зачах
твой стан, подняв свои маслины!

Стыдливый стан наперелом
и взгляд смиренный и бездонный,
и в нем, прикрытая крылом,
ты – голубиною мадонной.

И, как из глаз, поток волос
тебя одел как бы нагую,
и мне увидеть довелось
фигурку эту дорогую

на полотне. Какой злодей
тебя бы в яви опрокинул?
Не оттого ли от людей
оригинал куда-то сгинул?

7 февраля 1978

КНИГА ЦВЕТОВ

САД Вступление

Написать на куртине бы лето!
И от солнца холст полосат.
Как в последней картине балета,
весь на сцену выходит сад.

От решетки и до калитки,
словно прыткие пастушки,
пораспрыгались маргаритки,
но прыжки их лишь на вершки.

Ход подсолнухов одинаков:
тик да так они, так да тик.
Бьются в такт им юбочки маков.
Жмутся нежно фижмы гвоздик.

И петуний китайские шляпки
закивали во все углы...
Свищут пеночки, и оляпки,
и малиновки, и щеглы.

Георгины еще в покое,
а пионы уже трубят.
Но, как лебеди, спят левкои,
Лознгрины белые спят.

В страсть кидаясь и в пыл шиповный,
разворачивают розы рты,
размалевывают, как поповны,
девы-мальвы себе черты.

И звенит жемчугами франта,
из зенита идет в надир
голос – палевое бельканто,
гладиолус, тенор, Надир.

И статс-дамами астры встали
в перьях страусовых, и вот
сам Прокофьев ведет из дали
королевских лилий гавот.

И от солнечного оркестра
расписной и зной и туман.
Машет палочкой август-маэстро,
сумасшедший балетоман.

Нет, не в «Фаусте» заклинали,
вас, цветы, именами менад...
Это в летнем балетном финале
весь на сцену выходит сад.

3 декабря 1944 – 22 марта 1965

НЕЗАБУДКИ

Среди травинок-заковык,
о лучшей жизни не заботясь,
среди миазмов луговых
мечтает мирно миозотис.

На скромной кожице ланит,
былое трогая глазами,
он небо блеклое хранит,
придерживая лепестками.

Ты знаешь ли, цветков разлук,
что память в горестях повинна?

И вокруг тебя несется луг,
как бы зеленая лавина.

Травы взволнованный развал,
раскат ложбин, и ям, и кочек...
И как бы ты теперь назвал,
ботаник, крохотный цветочек?

Сумеет ли себя сберечь
от горькой памяти рассудок
среди горячих нежных встреч
в толпе внезапных незабудок?

19 ноября 1939 – 24 ноября 1945

ГИАЦИНТЫ

За столом сошлись они
у какой-нибудь Элизы
и лениво тянут дни,
раздушенные маркизы.
Да, они вступили в свет,
как актеры на подмостки.
Не шелохнется – о нет! –
важных париков прически.

За столом сошлись они
в расцветающей беседе,
ставя, словно западни,
благовоннейшие сети.
Не шелохнется – о нет! –
вся курчавая громада.
И с соседкою сосед
преисполнен аромата.

За столом сошлись они,
белый, палевый и синий,

декламируя Парни
и вздыхая по Расине.
Рядом тренькает спинет,
и, склоняясь в сумрак мгlistый,
не шелохнется – о нет! –
гиацинт, маркиз безлистый.

21 ноября 1942 – 1962

БАЛЬЗАМИН

Отыщу ль замену бальзамину?
Милый утащил его тайком.
Сгинул так, что нету и помину.
Не за милым я – за стариком.

Больше не цветет мое оконце.
Вот опять к весне подходит год,
но теперь в окне моем на солнце
греет кости серый важный кот.

Ах, судьбы ль злодейки я не мину?
И, кусая носовой платок,
отыщу ль замену бальзамину?
Где же ты, мой ситцевый цветок?

8 декабря 1942

РОМАШКИ

Сегодня у меня привольные замашки –
не часто выпадут такие дни.
За размышление только шаг шагни,
и вся природа у тебя в кармашке.

Как на тарелке, по лугу – ромашки.
Ну так и слопал бы я сочный луг,

еще дымящийся, как будто с пылу с жару.
В приправу бы сюда укроп да лук!
(А солнце поддает, как из ушата, пару.)

Ей-ей же, каждый маленький цветок –
в белке сидящий целиком желток.
Над снедью утренней вертится стрекоза.
Без ложки я стою великим Титом
и завтрак на голодные глаза
разглядываю с аппетитом.

22 декабря 1942 – 1962

ФУКСИЯ

Вся в розовом поповна...

А. Белый

Ты будто бы церковка, словно
звенят колокольчики, – и –
и холит любовно поповна
вседневно листочки твои.

Живи-ка себе, не печалься!
Идет от обедни народ.
На волнах романса и вальса
гитара, как лодка, плывет.

О, сколько и блесков, и сверков
мелькает на светлом окне!
И ты, и поповна, и церковь –
вы троицей кажетесь мне.

Ей в Троицу солнце дерзило,
сулило любовнейших благ,
и семинаристы-верзилы
откашливаются в кулак.

Смущенно глядят лоботрясы,
в жестокий их кинуло жар
от батиной шелковой рясы,
от дочкиных розовых чар.

Сияет дородный, подовый
в улыбке румяной пирог,
и грузно сапог стопудовый
во прах попирает порог.

Что щеки, блестят голенища.
Такого в дугу не согнуть!
А мнется, как будто ленища
притворе еще раз шагнуть.

Остался в ушах от обедни
чуть слышный малиновый звон,
и вот поднимаются бредни:
поповна! О сдобный сей сон,

который приснился намедни...
Ох, праздничный сбудется сон,
и сплетни, и плутни, и бредни,
в ушах оглушительный звон.

Какая же пропасть напраслин!
Радушья какая же тьма!
Пирог и улыбчат, и маслян,
лишит языка и ума.

Кому же достанется тук сей,
кто в битве развеет врагов
за царство гераней и фуксий,
подушек, перин, пирогов?

22 декабря 1942 – 1962

НАСТУРЦИИ

На садовом, ах, карнавале
и на масленице цветов
еще издали вас узнавали,
зазывал, крикунов, шутов.

Под зелеными зонтами мелькая
(а зачем вам дождя бояться?),
вы бежали из чертова рая,
вы, издрыгавшиеся паяцы.

Капюшоны по ветру кинув,
санбенитные колпачки,
то теплятся, а то треплются
капуцинов иль арлекинов
злые огненные язычки.

29 декабря 1942 – 27 августа 1962

ПИОНЫ

Дни, будто губы, открытые настежь, сухи.
Дышит со всех концов по-медвежьи сад.
Пышут пионов пунцовые оплеухи –
влеплены в зелень истошную, еле висят.
Пышут пионы, румяные как молодницы.
Жарко. И жалко, что нет у них ног.
Ин побежали б испить студеной водицы,
смыть бы и страсть и стыдобу со рдеющих щек.
Нет! Воспевать я пеаном не стану пионы.
Грудью каждый цветок напирает, груб, похотлив,
по уши красен от срама, и в плоти зеленой
мечется буйного жара прилив и отлив.
Нет! Будто бабы с огромной и грозной утробой,
пахнут похабно, распахнуты хамски они.

К ним приложить воспаленные губы не пробуй,
пальцев тревожных и хрупких к ним не тяни!

8 июня 1943 – 1962

ГВОЗДИКИ

I

Загремели, грубо-дики,
солнечные трубы лета.
В белых юбочках балета
гибконогие гвоздики
стройно тронулись по грядке
в музыкальном беспорядке,
и, играя с тенью в прятки,
кверху прыснули легко
лебединые трико.

II

Для плясуний полуголых
шьют узоры музыканты,
и пунцовые галанты
в мексиканских камзолах,
пряча смелую усмешку,
подлетают вперемешку,
завершая перебежку,
и, сгибая стройный стан,
дивный делают батман.

III

Или это менуэта
переливы и аккорды?

И <казотисты>, и горды
девы легкие балета.
Вот античный, романтический,
эротичный, но приличный,
чуть циничный, но сценичный
пляс Орфеев-Эвридик,
бело-алый ад гвоздик.

1943–1962

АСТРА

В брильянтах и в боа по золотым садам,
осыпана росой, как жемчугами,
она в цветочной сутолке и гаме
идет походкою придворных дам.
И что скажу о сей осенней даме,
какое прозвище ей дам?
Что делать мне с погодой августейшей?
И не придумаю. Но все-таки в саду
аристократку медленную жду,
пью чай подчас и, вспомнив между тем
спесь пышную бездушных хризантем,
я фрейлину крещу с досады гейшей.

16 января 1945 – 26 марта 1965

ФИАЛКА

Нет, ничего нельзя постичь ей,
сей замарашке неземной.
Глазами памяти девичьей
она раскрыта предо мной.

Отчаянных не зная ливней,
не смысла в грозах ни аза,

всё удивленной и наивней
колышатся ее глаза.

Перстами легкими Авроры
и всей душою належке,
она протягивает взоры
на утомленном стебельке.

В зеленой бойкой перепалке,
на рынке солнца, трав и вод
в прелестной девочке-фиалке
недоумение цветет.

Не от росинки ли бороздка
на притаившемся листке?
Иль ночью с робостью подростка
она заплакала в тоске?

Иль ей приснились душегубы?
Иль просто рано поднялась?
И я протягиваю губы,
касаясь изумленных глаз.

20 мая 1945 – апрель 1965

АМАРИЛЛИС

На оконце от солнца и скуки
напрягаете руки, как луки,
чтобы зеленью влажной блестело
умашенное девичье тело.
Вы подобны охотницам-девам
и багряным раскроетесь гневом.
Цвет багровый и радостный звонок,
словно клич боевой амазонок.
И смиренная эта светлица
не теплица для вас, а темница.

Отчего же вы с нею смирились,
амазонка моя, Амариллис?

21 мая 1945 – 1965

МАТТИОЛА

В серенькой зелени скромницею ты
прячешь от солнца пряные мечты.

Вялая монашка, скутав лепестки,
сохнешь ты от света, скуки и тоски.

А лишь свечереет в мире, как в саду,
страстная тихоня, я к тебе сойду.

От прохлады теплая пробежится дрожь,
и навстречу мне ты всей душой пахнешь.

Счастлив, кто нежданно к вечеру обрел,
как любовь, глубокий запах маттиол.

22 августа 1945 – 19 апреля 1965

ПЕТУНИИ

На прогулке летней
слушал я петуний,
легких лепетуний,
маленькие сплетни.

Не назвать цветком их –
барышень обличье,
болтовня девичья
дачниц о знакомых.

Сплетенки несутся,
пробираясь в дамки.
Пестрые панамки
со смеху трясутся.

8 декабря 1945 – 25 апреля 1965

ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК

Как он извивается в позах! Он, точно придворный,
таким менуэтиком бледно-зеленым
и вкрадчиво дышит, и пышет как будто притворно.
Он пажик, себя возомнивший влюбленным.

Воздушные плутни! Ни дать и ни взять, Керубино!
Подросток, намного ли выше он крошек?
Ему ни к чему изумруды, сафиры, рубины.
Он скромненький, он просто душистый горошек.

Он усики крутит и с виду как будто храбрится,
а смелости, право же, нет ни на грошик.
С объятьями лезет и дрожью росы серебрится
душистый горошек, душистый горошек!

В любом менуэте, в танцующем важно букете
он будет одним из наивно-хороших.
И дразнят его, как пажа, в ботаническом свете:
«Душистый горошек, душистый горошек!»

13 октября 1946 – 1965

ПОДСНЕЖНИК

Приподняв головкой прутик,
весь в младенческом пуху,
ты малышка, ты малюттик,

ты такой большеголовый!
В скромной рощице еловой
ты стоишь, как на духу.

Ветер тычется в скворешник,
с треском мечется ручей.
Ковыляешь ты, подснежник,
на одной пушистой ножке
по застенчивой дорожке,
одиноким и ничей.

Удивленным детским глазом,
чудо крошечное, вслед
смотришь лучикам-пролазам,
как из мокреньких пеленок
свежевывнутый ребенок,
собственным теплом согрет.

1 февраля 1947 – 23 мая 1965

СИРЕНЬ

В соцветьях, как в гроздьях созвездий,
ты – куст налетевшей Вселенной,
а листьев эфирная зелень
горчит и язык мне вяжет.

Кто будет твоим звездочетом
и счастье кто выищет в гуще
цветочной, где вечные пчелы
мелькают, подобно кометам?

Какой астроном бесшабашный,
какой обыватель смиренный
не вздрогнет в испуге счастливом
от пышущей пышности этой,

от вечности этой весенней,
бегущей звездистым потоком
лилового мира Сирени?

20 апреля 1947 – 30 мая 1965

ГЛАДИОЛУС

Как ласков твой атласный голос!
Прекрасен ты, но не цветист.
Ты не любитель, а артист
под псевдонимом Гладиолус.

С тобою буря зря боролась,
ты непокорен, ты плечист,
с мечом зеленым ты артист,
ты – гладиатор, Гладиолус!

На тонкой паутинке волос
не замахнется острый лист.
Ты честен, милостив и чист,
не шпажник ты, а Гладиолус.

5 апреля 1951 – 21 декабря 1965

РОМАШКИ

I

Как справиться с ворохом лета?
Из-за пазухи душу вынь.
И ромашки глазками омета
заглядятся на звонкую синь.

Жаркий луг, как горячее блюдо,
мне подносят без всяких приправ.

Пышен он – это свежее чудо
из безветрия, страсти и трав.

Ты – глазунья. И, как в ресторане,
словно гостя боясь упустить,
сколько разных – напрасных – стараний
тратишь ты, чтоб меня угостить.

И, крахмальной наколкой одета,
за веселыми стеклами дня
этой лишней яичницей лета
до отвалу ты кормишь меня.

II

В сарафанах из робкой сарпинки
и в косынках простой желтизны
вы бежите вдоль каждой тропинки,
вы несетесь к реке с крутизны.

Вы кудесницы дум и гаданий,
вы приметы счастливого дня,
вы наперсницы жарких свиданий,
деревенская астрам родня.

Это милые вас покидают,
это в «любишь – не любишь» игра,
это вас же дожди ожидают,
это вас пожирает жара.

Знаю: лишь в ожиданье поверь я,
как удрит мне иней в виски.
И летят, как гусиные перья,
вместе с ветром на юг лепестки.

14 октября 1956 – 14 февраля 1966

ВАСИЛЬКИ

Из-под косматой ржи глядят –
и зной и стон от жара.
Я знаю этот синий яд,
он горестней угара.

Цианистая глубина
немедленной отравы:
не оторвешься, пьешь до дна,
нет на нее управы!

А эти лохмы вроде ржи
и брови – что колосья.
Держись, дерзи или держи!
Держусь, но на авось я.

Долой сумятицу волос,
растрепанных до дури!
Зачем хлебнуть мне довелось
токсической лазури?

Цветы! Я злость на них сорву
за эту стерву-выдру
и, словно сорную траву,
из сердца вон повырву.

21 апреля 1957 – 11 марта 1966

КОЛОКОЛЬЧИК

Сколько их, лиловых голов,
на зеленом пустом лугу!
Я бреду себе, цветолов,
а глазами вперед бегу.

Растекается песней рань,
разливается всклянь река.
Глянь, какая летняя ткань,
как легка она у цветка!

Колокольчики, юбка-клеш,
сухопарые стебельки!
По траве пробегает дрожь,
останавливаясь у реки.

А прислушаюсь – не звенят,
и не тенькнет на них роса.
Пусть же мне глухоту извинят
Христа ради луга и леса.

31 августа 1964

НАРЦИСС

Осторожней! Не запачкай!
На пуантах выйдя к речке,
он взлетел балетной пачкой
при оранжевом сердечке.

Лепестков беззвучных лепет
словно в воду облетает.
То, что легкий танец слепит,
или блекнет, или тает.

Он недужный чистотою,
так и чахнет ей в угоду,
и такому легкостою
тяжело глядеться в воду.

29 июля 1972

ТЮЛЬПАНЫ

Среди цветов находятся счастливики,
которых нет невинней и блаженнее.
Тюльпаны, как девические лифчики,
напряжены до обнажения.

Цветной толпой, как на морском побережии,
бегут в траве, чтобы купаться в будущем.
У них весна, и дни, как ветер, свежие
летят под небом незабудочьим.

У них весна, а в чувствах гололедица,
и где-то лето адски раскаленное.
У них весна. И в пальцах стебли cedятся,
как молоко светло-зеленое.

13 апреля 1973

КАННЫ

Парное утро розливо в стаканы.
Приходит сад и просится в стихи,
а на верхушке каждой клумбы канны,
как окровавленные петухи.

Зеленые, как ярь-медянка, певни
в молчании и ярости тугой
багровые приподнимают гребни,
сгибают каждое перо дугой.

Они пока друг друга злостью ранят,
корнями землю роют и молчат,
а кажется, что скоро загорланят
и красным криком озарится сад.

И кажется, с утра дойдет до драки,
и ждут ее, как нежного дождя.
Вот на тебе! Цветы, а забияки!
И петушатся, с места не сходя.

3 июля 1973

ЖАСМИН

Ввечеру, потеряв рассудок,
сад настал, как дремучий миф,
и заглядывает в сонный сумрак
белоглазый Аргус-жасмин.

И, зачуяв влюбленный запах,
хочет тем же ответить сам,
да на пост он, как пес глазастый,
всунут с вечера в нежный сад.

И жасмин, как солдат, пока жив,
всё чужую любовь сторожит.

3 июля 1973

МАЛЬВА

Ах ты, розовая верзила,
ах ты, дьяконовская дочь,
ты родителям надерзила
и сбежать пригрозила в ночь.

В час коров, и овец, и пьяниц
ты ушла при последках дня
наводить на себя румянец
там, где пала тень от плетня.

И тебе, такой сухопарой,
нет-ничто в вечернюю мглу
с кем попало отчаянной парой
по родному шагать селу.

Петушиной любви иль львиной
ты дождешься, как вброд идя
твердой девой, Мальвой, Мальвиной,
не отряхиваясь от дождя.

26 июля 1975

ГЕОРГИН

Для зренья ты – как барабан для слуха.
Чуть что – и в драку ты полезешь враз.
Ты как расцвеченная оплеуха
на буйно-пышном пире с пьяных глаз.

Гетера Даля! Ты злой и злачный,
грудастый, мускулистый андрогин.
То жмешься в фижмы, то в комок кулачный,
на оргии осенней георгин.

И вы гордитесь, что от ваших оргий
ромашки в унижительном восторге.

28 июля 1975

LILIA REGALIA

Мой ангел пуком лилий царских
меня поздравил в именины,
и с дальних островов Канарских
мне соловьино пели вина.

В день ангела мне чувства слили
на фоне дружного заката
благоуханье царских лилий
с янтарной желтизной муската.

И нежно смешивает нюх
гармонию седин боярских –
мускатный соловьиный дух
с благоуханьем лилий царских.

Гостей под вечер увезло,
но чувства сладость мне продлили,
мускат мешая как назло
с благоуханьем царских лилий.

18 июля 1980

ГИАЦИНТЫ

Они идут, как духовитый вызов
от юноши в курчавом парике,
и сохранилось естество маркизов
в малиновом иль синем старике.

Тяжелые алонжевые букли
не знают повседневной суеты,
и пряностью восточною набухли
среди узкой, жирной зелени цветы.

И сочиняют нежные сонеты
для Лилы, Клелии и для Аминты,
глядя сквозь золоченые лорнеты
и уйму аромата, гиацинты.

22 февраля 1981

КНИГА ГРИБОВ

ВСТУПЛЕНИЕ

Утратил я старинную охоту
шататься в лес на зверскую охоту.
Удиль я, как и прежде, не люблю
и рыбу бреднем больше не ловлю.
Осталась к старости для Дон-Кихота
последняя бескровная охота –
с благословенья матушки судьбы
великая охота по грибы.
А посему отрада старика,
как дедушки лесовика,
как истинного лесника,
делянки ельника, массивы сосняка
да белоствольная страна березняка,
где водится такой мохнатый груздь,
что разгоняет всяческую грусть.
Вот и охочусь вслед за тетей Зиной
с кошелкой или с маленькой корзиной,
большую же, в которой много весу,
хотя и нагружу, а не допру из лесу.
Горит моя вечерняя заря,
как подосиновик в начале сентября.
А сам я всё еще довольно крепок,
покрепче сказочных дедков и репок.
Ведь белый гриб, от радости дрожа,
возможно одолеть без помощи ножа,
то есть вытягивая понемножку
за толстую, как бабья ляжка, ножку.

23 августа 1980

ЛИСИЧКИ

Весьма прелестен лес былинный,
и сказки рассказывает он,
а над великою долиной
вдали плывет рассветный сон.

Кощей в руках у Василисы,
и дремлют хвойные кремли.
И вылезли, желтея, лисы,
как лилии, из-под земли.

В лесу и сам, как на картине
в подводном царстве, ты идешь
и урожай лесных актиний
в корзинку дряхлую кладешь.

28 августа 1977

ВОЛНУШКИ

Опять настали дни отличные,
затягивают точно тина.
Опять мелькают пни брусничные,
опять летает паутина.

И ползают жучки, как буковки...
А вот волнушки-невелички
сидят, как розовые пуговицы,
на платье лаковом бруснички.

Найдутся ли еще подобные?
И кто сумел их так прозвать?
Но эти пуговицы съедобные
необходимо оборвать.

28 августа 1977

ГРУЗДИ

Когда в сентябре приступает осенняя грусть
и лес пестротой начинает глаза мне колоть,
тогда вылезает из листьев медлительный груздь
и греет на солнышке белую плотную плоть.

Потом по тарелке от вилки бежит он скользя,
потом отправляется вслед за зубровкой в рот.
Тогда и зимою не вспомнить бывает нельзя
и запах сырой и грибной боязливый народ.

Ночь с 1 на 2 сентября 1977

РЫЖИКИ

Я шагаю, а за мной
волочится дух грибной.

Прохожу я мимо пней
напрочь спиленной судьбы.
(А этот, вставший на дыбы,
медведя будет покрупней!)

Пни и дни меня минуют
и нимало не волнуют,
ибо я довольно стар
и шиплю, как самовар.

Наживаю я с лихвою
воздух, волю, ветер, хвою
и холодную зарю.
На заре грибы смотрю.

Глянь, среди белых кочерыжек
розовеет нежный рыжик.

Мой хороший, мой пригожий,
ты веснушчатую кожей
глянул в зелени сырой,
словно свеженький герой.
Шляпка без единой латки
на оранжевой подкладке.

А вокруг твои собратья,
и в корзинку их собратья я,
уж конечно, соберу.
А на зимнем на пиру
запах рыжика веселый
прянет прямо из засола.

И, как в лесу, он так же прян,
но еле может повернуться
и осклизается на блюде,
как будто пьян, как будто пьян.

7–22 сентября 1977

БЕЛЫЙ

Глядит он из-под дуба, кулак ядреный,
на плюшевой подкладке бледно-зеленой.

Обтянут он сверху коричневой кожей,
на перчатку боксера очень похожий.

Ишь, здоровяк какой! Скажи, кулачище,
кто тебя здесь в роще крепче и чище?

На все руки ты мастер, сильный и кроткий,
хорош и в похлебке и на сковородке.

Знаешь ли, сегодня, жирный ты барин,
в белой сметане будешь зажарен.

Но даже телесной плоти лишенный,
на нитке повешен, хорош ты сушенный.

На все руки ты мастер и, если надо,
поддержишь на славу честь маринада.

Беляк и кулак ты с самого детства.
Съем! Но сначала дай наглядеться!

12 сентября 1977

МОХОВИК

Легло болото, как половик,
в осенней лесной светлице.
А с краю красуется моховик,
как будто скопец желтолицый.

Стоит, не таясь, и воду пьет
и губкою и ножкой.
Живет, наживая живот, да вот
мужиковат немножко.

Но проживет он не века
у мокроватой тропки,
и мужичка-моховика
слопают в похлебке.

19 сентября 1977

ОПЕНКИ

Вот пень, усеянный до пят
веселой россыпью опять,

и желтолицые опенки –
как тонконогие ребенки.

И скоро б можно – благодать! –
их целый короб наломать.

А доверху набить ведро
и вовсе будет не хитро.

Но знаете ли что, опята?
Вы слишком дружные ребята,

и скучновата для меня
веселая возня у пня.

27 сентября 1977

РЯДОВКА ФИОЛЕТОВАЯ

Из травы нечесанной ловко
нам подмигивает вон та
разгулявшаяся рядовка
под лиловой сенью зонта.

Улыбается понемножку.
Черт ее сюда приволок!
Охватил лиловую ножку
фиолетовый же чулок.

Под зонтом бродя спозаранку,
еле выбралась на межу.
А возьму-ка эту поганку
и на сковороду уложу.

Ибо дух от ней не поганый,
а уж тело – не расколоть!
И как будто вышла из ванной –
так тепла лиловая плоть.

А изжарится – станет ближе
даже самого сладкого сна.
Рядовая, а вот поди же,
до чего же она вкусна!

11 октября 1977

ПОДБЕРЕЗОВИК

В тоненьком березничке,
в жиденьком березнячке
девочка в передничке
с корзиночкой в руке
в грибных застыла грезах,
как будто от любви,
а рядом подберезовик
нашептывает: «Рви!»
Средь солнечных хоромин
из палого листа
глядит грибочек, скромн,
как девичья мечта.

21 октября 1977

МУХОМОР

На поляне алеет пятном
ядовитый седенький гном.
И стоит он невдалеке
лишь в едином белом чулке,
ибо этот пьяный чудак
потерял последний башмак.
Но и так он может гулять
и в одном чулке щеголять.

7 декабря 1977

ПОДОСИНОВИКИ

Как девка в расписной косынке,
осенняя пора груба.
Стоят у жалостной осинки
два толстоногие гриба

и, подминая листья палые,
марают белые чулки,
показывая солнцу алые
и наливные кулаки.

В чулках шагают, хоть и сыро ведь,
и на поляне колготной
дают себя сфотографировать,
но чтобы снимок был цветной.

А осень до последней мошки
прозрачна, и во мху набряк
подъятый на пузатой ножке
кумачный, как щека, кулак.

28 апреля 1978

ШАМПИНЬОНЫ

Шампиньоны – грибы дворовые,
но дворовые вы дворяне,
и за ваши тела здоровые
варят вас в кастрюле, как в бане.

Со сметаной вас сосватаю
и подливу хлебну трикраты.
Ваши рубчики розоватые
выдают в вас аристократа.

Грибникам вы обходитесь дешево,
ведь народ вы непотаенный.
Вам желаю всего хорошего
в белом соусе, шампиньоны.

21 сентября 1978

СМОРЧКИ

Идут, одеты в белые чулки,
коричневато-сизые сморчки,
как сморщенные тихо старички.

Они в апреле наострили лыжи,
по-стариковски слизисто-бесстыжи
и поминутно мучаясь от грыжи.

Отваривают старичка в чулке,
что колдуна в кипящем молоке,
чтоб не было отравы во сморчке.

Потом они, как черти в околотке,
валяются на жирной сковородке
и лезут в жадный рот, вкусны и кротки.

23 марта 1980

РЫЖИК

Еловый рыжик крыт зеленым лаком,
а испод у него ну что гармошка рыж.
Но всё равно до рыжиков я лаком.
Еловый рыжик сверху – словно чиж,
а снизу выглядит вареным раком.
Зачем же, милый, снизу ты горчишь?
А я тебе кажусь каким-то вурдалаком,

сосущим беззаботно и легко
твое едучее не кровь, а молоко.
И радуется меня, как чиж веселый,
еловый рыжик вятского посла.

31 мая 1980

КНИГА ЯСТВ

ВСТУПЛЕНИЕ

Я – человеческий закон, обшитый кожей,
и, стало быть, чревоугодник Божий,
и мне является без всякого стыда
соблазном женским разная еда.
Я пастырь здесь, а на столе, как паства,
смиранные толпятся яства,
и каждый день идет многообразный люд
из утешительных, благоутробных блюд,
и суть особую я вижу в каждом блюде,
ведь кушанья причудливы, как люди.

Конец мая 1978

ЩИ

Когда алчба берет тебя в клещи,
то лучшего, чем щи, любезный, не ищи!
Они нимало не коварны,
они по-женски жирны и наварны.
И посылает в них тебе Господь
такой увесистый мясной ломоть,
а к этому ломтю пшеничную краюху,
чтоб угодить купеческому брюху.
Ах, щи! Они, как сонные царевны,
угодливы и ежедневны.
И вот какие с нами шутят шутки –
они еще милее через сутки,
когда отбившийся от рук желудок
войдет во здравый разум и рассудок.

Конец мая 1978

ПОЧКИ ПО-РУССКИ

Хороши по-русски почки.
Как ядреные девочки,
округляются оне.

Ишь, как выставились вкусно
эти перси, эти гузна,
закипая на огне.

И лежат девочки в латке
и желтеют, как мулатки,
и упруги их мяса.

Ем их, как султан счастливый,
и с капустой, и с подливой,
аж из глаз бежит роса.

Без усушки, без утруски
почки сладостны по-русски
и ласкают мой язык.

С ними я, султан в гареме,
провожу блаженно время
как единый долгий миг.

4 июня 1978

БЛИНЫ

Люди с детства влюблены
в масленичные блины.
Блин округлый и румяный
на тарелке распростерт,
густо набелен сметаной,
в масле вывалян, как черт.

Он рожден мукой, водой,
печкой и сковородой,
и проводит век короткий,
распротясь со сковородкой.
Вроде прост, однако щеголь.
Позавидует сам Гоголь,
ибо пред утробой он
будто дама расфранчен.
Плоти простенький покррой
украшает он икрой.
По застолью на весельи
порассыпалась краса –
кетовое ожерелье,
словно красная роса.
Или он, размятый, чистый,
примет вдруг арапский вид,
и тогда икрой зернистой
он полтела насурьмит.
А потом свернется в трубку,
прихватив говяжий фарш,
и, как к барышне под юбку,
он в утробу шагом марш.
Он подносит рюмку водки
и скользит с куском селедки
без хлопот и без забот,
как в ущелье, в пищевод.
Дюжиной блинов, бывало,
нажирались до отвала.
А теперь, увы, у нас
блин бывает без прикрас.
Нет былых блинов в природе,
и по старой русской моде
блин бывает на столе
в праздник разве что в Кремле.

7 июня – 25 октября 1978

ОКРОШКА

Рыжий квас, тебя бы я возвысил
пуще молока за то, что кисел
в самом деле, а не понарошке.
Годен только ты в дружки к окрошке.
А окрошка шибко широка,
всё берет в обнимку до куска.
Лук – так лук, картошка – так картошка,
яйца, огурцы – на то она окрошка.
Всё вали к ней, как на именины.
И в объятиях прохладных кваса
плавают кусочки солонины,
ну а с ними тертой редьки масса.
И ласкает массу неустанно,
улажая, милая сметана.
Ох, окрошка – это разговор
и перипетий, и катавасий.
Целый огород и скотный двор
уместился в этом кислом квасе.

11 июня 1978

ЦВЕТНАЯ КАПУСТА В СУХАРЯХ

На людях плотна она, как белица,
а как распарится в соленой бане,
так начинает на сочлененья делиться
и смягчает от душевных переживаний.

Но, чтобы не выглядеть слишком постно,
не блюдет белица иноческий обет
и мажется густо, пока не поздно,
маслом с сухарями на завтрак и обед.

И самые разнообразные лица
во утрие и до вечерней зари

легко пожирают тебя, белица,
погруженную в масло и сухари.

19 июня 1978

БОРЩ С СОСИСКАМИ

Средь сладковато-кислой красноты
он розовые притаил персты.
В багровой жиже плавают обрубки,
как мясом переполненные трубки.
Но алое палачество борщу,
ей-богу, я от всей души прощу.

20 июня 1978

КУЛЕБЯКА

Как молодлица лежит на столе, притаяся под платом,
пышучи жаром, – ведь выскочила из печи.
Вот и легла отдохнуть во весь рост на прохладной постели
и навалилась плашмя на узкое белое блюдо.
Здравствуй, румяное длинное тело, набитое мясом
и исходящее исподу соком, который марает
пальцы, и губы, и щеки, когда в это мягкое тело
зубы вонзаются с нежной и ласковой страстью.
Но ведь не хуже тебя, кулебяка, сестрица с соминой,
даже и постница та, у которой в толстой утробе
только капуста да лук, и та соблазнительна тоже
вам, о российские мужи, герои застолья будней.
О кулебяка! Голубушка, честная ты, видать, домоседка,
ибо в обжорном ряду ты собой никогда не торгуешь,
только в семейном кругу попадаешь на зуб супругу
или в кои-то веки почетному званому гостю.

22 июня 1978

МАЛИНОВЫЙ КИСЕЛЬ

Неужели, милые, вы еще доселе
киселя малинового от роду не ели?
Липнет он прохладною, и его пометки –
словно губок крашенных записной кокетки.
И скользит он ласково, словно бы на пробу,
ласково и вкрадчиво в жадную утробу.
Это география с белым блюдом в споре:
берега кисельные, сливочное море.

27 августа 1978

КНИГА СМЕРТЕЙ

СМЕРТЬ БЛОХИ

Мыслишкою черной скакала блоха.
Ну долго ли мыслью дойти до греха?
Скакала и влево и вправо
блоха очень мрачного нрава.

Кусалась, бросалась и взад и вперед,
а где она – дьявол ее разберет!
Где носится, точкой мелькая,
как бы балерина какая?

От этих укулов, кусачих обид
у мира всё тело зудит и свербит,
блоха же себя тем и тешит,
что честно он тело расчешет.

Мысленкою злобной кидалась блоха,
но долго ли мыслью дойти до греха?
И глаз наливается зоркий,
следуя за ногастой танцоркой.

Язвительной точке приходит каюк:
попалась в объятья пальцапистых рук,
и грянул, как приговор, ноготь:
«Не будешь нас более трогать».

25 октября 1944

СМЕРТЬ МУРАВЬЯ

В глубокой громадной траве умирал муравей
под тяжестью страшной ужасно большого сучочка.
Он – труженик самых отменных плебейских кровей,
смирненной республики чернорабочая точка.

Он был трудолюб, по натуре почти демократ,
он лапками дрыгал, пытаясь осилить махину,
отважен, как войско, а силами в целый домкрат,
республике верен, как долг повелел гражданину.

Строитель безмолвный, создатель общественных благ,
чтоб дети кишели навеки в довольстве, в избытке,
лежал он, и стиснуты челюсти будто в кулак, –
так зубы смыкают, так рот запирают на пытке.

Вдали от отчизны, в глубокой, как сон, мураве,
боец непреклонный сурово-народного стана,
упрямые лапки навеки смежил муравей.
А где-то ревел муравейник и рос неустанно.

19 августа 1945

СМЕРТЬ ГУСЯ

Раскинулся луг, как раздольная Русь.
На травах с утра появляется гусь.
Зеленая зелень и синяя синь,
текут по реке облака.
Он шел в окружении спелых гусынь,
как полный кувшин молока.

Как лебедь, вдоль берега тихо плывет,
ничем не нарушив спокойствия вод.
Он, словно на Волге, в речушке своей
плывет, ничего не спугнув,

и палубы гусевы перья белей,
и суриком выкрашен клюв.

Но лето исчезло, на лужах ледок,
и трутни напрасно ползут на леток.
Скорее, в последние рейсы, не трусь!
Но осень, совсем обнаглев,
тебя загоняет, торжественный гусь,
в смердящий теплеющий хлев.

Судьбы домовитой хозяйственный суд
тебя погружает в холщовый сосуд,
чтоб телом заполнил ты свой каземат –
суровый холщовый мешок,
покуда не грянет зима, словно мат,
как нож, или шах, или шок.

В тюрьме домотканой жирея, как жох,
ты жрешь непробудно овес и горох.
За длинную шею и клюв провели,
как за нос, тебя в равелин.
И вот ты повис на аршин от земли,
на свой неизбежный аршин.

Не жри, о божественный, иль божеству
другому ты в жертву пойдешь к Рождеству.
Но нет, наступил твой урочный черед,
и рока сухая рука
за горло, как штоф одурелый, берет
и рвет из мешка гусака.

Но он от блаженного жира ослаб,
лопочет едва перепонками лап,
в спокойствии сальном верша бытие,
чтоб доброе чрево питать.
Глядит на железное он острие,
но сил уже нет трепетать.

Вот горло открыли, амфора пуста,
и кровь убежала в иные места,
и рок с него облик пуховый совлек,
и прелести обнажены,
и гусь безголовым младенцем прилег,
весь голый, на лоно жены.

18 октября 1947 – 1 июня 1965

ФОТОГРАФИЯ

АЛЬБОМ

Сколько рабства у нас в любом!
И на лбу не судьбы ль клеймо?
Поглядись-ка в фотоальбом,
как в прадедовское трюмо.

Со старинных страниц его
отразится тот, кто погиб, –
незнакомое существо,
допотопный дагерротип.

И встают в самый полный рост,
казнены по шею, в обрез,
те, кто был так понятен, прост,
кто теперь, не ожив, воскрес.

Как у Лазаря, взор их нем,
и глаза их тебе чужды,
и у лиц этих нет совсем,
нет ни жалости, ни вражды.

Ты альбом распахнул, как дверь
в дом, где чья-то живет семья.
Отглянулись тебе теперь
из зеркал постылые «я».

Он раскрыт, как огромный гроб,
в нем играет смерть в цап-царап.
Что ж ты роешься, жизнероб,
неуемного сердца раб?

Обдает он тебя чужим.
– Неужели же это я?

И, захлопнув крышку, бежим
от свидетельства бытия.

15 февраля 1942

УЛИЧНЫЙ ФОТОГРАФ

Ремесленник или художник,
усталый Прометей-кустарь,
ты воздвигаешь свой треножник,
людской тщеславности алтарь.

А обреченный на закланье
сидит, привязан без ремней,
и на лице его желанье
быть после смерти поумней.

В глазах же бегают тревога.
Бедняга, видно, сам не рад
и ждет, что ринется тренога,
как марсианский аппарат.

Как явный вымысел Уэллса –
твой глаз, оправленный в кольцо.
Великий мастер! Целься, целься
в оцепенелое лицо.

Рази его, пока он замер,
великожертвенный телец,
смирённый мраком темных камер,
всегда жилец и нежилец.

С какой наигранной приязнью
того, кто только что смотрел,
пожизненной казнишь ты казнью,
усаживая на расстрел.

А жертвы трепетны и робки...
Очки, коли горазд, вотри
и убивай нажимом кнопки,
сказав: «Спокойно! Раз, два, три!»

15 февраля 1942 – 1961

* * *

Когда клиента ты спровадишь,
засветишь ты кровавый свет
и колдуном за стол засядешь,
чтоб вызвать в темноте портрет.

И дела и деньгам радея,
купаешь мутное стекло,
чтобы из жестов чародея
родилось черное чело.

Предавшись чертову терпенью,
глядишь, стекло оборотив,
как отвратительную тенью
налип там тихий негатив.

11 января 1945 – 23 марта 1965

У ВИТРИНЫ

И оптом, и в розницу – целый гарем,
который удобно покорен и нем,
который детей никогда не родит, –
коллекция бледная Лед, Афродит,
Психей, Артемид, Пенелоп и Елен, –
собрание бедер, и лон, и колен,
подмышек и ляжек, лодыжек и плеч,
где взгляду легко по дешевке прилечь,

которые попросту тем хороши,
что лучше натуры и стоят гроши.
Со страстью, как с тростью, броди да шныряй
глазами туриста, попавшего в рай.

Шагай по телам без прикрас и завес,
сминая их взором, как новый Зевес,
и сей гинекей и рабынь и богинь –
бумажный, продажный, – вздыхая, покинь!

27 апреля 1947 – 30 мая 1965

МЕДАЛЬОН

У тебя есть медальон,
медальон, каких мильон.
В нем по самые края
он,
а не я.

Он! Какой прекрасный он,
разнаряженный, как сон.
Такова мечта твоя:
он,
а не я.

Будь он даже Аполлон,
был бы взят тобой в полон,
взглядом срезан, о жнея,
он,
а не я.

Так носи же медальон,
медальон, каких мильон.
В нем по самые края
он,
а не я.

8 мая 1947 – 6 сентября 1964

ВЕРХОМ НА ЧЕМ-ТО И ВПЕРЕД

* * *

Остался я один, покинут и покаран.
Всё сведено к нулю и нечем тосковать.
Оцепленный, дышу малиновым угаром,
и судной мысли мне никак не расковать.

Когда же был мне суд? И кораблекрушенье
настало до того, как пройден был предел.
О запространственном двояком отраженьи
неточной думою я замахнуться смел.

Печальный год – как чад. И я в своем позоре,
виной оцепленный, как заводной, клянчу
и сонно-зыбкие лазоревые зори,
и мрака желтого ночную тишину.

30 ноября 1965

* * *

Я заморожен был на три столетья.
(И не сумел же, олух, околеть я!)
Вопрос был, впрочем, без меня решен:
я был по правилам науки воскрешен.
Остался жив и цел
и Лазаря запел.
Все гладили меня, да против ворса.
Ну, разумеется, я пообтерся,
довольно быстро попривык
и начал было жить без закавык.

Но тут она! Какая же она!
Сама луна и сатана.
Я загремел всем сердцем, как Отелло,
да так, что сотрясалось тело.
Во мне запело и загрохотало,
я ввысь махал и рушился на дно.
Она сказала: «Я бы хохотала,
когда бы смех не устарел давно».

7 февраля 1966

НЕЧИСТЬ

ЧЕРТОВА ПЕСЕНКА

Истоптаны дороженьки,
куда же торопиться?
Пообломал я роженьки,
поотбивал копытца.

И, душу чуть ворочая,
зачем же быть мне зрячу?
Не зря и хвост, и прочее
теперь я в брюки прячу.

По ветру нос повертывай –
пусть ветер водит за нос!
Да только с долей чертовой
едва ли я расстанусь.

29 января 1966

* * *

В сумерках ты вымарка,
если морок – книга,
милая кикиморка,
шустрая шишига.

Что же ты завяньгала,
если вокруг до нуди
то такие ангелы,
то такие люди?

30 января 1966

* * *

Еле слышится весной
голос нечисти лесной.

– По обычаю по вешнему,
начинаем жить по-прежнему.

Говорит белый свет,
что нас нет, ах, нет!

Что мы вздор, ах, вздор
древних лет, давних пор.

Хи-хи-хи! Ха-ха-ха!
То научная чепуха.

Мы не чушь, мы не вздор.
Притупил свой взор

и не видит примет,
белый свет, белый свет.

31 января 1966

ПЕСЕНКА ПАНА

Распускался апрель,
зелень дыбом перла.
Брал я в руки свирель
и играл во всё горло.

Восседал я на пне,
и на звуки сладки
прибегали ко мне
нагишами дриадки.

Как я песни кропал!
Воздух аж искрился!
Был я Пан, да пропал,
просто взял да и скрылся.

Из людей – никого.
Видно, еще рано.
Ну а всё ж каково
им живется без Пана?

31 января 1966

* * *

Что? Ведьм не стало? Бросьте-ка
брехать о том, вруны!
Ищите кончик хвостика
с обратной стороны.

31 января 1966

* * *

Я был пронзителен и звонок,
и, как скачок, пуглив и прост,
веселый и пустой бесенок,
и у меня уже спросонок,
как струнка балалайки тонок,
колечком завивался хвост.

А нынче, мрачен, озадачен,
я от заботы похудел
и поседел от всяких всячин
и начисто переиначен,
как будто я теперь назначен
министром окаянных дел.

11 марта 1966

МУЗЫКА

ФІЛАРМОНІА

Растаял лед хрустальный, и простая
настала тишина, которой нету прощю.
Вдруг, из-под палочки волшебной вырастая,
скрипичные проснулись рощи.
Прозрачные, неуловимы глазом,
они и были соловьиным садом.
Рвануло звонким ветром. Разом
забылось всё, что было рядом.
Шел вечер. Тонкий, легкий и певучий
пахучий вечер: ландыши, тепло.
А медная гроза дышала влажной тучей.
Ее развеяло, сторонкой пронесло.
А липы заливали, ветви пели.
Сучки вытягивались, как смычки,
в предсмертной ноте. Ландыши теплели,
в ладони были втиснуты виски.
Вдруг в нищем сердце защемила щелка.
Из соловьиной одури и мглы
ударила луна, как медная тарелка,
и загудели светлые стволы.
Друг с другом схватываясь, от натуги
они сгибались в бронзовые дуги.
И раковина морем клокотала,
вскипели гневом белые листы,
и вот на миг у милого металла,
казалось, не достало хрипоты.
Но стал весь мир – один глубокий голос,
напев бездонный, горло без конца,
содом бездонный, где любовь боролась
и разрывались бомбами сердца.

8 июня 1953 – 2 января 1966

ПРЕЛЮДИЯ

Ты – музыка моя! Сама себя подслушай,
а я твой пазвук – и на стороне.
И каждый сам себе какой-то боковушей.

.....
Недолго надорваться на струне,
натянутой вразрез – греши собой, греши! –
и поперек судьбы, и поперек души.

А я, мой друг, по струнке жить не стану.
Врываюся в меня органый рев и гуд.
Ты – гул мой! (И разгул!) Но, не под стать Тристану,
меня от счастья бесы берегут.
(И я бешусь.) Приструнь меня, поди-ка!
(Да сгинь и пропади ты, Эвридика!)
Пошлю тебя я на – мою любовь, –
на что сдалась мне этакая мука?
Я обойдусь без Вагнера и Глюка.

.....
«Не сквернословь, дружок, не сквернословь!» –
издалека поет загробная подруга
и адской памятью меня поит,
и вот моя любовь бросается, как фуга,
бежит к тебе от жизни, как в Аид.

.....
Зову судьбу-вдову, а с ней и долю вдовью
(соломенное одиночество торчит,
как чучело твое). И я зову любовью
то, что уснувшей музыкой молчит.

*20 января 1968
Новгород*

ПРЕЛЮДИЯ

Удар удал! И грохот разудалый
пошел бабахать прямо по зубам...
Когтит голубку сокол захудалый,
а кости ударяют по гробам.
И каждый звук вонзается, что коготь,
и жизнь у музыки на поводу
корезится. Рояль горит, как деготь,
и черный праздник буйствует в аду.
А смерть стоит за белою калиной,
и у калитки ангелом – фата...
Удар, и крик, и коготь соколиный.
Не станет скоро просто ни черта.
Трещат заклепки потайного склепа,
и нету проку тело запирасть.
И мне свою прелюдию играть
при людях так же было бы нелепо,
как и на черном рынке умирать.
Но бьет и клювом, и когтями сокол,
как колесо, съезжает вбок лицо,
и конь с копытом – цок-цок-цок в кольцо.
А толку что? Ну, много ли нацокал?
У петельки не развязать узла.
Во всю дорогу плоть погода развезла,
и время тощее сидит, как птица.
А музыка бывает разве зла,
когда голубка соколом когтитя?

1 мая – 7 августа 1974

ВАЛЬС С ПЕРЕБОЯМИ

В сад очарованный (вечер мой, сжался!)
музыка хлынула пьяной рекой.
Вьются воронки дунайские вальса,
плещется счастье за темной кормой.

Сад как приподнят державной рукой,
страсть-капельмейстер (мужчина из рослых)
к счастью уносится, словно на веслах
или на крыльях (ты, вечер, не мой!),
или на ангельских девичьих крыльях
к звездам и к дали такой голубой,
где околдует любовная быль их,
где очаруют их ночью немой.
Кружится дружная молодость. В бой,
в бой полюбовный пускаются пары.
Сад утопает ночью толпой.
Лодки тревожно плывут, как гитары,
песнями юности вьются (не пой,
вечер далекий), и вальса воронки,
омуты темные (фазу к сторонке!)
тянут, исчезнув под мутной водой.
Вечер, плещись, и ничуть не печалься,
и набегай безудержной волной.
Вьются воронки дунайские вальса,
воздух грозитя любовной войной.

Ночь с 7 на 8 января 1951

ВАЛЬС ЯРОСЛАВНЫ

Медленно, мерно и плавно
плачутся эти круги,
слабые, как Ярославна,
перед которой – ни зги.

Омут серебряный светел.
Веет по воздуху плат.
Плачется платье, как ветер,
нету на горе заплат.

Крутится в вальсе кручина,
тужится сладко, прости!

Плакать судьба поручила,
нету к Путивлю пути.

Но как медленно, мерно и плавно
ты в кругах, как душа, взаперти,
и не сладит с собой Ярославна,
и нету к Путивлю пути.

29 ноября 1973

ПОЛЬКА

Детской далью дышит полька,
ну а пляшем ты да я.
Будем ласковы, и только,
и не больше, панна, полька,
полька-бабочка моя!

Полька дышит детской далью
где-то с жизнью наравне,
и легчайшею печалью,
музыкальною эмалью
прислонилась ты ко мне.

Далью детской полька дышит
у плеча и у щеки.
Нас со счета жизнь не спишет.
Нежность волосы колышет,
грусть привстала на носки.

Детской далью дышит полька.
Близко-близко ты да я.
И не доля ты, а долька,
только полька, полька, полька,
полька-бабочка моя!

28 августа – 12 сентября 1967

ПЛЯСОВАЯ

Хочешь – покорствуй!
Не хочешь – упорствуй!
Но век доживать –
что кусок дожевать
черствый.

Ох, и заломило плоть,
как последний ломоть.
Чтобы душу обороть,
жизнь ломает Господь.

А она – ржаная краюшка,
а тело – сухая горбушка.
Всё знает хозяин. Он зоркий
и горелой потчует коркой.

Корке покорствуй!
Век доживать –
что кусок дожевать
черствый.

Жуй хлеб аржаной,
дождевою женой
запивая!
И по телу во плоти
как попало молоти,
плясовая!

Эх, век доживать –
что кусок дожевать!
Ах ты, девка, женка, вдовица!
И плотненько
эту нудь
с женой дождевой

и, покуда живой,
тем слюнявым куском подавиться!

17 февраля 1977

NOTTURNO

Ночь. Зеленая. Как тоска.
И в глазах у тебя тоже зелено.
Быть из одного куска,
а в куске – нате вам – расселина.
Вздор, что душа бесплотно легка,
не сравню ее даже с задрыгой.
Хочешь – спи в гробу, хочешь – прыгай,
а душа тяжелей кулака
с непременною фигой.
Ох, длинна же молва мирская,
зелена, как волна морская.
Так послушай, морская волна,
чем о берег, как бедная, биться,
что нам время долбнет, как желна, –
то зеленая ночь долбится.

Как уйти на прогулку в зеленую ночь,
если с места чувств не сволочь?
А заря, как могильный кумач, близка,
и над миром стоит всесильный плач.
Помоги же мне перемочь кумач,
быть из одного куска!

Быть – это нам с тобой ваять,
а ваять – это значит маяться,
а маяться – значит жить на ять
и за что про что дурака валять,
если само собою хромается.

На глазном на зеленом дне
о распиленном бедном дне,
как утопленнику, вспоминается,
что идет этот бедный день,
словно с места свихнувшийся пень,
и сам о себя запинается.

Что идет он в лесную зеленую ночь,
если смог он корни с места сволочь.

Так послушай, морская волна,
не распластывайся на щебне
и на дом – то не дом, а одна стена –
не мечи свои черные гребни.
Средь зеленой чащобы глазной
в теле ты – словно в узком наряде.
Обходи же молву стороной,
но не прячь свои черные пряди.

17 июня 1974

ТРАГИКОМИЧЕСКОЕ СКЕРЦО

1

На мне играли в зале,
присвистывая, в вист,
весь век на мне плясали
визгливый танец твист.

А судомойка Мойра
трубила: «Ойра! Ойра!»

Судьбина била в бок
с подскоком, как кэк-уок.

На склоне века Око
от черного кэк-уока,
от рыжего порока,
от танго и от рока
родилось раньше срока,
вращаясь свысока
подобием пупка.

На мне играли в зале
по прихоти времен
поприщины-лассали
и в винт, и в фараон,
и карты, как скрижали,
держали в пятерне,
и душу мне прижали
к обратной стороне.
И с телом всё облыжней
общалось бытие
своей рубашкой ближней,
как нижнее белье.

А полемойка Мойра
бесилась: «Ойра! Ойра!»
Месила грязь ногой
распухшей и нагой.

И в склоке века Око
на голом животе
вращалось глазом Рока,
как зрак и знак пророка,
и музыки морока
раскинулась широко
в похабной красоте.

2

На мне играли в зале
гудошник и арфист,
сто лет меня терзали
художник и артист;
с меня орали в зале
оратор и софист,
в меня глаза вонзали
куратор и лингвист;
во мне, как на вокзале,
стояли пар и свист,
что пса меня пинали
балбес и футболист,
в меня со всей печали
палили сто баллист,
по мне с тоски пускали
ходить опросный лист...

Судьбина, взяв дубину,
лупила в барабан,
зубами в пуповину
вгрызался Калибан...

На мне играли в зале,
присвистывая, в вист
и задом мять дерзали –
посмели да и смяли,
но головы не сняли
за то, что головист.

3

А зала мучить рада:
я кол, я вол, я мул,
я пол, я стол, я стул,
трибуна и эстрада,

где стук, где гуд и гул,
где произвол, разгул,
где радости парада,
где рая или ада
сырая Илиада,
где смотрят дырки дул...

Но тут в дуду задул
губастый брат Федул.

Со мной играли в зале
в мечту, как бы в лапту,
как мяч, меня бросали
в большую пустоту;
меня, что кол, тесали,
срубивши божество,
и мне в меня вбивали
меня же самого.

Меня лобзали в зале
иуды и льстецы,
узлами зла вязали
и узы, и концы;
ко мне тянулись в зале
зануды и вруны...
Минуты ускользали
с обратной стороны.

А лиходейка Дика
глядела полудико,
крутила бигуди,
твердила: «Приходи».
А лицедейка Клио
под гегелево трио
allegro да con brio
сгибала к заду торс,
показывая форс,

пока заморский шик
под шиканье шишиг
не перешел во пшик...

4

С меня слезали в зале
слезами с век на зад,
глаза с меня слизали
парад и маскарад.

Зато неумоимо
кривляка-пантомима
стремилась как-то мимо,
ломаясь на корню,
меняясь, как меню,
по сорок раз на дню,
и в ней нежней, чем ню,
как стеклышки, голышки
в манере инженерю:

старушки и малышки,
и с перцем, и ледышки,
и с сердцем, и пустышки,
верзилы, коротышки,
далилы и мартышки,
гранд-дамы, замухрышки,
трупёрды, торопыжки,
в одной опушке пышки,
дурашки, шаромыжки,
милашки, кошки, мышки,
девчушки, душки, мушки,
кобылки у кормушки,
подстилки и подушки,
печальницы, резвушки,
молчальницы, трепушки,
секс-бомбы, бабы-пушки,

беспутные хапужки,
вдовицы, молодушки,
красотки и дурнушки,
толстушки и худушки,
белянки и чернушки,
полушки и целушки,
и ланки, и телушки,
тигрицы, львицы, чушки,
волчицы и свинушки,
лебедушки, индюшки,
голубушки и клушки,
наседки и кукушки,
пикантные пичужки,
нетухнувшие тушки,
дианы, потаскушки,
мадонны и вертушки,
кокетки и милушки,
кокетки, безделушки,
и нимфы, и говнюшки,
галашки, Сашки, Нюшки,
Палашки, Дашки, Глушки,
Малашки, Машки, Грушки,
наружные подружки,
натужные игрушки,
голяжки, толстобрюшки,
бродяжки, побирушки,
втируши, завирушки,
хитруши и простушки,
монашки и пастушки,
дворянки и дворняжки,
богачки и бедняжки,
коровицы и крошки,
тетери и тетешки,
вампиры и матрешки,
гетеры и блядешки,
венеры и бабешки –

сценические блошки
в театре и в киношке,
как нож, вонзали ножки...
Трусихи, героини,
другини и врагини,
княгини и богини,
откинувши бикини,
порхали, как афишки,
и, вывернув подмышки,
плясали до одышки,
а прелестей излишки –
и ляжки, и лодыжки
мелькали понаслышке
без дна и без покрышки.

Старинные вертю
вертелись, как хотели,
пыхтели и потели,
свистели и пустели,
худели, были в теле,
и льстили, и блестели,
карабкались, летели
и в небо, и в постели,
и в пропасти, и к цели...
И всё это – тю-тю!

Весь блеск тыщекаратный,
весь необъятный чад,
весь голос многократный,
весь плотоядный зад...
Но бравый, бранный, ратный,
но здоровый иль больной,
живот мой коловратный
вращался надо мной,
прощался невозвратной
обратной стороной.

Кода

И мне дивились в зале,
и мной давился зал.
Но сам я этой швали
ни слова не сказал.

3 ноября 1962 – 8 августа 1964

РУССКАЯ РАПСОДИЯ

Веселой грозой грянул май.
Березы бегут в хороводе.
А ну догони, а ну поймай
при всем при честном народе!
А ну догони, а ну поймай
весну об осьмнадцатом годе!

При всем при честном народе
гармонь распахнут, что окошко:
«Во саду ли, в огороде
выросла картошка».
При всем при честном народе
выплясывают ловко:
«Во саду ли, в огороде
выросла морковка».

Под гармошку поют,
балалайкой поддают.
Трень да брень по всей природе!
Боком, боком, в крен!
Поддержи гитарой!
«Во саду ли, в огороде
вырос хрен
старый, старый, старый».

По вечерней пыли
ноги сами пошли,
сапоги и башмаки,
ухарские старики,
умники и дураки.
Стон стоит в народе:
«Во саду ли, в огороде
выросли бураки».

3 декабря 1944

ЦАРЬ ГОРОХ **русская огородная рапсодия**

Я на себе верхом, как мелкий бес, сижу.
А царь Горох трещит стручками в огороде,
и я о собственной и о чужой природе
сквозь зубы (выщербленные) сужу.
Судить еще не значит осуждать,
и обвинять природу – мало проку,
и надо от нее – к пустому часу – ждать
в любовницы здоровую мороку.

Как разумно ничего не знать!
Жидким сном нутробу подлечу,
ибо мне ни честь, ни чернь, ни знать
не по сердцу и не по плечу.
Правду стерпишь, матушка природа,
ибо ты теперь совсем старуха.
Вот и слушай на пустое брюхо
пустобреха твоего, рапсода!

Эх, эх! Ох, ох!
В огороде царь Горох.

Он лезет на стену,
башкою – о стену!

Судьбу решает Настину
и херит долю Костину.

Смотря на всё через стручки,
как сквозь зеленые очки,
взирает он свирепо:
арбуз-де стал пузат
и упирает репа
чрезмерно в землю зад.

Во саду ли, в огороде
девица гуляла
и по самой свежей моде
дурочку валяла.

Извалялася в грязи,
ходит без подола,
распустила жалюзи
очень бесподобно.

Как Пушкин, прославляя вольность,
нельзя свободе послаблять,
и должно выполоть фривольность,
как иновеческую блядь.

Выполоть, выполоть,
выполоть нещадно,
а потом и выпороть
печатно, печатно!

Со злобой Архилоховой –
кто прав-то, те иль те? –
ученый шут гороховый
в гороховом пальте
руками машет, рожей пышет,
дегтем мажет, пляшет, пишет.

Строчат по грядкам писаря,
бряца я именами:

любезна пушкинска заря
взошла-де и над нами.

Ох, ох! Эх, эх!
Закопали в землю смех.

И скоморох за скоморохом –
увы! – с копыт кувырк
и строго пред царем Горохом
устраивают цирк.
А он поводит длинными усами –
они поводья, а не для красы –
и хвощет по народу чудесами
до радостной росы.

Краснея и слегка коробясь, перец
повесил нос стручком, но все-таки торчит,
горяч и жгуч, как робеспьерец,
и речь его отчаянно горчит.

И при всем честном народе
ради мясопуста
во саду ли, в огороде
выросла капуста.

И на просторах огорода,
где глаз, как в трубочку, сощурен,
меняет робкая природа
свои законы, как Мичурин.
И нагорожена эпоха
премудрого царя Гороха,
которая орет «Ура!»,
«Ура!» до скотного двора.

И под хвост мадам Природе
насыпали дуста.

Во саду ли, в огороде
жиреет капуста.

Брось-ка, Ванька, не бруси!
Ты, видать, глуповат.
На святой-то на Руси
и не то ишло бывает.

А посередь мадам Природы,
кляня старуху-сóху,
скоморохи шпарят оды
свет-царю Гороху.
Ты такой-де и сякой,
ты разэдакий бог.
И вино, и кровь рекой
у тебя, царь Горох.

За банкетами банкеты,
за анкетами анкеты.
И в окружении харит
тряпичный ангел говорит,
как пугало иль чучело:
«Былое вас измучило.
А нынче всё наоборот.
Наш царь Горох усат.
Ведь был ничем наш огород,
а стал как райский сад.

И всякий огурец гордись,
что угодил ты в парадиз.

И борозды, и межи резче.
Настала зрелость овощей.
И стали овощи как вещи,
погуще, но для тех же щей.
И декламатор или чтец
пусть похлебаёт этих щец.

Да и ты, разьебай,
тех же щей похлебай!»

У галочья и воронья
то ли слет, то ли съезд.
Народ – не свинья:
всё съест.

Кинут бабе палочку
и поставят галочку.

Но в каком-такое талмуде
строгий бог Господь
резать заповедал муди,
а не токмо плоть?
И обрезанцы ждуть опресноки,
а опричники ищут признаки.

И ничего не знать весьма разумно
и стать спиной к высокому Стоглаву,
когда наперебой молотят гумна,
как шелуху, замызганную славу.

Тик-так! Тук-тук!
(А на возу сидит битюк.)

И при всем честном народе
держит речь Антошка:
во саду ли, в огороде
выросла картошка.
По улице мостовой
шел за девкой постовой.

Ух, ух! Эх, эх!
Закопали в землю грех.

Расселся на законах царь Горох,
как идол, как кумир, как бог,
и, как болван, чугунные приказы
он издает и сочиняет фразы.

Кому с маслом блины,
а кому картоху.
Кто объелся гороху,
а кто белены.

Ах, ах! Эх, эх!
Закопали в землю смех.

В песнях душу веселя,
наварили киселя,
киселя, киселя –
ва-ва-ва! ва-ва-ва!
Эх, горохо-
ва-ва!

Царь Горох сердит,
с киселя пердит,
с киселя пердит,
на весь мир смердит
звонкой славою!

Царь Горох рос не в гроб,
на усах в небо лез живьем
да об землю хлоп,
и не стало в ем,
не осталось в ем ни горошинки!

И се настал велик переполох:
скончался царь (он лопнул от натуги)
и в Бозе опочил (и, между прочим, сдох),
и, стало быть, мужайтесь, други!

И други, конечно, мужаются,
но друг друга, как лошади, пужаются.

А бывлые кочаны
вспоминают про чины:
пусть я теперь и кочерыжка,
но есть же от меня отрыжка.

А тыквенные головы, пропитанные опытом,
сидят себе дома в нижнем белье
и молятся душным старушечьим шепотом:
«Да приидет царствие твое!»

А народ во весь рот,
во всё горло орет,
подбирая крохи:
«То-то был огород,
то-то жил огород
при великом при царе при Горохе!»

1–17 февраля 1976

СОННАЯ СОНАТА

Først naar man har kastet Haabet over
Bord, først da begynder man at leve kun-
stnerisk; saa længe man haaber, kan man
ikke begrændse sig.

Søren Kierkegaard

Лишь выбросив надежду за борт, лишь
тогда начинают жить художнически;
пока надеешься, нельзя себя ограни-
чить.

Сёрен Киркегор

I

Andante meditando

Я жду и сплю. И медленно высокий сон построен.
Кругом-бочком плывет он, как ковчег,
и хлещет Явь из бешеных пробоин,
и влежку жизни ждут и скот, и человек.
Как пережить себя? Проспать в дороге горе?
И ждать всю жизнь? Погоды ждать от моря?
Садком гусярить не пойду на дно я:
морской царевны нет, но есть водоворот,
где яростное и дрянное
скрутились заодно. И я – урод!
Ветхозаветной бородою Ноя
я совесть вытираю, лоб и рот!

II

Vivace funebre e furioso

За борт надежду! Экий Стенька Разин!
Она ведь не персидская княжна.

И я как сон подводный непролазен.
Надежды нет! Но как она нежна!
А сон русалочий – как дым у побережий...
Но жить мне – что переть до самого рожна,
валить, валясь в великий сон медвежий,
ломаю зубы, головы и вежи,
круша бока, борта и стены сна,
и в бурной шубе становиться реже,
судить-рядить, сесть-редеть, а меж
в годах и водах – чьи они вина?
В морские борозды не канет ни зерна,
текучие морщины вечно свежи.
Крушение мое, зачем же ты до дна?
Пробоины мои и ярости всё те же,
а нимфа в горести, как прежде, холодна.
И, нежить милую в ладонях влажных нежа,
вода русалочья лежит как целина.

Но ты, беда моя, ты не исцелена!

.....
Морской царевны нет. А как была дружна!

III

Allegro non maestoso

Трубит Тритон. Гудит его ракушка.
И плещут плечи розовых наяд.
Играй, Садко! Кукуй вразброд, кукушка!
И пусть на дне морском ковчег сгнойт,
когда на нем одни скоты и твари,
когда он похоти – и придури – притон,
когда он смрадный грех... И да потонет он!
Играй, Садко! Играй не на кифаре,
а на гармошке, гусях иль гитаре!
И память вечную труби ему, Тритон!

Scherzando

Но вот летит волна-кагушка,
резвушка, телочка, толстушка,
и ты, голубушка-частушка,
как девка красная легка.

Ах, Сережа ты, Сережа!
На тебе была надежа –
ровно шуба широка,
да свалял ты дурака!

А теперь, дружок Сережа,
на тебе одна мережа.
Весь ты в дырах и в сети –
срамно на люди идти!

Grave

И разве доплывет – поведать Кирке горе –
из дома дохлого он, Одиссей шальной?
Он сложит голову на скорбном Киркегоре!
Иль сломит голову себе баян хмельной
у голых ног русалочки больной?

IV

Disperato poi piangendo

За борт княжну Надежду! Бога ради!
Нет! – на рожон и к черту на рога!
По гроб заморожен, ободран донага,
в бараний согнут рог, бывшее кротко глядя,
как бы до боли милого врага,
я не сражен – и сплю, и к строгой недотроге
через буруны и гордые пороги
дорога прежняя до дрожи дорога.

Но сами весла – как в колеса палки,
от них лишь всплески слезных брызг – хоть брось!
Морской царевны нет. Хохочут вдрызг русалки.
Морской царевны нет! – И сразу руки врозь.
А Парки чахлые, как дохлые гадалки,
сидят на берегу, ни шатки и ни валки,
и ждет Надежду крохотный Авось.

1–7 августа 1967

КВАРТЕТ № 1

Erst, da ich sterbe, spür ich, daß ich bin.
*H. von Hofmannsthal*¹

СКРИПКА

Август! Ты – пышные сени осени,
рощи, расписанные al fresco.
Дрожью сырою обезголосели
краски, играя по-прежнему резко.
Жить мне и вправду немного диковинно.
В рощу вхожу, ей играя ich bin.
Осень с корявым лицом Бетховена
живет, не видя своих рябин.

АЛЬТ

В розовом горле атласный голос,
голос атласный, как гладиолус.
Песню заводит флейте подобно,
модную песню милый снегирь.

¹ Только умирая, я чувствую, что живу. *Г. фон Гофмансталь (нем.)*.

ВИОЛОНЧЕЛЬ

Жив! И как марш всё проходит в мире.
Несколько новых нот на клавире,
как старых лет, нацарапал гром –
он, кто есть ты, – лебединым пером.
Сколько их, три или даже четыре?
Людвиг! Ты пьяный странник в трактире,
постоялец у вечности на квартире.
А по стеклу чердачных хором...

СКРИПКА

На бледно-голубом эфире
златая плавает луна
и раздается вышина.

КОНТРАБАС

Ты проживаешь всё шире и шире...
Сердце всё шире от горя и бед.
Ты проживаешь последнее в мире,
как золоченые звезды в эфире,
с ликом, ослепшим от горя и бед.
Бешеный ну-ка сваляй менуэт!

TUTTI

Так-то вот! Вот это
темп от менуэта.
Вышло в сени лето
встретить дождь, как гостя,
или же со злости
пригласить в кабинет.

АЛЬТ

Голос атласный и влажный, как шпажники,
голос постылый застыл между двух свечей.

СКРИПКА

Как серые тени, ночные бражники
кружат, обжигаясь в пекле ночей.

КОНТРАБАС И ВИОЛОНЧЕЛЬ

Ночи, вы – удачи.
Мы еще на даче,
живые до утра.

TUTTI

Я пишу за автора.
Осень будет завтра,
мокрая пора!

*1–2 сентября 1979
Карташевская*

**КВАРТЕТ № 2
(Рождественский)**

РОЯЛЬ

Католики справляют Рождество.
Сидит у них на рожках Божество.
С торжественною рожею католик
в кофейне чистый занимает столик,
и посетителям живая
горит свечонка восковая.

СКРИПКА

И я на малую толику
к их католическому лику
причислена на этот день
во образе Святой Русалки.

КОНТРАБАС

А от елки только палки
да тощий пень.

ВИОЛОНЧЕЛЬ

По столику чашечки – дзинь, дзынь, дзы!
Испейте медку, отцы ксендзы!
Пьют и Шампань и Лангедок
наш католический медок.

СКРИПКА

Поет католическая
половина мира
во имя Божие,
во имя мира.

РОЯЛЬ

Энциклика за мир гуляет наша,
подписанная: Папа Ваня Паша.

СКРИПКА

Я нынче католичка,
спасаюсь этой верою.
На что мне обезличка
с ученой массой серою?

Давайте лучше верить,
хотя бы всяк по-своему.
Зачем же Бога херить
и портить Рождество Ему?
Жить будем в этом мире
как бы в одной кофейне
или в одном трактире,
где рядом Маркс и Гейне
без всяких философий
сидят, на свой лад всяк:
один пьет черный кофе,
другой глушит коньяк.

КОНТРАБАС

А день-то нынче хмарный,
и память бредит Марной.
Грохочет хор кошмарный,
вскипают города,
пока у Карлы-Марлы
бушует борода.

РОЯЛЬ

Так будем в мирном жить законе,
оставим спор ослов и львов!
А Маркс сидит как на иконе,
сам византийский Саваоф!

TUTTI

Всё наше католичество
чтит его величество.
Во славу единой державия
мы рядышком спляшем,
и пусть целуется православие
с Папочкой нашим.

РОЯЛЬ

А от войны торчит осколок
в глазу, и боль заныла пуще.
Век человечества недолог.

КОНТРАБАС

Не осталось больше елок
даже в Беловежской пуще.
Были зубры, короли
и охотничьи рога.

ВИОЛОНЧЕЛЬ

Ныне сумрак на земли,
и охотятся кремли
на незримого врага.

РОЯЛЬ

А жизнь как строй туга, а жизнь строга,
но каждому, пожалуй, дорога.

TUTTI

Так поднимем же иконы
на драконовы законы!

РОЯЛЬ

И пусть я голову сложу на плахе.
Единовластный ум, ты на меня не цыцкай!
Хочу занять сегодня, братья-ляхи,
od wiary katolickiej!

12–25 декабря 1979

КВИНТЕТ № 1
(рояль, скрипка, альт, виолончель, гобой)

cis-moll

РОЯЛЬ

Осиной человек живет в году,
роня листья на ходу.

ГОБОЙ

Из семени он вырос, как из точки,
и вот трясутся на ветру листочки.

СКРИПКА И АЛЬТ

И в пучине серо-синей
меж скалистых облаков
страшновато плыть осине,
ведь по ней гроза молотит
или град ее колотит,
как сто тысяч кулаков.

TUTTI

Осина каждый день в году
роняет листья на ходу.

РОЯЛЬ

Ворочается зимой
голышом она домой.

ВИОЛОНЧЕЛЬ

И чернеет на бегу
каждый прутик на снегу.

ТУТТИ

Осина, осинушка,
затрещала спинушка.

РОЯЛЬ

На сучкастом горбу
ты везешь свою судьбу.
И идет дядя Год
в героический поход
через зиму.

СКРИПКА

Дядя Год, как век седой,
со студенной бородой,
встал рождественской спиной
к магазину.

ГОБОЙ

А к селям – раз-два, раз-два –
на санях катят дрова.

ВИОЛОНЧЕЛЬ

При лампе керосиновой
зорьки утром розовы.

ТУТТИ

Эх, дрова осины!
Эх, дрова березовы!

РОЯЛЬ

Окоченелые дрова –
как мертвецы в поленнице.

ГОБОЙ

А под землей жива трава,
живет себе, не ленится.

РОЯЛЬ

Густая вырастет трава,
как маленькие деревья.

СКРИПКА

Будет жук гулять весной
в этой роще травяной.

ГОБОЙ

Грянут майские жуки
в зеленые кабаки.

РОЯЛЬ

А осинка скрипнет: «Тпру!»
Тонко-тонко
задрожит на ветру,
как девчонка.

ТУТТИ

Как осинушка в году,
человек живет в саду
деревянный.

ГОБОЙ

Он листочками покрыт,
словно оспою изрыт
самозванной.

СКРИПКА

И с макушки до пят
листья рыжие летят
с добрым вздохом.
Отдаются в году,
как в лесу и в саду.

TUTTI

Эхом-охом.

РОЯЛЬ

Летит по тучам журавлиный клик,
жиреют осенью синицы, гуси, свиньи.
А человек трепещет по-осиньи.

TUTTI

Год! Как ты к старости велик!

25 сентября – 21 ноября 1979

СЕПТЕТ № 1

Человек – поющее животное.

Г. Шпет

*Инструменты: рояль, скрипка, альт, виолончель,
контрабас, гобой и альпийский рожок*

TUTTI

Лжемы погружены по шею во Лжеявь.

СКРИПКА

Разбей меня на щепки и оставь.
Оставь меня в забвении! Покинь.

РОЯЛЬ

Аминь тебе! Аминь, аминь, аминь!

ВИОЛОНЧЕЛЬ

Тело мое носила
бархатная сила.
Проворны, как восьмые доли,
звучали проявления воли.
А сколько было блажи летом,
когда сошлась я с флажолетом!
О нашей музыки мираж!

РОЯЛЬ

А он лжеблажь, лжеблажь, лжеблажь!

СКРИПКА

Ты, мой голубой гобой,
помнишь ли минуты эти,
как мы встретились с тобой
в новомодном менюэте?

ГОБОЙ

И по волнам скорбей
плыл я, страстный и дикий,
как безумный Орфей
за своей Эвридикой.
Ты возникла тенью вновь,
скрипка.

КОНТРАБАС

Хороша была любовь.

ТУТТИ

Да не шибко.

РОЯЛЬ

Так не жалея меня, робя!
Наплюйте на мои скорбя.

СКРИПКА И АЛЫГ

И наплюем – бя, бя, бя, бя!

РОЯЛЬ

А смерть – забвение себя,
самозабвение былого,
когда в ничто играет слово

и по ветру летит полова
издалека, издалека.

ТУТТИ

А Лета – бледная река.

ГОБОЙ

Воспоминанья, в воду каньте!

ТУТТИ

И протекает в музыканте
исподтишка, исподтишка.

ВИОЛОНЧЕЛИ

Кто?

КОНТРАБАС

Что?

ГОБОЙ

Да эта,
как бишь ее, – Лета!

СКРИПКА

Где белые тени балета
плывут, как белесые гады,
без зим и без весен, без лета
и бурого времени стадо
под осень бежит к водопою
мычащей коровьей толпою.

ГОБОЙ

И всё равно с тобой мы чаще
встречаемся толпой мычащей.

ВИОЛОНЧЕЛЬ

Кто?

КОНТРАБАС

Что?

РОЯЛЬ

Трясется время через решето
и наземь сыплется ничто.

КОНТРАБАС

А время чужое сквозь сотни сит
по микрокапелькам моросит.

РОЯЛЬ

Ничем я сыт, ничем я сыт,
и мысль моя, что глаз с бельмом, косит.

ГОБОЙ

Как розовый призна́к зари,
белесый призра́к Поля Валери
прозрачной тенью, без греха виновной,
скользит беззвучной поступью чиновной
и думает: «Куда я попаду?»»

РОЯЛЬ

Или и вправду я Орфей в аду
и за собой бывшее поведу?
Иль жизнь моя есть вечная разлука?
Иль тень от Оффенбаха или Глюка?
И где-то между недр басовый ключ журчит,
а жизнь моя, как музыка, молчит.

АЛЬПИЙСКИЙ РОЖОК

Тратата, тратата!
Альпы духа! высота!
На вершины эти надо
песню вывести из ада.

РОЯЛЬ

Музыка – это жизнь, где мыслит каждый звук,
музыка – это жизнь свиданий и разлук.
Поет ступенчатая звуков череда.
Музыка – это адская беда.

АЛЬПИЙСКИЙ РОЖОК

Тратата! Тратата!
Выше тоже пустота.
Звук то тон, то полутон.

РОЯЛЬ

Песню отпусти мою, Плутон,
из обители ночных теней.

ГОБОЙ

И уйду я с ней,
то бишь с тобой,

я твой голубой
гобой и Орфей.

РОЯЛЬ

Посторонись! Пади! Дорогой ступеней
мы входим в жизнь, цветущую во мгле.
Но жить не могут звуки на земле.
Пусть Эвридику выпустил Плутон,
но держит мысль мою в аду Платон.

АЛЬПИЙСКИЙ РОЖОК

Тратата! Тратата!
Мысль чиста, но и пуста.

РОЯЛЬ

Она не может быть пустой.
Постой, голубушка, постой!
Как в зеркале, она мне врет
всей кожей задом наперед.
Она глядит назад, назад,
в червекишащий черный сад,
где от вонючей пустоты,
теряя в сумраке черты,
раскрыли черви чьи-то рты.

ГОБОЙ

А я веду печаль твою
и, как великий бык, пою.

РОЯЛЬ

Но музыке нельзя жить на земле,
когда душа заточена в кремле.

С рожком альпийским мы вдвоем
на выси ледяной поем.

TUTTI

Но наша музыка не та.
Лжеявь – такая тратата!

АЛЬПИЙСКИЙ РОЖОК

Не хочу играть мастито.
Режет визгом высота.

TUTTI

Ти-та, ти-та, ти-та, ти-та,
ти-та, ти-та, ти-та-та!

АЛЬПИЙСКИЙ РОЖОК

И, как бахову партиту,
повторяю на лету:
быть искусству шиту-крыту.
И к разбитому корыту...

TUTTI

Ти-ту, ти-ту, ти-ту, ти-ту,
ти-ту, ти-ту, ти-ту-ту!

7 августа – 7 сентября 1979

СЕПТЕТ № 2

*(Рояль, скрипка, виолончель, контрабас,
туба, гобой, барабан)*

РОЯЛЬ

Мой ум дудит в одну и ту же дудку,
как на колоде козлоногий Пан,
одну и ту же скудную погудку,
как будто он хмелен иль просто пьян.
А рядом нимфа.

СКРИПКА

Вправду или в шутку?

РОЯЛЬ

Изображает как бы проститутку
и ударяет пяткою.

БАРАБАН

В тимпан.

РОЯЛЬ

Мой ум сидит, как леший на колоде,
в руках его сопелка – не свирель.

СКРИПКА

А бляди говорят: «Привет вам от Володи»,
и всё такое, и всё в том же роде.

ВИОЛОНЧЕЛЬ

У них на побегушках отрок Лель,
румяный и курчавый как апрель.

СКРИПКА И ВИОЛОНЧЕЛЬ

В феврале капли
падали и пели.
В марте же капли
взяли да отзвенели.
А теперь, в апреле,
никакой капли.

БАРАБАН

Бум!

РОЯЛЬ

И ум есть дым.

КОНТРАБАС

И вьется дым овечий
по всей земле, как чадное руно.

РОЯЛЬ

Но жить и жить Ясону суждено.

ТУБА

Говоруну, а может быть, вруну.

РОЯЛЬ

И на кой ляд мне разум человеческий?
Свой век я проживу своим умом,
как и любой из нас.

TUTTI

Увы, я весь – как вече,
к себе ворвавшееся в дом.

РОЯЛЬ

Но как прожить без жалоб, без увечий,
не падая с полатей или с печи,
прожить своим нетесаным трудом
и горя не нажить своим горбом?
И пусть мой ум есть дым. Зато он дым родимый.
Чужой не нужен мне. Вселенский ум мне чужд.
Пусть ходит-бродит он, как леший нелюдимый,
как нищий по миру! А для домашних нужд
мне хватит своего. Я проживу с дымком.
Пусть ум мой – дым. Зато он не домком.
Зато он мне с младенчества знаком,
в обнимку с ним сижу я под замком.
И на кой ляд мне коллективный разум?
В моем дому нет места общим фразам.
Пусть ходят по миру. Таким пролазам
куска я не подам и не моргну я глазом.
Пусть ум мой – дым. Пускай он мал, да мой.
С ним, как за пазуху, вернусь к себе домой,
по-стариковски стану на печи
перебирать, как рифмы, кирпичи.

ГОБОЙ

Жизнь моя облыжная –
махов по сто на сто,

перебежка лыжная
по коростам наста.
Навострю я лыжи,
как придет зима.
Свой-то ум поближе
общего ума.
В своем домике сижу,
за большой калиткой
маленькой улиткой.
Обо всем я сам сужу.

КОНТРАБАС

Улита, улита, высунь рога,
дам пирога.

ГОБОЙ

Дым глаза не затуманит.
Лень играет на свирели.
И меня поманит
первое апреля.

TUTTI

Эх, как поп попадью
переделал на бадью!

БАРАБАН

Поп – хлоп
холопа в лоб!

СКРИПКА

И судью, и судью!

TUTTI

Испугалась попадья,
опрокинулась бадья,
оттого что я
всему сам судья,
оттого что каждый жить
может только сам,
оттого что всё судить
может только сам,
сам себе и поп,
и холоп,
и гроб.

РОЯЛЬ

И великий для себя Самсусам.

ВИОЛОНЧЕЛЬ

По лесистым лесам,
по дебристым лесам,
и без палочки, и без памяти,
он бредет, Самсусам,
по усатым лесам,
самого себя самсусамистой.

КОНТРАБАС

У него со временем блат,
у него лицо – циферблат,
и соловьи его усы,
а не хлюпающие слизи.
На рожон поддевает часы
целый век отживаемой жизни.

TUTTI

Слушайте, шизики
и сумасброды,
время в жизни и в физике –
разной природы.
Ученое время течет равномерно,
оно и не благо, оно и не скверна,
а в жизни время –
то миг, то бремя,
а то ярем,
и даже из мига
бывает иго
и просто фига.
А фига течет,
как нечет и чет,
и всякий счет
то в счет, то не в счет.

КОНТРАБАС

А время по жизни разлито,
как проклятый поток Гераклита.

ГОБОЙ

То пускается в припляс,
то наточит уйму ляс.
А оно, в конце концов, –
просто пляска мертвецов.

РОЯЛЬ

Как сом с висячими усами, Самсусам
ползет, как черный скользкий черт на тризне,
и когтем по нутробе –

БАРАБАН

Черть!

РОЯЛЬ

И он – родимый братец бесу сам,
и не вздохнется укоризне,
и водяная кружит лиховерть.

ТУТТИ

И утонуло всё в слепом потоке жизни,
которая со мной всё круче и капризней,
а всё, что вне меня, есть смерть.

1–7 декабря 1979

ТАНЦЕВАЛЬНАЯ СЮИТА

Елене Шварц

1. Прелюдия

Чадит заря, как жирная жаровня,
мясисто-липкие вещи поутру.
И кажется – ты мне по крови ровня,
а может быть, и по нутру.

Подул рассвет старинный, крылья вертит
у мельницы безбожно-ветряной
и ими, словно циркулями, чертит
окружность ночи нутряной.

Окружность превращается в окрестность,
окрестность вкруг идет, как голова.

Противна трезвость, как противна пресность.
Нальем вина в стеклянные слова!

И чокнемся наперекор здоровью,
чтобы пошел умалишенный звон!
Большой невиданно-неслыханной любовью
изгоним беса мирной меры вон!

Ведь ум – содом, а чувства – лишь хвороба,
и здравствовать я не желаю зря.
И пусть с тобой мы чокнутые оба,
зато нам заменяет ум нутроба.
Живем без гармонического гроба.
Сожрем, что нам нажарила заря!

20 июня 1974

2. Гавот (см. Гавот Глюка-Брамса)

Бегают, как дети,
пальцы на спинете...
Сладко-
гладко
жить.
Ты – моя gavotta,
и с тобой охота
взглядом
рядом
быть.

Сам с тобою рядом,
ну, а думу на дом
надо
немо
несть.

И опять забота:
ты – моя gavotta!
Спада
тема
есть!

Всё – как в мадригале,
только нарыгали
море
горя
мы.
Ты – моя gavotta!
То-то и оно-то!
Как за нотой нота,
все мы
темы
тьмы.

3. Марш (см. «Афинские развалины» Бетховена)

Топай,
Груша!
Хлопай,
Глаша!
Петлей затянулась
доля наша!
Штопай,
Юлька!
Лопай,
Любка!
Всё, что попадетя,
клюй, голубка!
Черным маршем
в пику старшим!

Юбочкою – душенька,
тельце – фаршем.

Пей же
склянку!
Бей
по банку!
Всё ведь так и вывернется
наизнанку.

Марш так весел
возле чресел!
Что же твой любовничек
нос повесил?

Ты для форсу
выпей морсу,
ибо всё равно ведь
надо приготовить
жизнь на фарш.

И за фаршем к ОРСу
марш!
марш!
марш!

24 июля 1974

4. Гопак (см. Гопак Мусоргского)

Пей, лей, не жалей!
Бей тузами королей!

Прогуляй от ночки к ночке
все последние денечки!

Напиши, надыши
что-нибудь и для души!

Жил когда-то молоденек,
не тужил, что мало денег.

Нагреси, нагреси
на последние гроши!

Будет дорог каждый грош
перед тем, как помрешь.

Поскачи, попляши
на последние шиши!

Но скачи не в одиночку –
пригласи на пару ночку!

Пей, лей, не жалей!
Бей тузами королей!

Не с руки, так с ноги!
Не жалей сапоги!

Всё настанет, а пока –
гопака, гопака!

Всё равно ведь явится
последняя красавица.

Ты за ней! Ты за ней!
(Снег как смех из-под саней).

Вздыбилась она плечами,
вертит черными очами.

Кнут – тут. Бей коней!
Погоняй же нежней!

Вскачь, в ухаб и в обочь!
Пусть же сердце щемит,
а последняя ночь
под копытами гремит!

Пей, лей! Бей коней!
И за ней, и за ней!

А проснешься поутру –
тпру!

10 июля – 12 сентября 1974

5. Русская плясовая

Ах ты, сукин сын, поганенький мужик!
Ты за что про что меня не разложил?
Али я тебе бы, дурень, не дала?
Али были неотложные дела?
Али я тебя глазами не пекла
заковыристыми?

Светит месяц, светит ясный!
Свесил свет он сверху вниз.
Где ж ты, друг мой распрекрасный?
Поскорей ко мне вернись!
Мчатся тучи, вьются тучи.
Завихряется тряпье.
Словно фюреры и дучи
или словно потрох сучий,
по большой навозной куче
входят в царствие свое.

Ты Подгорна, ты Подгорна,
ты Подгорна улица!

И к кому же я покорно,
и к кому же я пригорбно
сумею пригулиться?

Ах ты, сукин сын, безжалостный мужик!
Как с пожара, он от женщины бежит.
Он бежит, и вертится, и крутится.
Али сладко было обанкрутиться?
Ай, глупы умы!
Не видать им кумы!
Ой, кумушка!
Ой, голубушка!
Ой, думушка
задушевная!

Раз пошла такая пьянка,
режь остатки соловья!
Сербиянка, сербиянка,
сербияночка моя!

3–14 сентября 1974

6. Полька

Полька, полька, полечка!
Полюби хоть столечко!
Задушевный мой дружок,
полюби хоть на вершок!

Погоди, Володенька!
Я еще молоденька.
Дай-ка сроку – подрасту,
будет и любовь с версту,
с вёрсту, с вёрсту, с вёрсту, с вёрсту
да с коломенскую.

Полька, полька, поленька!
Доля, долька, доленька!
И чего ты, Поленька,
всё еще не голенька?

Уж такая наша доля,
что у нас всё впереди.
Выходи скорее, дроля,
чаще замуж выходи!

Будет всё как ты просила,
только кликни-позови!
С легкой долькой апельсина,
с красным яблочком любви.

11–20 сентября 1974

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ (As-dur) для рояля с оркестром

Партию рояля исполняет автор

- Я – рояль:* Я сам себя приподнял, словно сад,
на голой площади пустой ладони.
- Tutti:* А ветки хлещутся и голосят,
то голосуют ввысь, то мокрые висят,
и капли падают...
- Рояль:* Всё о своем долдоня.
А треугольнички (подлаживаясь к ним):
Динь-дон, динь-дон! (Дьячками вскользь молебна.)
- Рояль:* А сад у бури на груди храним.
- Tutti:* Несется ливнем сад, безумный аноним,
и ревом царственным раскинулся хвалебно.
- Рояль:* Ладонь, как памятник, приподнял дуралей
А скрипки взвизгнули: над загнанными днями.

Tutti: Несется бурный сад, бежит со всех аллей
и выворачивается с корнями.
А поверху стучит, стучит в тарелки медь:
Листочки шелкаются друг о друга
пощечинками.

Tutti: И пошла греметь
овражьей жизни темная округа.

Рояль: Последней ярости увал! Обрыв!! Яруга!!!

Tutti: О муза ужаса, ты дрогнула, подруга.
Какой там сад! Я голая ладонь,
и, пальцы точно ноги раскоряча,
пришлепну сторяча умишко. Нет, не тронь! –
мурлычут деревянные. Долдонь –
ударил барабан – по жизни! Взвой же, вонь,
и взвейся из нутра, испуганный огонь!
Долдонь по жизни – вот и вся задача.

Tutti: А сад по ветру тащится, что кляча,
и свечи с двух концов пылают, чуть не плача.

Рояль: На черном теле мертвого рояля
лежу, ладонью, словно ликом, бел.
Лежу-гляжу и сам не знаю, я ли
от дивного виденья оробел.
И уши, словно лошади, сторожки.
Еще стучится сердце в кулаке,
а линии уже проходят, как дорожки,
по распятой на вечности руке.

Tutti: Куда они ведут?

Рояль: При трех свечах гаданье,
и обрученье с болью и с судьбой,
и еле слышное воздушное свиданье
с былым и с будущим собой.
При восковых слезах трех свечек, а *гобой*
поет мне, что картинкой мирозданье
налипло на сердце.

Рояль: А сердце на виду...

Tutti: Стучит на выставке продажною моделью...

Рояль: И подрядясь на черный час к безделью,
вкруг пальца ночь я обведу.

Tutti: Ночь, зеркало и сад, три свечки и листочки,
уже бумажные, с помарками примет...

Рояль: И возникает бытие из точки.

Tutti: Которой – *всею медью!* – нет!

Рояль: Но буду я любить описку, опечатку...

Tutti: Которой нет!

Рояль: И можно шеголять,
надев на пальцы, как штаны, перчатку,
и под сурдинку – тра-ля-ля! – гулять.

Tutti: Под Новый Год все веселы и пьяны.
Под Новый Год, *но злобствует фагот:*
А по сердцу мороз, поди, дерет?

Рояль: Я – те взбесившиеся фортепьяны,
что осмелял когда-то Дидерот.
А контрабасы загудели: Те ли?

Рояль: А хоть бы те – не выест очи стыд!

Tutti: И сколько музыкальной канители
на ели на рождественской блестит!

Рояль: Какой там сад! Я умопомрачитель...

Tutti: Рачительный!

Рояль: На поприще вещей.
Я еле начатый самоучитель
при свете трех заплаканных свечей.

Tutti: Мелодии ручей...

Рояль: Кой черт мне поручитель,
что я себе родня, а не ничей?

Tutti: И музыка течет всё горячей.

Рояль: Я недоконченный самоучитель,
закапанный слезою восковой.
И больно-больно ластится гобой:
Ту-ту! Уехало. Тю-тю! Свисточек.

Рояль: А где-то, может быть, уже тю-тю и я,
и даже звездное скопление точек
останется без бытия.

Без поля, без движения, без массы,
 не существуя, через не могу. –
 Еще бы! – *свищут флейты-пустоплясы,
 и филинами контрабасы:*
 Угу! Так, так! Угу! Угу!

Рояль: Отдать на откуп скуку бедокурам!
 Бу-бу! – *бубнится барабанным шкурам.* –
 Ура! Разы разят, рожаясь, за разами.
 Ду-ду! Беда идет войною на беду.

Рояль: Как девку с разодетыми глазами...
Tutti: Вкруг пальца ночь я обведу.
 Источник музыки...

Рояль: Забил из точки.
Tutti: Порхают по ночи листочки и свисточки,
 и сад в кулак собрался, как в отъезд,
 как дым развеялся...

Рояль: А стыд глаза не ест,
 и только я своим гаданьем донят.
*А барабаны по нутру долдонят.
 Виолончели, точно зеркала
 прудообразные, вращаются, колебля
 изломанные лучики свечей.*

Рояль: И зло ползет из-подо зла,
 Харонов пруд и труд! Туманный выдох: гребля.
 И может быть, себе до кончиков ногтей,
 трех свеч моих желтей, я стал уже ничей.
 И три старушки, сидючи в сторожке,
 у церковки гадают налегке.
 И я теперь как от просvirки крошки...

Tutti: И сад развеялся в зеркальном далеке...

Рояль и Tutti: А линии уходят, как дорожки,
 по распятой на музыке руке.

1–17 января 1971

ПЕРЕВОРОТ

концерт для рояля с оркестром

Рояль: Я – осени студеная броня,
 и бьет в меня волной вода речная.

Celli: Валю
Tromboni: толпою,
Tutti: матерно браня

Рояль: тебя, о гуща бытия ночная!
 И хлещет жизнь еще пустей и пуще
 сквозь ночь, замешанную на кофейной гуще.
 Я существую так, что мне и жить не жалко.
 Раздайся, жизнь моя, раскинься, как гадалка.

Tutti: Бесчестие покромом бранной славой.
Рояль: А я – я клюв точку, как ястреб семиглавый,
 и, как анчар, я источаю яд.

Tutti: Столпы александрийские стоят,
Фагот: как одурелые дубины.
Violoni: Идите к черной ночи на скорбины!
Медные: И колесо трещит, как барабан.
Гобои: А Лорелея всё сидит у Рейна.
Медные: Оно трещит, вращает лотерейно.
Рояль: И жребий падает, как перстенок в стакан.
 А ты, гробница призрачная, Зимний,
 мертвецкими камнями не грози мне!
 Над мороком твоих застылых статуй
 я вижу на небе огонь хвостатый.
 И скоро станет он тебя хвостать
 так, что не сможет и сам день восстать.
 Я мясо...

Tutti: Не свое ли?
Рояль: ...жру в три горла.
 На жизнь гляжу во все пустые жерла
 и на загорбке я ташу тебя, заря,
 как рабство, падшее по манию царя.

Tutti: Снимите славу с задницы позора!
Медные: Стоят в обнимку у ночных ворот

Геркул, Самсон, Добрыня и Нимврод,
Violoni: и розоперстая Аврора
Рояль: кладет кому-то палец в рот.
 (Пауза.)
 Я сам себе страна, и время, и народ,
 и стол в покойницкой, и град первопрестольный,
Tutti: и скомороший гам, и грохот колокольный,
 и белый бор церквей, и путь окольный
 к багровой площади, где лихо плещет сброд.
 (Пауза.)
 Снимите славу с задницы позора!
Violoni: И розоперстая Аврора
 сосет, обжегшись, как леденчик, пальчик.
Рояль: Младенчик в девичьей утробе поднял писк,
 и бледный день, как испитой страдальчик,
 кривою ножкой предъявляет иск.
 Кукушечьи часы играют в чет и нечет,
 и взятки, как рука девичья, гладки.
Гобои: И скачет, точно крохотный кузнечик,
 по Невскому сверчок в крылатке.
Рояль: Сам Сашка Пушкин.
Медные: А за ним,
 копытами отбрыкивая задник,
Tutti: державною десницею храним,
 на сивке-бурке слишком медный всадник.
Рояль: Во все глаза игорный дом горит,
 бунтуют кучера, майоры, бляди,
 а Герман, сведши брови, говорит:
 «Прошу простить! Ни в коем ляде».
Tutti: Бежит беда, как Ева от Адама.
 Корона стала легче картуза.
Рояль: Гадалка! Стерва! Пиковая дама!
 Какого ты пристукнула туза!
Tutti: Бушует ночь во всю трактирную отрыжку,
 грузин терзает слезную зурну.
Рояль: И карту, будто гробовую крышку,
 я поднимаю, а переверну –

и выглянет король ужасной масти,
 из страшной мести, с дохлой бородой;
 и, словно псы дворцовые, напасти
 встают во все растворенные пасти,
 а по плите судьба стучит сковородой.
 И с ней, дородной и короткой,
 бок о бок буду я как печь,
Tutti: чтобы на пламя сковородкой,
 как грешною душою, лечь.
Рояль: И тех, которые в желанья влюблены,
 как ерунду на постном масле, жарят,
 переворачивая, как блины.
Tutti: А во дворце Кощей томится, скаред,
 и скалит когти по вершку длиной
 из пожелтелой, как пергамент, пясти.
Рояль: В бумажном зеркале король ужасной масти.
 Идет игра в предсмертное злодейство.
 И вот сама игла Адмиралтейства
 уходит в море, как Кошеева игла.
Tutti: Как пулеметный град, проносится игра
 по граду слишком медного Петра.
Флейта-пикколо: Не бросайся! Не храбрись ты!
 И не радуйся борьбе.
Медные: Посмотри, как декабристы
 повисают на тебе!
Рояль: Но я не отряхнусь и не отрину
 смертельных тяжестей и гробовых утех.
 Переворачивая душу, как перину,
 молюсь я и за этих, и за тех.
 С души я груза не стряхну мясного.
 Заря положит палец в рот молве,
 и в Петербурге мы сойдемся снова
 в заупокойных мыслях на Неве.
 И ноты перевернуты. Аврора
 на цыпочках уже за дирижера
 и в пачках розовых оплясывает пульт.
Tutti: Гремит инфаркт, бабахает инсульт.

Рояль: Не холостыми!
Барабан: Нет!
Рояль: Разъяли
на косточки концерт мой до конца.
Рояль и tutti: Как черный парус, крышка на рояле,
а клавиши – как челюсть мертвеца.

7–17 ноября 1973

ТРЕТИЙ КОНЦЕРТ ДЛЯ РОЯЛЯ С ОРКЕСТРОМ

РОЯЛЬ

Я ночь сию как занавес распахиваю –
не узрите в ней ни единой тучи вы, –
ночь многозвездную и аховую,
в какую вглядывались Тютчевы
и внюхивались Гёте, Ломоносов,
носами поводя от чуда бытия,
в восторге умственном забыв самих себя.
Но, как ведерко пищевых отбросов,
берет его насмешливый философ,
чтоб вынести на помойку из жилья.
Так стану вместе с ним носить и я.

TUTTI

Увы! Вселенная живет
своею волей и охотой,
и вот божественной блевотой
с высот на землю Бога рвет.
Откупорилась тишина,
и, совершенно звуков лишена
и мертвеннее валуна,
в эфире катится луна.

В душе такой сверхдетской
столетний гностик-гном
играет, как в мертвецкой,
покойным валуном.
Играет и молчит о боли,
как комментатор на футболе,
когда мучения мяча
подобны жестам палача.
Зато орет восторженная рота,
когда с прямолинейностью луча
влетает мяч в свои ворота
и слышен спьяну Господа глагол:
«С угла – гол!»

РОЯЛЬ

Вдарил дядя угловой
головой.
Голова его вольна
мертвой волей валуна.
Круглый ум торчит на шее
и, как шар, из кожи лезет.
От вращения хорошея,
галактически он грезит.
И не утих
великий срам...

TUTTI

Пых-пых!
Драм.

РОЯЛЬ

И толпятся многолетки
возле девочки-рулетки.
А сударыня Наука...

ТУТТИ

Тру-ля-ля да тру-ту-ту!

РОЯЛЬ

Суцая гранд-дама Скука
выигрывает пустоту.
А хвастает, зануда,
что выиграла – дескать, чудо.

ТУТТИ

А Марюта – фу-ты, ну-ты! –
плечи наось, ножки гнуты.
Дама эта гузном – верть,
передком играет в смерть.

РОЯЛЬ

И прибьет какой-то Некто
себя на должности объекта.
А жизнь всё тем же чередом
ко мне, как марш, шагает в дом.
Я затеваю игры с нею,
стесняюсь мало, не краснею,
не зная, мне она верна ли.
Меня годишки обкорнали,
и я уже просторами ужат,
а жизнь с наукою дрожат –
я знаю? – разве что в журнале.
И с мусорным ведром, а в нем вселенский срам,
всю жизнь без помощи науки бойко
спускаюсь вниз я по утрам
отдать тебе твое, душа моя помойка.

17–18 января – 17–18 февраля 1979

СИМФОНИЧЕСКАЯ ПОЭМА для рояля с оркестром

РОЯЛЬ

Сухое общество природы
уже объяло куб земной.
И я стою, как Фенрир оды,
проглоченный всеядным мной.

СКРИПКИ

Стою космически-сумной.

РОЯЛЬ

А солнце – это скарабей.

ТУТТИ

Сиречь жук навозный.

ДУХОВЫЕ

Робей, тоска! Тоска, робей
перед кончиной мира слезной.

СТРУННЫЕ

Наш союз – воробьиная ночь.

ДУХОВЫЕ

О зарницы воробьиной ночи!
О леса, изодранные вклучь!

TUTTI

Тушу тела с места не сволочь.

ДУХОВЫЕ

Не сволочь, не сволочь!

TUTTI

А природа всё короче.

РОЯЛЬ

Закругленным сообществом рябеньких вод
кудахчущее озеро живет,
а на общественное болото
с деревьев падает позолота.

СКРИПКИ

Воробьиная ночь, воробьиная ночь!
Ты длиною в сентябрьский день.

TUTTI

Если хочешь и можешь, то хоть что упрочь,
а не можешь – проваливай, матушка, прочь!
И за горло меня
к бокам приторочь
и гони, что гнедого коня!

ВИОЛОНЧЕЛИ

Конь гнедой брюхат, что гнида.
Жеребцово рвется пламя.

Подымается обида
лебедиными крылами.

УДАРНЫЕ

Прочь,
ночь!
Динь-
день.
Рвем
включь
дребе-
день!

РОЯЛЬ

А солнце – наш вселенский скарабей
и тащится с навозным комом,
как скопищем земных скорбей.

ГОБОЙ

Тащится в гости к незнакомым.

TUTTI

Не робей же, тоска! И, печаль, не робей!
Воробьиною ночь клюй, воробей!
И стучай клювом en tout cas
по башке навозного жука.

РОЯЛЬ

А болото, как общество постылых вод,
без волн и без бурь по науке живет
державой всяческих козьяков
и бывших приворотных травок.

КОНТРАБАС

А в нем, как атомная пушка,
уже заряжена лягушка.

ГОБОЙ

И с нею мистический мистер Квак,
как с чувихою чувак,
изгибая вертлявую шейку,
предается шейку, шейку!

TUTTI

Опоясали кремли
островзвездные
куб земли,
пуп земли,
как жуки навозные.

РОЯЛЬ

И, видно, есть научные причины,
что каменеют общества пучины.
Выходит боком черный день кончины,
и вместо свечки – дряхлый огонь лучины.

TUTTI

Вот как, вот как, огонек лучины!

РОЯЛЬ

И, возглавля каждодневный труд,
люди сами нос себе утрут.

TUTTI

Люди – врут.
Люди – мрут.

РОЯЛЬ

Ибо истин слишком много,
а правда – вроде осьминога.
Правда – это Божий спрут.

TUTTI

Люди врут, и мрут, и прут.

РОЯЛЬ

А городов сухие огороды
цветут в разумном обществе природы.
А общечеловеческий болван
стоит не бурен и не смирен,
стоит не тощ, не жирен,
миропомазанный Иван,
он – медноязыкий бурхан
логически читающих кумирен.

TUTTI

И больше Бога Мойрин рок.
Рагнарок! Рагнарок!

РОЯЛЬ

Библейские похерены пророчества.
Седое стадо вдоль науки топчется
в светло-бетонном огороде.

ТУТТИ

Оно – морщинистое скопчество.
То члены поэтического общества
воспоминаний о природе.

ВИОЛОНЧЕЛЬ

Эти члены не поют,
эти члены – лютый люд,
эти члены пули льют
и палят в чужой уют.

ДУХОВЫЕ

Эти члены – любители липы:
нарастают, как полипы,
под водою, и в носу,
и на любом морском мысу.

ГОБОИ

А тело этакого члена
окаменело, как полено.
В оцепенении пустом
стоит безлиственным кустом.
Сам Иегова покарал
сей человеческий коралл.

РОЯЛЬ

Ах, внуки, внуки, внуки, внуки!
На вас ползут всяческие буки.
Потомки мудрых! Лет с пяти вам
придется привыкать к прискорбным перспективам.
Но прежде, нежели умереть,
века вы будете хиреть,
осядет в вас поэзия.

ТУТТИ

Перекистью цезия.

РОЯЛЬ

Тяну коровье вымя я:
оттуда хлещет химия.

БАЛАЛАЙКИ

А природа – треньки-бреньки –
бежит, упав на четвереньки,
и лежит в таком развале,
что поминай ее как звали.
И приходят тени жизни
повопить на страстной тризне,
пиво пить и рати рать
нос сопливый утирать.

РОЯЛЬ

Минуло молодечество,
скончалось и отечество.
А чем кончина человечества
значительнее смерти одного?
И если я покамест – во!
Не меньше, чем всесущество,
развертываю естество,
не разумея для чего.

СКРИПКИ

Существуют только псы да суки,
да еще верзилы от науки.

РОЯЛЬ

Когда умру, оплачь меня
слезами ржи да ячменя.
Прикрой меня словами лжи
и спать под землю уложи.
Я не хочу, чтоб пепел мой
метался в урне гробовой,
стучал, закрытый на замок,
как сердце, сбитое в комок.
В степи ты будешь бить меня,
дробить ударом кетменя,
дабы мой глинистый комок
от Божьих слез промокнуть мог,
дабы всходили из зерна
дутар да бурная зурна.

БАЛАЛАЙКИ

А потом бы – дили-дон! –
целый день бы – трень да брень! –
погребальный звон бил звон
и дребезжала дребедень.

ГОБОИ

Из полночного эфира
надоим себе кефира.
Утром рано, утром рано
хватим по горшку айрана.

СКРИПКИ

А вон долдон! А вон долдон!
Динь-дон звенит вечерний звон,
наводит он шурум-бурум
на наш большой и скорбный ум.

РОЯЛЬ

Лицо вселенной в черномазой копоти,
то в звездном шепоте, то в топоте.
Познание сидит, как в банке, в опыте.

ТУТТИ

И в стеклянной банке
музыки останки
медленно мерцают
и чуть-чуть бряцают.

РОЯЛЬ

А музыка – в небытие проем.
И страшно оставаться с ней вдвоем.
То, что жизнью зовем, –
хоть ты плачь, хоть ты брось!
Но живем и живем.

ТУТТИ

На авось, на авось!

17 декабря 1979 – 19 февраля 1980

АНТИГЕРОИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ
в семи частях

Марианне Соболевой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЧТЕЦ (от Меня, поэтический, а не декламатор),
сиречь ПИИТ
ЧТЕЦ (вчуже, прозаический, но не рассказчик),
сиречь ТОЛКОВНИК
ГЛАВНЫЙ ДИРИЖЕР, а по-немецки GENERALMUSIK-DIREKTOR,
сиречь ГЕНЕРАЛ
ЧЕЛОВЕК со вступительным словом
ОБОЕПОЛАЯ ПУБЛИКА, способная к бесполому делению

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ИНСТРУМЕНТЫ:

1. ОРГАН
2. РОЯЛЬ
3. СКРИПКИ
4. КОНТРАБАСЫ
5. ФЛЕЙТЫ
6. ГОБОИ
7. БАРАБАНЫ
8. ГИТАРЫ
9. ТАРЕЛКИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ГОЛОСА:

1. БАС
2. БАРИТОН
3. ТЕНОР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Палочная

As-dur

РОЯЛЬ:

Удар! Гром древних драм! И треснула земля.
Удар! И сразу трех за совесть, не за страх,
Матрех Петруха по сусалам трах!

ГЕНЕРАЛ:

Пляшите, флейточки!

ФЛЕЙТЫ:

Ля, ля, ля, ля!
Каля-маля, каля-маля!

ПИИТ:

Я не хочу быть никаким героем,
ни смертно, ни посмертно не хочу.
Уж мы им с Музой музыку устроим,
уж мы им вставим в бравый зад свечу,
уж так-то раскроем нутро им!
Без такта! Виноват, не промолчу!
Полслова дайте трепачу,
и я тихонько под нос промычу,
что изойдут на кал и на мочу.

ГЕНЕРАЛ:

Пляшите, скрипочки! Летайте легче моли!
Играйте, скрипочки,
привстав на цыпочки!

СКРИПКИ:

Скрип-скрип!
Цып-цып!
Цыпа-дрипа,
Цыпа-дрипа,
Цыпа-дрипа ля бемоли.

ПИИТ:

Я, как Иаков, с Богом воевал,
а вышел на поверку просто Яшка,
орешек, самого себя двояшка.

ТОЛКОВНИК:

Бежит с седою головою вал
из музыки.

ПИИТ:

И дышит тяжело.
А Яков – бык с колхозной кличкой Як.
Он рогом тык и каждому свояк.
А рядом с ним, как недруг или враг,
задрипанный и драный Як-Цыдрак,
поклонник девок, рюмок, дров и драк,
и тут же третий, Як-Цыдрак-Цыдролы,
который, не вступая в брак,
нашупывает дрянь и дрязги в дроле.
И он такой герой,
что дуй его горой.
А трое в сумме не дерьмо ли?

ТУТТИ:

Вот женился Як на Цыпе,
Як-Цыдрак на Цыпе-Дрипе,

Як-Цыдрак-Цыдролы
на Цыпе-Дрипе, Ля Бемоли.

ТОЛКОВНИК:

Это, разумеется,
детская песенка,
ибо жениться
нельзя без ребячества.
Учтите это!
Развесьте уши
и слушайте дальше!

ГЕНЕРАЛ:

Эй вы, контрабасы!
Вы толстомясы,
будто колбасы!
Стать строим, как Троя,
гуденье утруя
и каждый всем брюхом
играя в героя.

КОНТРАБАСЫ:

В герои лезть мы рады все.
Ура! Абракадабра!
Но как играть на колбасе
трагически и храбро?

ТУТТИ:

И будем мы, как люди, ржать
у ног Абракадабры,
чтоб жизнь хоть как-то удержать
за липкий хвост и жабры.

ПИИТ:

Театр огромен, как сарай сырой,
где проживают тьму ролей и ролек,
и, может быть, тот истинный герой,
кто от себя бежит, как робкий кролик,
понеже в нем велик и нежен дух,
и суть свою под хвостиком он прячет,
сыночек природы, милый лопоух,
предсмертно скачет и отважно плачет.

РОЯЛЬ:

Оплакивают каждый Божий дар,
разиня рот, испуганные морды.
Звенит слеза. Удар! Еще удар!
И полупьяные аккорды.

ТУТТИ:

Туда-сюда и так, и сяк.
Налим попался добрый,
и мы с ним пляшем краковяк,
под зёбры взяв, под зёбры.

ТОЛКОВНИК:

Зал молчит, как огород,
где произрастают головы
с развешанными ушами,
а музыка
подается запеченная в раковинах
или в капустных листьях.
Полусырое мясо музыки
рвут зубами
только музыкоеды,
ибо у них

по недоброжелательству природы
отсутствуют уши.
Капуста женского пола,
та самая, на которой сто ризок,
собирается лезть на эстраду
и носить на руках дирижера,
как грудного младенца
или героя во фраке,
по манию коего
бедный оркестр
скачет, как мальчик,
верхом на палочке.
А дирижер-то
вовсе и не герой,
и палочка у него ломкая.

ПИИТ:

И если есмь я сам себе судьба,
то музыка есть древняя борьба,
когда ополоумевшие звуки
друг друга жмут и гнут, как раб раба,
ломают ребра, и хребты, и руки.
Блаженный хруст руки и нежный треск ребра,
панический восторг и страшная отрада,
зной симфонический, мажорная жара,
и, как страда, раскинулась эстрада.

ЧЕЛОВЕК СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ:

Прекрасные дамы и господа!
Дамы прекрасные непременно.
Да и мужчины, откровенно говоря, хоть куда,
а попросту люди и джентльмены!
Со временем каши никак не сварить,
а заварить пожалуйста: раз – и готово!

ТОЛКОВНИК:

Оркестр пришипился,
а дирижер-генерал
красуется, как нуль без палочки.

ЧЕЛОВЕК СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ:

Я опоздал, но буду говорить
и посередь музыки вступительное слово.
Лучше в середине, чем никогда,
прекрасные дамы и господа!
Музыка – только фон, а на сем фоне я
не менее важен, нежели симфония,
ибо говорю я быстро и шустро,
голос у меня просвещенный, как эта люстра.

ТОЛКОВНИК:

На бесчувственную эстраду
лезут девки
с растрепанными взглядами,
с растопыренными букетами,
со вспотевшими, как подмышки, душами
и прочим барахлом.

ЧЕЛОВЕК СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ:

Мнения я приглажу и приласкаю.
Итак, часть первая написана в As-dur.

ОРГАН:

Топчите же эстраду! Я вас, дур,
к служению искусства допускаю,
зане вы к музыкальной ночи сны,
зане и днем вы всё равно честны,

искусству вы воистину весталки
усталые, торжественны и жалки,
живете, елки-палки, из-под палки,
ликуя, будто звуки в перепалке.
Зане вы – крохотные героини,
и ваше тело поднялось, как тесто,
пусть на дрожжах, пускай на героине,
до жалостно-распухшего протеста
из тесненькой одежды, как из дежи.
Пусть музыка уже не та, да вы всё те же.
И то сказать, немного в вас красы-то,
зато без вас искусство и не сыто.
Я по добру вам, девы, рокочу.
Садитесь! Всех на трубах прокачу!
Простите, что сужу о вас так узко!
Как водка музыка, зато вы к ней закуска.

ПИИТ:

Герой – ура – дурак! В музыке, как в раине,
он на окраине чертополошьей жизни,
и, как Овидиевы героини,
идут к нему ручьи, телицы, лавры, слизни,
и лягвы бледные протягивают ляжки,
а бабочки – чувствительные сяжки,
а свиноматушки – окорока,
дабы возрадовать героя-дурака.
Итак, да здравствует премудрая Мура!

ГЕНЕРАЛ:

Ударники! Вступайте! Где вы там?

БАРАБАНЫ И ТАРЕЛКИ:

Стараться рады! Трам-там-там!
Трам-тара-рам! Ура! Ура! Ура!

ТУТТИ:

На дворах и в мирах – дыра на дыре,
на дворах и в мирах – мура на муре,
тарарахи и слева, и справа.

ТУТТИ С ХОРОМ:

Вечная слава премудрой Муре,
управителю с палочкой слава!

ХОР:

Землю носом, как рабские боги, роем.
Оркестр раздувается, что кутырь.

ПИИТ:

А дирижер стоит героем,
как тараканий богатырь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ **Барыня**

ГЕНЕРАЛ:

Духовые! Гряньте духовитей!
Шпарьте во весь дух,
но не очень-то хамите!

ДУХОВЫЕ:

Ах! Ох! Эх! Ух!

ГЕНЕРАЛ:

При, тромбон, а ты, фагот,
не запаздывай на год!
Помогай вам бог Амур!
Дуйте эту часть в С-dur.

ЧЕЛОВЕК СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ:

Обратите внимание, какая из С-dur'а
будет музыкальная процедура!

ТОЛКОВНИК:

Обратите внимание!
Какая мелодия!
Запросто, попросту,
глубина народная.
Песня во славу
женского пола,
песня, которую
поют мужики
и топочут, и топочут,
и гогочут,
и трепыхаются,
как петухи на курицах.
Волюшка-воля!
И нет житья!

ТУТТИ:

Ах ты, воля вольная!
Ах ты, доля женская!
Волюшка раздольная,
только нет житья.

ХОР:

Барыня ты моя!
Сударыня ты моя!

ТУТТИ:

По улице метелица,
как подстилка, стелется,
а стельная коровушка
мычит, да не телится.
Закрома зернистые,
утробушка амбарная!

ХОР:

Барыня, барыня!
Сударыня-барыня!

БАС:

Каждый день у ней в году
всё, что надо, на виду.
Подсобила бы судьба бы!
Ибо барыни суть бабы,
подавай им соловья!

ХОР:

Барыня ты моя!
Сударыня ты моя!

БАС:

Барыня с перебором,
извалялась под забором.

ХОР:

Барыня, барыня!
Сударыня-барыня!

БАС:

Барыня с буквы «б»,
накось кой-чего тебе.
Барыня тянет руку
и хватает эту штуку,
как ворона воробья.

ХОР:

Барыня ты моя!

БАС:

Закрутила, завязала,
слово ласково сказала,
дескать, мы – ста ты да я...

ХОР:

Барыня ты моя!

ПИИТ:

Блажен, кто в жизни убежал от жен
(пчелиный рой – ох, не лебяжий пух)
и жадным жалом их не поражен,
от горести и страсти не распух.
Блажен тот гость, который мимоходом
хозяйкиным не вымазался медом,
а лишь ушами хлопал, как лопух.

Блажен стократ, кто не поддался дамам,
смотря на них устало и постыло
и таким фасонистым Адамом
не заходя к ним ни анфас, ни с тыла.
Блажен, кто убежал от их большой красоты,
и по дороге потерял трусы,
и ночью в одиночестве большом,
чеша в затылке, плачет нагишом.

ГЕНЕРАЛ:

А теперь начинается соло
из огуречного рассола,
соло вокальное,
отнюдь не охальное.
Исполняет его баритон,
знаменитый солист Харитон.
Немало он поломался,
но выступит в жанре романса.

БАРИТОН:

За милых женщин,
прелестных женщин...

ГЕНЕРАЛ:

Да что же замолк ты, старый гриб?
Или от радости охрип?
Ты у меня запоешь или вылетишь скоро!

БАРИТОН:

Простите, но я не могу без хора.

ГЕНЕРАЛ:

Эй, вы! Русалки и хоралки,
орать извольте из-под палки,
чтобы стоял и вой, и визг!
Извольте петь на свой страх и риск,
ибо без страха и без риска
не может прожить ни одна хористка.
А хор да будет славой увенчан!

БАРИТОН:

За милых женщин,
прелестных женщин,
любивших нас.

ЖЕНСКИЙ ХОР:

Не из-за глаз!

БАРИТОН:

Из-за жилья,
из-за жилья!

МУЖСКОЙ ХОР:

Барыня ты моя!
Сударыня ты моя!

БАРИТОН:

Мы женщин славим
восьмого марта,
цветы им дарим.

МУЖСКОЙ ХОР:

Ох, вот кошмар-то!

ГЕНЕРАЛ:

Ошибка вышла на целый тон.
Вам петь в кабаке, господин Харитон!
А соло исполнит прекрасный тенор.
Выступает во фраке, поет как кенар.

ТЕНОР:

Я помню чудное мгновенье –
передо мной явилась ты,
как нежный камень преткновенья
в одежде голой красоты.
И стало на душе тревожно.
Но что же толку ворожить?
И мыслил я, что невозможно
мне без тебя и дня прожить.

СКРИПКИ:

И ты была подобна скрипке,
дрожала ты не с той струны
и, нежно ухватясь за штрипки,
тянула ты с души штаны.

ТЕНОР:

Душе настало пробужденье –
и мечу я вопросом в бровь:
да что же это, наважденье
иль позабытая любовь?
И вилами не на воде ли
признанья буду множить я?

Иль без тебя на самом деле
не стало в жизни мне житья?

ТУТТИ:

И во всей любовной сени –
эхма! – нет ни соловья!
Барыня ты моя!
Сударыня ты моя!
Барыня с буквы «б»,
ничегошеньки тебе!
Барыня, барыня,
сударыня-барыня!
Ни слуги, ни холуя!
Барыня ты моя!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Менуэт

ГЕНЕРАЛ:

Боже мой! Нежно вступаите, гобои!
Мягко, как штофные обои,
чтобы и белое, и голубое
было как небо весной
над дымкой лесной.
Будьте, гобои, как гобелены,
чуть слышным шествием стройных пар
изображая, как в честь Елены
сонет сочиняет старый Ронсар.

ГОБОИ:

И минуют где-то
пары менуэта
чередой печальной.

СКРИПКИ:

Другу-ую жизнь
и берег да-альной.

БАС:

Эй, держись!

ТОЛКОВНИК:

Слышите, как в оркестре
протекает Сороть?
Это мирная речка,
вполне идиллическая,
буль, буль, буль.

ЧЕЛОВЕК СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ:

Послушайте, родимые, Ермошку!
Как девку, он тискает гармошку,
и, звуки за волосы таская,
живет во всю мочь губерния псковская.
Цокает, как кони, псковский говор,
якает горетно мужицкий гонор,
трепещут крылышками мужики,
гудят, как самые что ни есть жуки.

ПИИТ:

О, сколь любезны вы, усадьбы, нивы, сёла,
и жизнь моя, как свадьба, весела.
Расстался я с большой и невеселой
судьбою Царского Села
и буду гордо в одиночестве нагом
шагать Тригорского кругом.

БАС:

Ягор!

ТЕНОР:

Чаво?

БАС:

Подай багор!

ПИИТ:

Как самовар, вскипает естество,
когда я вижу женственный бугор,
весеннею травой одетый.

ГОБОИ:

И минуют где-то
пары менуэта
чередой печальной.

СКРИПКИ:

Другу-ую жизнь
и берег да-альной!

БАС:

Эй, держись!
Кажись,
задело
за тело.

ЧЕЛОВЕК СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ:

Снует по Сороти челночная флотилия
и начинается крокодилья идиллия.

СКРИПКИ И ГОБОИ:

А в ответ на это
тенью силуэта
проплывает где-то
дева менуэта
и убор венчальный,
белый и печальный.
Тонкая русалка
вспоминает жизнь.

БАС:

Эй, держись!

ТЕНОР:

Да, чай, жалко!

ПИИТ:

Ягор – герой. Ягор – почти Ясон.
Прогнал он батогом ягу Медею.
На дне речном повыстроил я сон,
но даже этим сном я не владею.

ДВЕ ГИТАРЫ:

Далеко отсюда до Валдая!
Колокольчики и бубенцы!
И, уже дорогой не владея,
не пора ли отдавать концы?

ТЕНОР:

Жа-алко! Молодая!

ТОЛКОВНИК:

Сороть тиха и прекрасна,
и удить в ней можно,
как в жизни.
Попадается всякая рыбка.
Водятся в Сороти и русалки.
Егор утопленницу
подцепил багром.

ПИИТ:

Когда весенний первый гром,
каратель жалостных элегий,
на раскоряченной телеге
проехал где-то за бугром.

ГОБОИ И СКРИПКИ:

Исчезают где-то
пары менуэта,
и плывет русалка,
наготовой одета.
Песня, дескать, спета,
песня-дребезжалка.
Флейточка-визжалка!

ТУТТИ:

Жалко!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ Ярмарка

as-moll

ЧЕЛОВЕК СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ:

А вот, господа, и четвертая часть.
Сюда несчастная доля шась!
Выбирайте товар на ярмарке.
Покупайте хоть страсть,
хоть любую кась!
А можно и запросто украсть,
хоть ятра, хоть яйца, хоть яблоки.
Хватай, кто до чего охоч!
Да только счастья себе не прочь!

ТОЛКОВНИК:

Посетите балаган
из размалеванной музыки!
Смотрите ярмарочный балет
на рыночной площади!
Вы не увидите здесь долгоносого Блока,
а только похожего на него
Петрушку.
Он не будет лапать незнакомку,
а только тосковать
по куколке-балериночке
с заводными ручками и ножками,
с поддакивающей головкой,
по безымянной девочке,
которая никого не обидела
и не обманула.

ПИИТ:

И врет, болван. Ему не толковать,
а на башке чугунный кол ковать.
Крестил ее в купели я,
и звать ее Коппелия.
Она не дева и не блядь,
топочет каблучками,
и ей легко в себя влюбить
и делать дурачками.
Восторг и шепота поток
бушует в балагане.
Стучит каблучный топоток,
орут «ура» цыгане.
Идет в уездном городке,
в каком-нибудь Валдае
собачья жизнь на поводке,
как зорька молодая.
И кто-то, взявшись за бока,
хмельною песней начат
и сам, как символ кабака,
и плачется, и скачет.
Гундосят скудные скопцы,
толстеют свахи и купцы
и смотрят на Петрушку,
который жрет ватрушку
с изрядно кислым творогом
в безумии недорогом.
А кукла ток, ток, ток, ток, ток –
топочет бойко на восток,
бежит с пригорка зорькой
от жизни ало-горькой.
От жизни вонькой, как чеснок,
здесь валяются все вещи с ног,
а люди держат в лапах
мясной звериный запах.

ГЕНЕРАЛ:

Бей, турецкий барабан,
во всю мочь с нахрапа,
зазывая в балаган
голосом арапа.

БАРАБАН (АРАП):

Бух! Бух!
Ух! Ух!
Я разбух!
Я распух!
Ух! Ух!
Как гроббух!

ОРГАН:

Будут, громадны и грубы,
гудеть и свистеть мои трубы,
ибо я великий орган
и, право, дам,
как ток по проводам,
гам в балаган.

ТУТТИ:

Гам, гам!
По ногам,
мужикам
по рукам!
Гам! Гам!
По богам,
по смазным
сапогам!
Идет-гудет
на балаган

огромный гам,
народный гам.

ГЕНЕРАЛ:

Струнные! Спяна –
вкрадчиво, рiано!

СТРУННЫЕ:

Ах, с какой тоской,
с бравой вытеской
по Тверской-Ямской
да по Питерской.

ГЕНЕРАЛ:

Эй, тенор
с отвислою
кислою
харею,
начинай петрушечью арию.

ЧЕЛОВЕК СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ:

Петрушка – не шут, а парень-рубаша,
исполняет Стравинского и Оффенбаха.

ТЕНОР (ПЕТРУШКА):

Я липовый, но не чурбан,
и, сердцем слабым беспокоясь,
охватываю балаган,
показываясь лишь по пояс.
Сердце! Тебе не хочется покоя!
Сердце! Как тяжело на свете жить!
Сердце! Как хорошо, что ты такое!
Что ты не можешь, ну никак не можешь не тужить.

ТОЛКОВНИК:

Это повышение артериального давления
и гормональная гиперфункция.
Затрудненное дыхание,
как при грудной жабе.
А все эти симптомы
свидетельствуют
о том, что Петрушка
влюбился.

ЧЕЛОВЕК СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ:

А балериночка идет по проволоке с зонтиком.
Такая, извините за выражение, экзотика.

ПИИТ:

Не героиня и не блядь,
не дева-поленица.
Ей суждено в себя влюблять,
но может полениться
изобразить ему на миг
Марину, Рину, Нату
и удалиться напрямик,
как в пропасть, по канату.

ДВЕ ГИТАРЫ:

Пароход идет «Анюта».
Волга-матушка река!
На ём розова каюта.
Заливает берега.

ТУТТИ:

Ах, с какой тоской,
с полной вытяжкой

кабак ревет,
питухи поют,
Петрушка бьет
и Петрушку бьют
на Тверской-Ямской
да на Питерской.

ТЕНОР (ПЕТРУШКА):

А балериночка
Мальвиночка,
ненаглядная девочка
идет по проволочке
в розовой юбочке
и кружевных панталончиках.
Сердце, тебе не хочется покоя.

ТУТТИ:

Сердце! Как тяжело на свете жить!

ТЕНОР:

Сердце! Вот, значит, ты какое!
Отказываешься, значит, мне служить.

ТУТТИ:

Ходит день-деньской
брав казак донской
в сбруе рыцарской
по Тверской-Ямской,
по Тверской-Ямской
да по Питерской.

ТОЛКОВНИК:

А балериночка
молча
идет по проволочке
и опускается
в черный ад
к арапу,
и длинноносый Петрушка,
как грустивший Буратино
и потускневший
на похмельи
Блок,
боится сунуть нос
в их интимные отношения,
ибо он не сторонник реализма
и в балагане
у него
своя,
набеленная до боли,
нарумяненная до радости,
щемящая,
нос прищемляющая
правда.

БАС:

На земле весь род людской
пребывает в балагане
до последних содроганий.

TUTTI:

На Тверской-Ямской
да на Питерской.

ТЕНОР (ПЕТРУШКА):

Бегу бегом от жизни зычной
с засунутой в карман душой.
Я деревянный и тряпичный
с судьбишкой очень небольшой.
Так пусть же грянет гром кирпичный
и повернется вверх дырой,
к вам протянув, как руки, ноги,
языческие злые боги,
герой в страдательном залоге,
герой от горьких слез сырой
и в кровь расквашенный герой.

TUTTI:

Балаган ревет,
будто Страшный Суд,
где Петрушка бьет
и Петрушку бьют,
на Тверской-Ямской
да на Питерской.

БАРАБАН (АРАП):

Ах, собачий брех,
человечий страх!
Из-за трех Матрех
по сусалам трах!

TUTTI:

На Тверской-Ямской
да на Питерской.

БАРАБАН (АРАП):

Разудалый-удалой,
он с копыт долой,
а он брык с копыт
и, как пьяный, спит.

TUTTI:

На Тверской-Ямской
да на Питерской.

ПИИТ:

И пошел по мордасам разнос,
и, чтоб кончить с длинным вопросом,
натянули Петрушке нос,
и остался Петрушка с носом.
О том, что такое любовный дурман,
не судите простоволосо!
Сунул Петрушка нос в карман
и остался Петрушка без носа.

TUTTI:

Эх, грех, веселись!
Веселись, грех людской!

ТАРЕЛКИ:

Сифилис!
Сифилис!

TUTTI:

На Тверской-Ямской
да на Питерской.

ЧЕЛОВЕК СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ:

Всё это растолкую легко я.

ХОР:

Со святыми, Господи, упокой!

ТЕНОР:

Сердце! Тебе не хочется покоя.

ЧЕЛОВЕК СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ:

Да какой уж, прости Господи, в гробу покой!

ПИИТ:

Как вши под ноготь, богатыри,
посмевшие смерть переупрямить.
Долой героя!

ХОР:

Но ему сотвори
Вечную па-амать!

ПИИТ:

Лежит Петрушка безнос, безглас,
и хор безгласный ему как раз.
Плывет по волне голубой русалка,
а в итоге Божья рука да палка.

TUTTI:

Жалко!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Marcia funebre

a-moll

РОЯЛЬ:

Тише вы, души! Хоронят героя.
Горе завей, иль запей, иль залей!

ПИИТ:

В драме любовной караются трое.

TUTTI:

В трауре кони. Петрушенья Троя
рушится.

ПИИТ:

Музыки мясо сырое
Трое
одров повезли в мавзолей.

ГЕНЕРАЛ:

Больше надрыву! И в прорву миноров!
Струнам повиснуть, как призракам кос!

ТЕНОР (ПЕТРУШКА):

Господи Боже! Пошли же ми норы
даже из гроба высунуть нос!

РОЯЛЬ:

В трауре кони. Рушится Троя.
Хоронят без мазей, костров и дров,
и в мавзолей провожают трое.

TUTTI:

Трое одров!

МЕДНЫЕ:

Были когда-то и мы гусаками...
Как нас дразнили на нашем веку!
Были когда-то и мы индюками!
В орденской мощи мы были и в силе,
павшую с клюва на шее носили
ленте подобную с кровью кишку.
Мы утопали и в славе, и в сале,
гогот гусиный шагал по земли.
Гоготом этим мы Римы спасали,
только вот третьего, ах, не спасли!

ПИИТ:

Лежит Петрушка, в гроб зажатый.
Любить – какое ремесло!
И с пьяной тенью провожатой
его в могилу понесло.

ЧЕЛОВЕК СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ:

Плачет кукольными слезами балериночка!
Очень хорошенькая, как картиночка.
И, как турецкий барабан, криволап,
в похоронную сторону драпает арап.

ТОЛКОВНИК:

Как уже было сказано,
то бишь сыграно,
трое в любовной драме покараны.
Любовь похоронят –
и будь здоров!

БАРАБАНЫ:

Трое одров!

TUTTI:

Были когда-то и мы барсуками
на лисьем, на рысьем, на волчьем меху.
В глазах окривелых торчали суками
и гайками жили со скрипом в цеху.
Мы испепеляли сердца без лучины,
на глупый предмет не расходуя дров.
Копыт не ломая, шагали мы чинно.

БАРАБАНЫ:

Трое одров!

ПИИТ:

Насело небо серою вороной
среди бела дня. И марш идет дождем
чернеющим, большой и похоронный,
и мы на кладбище бессмертья ждем,
как лошадь в хомуте, в тоске упрямой.
Нырнул в хомут, как в омут, темный ум,
и колокольня пиковою дамой
бубнит торжественно и мрачно: «Бум! Бум! Бум!»
И крестится последняя старушка
в испуге от последнего добра.

А тенор плачется: «Что наша жизнь? Петрушка!
Та самая, а вовсе не игра».
Старушка, как колода, раскололась,
и вся дорога будто *от* и *до*,
и, как на верхней проволоке, голос
дрожит, повиснув на последнем *до*.
И вот из гроба нос куда ни сунь я,
какую шутку я ни заготовь –
топочет ножками бессмертная плясунья,
и пляшет в теле кукольном любовь.
И реквием, и нении, и драпа
встают вокруг в единую тугу,
и я, Петрушка, заправлять арапа,
ей-Богу, больше не могу.

ТОЛКОВНИК:

Итак, любовь покарана,
и мертвое тело
с длинной-предлинной виселицы
сброшено
в ров.

TUTTI:

Идут на конюшню, окончивши дело,
идут оголтело, идут обалдело
трое одров.

ФЛЕЙТА:

Душу озлобили нам с того света.

ТЕНОР:

La donna é mobile
qual piuma al vento.

ПИИТ:

Кони-покойники, без облыганий!
Кому быть в ножах, а кому и в жертвах.

TUTTI:

Красный Петрушка в больном балагане
воскресе из мертвых.

БАРАБАН:

Наобум.
Бум! Бум!

Конец Антигероической симфонии

Начата 7 апреля 1976

Кончена 7 июля 1976

Исправления кончены 17 августа 1976

СИМФОНИЯ № 3
Гипотетическая
(для органа с оркестром)

PARTE PRIMA

a-moll

ПАУЗА

ТОЛКОВАТЕЛЬ

Я слышу только мудрое молчанье.
Пока оно – как почва, но оно
же и среда, где прорастет зерно
в Страстную Пятницу, как обещанье,
и пустяковой палочки качанье,
способное взлететь и опуститься,
цвести посев заставить и куститься.
И музыки взволнованный посев,
на палочке немножко повисев,
вспорхнет, как ветреная птица,
и крыльями захлопает, и вихри,
которые пока еще притихли,
вспорхнут, как из-под спуда годы,
и буду повисать в сумбуре
на хрупкой палочке пуды грозы и бури,
на малой палочке – громады непогоды,
закрылоплещут птицы, а пока
взрастает музыка исподтишка.

ДИРИЖЕР

С чего начать? Каким посолом?
А ну, начну-ка я прамедным гулом.

БАРАБАНЫ

Загремело тремоло,
как в утробе дробь.
Братцы, будем требовать!
Не робей, а робь!
Будет дробно робить
робот, раб работы.
Будет нас коробить
от любой заботы
здесь и там, здесь и там.
Бей в там-там, бей в там-там!

ТАРЕЛКИ

Бах под барабаны,
бах, бах, бах!

ФЛЕЙТЫ

Барабаны-басурманы
лезут пузом из рубах,
этакие турки!
А мы свои фигурки
очень даже бережем
и ни в коем разе
даже на Кавказе
резать не позволим нас ножом.

ТОЛКОВАТЕЛЬ

Не правда ли, прелестное начало?
И очень элегантно прозвучало!

ДИРИЖЕР

Чтобы оно хоть что-то означало,
и чтобы чем-то и чему-то поучало,
и чтобы публика не заскучала,
как коллективный во степи курган,
включаю царственный орган,
высокий, как церковный свод,
оркестра самый главный орган,
и музыку-неряху приведет
в организованный восторг он.

ОРГАН

А может быть, и сам-то я не я
и нахожусь на грани покаяния,
забит, затуркан и издерган?
А может быть, мои мехи
вздыхают, словно тяжкие грехи?
А может быть, все мои трубы
молчат, закупорены, будто трупы?
И сам устал я от принудработ?
И каждая труба – как мусоропровод?
А бисер музыки рассыпался, как мусор,
от скуки, от житухи, от тоски,
и я теперь совсем как спяна Мусор-
ский?

ДИРИЖЕР

Ну, это ты, друг ситный, врешь!
Ты у меня как милый заорешь.
Оглоблю тебе я разум вправлю.
Узнаешь, сучий сын, в оркестре травлю!

ТОЛКОВАТЕЛЬ

Оглоблей он орудует иль палочкой,
а так и кроет, сволочь, с верхней полочки!
И, словно на картинке бедный жид,
у струнных струнка каждая дрожит.
А сам оркестр еще молчит
и только под сурдинку верещит.

КОНТРАБАСЫ

Под сурдинку
щиплют Динку
музыканты (вот тоска-то!).
Это только
просто полька,
просто полька pizzicato.

БАС

А теперь, как судебная кляуза
и грязнее, чем Клязьма и Яуза,
растекается черная пауза.

ПАУЗА

Хлюп-хлюп! Хлюп-хлюп!

ОРГАН

Вселенная глазами луп-луп-луп,
как ночь из-за кустов, стоока.
В смертельно-бледной пустоте востока
глядит она бессмысленно-жестoko,
как на фиалку-Ию Арг.
И хоть бы кхе, и хоть бы карк!
Ты, пауза, повисла, как обуза.

ТОЛКОВАТЕЛЬ

А барабаны выкатили пузо.

БАРАБАНЫ

Из-под рубаш:
бах-бах!
Бах-бах!

ОРГАН

А я воздвигся на чужих гробах
тремя кровавыми крестами
и ноликами семьюстами
да тысячами черненьких кружков –
чертеобразных с хвостиком дружков.
И все они, от целых до осьмушек,
звенят, как звонкие рои жучков и мушек,
и туча музыки над бытием нависла,
ни капельки не проливая смысла
на пересохшее нутро полей.

ХОР (СВЕТСКИЙ)

На поля ты полей,
молодой дождик!
И воды сто кулей
привези на грозе,
на гремучей козе!
Во сто решет,
во сто сит
пусть течет,
моросит,
чтоб народец был сыт
стеблей тощих.

ОРГАН

Всё может быть, и станется, и есть.

ХОР (СВЕТСКИЙ)

Окажи поутру
земляному нутру
быстротечную честь,
чтобы было что съесть,
чтобы было что есть,
чтобы не было лбинам зазорно,
чтоб зачались из капелек зерна!

ОРГАН

Всё то, что может быть, в огромном боре есть!

ДИРИЖЕР

Гуди, фагот! Поддакивай, валторна!

ОРГАН

И Божья нива каплет необорно.

ПАУЗА

Кхе! Кхе! Хм! Гм!

ОРГАН

И медленнее смерти Божья месть,
которая сумеет смело сместь
всё то, что муторно, и мусорно, и сорно,
всё то, что трепетно и животворно.

ПАУЗА

Дом дум. Дум дым.

ОРГАН

И корни в пустоту вгрызаются покорно.

ПАУЗА

ТОЛКОВАТЕЛЬ

Ритмическое чудное молчанье –
космическое радиовещанье.

ОРГАН

Увы! Вселенский орган слишком узок,
и не вместишь в него одной фонемы ты.
Но пауза есть лучшая из музык –
великая возможность немоты.

ТОЛКОВАТЕЛЬ

В симфонию введен мистический орган,
дабы торжественно звучал и чуть трагично,
хотя ушам внимать и непривычно
то, что кричит им Божий балаган.

БАС

На земле весь род людской
читит везде одну валюту,
за нее воюют люто
всю-то ночь и день-деньской.

УДАРНЫЕ

Бам! Бам!

БАС

Дьявол петли наметал!

УДАРНЫЕ

Бим! Бом!

Бам! Бум!

Там гам,

там-там,

сам

Гум.

БАС

Люди гибнут за металл!

БАРИТОН

Разверзлись бездны, трещали щели,
из каждой дырки мигала мгла,
и волочили виолончели
туда певучие тела.

УДАРНЫЕ

Бам-бам!

По рукам!

КОЛОРАТУРНОЕ СОПРАНО

Снега и грязи рядились в розы,
и в браке с прозой валялся стих,

и надрывались электровозы
от груза мудрых чувств людских.

УДАРНЫЕ

Бам-бам!

По ногам!

БАС

А я – бас,

а я вас

колебал!

УДАРНЫЕ

Бам-бам!

Там-там!

Гам-гам!

Хам-хам!

Бам-бам

по судьбам!

Бум-бум

наобум!

Бам-бам!

Мы на Бам!

БАС

Сатана там правит бал!

ТОЛКОВАТЕЛЬ

Тонкая вьется мелодии нить,
а там и рвется, где тонко.
Возникает необходимость пояснить,
что музыка – это не пятитонка,
музыка – это не самосвал.

БАС

Сатана там правит бал!

ФЛЕЙТЫ

Таторы-ляторы, ляторы-таторы!
Эх, вы! Интерпретаторы!

ОРГАН

А я стою небесным самосвалом,
куда погружен бывший древний дух,
и всем раскатом небывалым
с пустого неба оземь бух!
Живу я токмо промыслом отхожим.

ХОР (СВЕТСКИЙ И ДУХОВНЫЙ)

Предположим! Предположим!

УДАРНЫЕ

Что?

ТЕНОР

Сердце мы на нож помножим.

ХОР

Предположим, предположим!

УДАРНЫЕ

Что?

ТЕНОР

Что глотку мы дерем и гложем.

ХОР

Предположим, предположим!

ТЕНОР

Красномордым, рыжерожим
рожи сзаду растворожим.

ХОР

Предположим, предположим!

ТЕНОР

Хряснем же по Богу-гаду
своему уму в усладу!

ХОР

По догаду! По догаду!

ТЕНОР

Эх, шарахнем мы шараду,
чтоб и спереду, и сзаду
на куски громить преграду.

ХОР

По догаду, по догаду!

ТЕНОР

Даже звездам иглокожим
свет колючий их скукожим.

ХОР

Предположим, предположим!

ТЕНОР

Загрубивши ретираду –
Фу ты, ну ты! Фру-фру-фру! –
будем жить себе в отраду.

ХОР

По догаду! По догаду!

УДАРНЫЕ

Тпру!

PARTE SEGONDA

fis-moll

ОРГАН

От рождения жизнь человека –
огромное дикарство.
Обтекает его аптека,
аптека без лекарства.

ХОР (ДУХОВНЫЙ)

А люди – полужители,
сомножители веры,

они же предположители,
они же лицемеры.

БАС

Человек по природе добр.

ТОЛКОВАТЕЛЬ

Как сказал один чудак.

СОПРАНО

Человек по природе – бобр.

ТОЛКОВАТЕЛЬ

Как сказала одна студентка.

ТЕНОР

Человек по природе – скот.

СОПРАНО

Человек по природе – кот.

ФЛЕЙТЫ

Приходи же, котик!
Я ли не наркотик?

БАРИТОН

Человек по природе – кат.

ОРГАН

Человек по природе – гад.
Будь он беден или богат,
он весь год ползет наугад.

ТОЛКОВАТЕЛЬ

Ползет он продолжительно
и мыслит о себе
не очень-то уважительно,
не зная ни *a*, ни *b*.

ХОР

Но лишь предположительно!
Но лишь предположительно!

ОРГАН

Никто людей не извинит,
и космос встает осудой.
Аптека блещет и звенит
пречистой пустой посудой.

ФЛЕЙТЫ

Пузыречки, скляночки,
бутылочки
с ухмылочкой
кувырк-кувырк, как в цирке.

ВИОЛОНЧЕЛИ

А девочки – смугляночки,
а девочки – бегляночки,
и каждая, как в ванночке,
купается в пробирке.

ОРГАН

Искалечен вечностью,
шляется калека
под ручку с человечностью,
с наследственностью века.

УДАРНЫЕ

Бам-бам! Бум-бум!
Сам Бах –
на бобах
и ни бум-бум, ни бум-бум!

ОРГАН

Идет-гудет всемирный бум,
последний бум, безумный бум!

ТОЛКОВАТЕЛЬ

Тащиться силы нет у черного калеки.
Ему хоть чем-то подкрепиться надо бы.
Но ни в одной сияющей аптеке
даже у Бога не осталось снадобий.

ХОР (СВЕТСКИЙ)

Рыдает калека,
надежду тая.

ХОР (ДУХОВНЫЙ)

Аптека, аптека,
аптека моя!

КОНТРАЛЬТО

А в домах всё больше холодает,
ссуд уже не выдают из банка
и цыганка больше не гадают,
ибо и сама-то голодает,
черная, последняя цыганка.

ХОР (ДУХОВНЫЙ)

Голосеночки звенят
голопузых цыганят.

ХОР (СВЕТСКИЙ)

Ибо перепрелою
кормятся хлореллою.

БАРИТОН

А я *что* говорил?
Пропадете, дети!
Черт вам кашу заварил,
только на том свете.

ОРГАН

Dies irae! Dies illae!
Миром мы постановили
учредить день судный.

ПАУЗА

Или – или!

СКРИПКИ

Трудный!

ФЛЕЙТЫ

Нудный!

КОНТРАБАСЫ

Судный!

ТУТТИ

Непробудный!!!

ПАУЗА

Гым!
Дым!
Ибо
либо-либо.

ТЕНОР

Космонавты послетались,
ровно мухи на навоз,
где бы черт их ни понес –
всюду exitus letalis.
Протаскались цельный год
и истыкали всю твердь,
а везде один исход –
смерть!

ОРГАН

Нахлеставшись на ночь бражки
и в величьи наготы,

плача, пляшут умирашки
из последней моготы.

ТОЛКОВАТЕЛЬ

Как сорока, разговорчиста
темномордая укорщица,
а человеческое творчество
в умственных потугах корчится.
По телам пробегает судорога,
словно ходит по ним полицейская дубинка,
и в отсутствующем лесу дорога
несуществующая рябинка.

ОРГАН

На бетонной лужайке кузнечик стрекочет,
закрываясь лапками от голода и горя,
и поет чугунный раскрашенный кочет
заводные гимны богине Авроре.

ХОР (СВЕТСКИЙ)

Жидкокровая заря
разливается зря –
у нее всё равно желтокровие.

ХОР (ДУХОВНЫЙ)

А чугунный петух
на заре-то протух,
и висят потроха петушиныые.

КОНТРАБАСЫ

Дети, подождите!
Солнце подожгите!

Солнце – очень древние дрова.
Будем еще греться,
словно боги в Греции...

СКРИПКИ

Наши души женственные
отстоят божественные
разуму права.

ТЕНОР (ДРАМАТИЧЕСКИЙ)

Над безлесьем, над бескустьем,
над беспутьем, над безвкусьем
пролетает самолет.

ХОР

Не допустим, не допустим,
Бог нам ангела пошлет,
ангела-спасателя,
друга и приятеля.

ДИРИЖЕР

Дети милые! Скорбите
во сто глаз да еще с гаком!
Всё столпилось на орбите
под безумным Зодиаком
и хворает раком, раком.

КОЛОРАТУРНОЕ СОПРАНО

В аптеках нет лекарства.
Хоть руку, друг, мне дай!
Поедем развлекаться
на остров Голодай.

КОНТРАБАСЫ

Голодай в Холидей
не для бедных людей –
веселятся там мертвые души.

ФЛЕЙТЫ

Не греши!
Не бреши!

ВИОЛОНЧЕЛИ

Зори там хороши!

ОРГАН

А глаза, а глаза в черной туши.

ТОЛКОВАТЕЛЬ

Как чертова чушь,
горизонт вставлен в глаз,
и черная тушь
авророй разлилась.

ТЕНОР (ДРАМАТИЧЕСКИЙ)

А ангел, мать его етит!

ОБА ХОРА

Не летит! Не летит!

ТОЛКОВАТЕЛЬ

Нечто кончается
у пункта конечного,

и сим означается,
что делать нечего.

КОНТРАЛЬТО

А это просто значит,
что цыганенок плачет.

ОРГАН

Отняты слава и честь,
изъяты надежда и прыть,
и нечего больше лишать.

ХОР (СВЕТСКИЙ)

Нечего есть!

ХОР (ДУХОВНЫЙ)

Нечего пить!

TUTTI

Нечем дышать!

PARTE TERZA

ДИРИЖЕР

К тактам ставлю галочки,
останусь при нуле
и верхом на палочке,
как на помеле.

D-dur

ОРГАН

Но всё же незачем мне поло жить,
местоимению без всякого глагола,
когда могу еще предположить,
что можно жить без пуза и без пола,
великими надеждами питаться
и в бесконечном времени скитаться.

СМЫЧКОВЫЕ

Спиной повернется
мир, как спинет,
и жизнь позачнется,
где времени нет.
И незачем время
в глуби бытия
таскать, как беремья
сухого тряпья.

ТОЛКОВАТЕЛЬ

В прозрачные надежды,
не видя ни шиша,
как в брачные одежды,
наряжена душа.

ПАУЗА

Ша!

ТЕНОР

Душа моя, да где же ты?

БАС

За нею ни гроша.

ПАУЗА

Ша!

ТОЛКОВАТЕЛЬ

Зачем с душой шушукаться
у милого камина?
Зачем с огнем аукаться,
коль нет о нем помина?
Иль плакать, волосы ерша?

ПАУЗА

Ша!

ХОР

Ах, надежда-наденька!
До чего ж ты сладенька!
Даже неполадки
с тобой бывают сладки.

ДИРИЖЕР

Живем –

ТАРЕЛКИ

спеша!

ДИРИЖЕР

Соврем –

ТАРЕЛКИ

смеша!

ДИРИЖЕР

Умрем –

ТАРЕЛКИ

пляша!

ПАУЗА

Ша!

ТОЛКОВАТЕЛЬ

По измерениям по трем
мы современникам соврем.

ОРГАН

Молось из логова ума звезде,
как ржавому пятну, сбежавшему из Рима,
огромному Нигде, которое Везде,
и только Здесь невнятно и незримо.

ХОР

Долгозрением полягте-ка!
Будет вам вперед наука:
за галактикой галактика –
вот какая Божья скука!

ФЛЕЙТЫ

Эта скука – на цепи
и помножена на п.

ДИРИЖЕР

Чу! Запикала
флейта-пикколо.

ФЛЕЙТА-ПИККОЛО

Поскоблив и поцарапав
то, что можно одолжить,
мы

БАС

на тысячу арапов

ФЛЕЙТА-ПИККОЛО

будем жить, визжать и жить!

ХОР

При свете сотен тысяч Вег
везде одна картина:
людей – нигде, а человек
есть как-никак скотина.

ФЛЕЙТЫ И ГОБОИ

Тю-тю-тю! Тру-ту-ту!
Тут и там сию и ту
распинают красоту.

ТАРЕЛКИ

Целый день –
трень-брень!
И неможется скоту:
у него мигрень.

ОРГАН

За грань мигрени только глянь,
и станет чудом рвань и дрянь.
Пространство – крохотный кремь,
но есть при мне кресало,
и выбить мне огонь не лень,
и прикокошу грань-мигрень,
чтобы не воскресала!
И Нечто примется икать,
и то, что жизнь тревожит,
никак не сможет возникнуть
и, может быть, всё сможет.
Возможностью я дорожу,
она мне ближе к коже
и сущего дороже.
Я с ней что хочешь докажу,
я с нею всё предположу,
воображением рожу,
я с нею перейду между
и в ложной сидя ложе,
и на тюремном ложе.

БАС

Рожай, пока не поражен!
Рожай, не лезя на рожон!

БАРИТОН

Но может ли рожать без жен
султан в пустом гареме,
когда густое время
течет, как полусемя?

ОРГАН

Кто сможет в бесконечность влезть?
Она дыра от факта.
Но в ней, как в Греции, всё есть
и существует как-то.
Она – как Бог или как Вий,
скукожит всё и сможет,
и в бесконечностях бытий
она меня размножит.

ХОР

Играй тогда за всех людей,
один-единый лицедей!

ТУТТИ

Парик мы сможем одолжить –
из разных мыслей вычески,
и будем продолжать тужить
и жить гипотетически.

7 апреля – 17 сентября 1977

СИМФОНИЯ № 4
Осенняя

Лица:

ДИРИЖЕР
СТАРИК

Голоса:

1-ый ПОЛУХОР (духовный)
2-ой ПОЛУХОР (мирской)
КОНТРАЛЬТО
БАС ПРОФУНДО

ИНСТРУМЕНТЫ:

1. ОРГАН
2. ПЕРВАЯ СКРИПКА
3. СКРИПКИ
4. ФАГОТЫ
5. ФЛЕЙТЫ
6. ТАРЕЛКИ
7. БАРАБАН (турецкий)
8. БАЛАЛАЙКИ

PARTE PRIMA
Valse funèbre

h-moll

ДИРИЖЕР

Подул октябрь, и роще стало знобко.
Свистят березы по ветру, и вой,
как по покойнику, всей родовой
на музыку обрушился. И кнопка
кларнетная ударилась в минор,
как будто стала черною вдовой.
Передо мной оркестр стоит в упор.
Смычковая зашевелилась роща,
как будто католическая проща,
роняя желтые и красные листочки –
листочки всенародные, агитки,
а между скрипок две корявых гидки
возникли будто бы из точки,
как две сестры в больничных балахонах,
а солнце утром ходит на балконах
и даже появляется на свалке.

ФАГОТЫ

Нам не встать,
нам не встать –
душит нас какой-то тать.
Нам не петь,
а хрипеть...

ДИРИЖЕР

Лежат фаготы, мертвые, как палки,
а осень сыплется над оркестровой ямой,
и доживает год, а он такой упрямый,

что встал как музыкальный кряж.
А дудочка во славу октября ж
пищит и надувает губки,
и знобка ей, и зябка в мини-юбке.
А в кресле, как бобер, сидит старик
и под лохматый спрятался парик.

СТАРИК

Былое слушаю, как рецензент из кресла.
Оно симфонией передо мной воскресло,
хотя по глухоте моей в былом
всё больше пауз от борьбы со злом.

I ПОЛУХОР (МИРСКОЙ)

Черной молнии излом
и осенний лунный серп
над седым былым козлом
пляшет-скачет, будто герб.

II ПОЛУХОР (ДУХОВНЫЙ)

Salve, o dea!
Similis aratro
luna argentea
cum fulgure atro.

СТАРИК

Ну и картина
in lingua latina!

БАС

До зимы рукой подать –
дойдешь тропинкой узенькой.

Эх! Ох! Пропадать –
так уж с музыкой!

ДИРИЖЕР

Цыц ты, дубинистый бас!
Ты не Шаляпин, не ухай!
Хоть ты и профундо, хоть ты и потряс
время великой разрухой,
а всё же давай-ка назад осади!
Музыки много бредет впереди.
Рощи свистят и сверкают, тропа же
движется, точно кинолента,
движется будто с тоски, но Lento.
Рано еще запевать о пропаже!
Дай помахатья мне палочкой,
а березке последней веткой,
и с улетающей галочкой
попрощаться, как с бывшей соседкой.
А говоря короче,
зачем ты выпучил черные очи?
Имей почтение к годам
и жди, пока я знак подам!

СТАРИК

Какой веселый дирижер!
Он палочкою подпирается
и, как галантный ухажер,
симфонию он в до-мажор
закончить собирается.

СКРИПКИ

Разубраны в осень осины,
и дни убывают, легки.

Грибникам в горбатые спины
кажут грибы кулаки.
Сады потрясают плодами,
шумят огороды ботвой.

СТАРИК

И я не страдаю годами.
Я раб, и я рад, ибо – Твой.
И тихо я с миром почию.
Сам ты, Боже, закрой мне глаза,
и будет тогда книгочию
уже не прочесть ни аза.

I ПОЛУХОР (МИРСКОЙ)

Вальсируй же, ветер, вальсируй!
Кружись, листовая метель!
Над тихой могилою сирой
крути канитель из недель!

КОНТРАЛЬТО

А ты, старый хрен, не печалься,
по горло зарытый в земле.
Березки в смятении вальса –
как ведьмочки на помеле.

СТАРИК

Ох, время – старинная сводня,
и машет оно помелом.
Помашет-помашет сегодня
и скроется где-то в былом.
Былое, такое милое,
стогами ушло на луга,
и вижу твоё помело я,
Яга, костяная нога.

Привыкну, как сторож, к тулупу,
сколоченному из досок.
Садись-ка, голубушка, в ступу
и жри от природы кусок!
Седлают уборщицы швабры,
вперед повернулись спиной.
И темные абракадабры
топорчат и крылья, и жабры,
летя под октябрьской луной.

TUTTI

Только времени нету и нету.
На дороге гудят провода.
От тебя, старичок, по секрету
убежало оно, как вода.
А в канавах былинки воскресли,
и летит и вальсирует тишь,
а ты в прежнем надтреснутом кресле
рецензентом внештатным сидишь.
И считаешь по тактам помарки,
безбилетный ты наш пассажир,
и вертишь ты клочок контрамарки,
той, что выдана Мойрами в мир.
Приотворен твой рот, как воротца.
На дороге гудят провода.
Это музыка мимо несется,
это время блестит, как вода,
это вальс догорает печальный,
это гаснут октябрьские дни,
это яростно в люстре хрустальной
брызжет дождь, превращаясь в огни.

СТАРИК

Дирижер – что дьячок у налож.
Утекают в канавы моря.

Реет вальс, словно глас тропаря,
проплывает, над залом паря.

TUTTI

А бывшее, такое милое,
по рядам шелестит, как заря.

PARTE SEGONDA
Andante moroso

Des-dur

СТАРИК

Притихла осень. По местам листва,
не дует ветер, даже дождь не плачет.
Бесмысленны мне музыки слова,
и даже время дни куда-то прячет,
и только сучья черный сад карячит,
и то едва, едва, едва!
На музыку бреду я исподлобья.
Сообщество стоит вокруг гурьбой,
где люди, как мои звероподобья,
увы, бессильны над моей судьбой.
Я Зевсов брат, чей ум рождается из паха,
а дни бегут, как зайцы по кустам,
и время где-то, будто черепаха,
стучит истошно в свой там-там.

БАРАБАН

Там, там!
Там, там!

КОНТРАЛЬТО

Времени излишки
на подкладке ватной.
Как твои делишки,
рецензент внештатный?
Всякий ум несносен,
даже если мера –
золотая осень
для пенсионера.

I ПОЛУХОР (ДУХОВНЫЙ)

Скачут зайцы по кустам
где-то там,
где-то там.

II ПОЛУХОР (МИРСКОЙ)

А осенняя пора –
как дыра,
как дыра,
а отнюдь не нора
без кола, без двора.

БАС

Не вздыхай и не ахай!
Не робей, не жалей!

ДИРИЖЕР

При своих-то чертах,
при фигуре в кустах.

БАРАБАН

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах!

БАС

С быстроногой черепахой
зря тягался Ахиллей.

СТАРИК

И в белой, дебелой
декабрьской природе
с кобылой Кибелой
давно мы в разводе.

БАЛАЛАЙКИ

Шпарь с обратного конца!
Дуй на все корки!
Ламцадрица, а-ца-ца-ца!
Укатали жеребца –
эх! – крутые горки.

СТАРИК

Октябрь трусит себе, ледком подкован.
Не будет он томить меня и злить.
Он сладким холодком во все углы рассован,
спрессован до костей, во взоры расфасован,
ни горечи ему, ни желчи не излить.
Звучит в оркестре дудочка пастушья,
как бы отставшая от стад,
заблудшая в пустыне равнодушья,
где вижу свалку темных туч и туш я,
раздутых, как аэростат.

И где-то, может быть, рогатый Зевс заколот,
а вместе с ним свежуют и века.
Меня бодрит октябрьский этот холод,
как нож за пазухой у мясника.
Резак под сердцем холодит, и верю
и в серый дождь, и в животворный сок.
Авось и мне, нищающему зверю,
отвалится – и не один! – кусок!
Авось и я судьбу копченую свою
беззубо, а пережую
и проглочу,
ибо так надо и я так хочу.

ФЛЕЙТЫ

Ты хоти – не хоти,
а синички ти-ти-ти,
а денечки тю-тю-тю.
Серый дождик вытек
из небесных титек.

I ПОЛУХОР (ДУХОВНЫЙ)

На лоне пустырей
с достоинством старей!

II ПОЛУХОР (МИРСКОЙ)

Меж альфой и омегой
за девками не бегай!

СТАРИК

Это кто же там дурит?
Кто так злобно говорит?
Quos ego! Вот я вас!

БАС

Это я – бес-бас.

ФАГОТЫ

Нам не встать,
не настать:
придавив, сволок нас тать,
и в дороге краткой
мы хрипим украдкой.

СКРИПКИ

А на кожу, как ледок,
налегает холодок.
Спереди и с тыла
чья-то дрожь застыла.

ДИРИЖЕР

А музыка потребовала
на поджилках тремоло.

ПЕРВАЯ СКРИПКА

А разве вас не жег
на стылой борозде
белый, как трава, снежок
в промерзлой бороде?

БАРАБАН

Будто иней на дубах,
будто ржа на зубах.
Бах, бах!
Бах, бах!

СТАРИК

Смотрю из зрительного кресла прямо в яму,
где, словно мертвый зверь, затих оркестр,
и на беззвучную, как палка, мелодраму
и на октябрь я наложу секвестр.
И, вставлен в осень русскую, как в раму,
я буду ездить в ней, как некогда де Местр,
и видеть Ванек, Манек, Колек, Толек,
ядренный консерватор и католик.
Лежит оркестр, как мертвый медный лед,
обвисли голые фаготы и смычки,
но вскоре дирижер его пошлет
волшебной палочкой в тычки.
От первого морозцу сглупу стыня,
я озираю человеческий зал
и вижу, что в любом углу пустыня,
которую мне дьявол навязал.

ДИРИЖЕР

Эй, из ямы гробовой
начинай на пробу вой!
Ветер музыки несется,
так что голый лес трясется.

ТУТТИ

Всё рифмуется на «у»,
кликнуть некому «ау»!
Ветер мчится по лесу
к Северному полюсу.

PARTE TERZA
Chanson triste. Andante sottile

fis-moll

ДИРИЖЕР

Эй, вы, голубки скрипки!
Играть без единой ошибки!
А вам, скрипке первой,
тянуть за нервы.
Начинайте же, милые стервы!

СКРИПКИ

Les sanglots longs
des violons
d'automne...

ДИРИЖЕР

Вступайте же, первая скрипка!
Что же вы молчите, как рыбка?
Что же вид у вас невеселый?
Иль немило вам ваше соло?

ПЕРВАЯ СКРИПКА

Играть в тишине
горестно мне
и грустно.

Гудят провода,
убегает вода
по канавам...

Вдоль вымерших рощ
тащится дождь,
такой захолустный!

А горестный стыд,
как ветер, свистит
в уши.

А тени в углу
на пьяном полу
глуше.

Не стало его,
болит естество
где-то,

ни скуля, ни прося.
Вот и песенка вся
спета.

БАЛАЛАЙКИ

Нам от длинного Верлена
будет горе по колено.
От природных от доброт
мы пойдем по горю вброд.

СКРИПКИ

Tout suffoquant
et blême, quand
sonne l'heure.
Je me souviens
des jours anciens
et je pleure.

TUTTI

Старый хрыч, не плачь!
Тит Кузьмич, не плачь!
Иль, как труп, незряч?
Сам себе будь врач!

СТАРИК

Как жалобно скрипки меня отпевают!
Как звонко дружки за меня выпивают!
И водка горит и играет во тьме,
и вальс похоронный всё вьется в уме,
и вальс, точно горе, веревочкой вьется,
а водка в стаканах играет и бьется.
Я тоже хватил бы, и водка, скользя
по трубам, канавам и по пищеводу,
на миг превратилась бы попросту в воду,
но здесь, на концерте и выпить нельзя.

ДИРИЖЕР

И без водки (пес же с ней!)
дуйте, скрипочки, честней!
Дуйте, девочки-любаша,
и тяните жилки ваши!
Войте, флейточки мои!
Не задержит вас ГАИ
и на ваши тоны-стоны
не накинута мильтоны.
Дуйте presto, presto, presto,
как побег из-под ареста.

СКРИПКИ

Мы и так бежим – трень-брень –
верст по сорок с гаком в день,

рученьки искрючены,
ноженьки измучены.

TUTTI

Старый хрыч, не плачь!
Тит Кузьмич, не плачь!
Знай живи окарачь!
Сам себе будь врач!

PARTE QUATRA ED ULTIMA
Фуга «Покров» для органа с оркестром
Andante maestoso

Des-dur

ОРГАН

Себя давно обсел я всесторонне
и радуюсь: ей-право, я хорош.

ПОЛУХОР (ДУХОВНЫЙ)

Господь послал мне

ПОЛУХОР (МИРСКОЙ)

сыру, как вороне,
которому цена под старость – грош.

ОРГАН

Я был одним из думающих тел
и стал собою, как того хотел,
Но кажется теперь:

ФАГОТЫ

я на бумаге жил

ПОЛУХОР (МИРСКОЙ)

И в департаменте поэзии служил.

ОРГАН

И вижу, что в седеющие годы

ПОЛУХОР (МИРСКОЙ)

Полушку стоят ордена и оды.

ОРГАН

Провижу я в своем же доме даль
и выговариваю Богу с тонкой грустью.

ПОЛУХОР (ДУХОВНЫЙ)

На что же Вечному жиду медаль?

ПОЛУХОР (МИРСКОЙ)

Коль приклонился он к великопустью.

ДВА ПОЛУХОРА

Ну, а оно – как тот Великий Пост,
когда пусты и чин, и сан, и пост.

ОРГАН

Три века был себе я сторож ражий,
который не прельщался самокражей,

с кого за горести и неполадки
бывали взятки, словно кожа, гладки.
И я бывал как сам себе прохожий,
как трояком, расплачивался кожей,
а Бог меня,

ПОЛУХОР (ДУХОВНЫЙ)

святого дурачину,

ОРГАН

зачем-то жаловал, пожалуй, не по чину.
Стоял как Лютер я,

ФАГОТЫ

в себя забитый кол.

ПОЛУХОР (МИРСКОЙ)

Стоял столбом и жил себе упрямо.

ОРГАН

И вел легко стихами протокол
и не боялся ни канав, ни ямы.
Но вот я вижу нынче: ближе ров.
Куда бы мне от бездны схорониться?

БАС

И как от пасти мне оборониться?

ОРГАН

Тихонечко посторониться?

Иль, обойдясь без мудрых докторов,
залезть под Богородицын покров?

ПОЛУХОР (МИРСКОЙ)

Иль матерно начать браниться.

ОРГАН

Но видит Бог, что после Покрова
желтеют озими и прочая трава.
Да велика ли им бывает нега
от белизны архангельского снега?
Но и под ним незримо сохранится
меж нами та треклятая граница,
которая, закон не отменя,
по-прежнему –

ТАРЕЛКИ

Бац! бац! –

ОРГАН

и отделяет
меня чиновного от ветхого меня,
кто черноту свою

ФЛЕЙТЫ

маленько обеляет.

ОРГАН

На государственной границе я останусь
стоять, как старый бог, самохранитель Янус,

и, кутаясь в покров втройне двойной,
сам гряну на себя торжественной войной,
но божью или идольскую долю
залить слезами людям не позволю!

TUTTI

И если ты не выжил из ума –
за осенью стоит алмазная зима.

*13 октября – 14 ноября 1978
Комарово*

СИМФОНИЯ № 5
Appassionata, или Страстная

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. ЧТЕЦ
2. ДИРИЖЕР

ИНСТРУМЕНТЫ:

1. ОРГАН
2. СКРИПКИ
2. ФЛЕЙТЫ
4. КЛАРНЕТЫ
5. ВИОЛОНЧЕЛИ
6. МЕДНЫЕ

ГОЛОСА:

БАС (basso profundissimo)
БАРИТОН

PARTE PRIMA

ОРГАН

Аз, Бах, есмь бычий бог и силой осиян,
музыки есмь Сион, где стонут серафимы,
крылами голубиными носимы, –
в павлиньих пятнах веера и дымы, –

и повторяют имя Иоанн,
с которым борется Севастиан,
как древле с Господом Иаков.
Но храм из буйствующих нотных знаков
стал, яко персть моя, неколебим;
и розогузый, весь, как розы, одинаков,
дудит в дуду младенец Херувим.
Великоадские под ним разверзлись страсти,
и вот я каждый звук беру в щепоть,
благословляя те житейские напасти,
что утишить не смог и сам Господь.
Но, Господи, какая дура Анна!
На грош нет покаянья в Магдалине.

ТЕНОР

Подплываю к вам, синьора Анна,
словно в гондоле, на мандолине.

БАЛАЛАЙКИ

Тень-тень-тень на лютне,
в лунном свете плутни.

ОРГАН

Стекло души прозрачной расколосось,
и сквозь него видна в фиоритурах явь.
Плывет, как Лоэнгрин, венецианский голос,
мою пересекая фугу вплавь.

СОПРАНО

Как женщина, лежит зеленая долина.
Как стрелы, звуки в молодое тело,
в твое, полувековой Севастьян.

As-dur

ОРГАН

Какая дура Анна Магдалина!
Ужель она и впрямь того хотела,
чтобы орган был по-мужицки пьян?
Зефиры робко реют по-за Рейном.
Зеркальной гладью тронута река.
В соборных хорах, как в дому семейном,
поет жена, как нотная строка.
Да будут строфы строги, как и быстры,
поют орган, и храм, и жизнь, и сам Господь.
Звучи же, плоть моя, во все регистры,
бессмертная готическая плоть!

TUTTI

Встает мужицки ражий
соблазн, что голый кат.
Сквозь красные витражи,
как ад, горит закат.
Находит хор греховный,
и изо всех прорех
владычит грех верховный,
как гузно, круглый грех.

БАС

И колокол, предавшийся разгулу,
из медной плоти вмиг весь гул изверг и зык,
и упоенно лижет Вельзевулу,
согнувшемуся на карачках грузно,
зеницу муринского гузна
каленный докрасна язык.

ОРГАН

Но аз есмь Босх, но аз есмь Бог, и в храм
мною загнан, аки скот во хлев свиной, Адам.

КОЛОКОЛЬЦЫ

Конь игрень! Динь, динь!

TUTTI

Грех черен, грех синь.
Аминь, аминь!

ДИРИЖЕР

Но яко вопль, яко орлиный крик
иль львиный рык –
колокольный зык.
Клещами выдрал кат ему язык,
и грешный колокол в свинцовой луже сдох.

ОРГАН

Но аз есмь Босх, сам Бах и Бог.

БАРИТОН

Смердящие годы, что псицы, готовы
сглодать всё до косточек тело Христово,
из Рейна, текущего подле забора,
лакать алогубые токи кагора.

СКРИПКИ

А плоть развернулась и жадно, и наго,
и хлещет вдоль тела багряная влага,
и грешники плачут и платят за благо
в трактире со сладким названьем «Малага».

БАРИТОН

У жабы зубастой цыпленок в зубах.

ОРГАН

Но аз есмь Бог, но аз есмь Бах,
и мне в канун Страстного Четверга
из печи выскочила кочерга,
и ведьмочка верхом на ней летит на Брокен
сквозь очи черные и пасти окон.

ФЛЕЙТЫ

Ей лететь легко, гольшке,
по порхающей наслышке.
Ей ничто грехов излишки
на бездомной высоте.
В запотелой красоте
у нее блестят подмышки.

ДИРИЖЕР

В лазурном зное, корчась от отрады,
ореховый загар явили вы, дриады.
В скрипичной роще встал хор звонких тел старинный,
и хоровод течет по нотке комариной.

СКРИПКИ

По нитке тянется, как звуковой плетень.

ДИРИЖЕР

Разденься у ручья, медлительная тень!
Разденься, скрипка, до последней нотки!

ДУХОВЫЕ

Тень, тень тебя блюдет в лазурном околотке.

ДИРИЖЕР

Высокий черноусый Тень,
на пьедестал он стал, как на корявый пеня,
и выставил самодержавно
рогатый силуэт чернеющего фавна.

ОРГАН

По небу едет похоронный звон.
В плюмажах черных вон на катафалке
два клоуна британских Дим и Джон
уперлись в голубое небо лбом,
а мрачные скомрахи Бим да Бом
смерть зарабатывают собственным горбом,
и лучевые кости их торчат, как палки
в неопытного дирижера. Едет срам.
Прносятся на юг со звоном галки.
А в адовом кругу по горло в вони серной,
следя за удирающею серной,
как флейта скачущей от страха по горам
в гарем Господень, стал Фома Неверный.

ДИРИЖЕР

А ты, оркестр, как сам трам-тара-рам,
грянь с облаков, мой балаганщик ловкий,
и престижитаторской сноровкой
нас порази. И пусть нам царь Хирам
построит заново Ерусалимский храм.

ОРГАН

Смысл жизни кажется мне только оркестровкой.
А вот чего? Или к чему?
Не понимаю, да и не пойму.

ДИРИЖЕР

Раздавим смысл начального аккорда.
Собачью жизнь хореем погоню.

TUTTI

Эй, скачи, собачья морда!
Sursum corda, sursum corda!

ДИРИЖЕР

Чтоб и тихо, чтоб и гордо.

TUTTI

Без рекорда, без рекорда.

ДИРИЖЕР

Появиться в виде ню.
Ибо даже Монна Лиза
пригодится для стриптиза
ночью раз и два на дню.

ОРГАН

Опрочь людских богов кого ж я обвиню,
когда всё рвется к смерти, как к рекорду.

TUTTI

Выше морду! Выше морду!

ТЕНОР

Внемлите мирным,
и всемирным,

и липким, словно мед, словам –
и ехать как по маслу вам.
Да будет брат вам ближе и дороже
самих себя, а посему...

TUTTI

Дай по роже, дай по роже
мирозданию всему!

ТЕНОР

Вот как вы вняли слову моему?
Полезли в драку к чертову рекорду?

TUTTI

Выше морду, выше морду.

ТЕНОР

Анафема на ваши surda corda!
Вас совращает стройным станом черт.
Он сокращает жизнь до черточки и горд,
что обращает тело в натюрморт,
и всё прощает он бесспорной рифмой «спорт».

ОРГАН

Я Бах, я бог, старик я домовой,
парик, что колокол, повис над головой,
и вот она, слоено-завитая,
гудит, по высям образа витая.
А к празднику побалую я женку
и сочиню ей малую фужонку.
На то я Бах и бог. И Господа мы молим
в ад музыки спустаться по бемолям,

а если надо будет, так полезу
я в пекло музыки и по дизу.
Жизнь строится громадою соборной.
Передается пальцам мощь предплечья,
и музыка – движенье костяка,
и не хочу еще в канаву слечь я,
и fuga-жизнь бежит нечеловечья,
она восходит музыкой соборной,
огромное Ничто из пустяка,
и кажется воистину притворной,
как за окном слепых времен река,
и жизнь восходит музыкой соборной
под мягким париком у старика,
а обернется яминой тлетворной.
Но с хор на всё гляжу я свысока
и вижу справа я витраж заката,
как Магдалину накануне сна.
Она под пальцами легка и так красна –
такая скоротечная токката.

TUTTI

А всё равно свое мы гнем,
и собрались в едино
Бах, Бог, и Босх, и сгнивший гном,
и гностик, вставший кверху дном,
и прижигает, как огнем,
нас черная година.

ДИРИЖЕР

Ложится страшно, точно правда, рок,
как ежедневно ходишь на базар ты.
Жизнь ворожит нам, как игра в тарок,
и сзади наперед выкладывает карты.

СОПРАНО

И опять казнят кого-то,
и невнятные слова
вновь бормочет с эшафота
голова.

TUTTI

Из-под рук веселых ката,
как на свадьбе со стола,
скоротечная токката
потекла.

КЛАРNET

Уже пищит скворечница,
и время лезет вспять,
и смерть-великогрешница
со мной ложится спать.

ОРГАН

То-то и есть, безумный мой кларнетик,
что можно в бодрые, как палка, годы
нежданно оказаться в нетях
у самого себя и у природы,
и многие скворцы покинут свой уют
и по-собачьи песни запоют.

МЕДНЫЕ

Дни стали жарки, как припарки,
а раки выглядят как парки.
Пивная пена хлещет в парке.
А раки-парки разрезают клешни
на жалко-желтеньких скворчат,

и грешные скворечни
на ветру ворчат,
но еще молчат
клювики галчат,
и мордочки котят
мясо есть хотят.

ОРГАН

Кто сам бывает виноват,
что он попал невинно в ад?
Огромен грех, как Бог,
и Бог, бессмертный грех,
создал переполох
вокруг и между всех.

ДИРИЖЕР

От старческих соблазнов и от зол,
от гроз, буянящих вслед жизни старика,
не защитит затворенный камзол,
ни завитые пакли парика.

TUTTI

А на домашнем спектакле
пукли из пакли.

БАЛАЛАЙКИ

Так ли? Так ли? Так ли?

ДИРИЖЕР

Расхлебывай свою тарелку щец
да общий котелок недоупревшей каши.
Теперь в симфонию вступает громко чтец,
и то, что было наше, станет ваше.

TUTTI

Не чайте от него благостыни!

ЧТЕЦ

Аз –
глас
вопиющего в пустыне.

ОРГАН

Но Аз есмь Босх, а может быть, и Бог,
и люди вокруг меня – слепые нелюдимы.

ЧТЕЦ

На суд Аз в мир сей приидох.

ОРГАН

В воротах грех, как смрадный пес, издох.
Эй, не судите, да не будете судимы.

ХОР СТАРЦЕВ

Учиться – значит помрачиться.
Ну, а пока у старика,
как на века,
страсть быка,
каї та какá, та какá
касть, касть!
Помрачена
власть.
Экая пакость!
Экая касть!
χαϊ та χαχά, та χαχά.

ЧТЕЦ

Изведе мя дух в пустыню,
явити ми благостыню,
и рече ми тогда Искуситель:
Аще еси Сын Божий, рцы,
да будут камене хлебы.
Аз отвещах: Не вси суть творцы
и несть во камении мне потребы.
Тогда диавол мя за плечи поят
и снесе во святыи достославный град
и мя на криле церковнем постави
среди воздуха на высех великой яви
и рече ми: верзись, Сыне Божий, низу.
Чесо же прилепил еси ся карнизу.
Аз же так отогнах его:
Не искушаеши Господа Бога твоего!
Паки поят мя диавол на гору высоко зело
и показа ми всех царствий добро и зло
и глагола: Еси горемыщный Адам
вся сия тебе отдам.
Аз же рекох ему: Того тебе не дано.
Иди за мною, сатано!
И диавол мене остави
среди злой и доброй яви.

БАС

Савостьян, Савостьян,
знать, ты пьян, знать, ты пьян,
знать, ты сел за орган,
за орган-васторган.
Иоанн, Иоанн!
Знать, ты пьян, знать, ты пьян.

ОРГАН

Тот мастер, кто ни в чем не даст промашки.
Природа – дура, дочка и колдунья.
Мне подан луг на блюде, где ромашки –
как жирная яичница-глазунья.
Луг – блюдо, где приправлена разлука
зеленым крепким крошечком из лука.
Ох, Господи! Прости моей уродке:
она поджарила соблазн на сковородке,
и, видно, ведать мне на кухне без конца,
что грех, как всё живое, из яйца.

ХОР

Ламца-дрица-а-цаца!

ДИРИЖЕР

А скрипки визжат, как лесные совы.

СКРИПКИ

Рессamina ex ovo, рессamina ex ovo!

PARTE SECONDA

Cis-dur

СКРИПКИ

Край бесовски вражий
распростер свои
льдистые витражи,
словно полыньи.

Встал собор витийством.
В куполе светло.
Но горит убийством
алое стекло.

Дебри – непролазные,
голые соблазны.
Кроет позолота
жирное болото.

ОРГАН

Я тело музыки, Великий Органон,
которому всегда до смерти три аршина,
собой самым грешившая машина,
прожитая по гаммам, как Ганон.
И в восемь рук журчит моя вершина,
как гиблый богородицын Канон.
И раздуваются мои мехи,
мои двоякодышащие бронхи,
чтобы забрать бескровные грехи,
как с кухни жизни брошенные крохи.
Вкруг тела моего стоит стоймя природа,
как многоокий Божий храм.
И тело, надрываясь год от года, –
всё та же музыка и смертная колода
и обнажающийся смерти срам.
Великий Органон, в углу вселенной встав,
лежит, как на погосте кенотаф.
Но Бог не пощаждает шкуру Баха.
Спускается во ад, и нищ и наг, Адам.
В поту сползает по вершку рубаха,
смертельная, слезает по годам.

ВАЛТОРНЫ

Кроет позолота
жирное болото.
Адская скачет охота.

В пене и смертном поту
жаркое жадное тело
догнать себя полетело.
Ату его, суки, ату!

ХОР

Жирное болото.
Смертная охота
встала на мостах.
Эй вы, дочки Лота,
во всю-то наготу
терзайте дон Кихота.
Жирное болото.
Брюхо на версту.
Гей вы, сучки Лота,
скачет смерть-забота.
Ату ее, ату!

ТУТТИ

И вокруг Господня мира,
вкруг вселенского трактира
без начал и без концов
скачет пляска мертвецов,
скачет в гроб разбойной бандой,
завиваясь сарабандой.
Всех морочит скоморох,
грех рассыпал, как горох.
Пляска вьется жаркой жигой
со своею личной фигой.

Всяк ничтожней и пустей,
смертью продран до костей.
Каждый грех стал гол, что кафр.
Danse macabre, danse macabre.
Ради тела и души
нагреши, нагреши.

СКРИПКИ

А пока, как столп закона,
надвигается чакона.

ЧТЕЦ

Чакона смертельных пелен
и бледных ночных рубах
исполняется в трубных гробах.

ОРГАН

А ящик мой стоит испепелен.

TUTTI

Не шумит дыханье жабр.
Danse macabre, danse macabre!

ХОР

Рыбьи жабры, жабьи ребра,
бабьи бедра. Вдоль сирен
вьется черный, точно кобра
или мурин, старый хрен.
Через годы и ограды
лезут черви, вьются гады.
Чувства нежные гниют.
Старость – гадостям приют.

ОРГАН

И мне, голодну, драну, седу, босу,
паломнику из старческой земли,
изографу Иерониму Босху,
Ты, Господи, терпение пошли.
Смешалось всё – златистые иконы
и кони в алой бесноватой пене,
и ползают по торжищу драконы,
и ходят, стучаясь друг ó друга, колени,
как в желтой коже черепа.
Изблевана на торг толпа,
где бродят пития и яства тени.
И я, с крючкастым посохом паломник,
узрел безумия рассадник и питомник.
Я – музыки разинутое око.

TUTTI

Et mortuos voco.

ОРГАН

Во Храме Божьем сумрачно и страшно.
По воздуху скребет когтями Диво.

ЧТЕЦ

Плоть моя истинно есть брашно
и кровь моя истинно есть пиво.

ОРГАН

Вы, сестры страшные, страсть и любовь!
От вас и дух, и тело изнывает.

ЧТЕЦ

Ядый мою плоть и пияй мою кровь
во мне пребывает.

ТЕНОР

А мужик налегке
загулял в кабаке.
Он в ладоши бьет,
кровь Господню пьет,
и великой длины
к нему льнут блины.
Он в один присест
плоть Господню ест.

ХОР

Клюют крошки птицы-гули,
остается только пшик.
А мужик загули-гули,
загулял мужик.

ТЕНОР

А мужик-чудак
сторожил кабак
и лежит на боку,
привалясь к кабаку.

ХОР

Ой ли, ой ли, на боку,
привалясь к кабаку!

ТЕНОР

А мужик-чудак –
записной мудака,
пребывает так
больше века.

ХОР

Крест – что шиш впереди.
Пощади,
Господи,
человека!

ТЕНОР

Он лежит нагишом,
осенен шишом.

ЧТЕЦ

Жив будет мене ради.

ТЕНОР

С головы до пят
на шише распят.

ХОР

В Божьем граде.

ТЕНОР

Испивай, мужик,
токмо хлебный квас!
Бес, как дурь, из тебя изыдет.

ЧТЕЦ

Не может мир ненавидети вас,
мене же ненавидит.

ОРГАН

Я Бах – сам грех, я Босх – сам шиш,
сам себе я fuga да иго.

ЧТЕЦ

И врешь, ничего ты сам не вершишь.
В рот ленивцу валится фи́га.

ТЕНОР

Позвольте познакомиться!
Знавались мы с задрыгами.
Любовница – смоковница,
увешанная фи́гами.
А фи́ги точно серьги,
а может, и клипсы.
А влип на новосельи
иль попросту ошибся.
Любовница-блудница
шатается, качается,
и с нею породниться
никак не получается.

ОРГАН

Нет, не страдалец я идейный,
идуший с мукой по рядам,
и даже бабе лиходейной
страданья я не передам.
И посреди своих знакомых,
как в черных арабесках фуг,

я из породы насекомых,
я не мужик, а просто жук.

ХОР

Эй, жук, жучишечка, жучок,
куда ты лезешь, дурачок,
и куда же ты ползешь,
словно лапчатая вошь?
Будто лапчатая вошь
и под ногтем ты живешь.
Был и ты когда-то молод,
но жуки не в силах петь.
Бог, как тихий энтомолог,
будет над тобой корпеть.

ТУТТИ

И тебя опишет Фабр.
Danse macabre! Danse macabre!

PARTE TERZA

gis-moll

ОРГАН

Всё движется путем нажив,
и Дева диво родила,
вселенную, как грушу, потрясла.

ДИРИЖЕР

Люблю тебя, как душу,
трясу тебя, как грушу.

ЧТЕЦ

Вем твоя дела
яко имя имаши, яко жив
а мертв еси.

ОРГАН

И стоит ли от старости роптать,
по жизни, как по торжищу, топчась?
Ведь в старости рождается дитя
и будет в коляске котят катать.

ЧТЕЦ

Прииду на тя яко тать
и не имаши почути в кий час
прииду на тя.

ОРГАН

Что старость? Чистота! Грехопаденье снега,
собор вселенский прожитых сердец.

ЧТЕЦ

Аз есмь Алфа и Омега,
начаток и конец.
Глаголет Господь сый
и иже бе и грядый.

ОРГАН

Стою по старость я в Господней круговерти
и в самой середине бытия.

ЧТЕЦ

И в тья дни взыщут человеци смерти
и не обрящут ея.

ОРГАН

Ловлю я смерть, как волчью стаю в сети,
и ногтем по Господню миру черть!

ЧТЕЦ

И вожделеют умерети
и убежит от них смерть.

ОРГАН

Кукуй, старик в святоубогом виде!
Горной, мужик! Аз всех скорбей вкусих.

ЧТЕЦ

Горе едино отыде,
се грядут еще два горя по сих.

ОРГАН

Течет, как вечность, музыка моя.

ЧТЕЦ

Глаголата семь громов гласы своя.

МУЖСКОЙ ХОР

Семь громов,
семь умов,

семь недужных домов,
семь надгробных холмов.

ОРГАН

Всем сущим...

ЧТЕЦ

Горе!

Живущим на земли и мори,
яко сниде дьявол к вам.

ХОР

Квак, квак, к вам!
Блям, блям, блям!

ОРГАН

В багряных маках стелется долина.
В моих или в чужих объятых мандолина?
Красноволосая, как пламень, Магдалина,
простоволосая девчонка Суламифь,
и сам я только музыкальный миф.

PARTE QUARTA

Des-dur

ДИРИЖЕР

На время все мы умираем
и воскресаем, а потом
занудным, коллективным,
от благодати противным

в ячеевидном доме раем
по-домостроевски живем,
райской жизнь истомив.

ХОР

Это миф, это миф!

ОРГАН

Аз есмь органишка, пищеваренья орган,
своим существованием издерган.
Аз есмь пищеварительный мешок
кровоаво-слизистых кишок.
Мне некая загробная старуха
вспорола животрепетное брюхо
и вывесила от большой тоски
поверх меня на кукише кишки.
И не твоя ли, рыжий дьявол, дата
стоит на жизни каждого солдата?

БАС

А солдат убит,
середь рая спит.

ДИРИЖЕР

Недаром говорится: «Прямо рай!»
Не нужно ничего – ложись да помирай!

ХОР

Едут, едут люди
к раю на верблюде.
Ни на что хвороба им!

Их лишь смерть остудит.
Так померем, попробуем,
поглядим, что будет!

TUTTI

А солдат убит,
середь рая спит.

БАС

Оторвалась нога.
Жрет ту ногу Яга.

ВАЛТОРНЫ

Гуси, гуси! – Га, га, га!
Жить хотите? – Да, да, да!

TUTTI

А солдат убит,
середь рая спит.

ДИРИЖЕР

Музыка, музыка,
зеркало жизни,
винометом брызни
на старинной тризне!

БАС

Бей же в пах копьем,
душу под мякитки.
Мы сам страх пропьем,
и всю жизнь пропьем,

и весь рай пропьем
с первой же попытки.

TUTTI

А солдат убит,
в центре рая спит.

PARTE QUINTA **Лжевещь (Лжеявь)**

a-moll

ДИРИЖЕР

На бубнах носится судьба-ворожея,
стучит-гремит яжища Солжея,
и дымным громом скачет помело,
и правило нас всех перевило.
В тумане вижу ваши кожи я.

ОРГАН

И вот теперь играю вам Лже-я.
Себе и сам звучу уже чужак.
Есмь сам не свой, фальшивый рубль-пятак,
но за пятак средь бела дня
не купите вы лже-меня.
Лже-мне всю истину вынь да положь.

ДИРИЖЕР

Тебя родила девственная ложка.

СКРИПКИ

Пречистая дева,
что справа, то и слева.

ЕВАНГЕЛИСТ

Из собственных кож
излезе лже-ложь.

ОРГАН

В тени разлапистой сосны
лже-мне являются лже-сны.
Спускается по бедной Лете вплавь
по-бабьи голая лже-явь.
Ходи, орган, как пьяный черт в аду,
дуди, цыган, в последнюю дуду.
Реку вам, каждой ноткой семени:
веки не понять вам лже-меня.

ДИРИЖЕР

Слушатели-слухачи!
Развесили уши!
Ты, валторна, хохочи.
Звон, плыви по суше.

БАС

Я бас
вас раз.
Раз-раз
и на Кавказ,
как на матрас,
сев верхом на фею,
и к куму Прометею.

БАРИТОН

По-титаньи безобразен,
лаясь, словно старый пес,
Прометей стоит как Разин,
обнимая свой утес.

ОРГАН

Порожденный девой Лжой,
стал я сам себе чужой
от грома духовых и медных,
от ноток даже незаметных,
как от удара кетменя.

ТУТТИ

Нет меня!
Нет меня!

ДИРИЖЕР

Еще долго будет размышляться.
Так рази, проклятие, рази.
Будем долго и не раз мы шляться
вдоль по ноткам, словно по грязи.

ХОР

По улице мостовой
шла смертенка за тобой,
и звенят, как монетки, нотки,
в косах девки-обормотки.
Там, где давка, там, где давка,
у прилавка, у прилавка
ходит ловко, ходит ловко
мордочка твоя, мордовка.

Ты сама как нота si
на Руси, на Руси.
Ты мокша или эрзя.

БАРИТОН

Но без тебя, как без солнца, нельзя.

ХОР

Как без солнышка,
как без солнышка,
как без семечек
из подсолнушка.

ОРГАН

Я существую только как лже-толк
и возвращаю вживе свой лже-долг.

ДИРИЖЕР

Двинься, хор,
с пьяных гор,
будто красный бор,
будто вольный вор.

ХОР

По улице мостовой
шла смертенка за тобой,
шла смертенка,
лже-девчонка
по улице мостовой.

ОРГАН

И выкусил я три половинки
от богородицы-мордвинки.
Какая жалость! Какая шалость,
что в смерти девичьей всё смешалось!
Сквозь грани звучного кристалла
живое быть мне перестало.

ХОР

Но живет, но живет
Богородицын живот.

БАС

Девственная утроба,
действенная до гроба.

МЕДНЫЕ

Наседают наши уши
всею музыкой на души,
мы живые – неживые,
неворованные.

БАС

Скачут крики из души.

ХОР

Прыг-скок, попляши!
Попляши-ка, душенька,
очень ты хорошенька!

ДИРИЖЕР

У тебя ль, моя душа,
нету правды ни шиша.

ОРГАН

Так вынь да положи
самовитую ложь!
И в ночи распоследней иночьею
станет правдой она мордвиночьею.

БАРИТОН

Мордвиночку цацкая,
вся правда кабацкая
гремит по Руси,
гремит на весь свет.

БАС

За этой, за правдою,
кривой и неправою,
ты, Боже, еси,
которого нет.

ОРГАН

Лже-Боже мой, кумир, болван и идол,
какого лешего ты в кабаке мне выдал?

TUTTI

А солдат убит,
в центре рая спит.

ОРГАН

У старой мельницы, как тени в водоверти,
плывут мои несмелые лже-смерти,
барахтаясь в объятиях чертей,
и душно мне от этих лже-смертей.

TUTTI

Эхма! Эхма!
И свой дом – тюрьма,
и весь век – кутерьма
да кусок дерьма.

БАЛАЛАЙКА

Трали-вали, трали-вали,
мы играли-познавали
суть на Божьем карнавале
и дознались – трали-вали!

БАС

Эх, эх, эх, эх!
Ходит в красной маске грех,
изо всех прорех
выпирает смех.

ОРГАН

Сломался мой последний мех,
и не осталось мне помех.
Варят пиво из простого
ячменя, ячменя.
В домино шута пустого...

ХОР

Спрячь меня! Спрячь меня!

ОРГАН

Залепим дыры глаз замазкой,
смежит ресницы черный клей,
и спрячусь я, что гроб, за маской
то фундуклей, то дундуклей.
И всё опять, как в детстве, молодо,
и жизнь опять, как всем, с руки.
А пиво варится из солода
и заливает кабаки.
Судьба последний штоф раскокала,
и стало нечем дорожить,
но будем жить вокруг да около.

TUTTI

Будем жить! Будем жить!

ОРГАН

На глаза я налепил

ХОР

бельма.

ОРГАН

Стал я Карл-Михаил

ХОР

Бельман.

ДИРИЖЕР

Голова – что котел парной,
где всю жизнь происходит брожение,
и являет мне шар земной
Божье Преображение.
Эх, была не была!
Голосят колокола.
Раз-раз! Раз-раз!
Первый Спас! Первый Спас!

ХОР

Эх, была не была,
голосят колокола,
на горе и под горой –
раз-два – Спас Второй!

ОРГАН

С собою в вечность человек возьмет
четыре яблока да саранчу да мед,
да будет бытие его убого.

ЕВАНГЕЛИСТ

Вся бо возможна суть от Бога.

ОРГАН

Еще несет мой голос пенье,
а сам сломался я – и пас!

ХОР

Богородично Успенье.
Третий Спас! Третий Спас!

ОРГАН

Нет причины
для кручины
от девической кончины.
Любодева умерла!
Голосят колокола.

БАС

Верьте, верьте
только смерти.

ОРГАН

И кружитесь в водоверти,
всё свершается пока.
И сломают мне бока,
и в объятьях кабака
отчубучу гопака,
ибо смолоду знаком
своим боком с кабаком
и, зубы стиснув, говорю стена:

TUTTI

От удара кистеня
нет меня, нет меня!

ОРГАН

Кабак полег, как в храме солея,
и в алтаре сверкает сулея,
усердствуя во пьянстве бытия,
как долгий миг, бессмертствую лже-я.

TUTTI

Так пляши же, сулея,
сулея, сулея!
Мы – не мы, зане мы немы.
Мы – лже-я, мы – лже-я.

7 апреля – 8 августа 1979

СИМФОНΙΑ № 6
Октябрьская

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДИРИЖЕР
ПОЭТ
ХОР

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ИНСТРУМЕНТЫ:

ОРГАН
РОЯЛЬ
СКРИПКИ
ВИОЛОНЧЕЛИ
КОНТРАБАСЫ
МЕДНЫЕ

PARTE PRIMA
Переворот

a-moll

ДИРИЖЕР

Я самодержец музыки, а сам
в оркестре даже нотки не издам.
Но власть держу на этой тонкой палке.

ОРГАН

Гудит октябрь. Уже пыхтят поля,
где роятся картофелекопалки.

Валят, как инвалиды, тополя,
и движутся в сердцах овраги, ямы, балки.
Навзрыд перебулгачена земля
и ветер дует.

ХОР

Дует, не дремля.

ОРГАН

И скорости октябрь достиг трехсотметровой.

ДИРИЖЕР

А я – владыка ямы оркестровой.
А троны трогает и продирает дрожь
осенняя, студеная.

ПОЭТ

И ты умрешь
На куче музыки, которую наврешь,
набрешешь. Пауза в тебе что брешь.
Так ешь ее со смертью вместе, ешь
и знай, что из первоначальных пауз
возник Навоз, как Антихаос.

ДИРИЖЕР

Весь мир колеблется на палочке моей.

ПОЭТ

Но лишь Направник ты, а не Орфей.
А осень в музыке – холстина в черной раме,
составленная по моей программе,

и в ней ободранный народ
валит из окон и ворот,
как яростный переворот.

ДИРИЖЕР

Не может быть. Ведь троны – только тропы,
и только призрак бродит вдоль Европы,
и сели, словно символы, орлы,
и журавлиные стада и скопы
летят, как шустрые синкопы:
курлы-мурлы, курлы-мурлы.

СКРИПКИ

Серый ветер по земле
мчится, порская.
Ох ты, палочка-
выручалочка
дирижерская!

ПОЭТ

Октябрь – такой участок года,
где в поле умирают, как плоды,
моя программа и моя природа.

ДУХОВЫЕ

И мы уже не ждем приплода
от брака ветра и воды.

TUTTI

Парень Борей в окна пуляет.
Роется рылом безокий крот:
он под землю подготавливает
переворот.

ПОЭТ

Сладка ли воля, мальчик-цыганчик?
Спой Богородице-деве канон!
Кручу-верчу я за ручку органчик,
свой прозаический органон.

ХОР

Ах, шарабан мой, да шарабанчик!
В банчок играют со всех сторон.
Лупи по морде да бей по банку,
любись до ссоры с мадам Жужу!

TUTTI

Ах, шарабан мой, американку
в пустом ломбарде я заложу.

СКРИПКИ

Мы на струнах сено косим,
сенокосим, сенокосим
и набрали неба в рот.

TUTTI

Это осень, осень, осень!
От ворот поворот,
и с чужого двора
убираться пора.

МЕДНЫЕ

Жирный месяц брюхат.
Шибко шагом патриаршим
мимо хижин и хат,
медным маршем, медным маршем,

то впопад, то невпопад,
двигается листопад.

ПОЭТ

На чем же держится осенняя держава?
На палочке-лучиночке сухой.
И мир где медно выглядит, где ржаво
и осыпает души чепухой.

ДИРИЖЕР

От пьявок, грелок, пластырей и клизм
республиканский воеет организм.
В печонках у осеннего народа
засело несварение свободы.

МЕДНЫЕ

И пропойца-ветер прав,
запинаясь у канав.

ТУТТИ

Ветер прав, ветер прав,
листья выдрав и поправ.

ВИОЛОНЧЕЛИ

Ветер прав, ветер прав,
душеньке подол задрав.

СКРИПКИ

И хоть красками пиши,
улаждая взор паши,
гузно медное души.

ПОЭТ

Закат изваянный и бледный
уже наполнил Летний сад.
Чугунным гузном всадник медный
сел на коня, к земле прижат.

ДИРИЖЕР

А время – это лиховерть,
где сам Гаутама сморщил рот.
Сад, осень, музыка, бессмертье,
переворот, переворот!

ПОЭТ

А где же будет он? Во мне ли,
вовне ли? Это всё равно.
Вот в лужах воды потемнели,
да и моей воде темно.

ХОР

Хиреет жизнь, сереет просинь,
кончается великий жор.
Бессмертье, музыка и осень
в твоей деснице, дирижер.

ПОЭТ

Бессмертья нет. Но буду жив в потомках.
Нутро, однако, продирает страх,
когда они по сто веков в котомках
начнут таскать мой стихотворный прах.

ДИРИЖЕР

А ты срифмуй «потомки» и «потемки»
и их сведи в одну и ту же тьму,

и кликни клич: «Эй, складывай котомки
в большую общую и нищую суму!»

ПОЭТ

Зима-могильщица приедет, видно, скоро.
Октябрь готовит на поминки ядь.
Но мнится, что авоську Святогора
богатырям всем миром не поднять.

ХОР

Бессмертья нет, и к мертвым входит в сени,
крестьясь размашисто, народ,
не зная, что переворот осенний
есть попросту круговорот.

СКРИПКИ

Золотое коловращенье
без начала и без конца.
Так восхвалим же всепрощенье
и всеведение мудреца!

ПОЭТ

Как аршин проглотивши, прямо
вдоль по осени к нам идет
в желтой рясе сам Гаутама,
тот, который смерти не ждет.
В рясе желтой, как рожа, и рваной
продолжает века он жить,
не бессмертием, а нирваной
научился он дорожить.

ДИРИЖЕР

Немудрено. Провидит он мученье
в течение ста тысяч адских калп.

И грянет наконец, как всепрощенье,
по мукам жизни всематросский...

ХОР

Залп!

МЕДНЫЕ

По дворцу, по дворцу!

СКРИПКИ

По народному крыльцу!

TUTTI

И любому мудрецу
по его же лицу,
по роже, отороченной
смертною пощечиной.

ПОЭТ

Оскалилась от жирной сини тьма.
Ты – сахар ледяной, Джомолунгма.

СКРИПКИ

И страшна, будто «Отче наш»,
эта рериховская гуашь.

КОММЕНТАТОР

А что за надобность тебе-то
до чистых облаков Тибета?

Или ты Лева
из Гумилева?
Он был гусар, он был арфист,
позер и честный монархист.

ПОЭТ

Он быть не захотел конем в сенате.
Сияют токмо добрые дела.
Всё есть метемпсихоза, и вот нате –
судьба его по-свински родила
и в списочек пожизненных грехов
внесла с полдюжины дурных стихов.

МЕДНЫЕ

Стоит, как штык, октябрьский день
на карауле взаперти.

АЛЬПИЙСКИЙ РОЖОК

Тень-тень-тень
на плетень,
те-те-те,
ти-ти-ти!

РОЯЛЬ

В октябре я ощущаю – бац! –
смерть с бессмертьем как большой плац.
В октябре шумит, как ветер, ум,
смерть с бессмертьем перепутав – бум!

МУЖСКОЙ ХОР

А старуха Октябрюха
чесет сморщенное брюхо.

Брюхо-ха! Брюхо-ха!
Brouhaha! Brouhaha!

ЖЕНСКИЙ ХОР

Осень явно оголтела.
Наше тело, ваше тело
ослабело, пожелтело.
Вот оно какое дело!

ПОЭТ

Деревья, сколько у вас в походе...

ТУТТИ

Лихорадки и чахотки!
Открывает зев картина,
в нем ангина, скарлатина
иссиделись взаперти.

АЛЬПИЙСКИЙ РОЖОК

Те-те-те и ти-ти-ти!

МУЖСКОЙ ХОР

А старуха Октябрюха
соскребаёт струпья с брюха.

СКРИПКИ

Осень, осень! Осени
грустно-благостные дни.
Мы на дне, совсем одни,
как изгрызанные пни.

КОНТРАБАСЫ

Глотку тонкую заткни.
Будем жить без суетни.

ДИРИЖЕР

Я самодержец музыки, а сам
в оркестре даже нотки не издам.
Я не расширюсь на весь мир органом.
Машу ветрам, кларнетам да цыганам,
и стану музыки, как длинной смерти, ждать
и публике без слуха угождать.
Зане и смерть и музыка – умора:
Содом для дам и всякая Гоморра.

PARTE SECONDA

Охота

fis-moll

ДИРИЖЕР

Под рукой у меня былое воскресло.
Кавалькада, как свора, трубит в рога.
И сам я с арапником вдоль оркестра
иду по-барски на врага.
Ударяю в дворянские ладони
и – хлоп! – сформирован музыки полк.
Берегись, клыкозубый вепрь в Калидоне!
Приласкайся, лакей – серый русский волк.
Эй, косорожие братцы-зайцы!
Эй, косоглазые, что китайцы!
Вот вылетает на вас из бора
бешенопастая гончая свора,
и, как ветер поджарый, несется борзая,
на лету красноглазого зайца терзая,

зайца, который бледен, как драма,
зайца, который вопит: «Ой, мама!»
Что-то лопочут драные липки.
Эй, налетайте, гончие скрипки!

СКРИПКИ

Белый заячий мех,
словно пух или снег,
совершает пробег,
ибо бег-де полезен здоровью.
Белый заячий мех
без тревог, без помех,
словно пух или снег,
взбрызнут жаркою кровью.

КОНТРАБАСЫ

И по жнивью мчится лавой
снег кровавый, снег кровавый.

РОЯЛЬ

Прет
вперед –
бам! – кабан,
как турецкий барабан.

ТУТТИ

Окружили у реки
волка красные флажки,
словно пионеры.
Хвост поджал серый волк
и на смерть зубами щелк.
Отойдите, дети!

ХОР

Вслед за жизнью скачет охота
без сочувствия Дон-Кихота.

ПОЭТ

Осеннее музыки море,
вопли белых на воле гребней.
Что же может быть непотребней,
чем разбой на Божьем просторе,
на синем просторе,
когда идут на дело из ладей
храбрец, мерзавец и злодей?
По-детски они одеты
в великие поэты.

ПАУЗА

.....

ПОЭТ

Бессмертья нет. Но длится умиранье.
Суть осени – октябрьское маранье.
В рожок дудит Аврора на заре,
мечтая о морозном серебре
и о Жуане де Маранья.

ОРГАН

Свершается в нутре переворот,
но сколько дней еще не сможет сметь он
разинуть в гневе рева рот?
Мятеж октябрьский еще незаметен.
Еще? А много ль месяцев и дней
продлится скука тела, немощь духа?

TUTTI

А старуха Октябрюха
соскребаёт струпья с брюха,
существуя всё бледней.

ДИРИЖЕР

Она кривится косорото,
являясь миру словно Божий дар.
Рояль, рази ударом дрота!
И на заре переворота
один удар. Зато какой удар!

TUTTI

Скачет охота
без Дон-Кихота.

ДИРИЖЕР

Поэт разбит в куски, как Дон-Кихот,
лежит пластом и тонкий ход
не может сделать – ход конем,
лежит, но два уголья в нем:
он до безумья трезв, он рыцарь бедный
и страшно добрый и безвредный.

ХОР

Но, право, страшно – тра-та-та! –
когда безумна доброта.

ДИРИЖЕР

Куда же угодил чужак,
когда весь мир – что кавардак

и не работает чердак
у старца Дон-Кихота?

ТУТТИ

Но скачет и скачет охота.

ДИРИЖЕР

Но ждет надежда, болит забота,
как бы прожить еще и еще
да плюнуть смерти через плечо.
Попал в облаву сивый волк.
Поэт притих, поэт умолк
и не попал в Гомеры,
и лишь зубами щелк да щелк.

ФЛЕЙТЫ

Он к людям угодил в смешки,
и стали красные флажки
вокруг, как пионеры.

ДИРИЖЕР

А пустозубые стишки
заносят тяжко кулаки.

ТУТТИ

Удар Венеры!

ДИРИЖЕР

Венера Ильская страшна,
страшна, как без гроша мошна.

ТУТТИ

Она во тьме,
она в уме,
из Мериме, из Мериме
беззвучно выползает
и волка загрызает.

ХОР

Бессмертья нет. Навстречу умирающую
плетется или скачет сивый волк,
охваченный осенней серой ранью,
где каждый сук торчит, что кривотолк.

КЛАРНЕТ

И трублю вам я, кларнет,
что бессмертья нет как нет.
Умирают только волки
подле пьяной богомолки.

СКРИПКИ

Бег и снег. В снегу горит звезда.
За судьбою гонится езда.
Остаются след да борозда.

МЕДНЫЕ

Жизнь серяге-волку
понатерла холку.

ДИРИЖЕР

А как припрет к стене любовь...

ТУТТИ

Так горлом кровь,
аж горлом кровь.

СКРИПКИ

И метелица воздаст отмщенья мзду,
заметет былую борозду.

ПОЭТ

Будут псы чужую кровь лакать,
и охоте некуда скакать.
И разве же осенний мир земной
погибнет тихо-мирно вслед за мной?
А если нет, так не жалея его! –
Вопит мое со злости естество,
вопит, как яму, разевая рот.
Во всю зарю орет переворот.
Охота кончена. Молчит собачья рать,
и остается вживе умирать.
Но отчего же всё же очень страшно
признаться, что я есмь собачье брашно?

ХОР

А в конце октября брешет пес! –
Праздник
пляшет первый мороз –
безобразник.

КОНТРАБАСЫ

И на койке каждый год
дуба Дон-Кихот дает.

По дворам бродит ум,
как большой шурум-бурум.
Ходит он, остепенясь,
как хромой татарский князь,
ходит около хором
и орет: «Старье берем!»

ПОЭТ

Зачем же бытие мое и не мое
возникло, возникает или есть,
и велика ль от бытия мне честь,
когда я есмь то самое старье?

PARTE TERZA **Marcia funebre**

C-dur

ОРГАН

Я, как барин, как в бане распарен.
А на зимней студеной заре
хромоногий старьевщик-татарин
собирает старье в декабре.

ПОЭТ

Татарина надо бояться.
Татарское душит ярмо
за шею петрушку-паяца,
а он в самом деле дерьмо.
Судьба – как лихая погода,
а сам я – как пиковый туз,
и, быть может, до нового года
с нарезками я доплетусь.

ФЛЕЙТЫ

Из себя давно ты вытек –
тра-ля-ля, тре-ле-ле! –
Ты бредешь, как паралитик,
по трясущейся земле.
Грязь замой, мразь замой
чистой свежей зимой!
И ступай себе домой
довековывать с женой!

ПОЭТ

В октябре без разбору добрею.
Черный ворон – мой конь вороной.
Я в неделю раз бороду брею
и себя обхожу стороной.
Чур меня! Я скачу, да не шибко.
Я не тройка да и не рысак,
а пузатая хрипая скрипка,
что попала в Господень просак.
Я в зенице у ока, в зените
я у века, себя обнажив.
Помяните меня, помяните
вечной смертью, покуда я жив!
Рвите сети мои и все нити.
Ухожу, ни шиша не нажив.
Не оставлю чужим завещанья,
положу на них крохотный крест.
И потомкам пускай на прощанье
разразится из ямы оркестр,
из той самой, где лихом помянут,
испугавшись моей наготы,
из той самой, где около вянут,
замерзая, как зайцы, цветы.
Убираюсь в зазимние дебри,
и за мной всем оркестром, как миф,

всей надеждою *marcia funebre*
в мировом запространстве гремит.
Вслед за мною умрет человечество.
Кто же станет по нем тужить?
Сколько надо нам с ним молодчества,
чтобы жить безоглядно да жить!

TUTTI

И живем,
хлеб жуем
и в наем
отдаем
плоть свою, как пустую квартиру.

ДИРИЖЕР

Не мало, не много, а целому миру.

СКРИПКИ

По привычке простой,
по привычке пустой
мир пускаем на постой.

ОРГАН

Грохочет оркестровая окрестность
и вдоль, и поперек, и вкривь, и вкось,
и всевозможностью брюхата неизвестность.
Авось и смерти нет.

TUTTI

Авось, авось, авось.

7 октября – 17 ноября 1979

СИМФОНИЯ № 7
Личная

Действуют:

1. ПОЭТ-ПРОГРАММИСТ
2. ДИРИЖЕР
3. КАНДИДАТ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ (КОММЕНТАТОР)

ИНСТРУМЕНТЫ:

ОРГАН (СОЛО)
Рояль (СОЛО)

ГОЛОСА

МУЖСКИЕ
И
ЖЕНСКИЕ

И
ВЕСЬ НАБОР ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ ОРКЕСТРА,
ВКЛЮЧАЯ ПИПЫ, КОЛОТУШКИ И ТРЕЩОТКИ

PARTE PRIMA
Шахсей-Вахсей

as-moll

ПОЭТ

Я сочиню предсмертную программу,
зане аз есмь намаившийся бог.
Козлиную насотворю драму,
в инструментальную ее оправлю раму

и ухну с музыкою в явь, как в яму,
и ввергну звукоряд в переполох,
и пусть торчит он, как чертополох.

ДИРИЖЕР

А из углов как грянут «ах» да «ох»
все инструменты вплоть до балалайки –
свистульки вечности, наложницы эпох,
космические пустолайки.
А я на костылях стою, как царь Горох,
и в плодовитости своей усох,
и мне наложницей сестра моя Фасоль.

TUTTI

Си-ми-фа-соль,
ре-ми-фа-соль.

ПОЭТ

И всё ж по сути ты отменно плох,
ты – собиратель музыкальных крох,
ты – всяких ноток коллекционер,
любитель и учитель блох
и с палкой милиционер,
который, возносясь косою саженью,
указывает путь –
куда и как свернуть
абстрактному самодвижению.

ОРГАН

Стой, бородатый век, курчавое начало,
качая буклями из букина мочала,
стреляя взглядами из-под припухших век!
Среди научного кагала
стой, толстый бородатый век!

БАЛАЛАЙКИ

Эх, хлынула борода,
как вода
на города,
на громады-города,
на малые поселки,
и, краснея от стыда,
удирают волки
из-под каждой елки.

БАЯНЫ

А посредством мощного труда
из карьеров добывается руда.

TUTTI

И летят осколки
бранью с верхней полки.

ОРГАН

И ратью прется эта брань
в номера семейных бань.
В ее объятых, как в объятых пара,
сидит намыленно супружеская пара.

СКРИПКИ

Клубы пара –
как отара
человеческих овец.

ВИОЛОНЧЕЛИ

Средь семейных бань
хоть весь век табань

и хватай за курдюк, удалец,
жирного пара ловец.

МЕДНЫЕ

А король-бардадым,
с бородой как дым,
за оградой из карт
стал как пьяный Декарт.

TUTTI

И несутся клочья дыма
мимо-мимо бардадыма.

БАЯНЫ

Славит вся поэзия
Рената Картезия.

ПОЭТ

А над органом над седым
встал некий смертный Фома Парр.

РОЯЛЬ

Вселенная есть самотень и дым,
и весь семейный мир есть пар.

ОРГАН

Стой, бородатый век! Господь тебя подтибрит.
Стой, бородатый век, на четырех столбах,
и будешь ты за это гладко выбрит,
жить в корчах парика, как друг мой И.-С. Бах.

МЕДНЫЕ

Сам Адам-бардадым
прет по райским садам
и орет из-за дам
молодым господам:
«Вот я вам как задам
по румяным задам
баню, где огонь и жар!»
И орет: «Дым и пар!»
И орет: «Пар и дым!»

ДИРИЖЕР

То токката, то партита,
то раската простота.
Это в храме рати Тита.

ТУТТИ

Тита, Тита, ти-та-та!

РОЯЛЬ

А музыка – это морока
и эллинское божество.
Из воли свободного Рока
она создает торжество.
А музыка – это морока
и русалочье колдовство.

МУЗЫКОВЕД

В ней смысла всего ничего,
но мчится, как буря, барокко,
как братство добра и порока,
с обугленным горем, с тоской
к обители женско-мужской.

СЛУШАТЕЛИ

Ах!
Ох!
Бах –
бог!

ХОР (МУЖСКОЙ)

А вселенная – наша обитель
и домашний наш океан,
где, затянут в надзвездный китель,
держит вахту наш капитан,
где несется пространства орава.

СЛУШАТЕЛИ

Браво! Брависсимо! Браво!

ОРГАН

В моих мехах смердит нечистый дух комедий,
в моих мехах вино подкисшее, как нудь.
Живу как самовар из пожелтелой меди,
чтобы кипеть и песенку тянуть.
Как пропасти в горах, мои рыданья грубы,
и знаю я существованья жар.
В единой угольной трубе сошлись все трубы,
кипит орган, вселенский самовар.
Мою вселенную клепали люди в Туле,
латынь чеканили мне в Риге мастера,
и в трубном звукоряде multa tuli
и мелочь звуков шла, что густера.
Серебряною мелочью рыбешек
она плыла в речную немоту,
и повторял я всякий раз на грошик,
что даже и в токкате multa tu...
и чтобы жить мне доставало жара...

МЕДНЫЕ

Дрожь била звезды: бу-бу-бу!

ОРГАН

Моя вселенная из самовара
летела в черную трубу.

ПОЭТ

И мира толстозадое лицо
приравнено в финале не к говну ль?
Мир есть намазаное колесо,
чья бесконечность обратится в нуль.

ХОР И БАЛАЛАЙКИ

Ай-люли! Ай-люли!
Бесконечные нули
побежали, потекли,
на кривой поехали
вкруг земли, вкруг земли,
бесконечные нули.
Ай-люлюшеньки-люли!
Это не потеха ли?

ХОР

Нам и раковинка – дом.
Тело наше – глина.
Мы живем,
хлеб жуем,
хлеб жуем
и водку пьем –
разлюли-малина!

МУЗЫКОВЕД

Устрица – не музыкальное существо:
пискнет, а слуху всего ничего!

ДИРИЖЕР

А я – как бог и лиходей,
я понуждаю жить людей.
Среди веков и разных стран
хромает их горбатый караван
или табун.

ОРГАН

Иль шествие баранье,
способное на самопоборанье.
В хвосте ослиная брыкает детвора.

СЛУШАТЕЛИ

И-а! И-а!
И я! И я!
Ура! Ура!

ДИРИЖЕР

История бежит из каждого двора.

ХОР

История бежит и передом и задом.

ПОЭТ

История бежит с доставкой на дом.

СЛУШАТЕЛИ

Ну как же тут не заорать «Ура»?

ОРГАН

И от Анд по Урал
раздается хорал
исторический.

ДИРИЖЕР

А на бис для нас
сколько влезет раз
свистопляс, кривопляс
истерический.

ПОЭТ

Почийте с миром, милые предки!
Вы сами себе становитесь редки.
А я не любитель оперетки,
и мне исторические субретки –
не больше чем пигалицы на ветке.
Они не более мне близки,
нежели муторные нигилистки.
Валитесь, Далилы и одалиски!
Я никакой вам не Самсон.
История – движение суффражисток
ражих, и рыжих, и ершистых,
в Крещение приснившийся россам сон.
И от ученого бывшего
мне проку нету никакого,
и помнить все события зело
тяжело.

TUTTI

Что было, то прошло.

СКРИПКИ

Прошло, минуло, миновало,
как шум и маски карнавала,
когда на площади комедий
ведут разлапистых медведей.

РОЯЛЬ

История – чужих умов сознание,
а попросту сказать – мое воспоминание
о днях, которым был и я не чужд,
о тех, в которых больше нету нужд.
Пусть оны дни – беспрокое пустое,
пускай они зануднее, чем Стоя,
пусть лежа, сидя или стоя,
но мило нам свое бывшее,
как отзвучавшая любовь.

МЕДНЫЕ

Как бы вчерашнее жаркое
и прошлогодняя морковь.

ДИРИЖЕР

Трехсотлетняя Москва,
как река, впадает в лето,
словно Волга или Лета.
Трехсотлетняя Москва –
это
прошлогодняя морква.

СЛУШАТЕЛИ

Ква! Ква! Ква! Ква!

ОРГАН

Сижу задумчиво над рюмкой старки,
которая бывает моря шире.
А что же делают невидимые кварки
для бытия в протонном микромире?
Ученые башки, как унитазаы,
съедают переваренный картофель.

ПОЭТ

In jeden Quark begräbt er seine Nase,
сказал когда-то Богу Мефистофель.
А дыба, петля, кол и плаха
суть ласки сладких дев Аллаха.
Земля – кормилица арбуза,
где Музе вспарывают пузо.

ДИРИЖЕР

Ха, Мухаммед, Хай Али!
Заваривай шари-вари!

ТУРЕЦКИЕ БАРАБАНЫ

Жарь царей, в крови вари!
В жар вали!
Огнем пали!

ХОР ЖЕНСКИЙ

Расстегай,
пристебай!

Эх, валяй,
разлюляй!

ХОР МУЖСКОЙ

По Руси, по Персии
развертывай версии.
Режь армяшек и гусей!

ТУТТИ

Шахсей-Вахсей! Шахсей-Вахсей!

ПОЭТ

Хотя не виг, не торий я,
не шляюсь на просторе я
по матушке Рассее всей.
Но вот она, моя история, –
такая вышла консистория,
что хоть жни да снова сей!

ТУТТИ

Шахсей-Вахсей! Шахсей-Вахсей!

ПОЭТ

А все исторические события –
законополагающая чушь,
сплошной оргазм кровопролитья.

БАРАБАНЫ

Бей! Жги! Режь! Рушь!

ОРГАН

А рядышком сидит (в шлафроке ль, в тоге ль)
какой-то хитромудрый Гегель-Могель
и сучит нитку бытия.

ПОЭТ

А нитка не твоя и не моя.
А ниточка воистину ничья,
и, стало быть, цена ей – медный грошик.
Свою судьбу не соберешь из крошек,
когда просрал ты Бога вороха
и на тебя спустилась тень греха.

МЕДНЫЕ

Гегель-Могелю одна
грош цена, грош цена!

ПОЭТ

Пусть нет мне ни гроша, ни грамма
и дни последние горят,
но музыки моей программа –
как генов тряский звукоряд.

БАС

Я, последний глоток,
заскорбил, заскорбел.

ЖЕНСКИЙ ХОР

Гегель-Могель, взбей желток.

БАРАБАНЫ

Чтобы был он бел!

ПОЭТ

По диалектической ниточке
ползет бытие по спирали,
и всё до последней вытачки,
до складочки всё поспирали.

БАЛАЛАЙКИ

Остается, мать твою,
баю-баюшки-баю,
кланяться небытию.

ПОЭТ

Действительности нет. И ей сдаваться в плен –
трагическое самопоражение.
Действительность вонюча, точно тлен,
и неужели мощь воображенья
не плюнет на нее и не вспорхнет с колен?
Перекрестясь широко, православно
и гуслиями завыв яровчатыми фавна,
я славлю перец, соль да крепкий хрен.
От радости в сумненьи просияв,
я разделяю всё на сон и яв.
Авось, о други, есмь и сам я сон
с эллинской кличкой Ясон,
и, словно позлащенная Колхида,
мне плещет лебединая обида.
Авось же я мужланолопый яв,
которого весна природы сотворила.
Авось же я соломенный Ярила
и, просыпаясь, вечно буду прав.

И все хариты мне орут: «Крути, Гаврила!»
и по-державински ногами лупят в рыло,
и, в точку боли пяткою попав,
мусически хохочут на весь свет,
как вертихвостки, – а действительности нет.

СЛУШАТЕЛИ

Бред! Бред! Бред!

КОММЕНТАТОР

Действительность – это немецкое слово
и действует ослино, ослисто, ослово,
копытом действует и хвостом
в своем мановении сверхпростом.
Хвостом на Восток, а копытом в Юг –
вот выси готического ума островерхие,
и таскает осел философский выюк
и не может скинуть выючище с плеч.
А действительность, если корень извлечь,
по-эллинически значит «энергия»,
но корни мысли – большой секрет.

СЛУШАТЕЛИ

Бред! Бред! Бред!

ДИРИЖЕР

Пусть так, пусть этак, но и в бреду
я с палочкой к музыке вдаль побреду,
побреду среди звездной вони я
под названием звучным Симфония,
где каждая нота – соль,
а каждая терция – боль,
а от нашествия терций –
sursum corda! – ломается сердце.

ХОР

Как симфония, раздулась печка пузом,
а сердечный жар сгребай в загнет.

TUTTI

Назло всем и Музам и Эмпузам
никакой действительности нет, нет, нет!

PARTE SECONDA Тары-бары

E-dur

ПОЭТ

Жить – это мыслить, хрюкнул Цицерон.
А как помыслишь, так и вправду свинство.
Жизнь – это карканье со всех сторон,
гнездовья зеворотые ворон
и беспричинное бесчинство.
Вороны и машины так орут,
что вызывают головокруженья.
Мы бегаем трусцой, и никакой ОРУД
не остановит жадного движенья.

ДИРИЖЕР

Vivere est cogitare.

ХОР

Не найти для мыслей тары,
не засыпать их в амбары.

ТУТТИ

Тары-бары-растабары!

БАЛАЛАЙКИ

Жили-были эллины,
молоды-зелены.

ФЛЕЙТЫ

И большими пушками
воробьи расстреляны.

БАЛАЛАЙКИ

Пала на воробушка
лихая хворобушка.

ОРГАН

Я мыслю, стало быть недужу,
и хворь моя прискорбнее, чем корь.
Быть может, от труда и от страстей не сдюжу,
и только высуну я нос наружу,
как тут же сяду головою в лужу.
И поделом! – Не думай и не спорь.

БАЛАЛАЙКИ

Матушка-казнобушка,
горюшко-утробушка!
Береги воробушка,
матушка Хворобушка!

ОРГАН

Возможно ли и жить и не тужить?
Возможно ли с самим собой дружить?

И если мыслить – это жить,
то как же мыслимо совсем не думать?

БАЛАЛАЙКИ

Очень просто: дунуть-плюнуть,
плюнуть да и растереть.

ХОР

Дунуть, плюнуть, растереть,
а потом и помереть!

ОРГАН

Что же делать? Плюнь да разотри.
Но можно ль ни на грош не верить,
но можно ль самого себя похерить,
когда замыслишься в день раза три,
когда семь раз потребно мне отмерить?
Вот тут и видишь, что занудный Цицерон
был справедливей и мудрей ворон,
которые со всех сторон
слетались, серы, долгоносы, седы,
на Тускуланские беседы.

ХОР

Слава, слава, слава Цицерону!
Подстрелил он дохлую ворону
и к загробному Харону
положил в ладью.

ФЛЕЙТА-ПИККОЛО

А сам скорей фью-фью,
а сам скорей адью,
адью, адью, мусью!

ПОЭТ

А как подумаешь, так тут и запоешь
ты козлотенором: «Что наша жизнь? – Говно!»
И оцетинишься и зафырчишь, как еж,
что жизнь и смерть бессмысленны равно.
И я б со злости в порошок их стер,
сих двух равнобесмысленных сестер.
Ну а зачем? Кому я угождаю,
когда я думаю и важно рассуждаю,
как сероштаный волк или сердитый еж,
который знает лишь игольчатую дрожь?

ДИРИЖЕР

Vivere est cogitare.

TUTTI

Тары-бары, тары-бары,
тары-бары-растабары!

PARTE TERZA **Царь Никита**

fis-moll

ДИРИЖЕР

Повернут человек поверхностью зеркальной,
и всей бессмыслицею музыкальной
вселенская симфония гремит.

ПОЭТ

От ноток до-ре-ми ее щемит.

Стою столбом, от правды изумленный,
дурацким Божьим миром ущемленный,
и твердо стучаюсь я медным лбом
с самим собой, как с вылитым столбом,
и думаю, что, может быть, Бова я,
а жизнь моя – дорога столбовая.

БАЛАЛАЙКИ

И несется тройка бойко,
как веселая попойка.

БАРАБАНЫ

Пей! Лей! Не желей!
Бей тузов да королей!
Бей валетишек и дам
по мордам, по задам.

ХОР

Бей, Никитка озорной!
Бей шеститкой козырной!

КОММЕНТАТОР

Пьяному Никитке
дали под микитки.
Наш Никитушка в лежку лежит,
ну а тройка по дорожке бежит.

ПОЭТ

Герой живет, и я – портрет героя.
Вот вам моя органная парсуна –
в плоеных пуклях парика
взбесившийся порыв буруна

и мясо до крови сырое
почти готического старика.
Итак, герой живет.

ДИРИЖЕР

По имени Никитка.
И мычется в степях калмыцкая кибитка,
заезжена, как бедная судьба.
В Никите жив свободный дух раба.
И радостна ли вам, аборигены,
судьба, по ноточкам уложенная в гены?

МЕДНЫЕ

Своя судьба! Своя судьба!

ДИРИЖЕР

Судьба рядком с тобой и рядовая.
Она тебе всегда передовая,
всечеловечное передавая.

ТУТТИ

Горе навзрыд взрыто,
а вчуже оно шито-крыто,
и дорога, как дверь, забита,
и дорога давно забыта,
то ли эта, то ли та.
Царь Никита жив сердито.
Тита-тита-ти-та-та!

РОЯЛЬ

И шагает герой по канату,
словно смерти блуждающий гость.

Исполняет рояль персонату,
где стучит каждый клавиш, что кость.
Озорному царिशке Никитке,
хоть и был он по нотам велик,
саданули пять раз под микитки.

МЕДНЫЕ

И с копыт он брык.

ТУТТИ

Царь Никита жив сердито.

ПОЭТ

Но исходит на говно.

ТУТТИ

Ти-та, ти-та, ти-та, ти-та,
Ти-та, то-то и оно.

ОРГАН

В гены судьбина уложена.
Ваша аллея ухожена.
Ваше житье унавожено.
Ваше мгновенье скукожено.
Пукли бурунами в сад
Венецианский висят.
А померанцы, груши, гранаты
вырастил некий Мичурин.

ПОЭТ

Нет никакой персонаты!
Чу! Я и сам окачурен.

ОРГАН

Желтые луны над Эбро
пахнут лавровым венком.

TUTTI

Тащится *marcia funebre*
с гробом под мышкой пешком.

СТРУННЫЕ

Рвутся, как вихри, мустанги.

ПОЭТ

Вприсядку скачет ураган.

TUTTI

Пеплом развеялся Ганди по Ганге.

ПОЭТ

Так сгинь, поганый балаган.
Я сам себе свою судьбу открою.
Как? Пиковая дама? Ба-ба-ба!
Рабом свободы мерзко стать герою,
и под микитки трах его судьба,
Его величество царя Никиту
и самодержца всей срамной земли,
и в землю быть колом ему забиту.
И нет ему житья. Его века прошли.

TUTTI

Ни тебе, ниже Игнату
не сыграют персонату.

Царь Никита,
сей сквозь сито
муку крестную раба
и с врагами
пирогам
ратоборствуй в шуме-гаме
вкруг позорного столба,
шествуй мелкими шагами
прямо к яме, прямо к яме. –
Знать, судьбина – не судьба.

PARTE QUARTA

gis-moll

ОРГАН

Смертельно-белый дым валит из труб.
Смертельно бледен этот дым от страха,
что вчуже есмь больничная рубаха,
в которой гнусно существует труп.

ХОР И МЕДНЫЕ

Вы жертвою пали в борьбе роковой.

ПОЭТ

А вот для чего – непонятно.

ХОР И МЕДНЫЕ

И вас провожает почетный конвой.

ПОЭТ

Как сизые трупные пятна.

ДИРИЖЕР

А желтые луны над Эбро
воняют лавровым венком.

МЕДНЫЕ

И движется *marcia funebre*
и каждым гремит позвонком.

ОРГАН

А в сущности мы плачем ни по ком.
И лишь чужих воспоминаний ком
так в горле стал костлявым кулаком,
что от него заплачешь поневоле.
Тверд этот в горле ком! Не от него ли
печаль-тоска, размазанная в жалость?
А человеческая малость –
предельно малая величина,
в ничтожество облечена
и жизнью изобличена.

ХОР И МЕДНЫЕ

Вы жертвою пали в борьбе роковой
заочно, привычно, досрочно.

ПОЭТ

И вас провожает почетный конвой,
и вы развеялись, как дым пороховой,
и утекли водой, которая проточна.
Свершалось наше время, и эон,
казалось, был свое родимое именье,
и жили-были я, и ты, и он –
не имена, а лишь местоименья.

ФЛЕЙТЫ

Пробегали времена
и менялись имена.

TUTTI

И тащило времечко
дров сырых беремечко.

ДИРИЖЕР

Довольно разных страшных врак,
сведем их к одному затмению!
А время – это друг и враг
вашему местоимению.

ПОЭТ

Учителю жизни на птичьем базаре,
где всякой грязной твари по паре,
кричат мальчишки, как мудрецы,
как синих и черных птиц ловцы
и пьяных чижиков продавцы,
кричат почтительно более или менее,
в лицо кричат или из-за угла:
«Извольте ошипанного щегла!

TUTTI

Ваше местоимение!»

ПОЭТ

И за учителем жизни суровым,
с плоским лицом, как у Будды безбровым,
в облезлом воротнике бобровом,

пропившим на дальнем погосте имение,
несется по площади хором махровым:

TUTTI

«Ваше местоимение!»

ОРГАН

Я фисгармония на площади на Трубной,
извозчикий трактир великотрупный.
Аз есмь никто. Я вылетел в трубу.
Жизнь самое на нечто пременя,
скулю: «Подайте нищему рабу!»
Я сам своей не ведаю природы.
Мне музыка – что в черной речке броды.
Сбивают с ног меня крутые воды,
как велеумного раба свободы.

ХОР

Вьется-крутится вода,
как седая борода.

ОРГАН

Высок я с головы до пят,
как бородатый водопад,
и горной речке пробую изречь я
из горестной утробы естества,
что нет во мне нимало существа,
что лишь ношу обличье человечье,
а сам – местоименное наречье.

PARTE QUINTA Селави, селави

C-dur

ОРГАН

Я лезу по готическим лесам
и существую, может быть, и праздно,
но всё же есмь великий Самсусам.
Пусть старость и крива и безобразна –
я не боюсь ее. Бестрепетно примусь
охаживать харит и разом девять муз.
Но страшно от грядущего маразма,
когда увидит сумеречный ум,
что он – растрепанный шурум-бурум
и что ему достанется в наследство
не память светлая, а лишь грехопаденье,
грехопаденье медленное в детство.

ДИРИЖЕР

Так сгинь, прадедово виденье!

ПОЭТ

А ожидание – быть может, наважденье,
и я не Самсусам, а бедный вечный жид.

ОРГАН

Который под чужим ножом дрожит,
который и шурум-бурум и хлам.

ПОЭТ

О, сколь просторен ты и благ, ислам!
А я теперь ничем уже не барин,
я князь, старьевщик я и всей душой татарин.

ДИРИЖЕР

Что же проку ворожить?
Должно жить, пока живется.
Что же старость сторожить,
если можно прошлым дорожить?

БАРАБАНЫ

Но тогда, хурды-мурды,
жди беды, жди беды.

СКРИПКИ

Если прошлое
такое дошлое,
что возьмет да и порвется.

ДИРИЖЕР

А покуда знай живи!

ХОР

Даже с мордою в крови!
Псами сам себя триви!

ТУТТИ

C'est la vie!
Селави,
селави!

PARTE SESTA Русское танго

Des-dur

ПОЭТ

А музыка молчит. Застыла вихрем тройка.
Глухонемой трактир мерцает на пути.
Огромный город пьет. Остановилась стройка.
А счастья не купить. Базар торгует бойко,
а счастья не купить и в лавках не найти.
И время – крохотная землеройка,
один лишь хвостик из земли торчит.
Пытают люди музыку, но стойко
измученная музыка молчит.

ХОР

А ну, друг-тушканчик,
дербалызнем стаканчик!

ПОЭТ

И скалится общественная стайка
с лицом гориллы иль орангутанга.

ДИРИЖЕР

Spiel mir auf der Balalajka
einen russischen Tango!

БАЛАЛАЙКИ

Балалайка-пустолайка
трень да брень, трень да брень!

ГОБОИ

И над городом седым,
и седым и молодым,
стелется, как майский дым,
розовая сирень.

БАЛАЛАЙКИ

Трень да брень! Трень да брень!
Эхма, белая сирень!
Дым, как белая сирень,
из трубы валит весь день
largo, lento lange.

ДИРИЖЕР

Spiel mir auf der Balalajka
einen russischen Tango!

ЖЕНСКИЙ ХОР

Бродит голос сирений
вдоль зыбучих песков.

СКРИПКИ

Счастье – в белой сирени
во все пять лепестков.

ДИРИЖЕР

Обрываются ноты
от девичьей тоски.

ГОБОИ

И теряют гавоты
на ходу лепестки.

ДИРИЖЕР

Завивают поэты
жгутом голос сирений.

ГОБОИ

И плывут менуэты,
как большие букеты
белой, белой сирени.

ПОЭТ

А если я на тройке, как в уме,
катаюсь на каурых разговорах
и повторяю вслед за Малларме:
«Душистых белых звезд валился снежный ворох», –
что ж делать? Ведь видал еще в своем уме я,
как заставляла ты, моя алмея,
neiger de blanc bouquets d'étoiles parfumées.

ДИРИЖЕР

Запевай, орган Ермошка!
Иль ты пьян? Иль ты пьян?

ОРГАН

Я, оргашка, – что гармошка,
как баян, как баян.
Мы привольны, как цыгане
в пестром нищенстве своем,
и частушки на органе
вам споем, вам споем.
Мы Кирюху иль Митюху
за бока, за бока.
Слава брюху, слава духу
кабака, кабака!

Мы – цыгане на органе
посредине кабака.
А цыплята в ресторане –
табака, табака.

ПОЭТ

А счастье – хрупкая вещица,
такая брэнненькая брошь.
Переползти дорогу тщится
такая лапчатая ложь –
и по меже судьбистой в рожь.

ХОР

Чего ж ты врешь, чего ж ты врешь?

ПОЭТ

А счастье мне – как острый нож.
И вот стою я, как незнайка,
звучу я *largo lento lunge*.

TUTTI

*Spiel mir auf der Balalajka
einen russischen Tango!*

PARTE SETTIMA

As-dur

ПОЭТ

Тот мир, где мы живем, есть некая условность,
злосчастный опыт нашего ума

и вынужденная готовность
к тому, что за пределом мысли – тьма.
А в тьме, как Бог, – Авось, в ком всё возможно,
и смертный приговор выносится судьбе.
Ведь то, что в Божьей воле непреложно,
оборотиться может так, что ложно
в сверх-истине пребудет бытие.
Под музыку творится сновиденье,
в котором нет порядка и причин,
а мир, где мы живем, – лишь наважденье
сухих вещей и чувственных личин.
Вы – моего ума могучие личины
из темной бесконечности бытий.
Среди горячей тьмы, немые величины,
они шевелятся, как некий день седьмой.
И разумею я не оттого ли,
что я – ничтожество, одетое в пальто,
а жизнь моя томится, как в неволе,
в кулак зажатое ничто?
Довлеет мне Господня тьма сверхистин,
где вшивой ложью станет звездный мир
и мне предстанет пуст и ненавистен,
как скопище ячей и дыр.
И, в сень ума лоскут вселенной вшив,
увиджу, что истрепан он и вшив,
зане на самом дне моей души
скопленья звезд – как золотые вши.
Вы, божечки мои, подайте мне ковши,
чтоб почерпать извечно эту вшивость.
Вам, идолы мои, я умственную живость
явлю такую, взявши решето,
что от Крапиловой водицы дивной
и вшивости богопротивной
останется одно ничто.
И до тебя я ноги протяну ль,
из бесконечности сбежавший нуль?

ДИРИЖЕР

Музыка-симфония
подвигает горы.
Лезет числ гармония
прямо в Пифагоры.

ХОР ЖЕНСКИЙ

Залезают наши сны
в Пифагоровы штаны!

TUTTI

В Пифагоровы штаны,
в Пифагоровы штаны!

ДИРИЖЕР

Ходишь одной половиной
на музыкальный базар ты.
Вот какая divina
commedia dell'arte.

СКРИПКИ

Из-под маски
без подмазки
нам подмигивают глазки.

ХОР МУЖСКОЙ

Эти глазки,
как салазки,
катаются с горочки.
Эти глазки
в свистопляске
обдерут до корочки.

ОРГАН

И вот меня уже не семь, а восемь.
Я с посошком кривым и об руку с Авосем
сквозь облаков летучую грядку
в растрепанную ветреную осень
с толпой осин в одном ряду,
как по грибы, вдоль старости бреду.

БАЛАЛАЙКИ

На полянке, на опушке
пастушки поют частушки,
а с ними и пастушечки,
пастушечки-душечки,
душечки фарфоровы.
Ой-ой-ой, как здорово!

ОРГАН

Бывает, что живу я сам с собою врозь.
Бывает, что лежу собакою на сене.
Погода на душе мне отворяет сени
в моей пустой хоромине осенней,
и прохожу я сам себе насквозь,
и волочится, как сума, за мною
через всё царствие мое земное
подручный мой

TUTTI

и закадычный друг Авось.

1 января – 7 марта 1980

СИМФОНИЯ № 8
Туманная, или Антигалактическая

УЧАСТВУЮЩИЕ:

БОГ
СТАРЫЙ СТИХОТВОРЕЦ
ДИРИЖЕР
КОММЕНТАТОР

ИНСТРУМЕНТЫ:

ОРГАН (СОЛО)
РОЯЛЬ (СОЛО)
СКРИПКИ
ФЛЕЙТЫ
ГОБОИ
БАРАБАНЫ
БАЛАЛАЙКИ И ПРОЧ.

PARTE PRIMA

a-moll

РОЯЛЬ

Я без оркестра, как зачин, вступаю –
трах-тара-рах – трагическим аккордом
и яму похоронную копаю,
где тело музыкальное купаю
в пространстве зала многомордом.

ДИРИЖЕР

А музыка еще не тим тили-ли-лим!
Смысл немотой симфонии палим.

Гобои, вы, как медленные нити,
по ниточке мелодию тяните!

ГОБОИ

Нить протянется
и стуманится.

СТИХОТВОРЕЦ

Всю жизнь я сочинял одну и ту же роль, но я ли
корябал пальцами на дряхленьком рояле?
Ни в Пушкины не лезу, ни в Омиры,
а уж тем паче в дамские кумиры,
пою по-старчески старинные стихиры:
Они, библейские, мне по старинке милы,
хотя они давно дряхлы и хилы.

ДИРИЖЕР

Эй, стихотворец, не горюй!
В лад музыке прихлопывай!
Катай и дальше рататуй
мелодией холоповой!

СТИХОТВОРЕЦ

А это что за чудеса?
Слетают с неба голоса.
Такой не знал я практики.

КОММЕНТАТОР

А это всё галактики.
Галактика, стихотворче, ширится,
как дачный поселок Вырица –
верандами он топырится.

СТИХОТВОРЕЦ

Музыка пространств неизмеримых
называлась музыкаю сфер.
К ней прислушивались Гаусс и Риман,
из бессмертья ее слышал Агасфер.

ДИРИЖЕР

Сталкиваются, как влюбленные,
рвутся друг к другу фазы.
Вращаются раскаленные
до предела газы.

КОММЕНТАТОР

А в галактическом пространстве потери
достигают небывалой поры,
и аннигилируется материя
в зиянии черной дыры.

ДИРИЖЕР

Скрипки нетленные,
на бешеном градусе!
А ты, вселенная,
вертись и радуйся!

СКРИПКИ

Вытянулись мы, скрипки,
у нас между пальцами цыпки,
струимся по струнам, зыбки,
а цыпки – как ошибки.

ОРГАН

Вступаю, будто музыка вселенной,
и замираю бледною Селеной.

А в галактическом пространстве нет
ни солнц, ни своры сволочных планет.

БАЛАЛАЙКИ

Старичонка из Калуги
разыдеился дотла,
так что фукают в испуге,
будто пляшут буги-вуги,
в черном космосе подруги,
словно мысли из сопла,
и раздеты догола.

ДИРИЖЕР

Брось, земной холоп,
любые оратории!
Тебе прописан гроб
с цветами в крематории.
Всё равно сожгут
плоть твою бурную
и завяжут в жгут
жизнь твою сумбурную.

БАЛАЛАЙКИ

Мы вертели, мы крутили,
мы плясали не ладом.
Еле-еле, тили-тили,
дон!

СТИХОТВОРЕЦ

И нету никакой поруки,
пока кружит еще, дремля,
покрытая Кремлем земля,
что не нагрывают на поля

в два мига гибельной разлуки, –
бац! – вопреки ее науке,
космические антизвуки,
на микрочастицы ее деля.

ТРУБЫ

Тру-ля-ля да тра-ля-ля!

РОЯЛЬ

Вспоминается
из-за тына:
занимается
сонатина.
Доля выбрана
не твоя ли?
И проиграна
на рояле.

СТИХОТВОРЕЦ

А что мне в человеческой доле,
когда, как черный взрыв судьбы,
я в том заброшенном атолле
встаю, как пламя, на дыбы?

РОЯЛЬ

Стану драться я
за аллегро.
Радиация
в теле негра.

Хлынь из туч оно,
allegro con brio!
Улетучена
к ляду Клио.

Тень истории
на котурне
в крематории
дремлет в урне.

ДИРИЖЕР

А из проклятой звездной мглы:
хурды-мурды, хурлы-мурлы!
А Бог, молчаливый дирижер,
оркестром правит в ля-мажор.

КОММЕНТАТОР

Не Он ли тут поозоровал
и на симфонию налетел провал?
Господь играет Сам с Собой в трисет,
и всю землю безжалостно трясет,
ее постигает участь планет,
и взирают на землю с научных высот
география, геология, геогнозия.
И повергну их себе под ноги я.

ОРГАН

Католики и лютеране,
все сошлись в одном органе,
как в поганом ресторане
и цыганки, и цыгане.

БАРАБАНЫ

Фырда-тырда-трах!
Деньги, девки – прах!

ГОБОИ

Если деньги
есть у Стеньки,

то откупит цыган
с потрохами балаган.

СТИХОТВОРЕЦ

Ах, господа, я ни хрена не знаю,
и во всё ухо бедный ум оглох,
и хата моя в длинном мире с краю,
а этой хатой управляет Бог,
и в хате слышится пульсация вселенной,
и провалились в вечность времена,
и кажется затмением Селены
луна, когда вступает в темь она,
и беспощадны в суете нетленной
мифологические имена.

КОММЕНТАТОР

Как малые детки,
скачут планетки,
без мамы они остались,
в зонах они запинались
о бесконечно-малых кривоумный анализ.

ДИРИЖЕР

Гремит симфония в С-dur,
огромна как Юпитер,
а пресловутый бог Амур,
презрев литературных дур,
поехал в старый Питер
и даже слез не вытер.

СКРИПКИ

И воем, и плачем,
и плача не прячем.

ОРГАН

Я с ними реву,
как труп на randevу
с возлюбленным Христом
во рву препустом.

СТИХОТВОРЕЦ

Рыдаю я на весь союз,
на всю свою эпоху
страдаю я и предаюсь
страдающему Богу.

БАЛАЛАЙКИ

А голоштанец Сагана
не понимает ни хрена.

ДИРИЖЕР

Spiel mir auf der Balalaika
einen russischen Tango!..

КОММЕНТАТОР

А музыка – славная пустолайка
с плодами пряными манго.

СТИХОТВОРЕЦ

Свет низвергается во тьму,
во мрак уничтоженья,
и ни хрена я не пойму,
и умерло движенье.
Всё устремилось к ничему,
в свое же отраженье.

И будто через решето,
где дырам нету счета,
всё превращается в ничто,
в небытия решета.

БОГ

Я управляю музыкой и смертью
и хором бесконечных голосов.
Галактика разверзлась лиховертью,
вселенная попала под засов.
А камни чувствуют: в загробном мире
растут тысячелетья дерева,
и плач цветочный раздается шире,
и подо мной вселенная мертва,
и повисают тяжело, точно гири,
всем горем на вещах свинцовые слова,
как Божьи бесконечные пустоты,
как рой невероятный Божьих дыр,
и я свожу со временами счеты,
как лупоглазый командир.
Бесчисленны в веках мои обличья,
и в музыке и в смерти я всё сам,
я много больше своего величья,
по разным проживая адресам.
Я вечно сущ. Жизнь у меня ничья
и длится в бездне с каждым кратким звуком.
Во всем я Бог и больше бытия.
Но музыку хочу любить и я,
а смерти нет нигде, зане она моя,
и рушу я весь мир жестоким стуком.

СТИХОТВОРЕЦ

Я верую: Ты, Боже, – мой создатель,
и Ты же сам – творец моих грехов.

Я существую как самоиздатель
моих к Тебе повернутых стихов.

ДИРИЖЕР

Большой музыки симфонической
снаряд подобен катапультам.
Стою как идол иронический
с железной палочкой за пультом.

ТУРЕЦКИЙ БАРАБАН

Бим-бам-бом! – барабан
в бане галактической –
бим-бам-бом! – нагишом
кобелем, кобелем
во все дыры тычется.

ФЛЕЙТА

Я тоже в дырку тыкала,
я тоже в дырку пикала,
зане я – флейта-пикколо.

ОБОЮДНЫЙ ХОР

На всех она насикала.

КОММЕНТАТОР

А теперь карикатура и шарж.
Маэстро! Прошу антигалактический марш.

PARTE SECONDA
Marcia maestosa

Des-dur

БАРАБАНЫ

Трум-пум-пум! Трам-бом-бом!

ТРОМБОН

Тру-ту-ту! Тю-тю-тю!

БАРАБАНЫ

Бьем лбом, в стену лбом!

ДИРИЖЕР

Я путю вам начертю.
Из галактики валят
своры рыжих дьяволят.

ГОБОИ

Марш, как старый пьяница,
вниз по нитке тянется,
а душа воспарила,
оперлась о перила
вместе с проклятыми –
ля-ля! – дьяволятами.

КОММЕНТАТОР

Находятся далёко –
вне человеческой практики
и живут сами в себе одиноко
расхристанные галактики.

БАРАБАНЫ

Трам-бом-бом! Трум-пум-пум!
Ум бьет лбом, ум без дум.

ОРГАН

Орган есть католическое чудо,
и я пою из полусотни труб.
Молитва Баха я и Букстехуде
и отпеваю чей-то трудный труп.

БАРАБАНЫ

Трам-тарам! Тарарам!
Мы без рам, мы без драм.
Тра-ра-рам! Мы – таран.
Все мы в прах,
тара-ран, тара-рах!

ДИРИЖЕР

Я с вами, черти, не шутю,
я путю вам начертю.
Предъявляйте при входе билет
на антигалактический балет!

СТИХОТВОРЕЦ

Метагалактика! Растак их, эти числа!
Они в земной не лезут в ум.
Сметана бытия уже прокисла,
и в сверхгалактике нет ни на вечность смысла,
а только Божьи фокусы да глум,
да глупости, которых не откроешь.
Зачем же ты, ученый мой собрат,
в пространствах страшных носом землю роешь
и своему же страху рад?

ДИРИЖЕР

Я путь начертю вам в загробье,
где, наверное, нет ни черта,
где живет бесконечною дробью,
как самой же себе подобье,
уходя за предел, пустота.

БАРАБАНЫ

Тра-та-та! тра-та-та! тра-та-та!
Бытия совершилась утрата.
Эта трата немного не та.

ДИРИЖЕР

Пожалейте взвездного брата,
ведь ему-то и нет ни черта.

ЖЕНСКИЙ ХОР

Нет, бессмертья не свить из кудели.
Не надейся на чудеса!

МУЖСКОЙ ХОР

Сами мысли у нас оскудели,
и кладбищенский пляс начался.

БАС ПРОФУНДО

Так помянем бессмертным аминем
этот черный – из сажи – пейзаж
и, быть может, бессмысленно мином
жизнь, как будто загробную блажь.

ЖЕНСКИЙ ХОР

И чего мы еще напрокудим
в галактической – ах! – немоте?

МУЖСКОЙ ХОР

И, как буки, мы всё позабудем
и во времени дрызгаться будем,
а бессмертье останется людям
в иронической – трах! – пустоте.

ДИРИЖЕР

Те-те-те! Только люди не те.

СТИХОТВОРЕЦ

Так крутись вдоль музыки, кручина,
на последней чертовской черте.
Пусть исчезла лихая причина.
Замолчи же тотчас, старичина
существуй как попало, бесчинно
обретаясь в своей *liberté!*

TUTTI

Это мы, сумасшедшие, машем,
во всю мочь мы здесь маемся маршем,
и гремит наш божественный хор
из одних Психей-Терпсихор.

PARTE TERZA

fis-moll

ОРГАН

Нет ничего, помимо черных дыр,
в зияньи галактической музыки,
и остается шумный Божий мир
на положеньи бедного заики.

ДИРИЖЕР

Музыка безумная – ик, ик! –
истинно и искренно икает,
и пространство, словно хор заик,
запинаясь, протекает.
И рояль, сам себя оседлав,
точно курицу музыки кочет,
то бренчит, как церковный конклав,
то привскочит и спьяну рокошет.

СТИХОТВОРЕЦ

Это – крики сурового рока.
Это – рокот кривого порока.
Это – рок, отбывающий срок.
Это рок временами забрякал,
по-турецки посаженный на кол,
во всё гузно дырою широк,
пьяным селезнем взвыл и закрюкал.
Это – внутренний рок и наружный,
грузный рок, но такой безоружный!

ТУТТИ

Валимся все поутру
в трудную времядыру,

так что ни ну и ни тпру.
Страшно стоять на ветру.
Времени ветер несет
жизненный мусор и сор.
Сон человеческий трясет,
короток с ним разговор.
Ветер – прижизненный вор.

PARTE QUARTA

As-dur

СТИХОТВОРЕЦ

Безумная лазурь, чухонская и Божья,
висит июльской крышкой гробовой,
и я шагаю у ее подножья,
как леший по лесу, живу, как домовой.
Лазурь и лес звенят, как стаи птички,
и раздирают звоном глухоту,
и я на Божье личное величье
не заору в лесу: «Ату его, ату!»
Господь со мною создал всё земное,
лазурь и лес – творенья Божьих рук,
и старость, и желание срамное.
Так неужели Он разрушит вдруг
свое бездонное создание?
Ему земное время нет-ничто.
И в пустоту мое самосознание
проваливается, как в решето.
А время чертит свой безбожный круг.
Но собираю я всю жизнь мою в лукошко,
как ягоды лесные и грибы,
но старость хочет жить еще немножко
и убежать от бешеной судьбы,
а у гриба – увы! – сломалась ножка.

ДИРИЖЕР

Добром живите дальше, сумасброды,
пока не позовет вас рок
под каменный закон природы
на похоронный – так его! – пирог.

СТИХОТВОРЕЦ

А я, поэт, от страха бледно-серый,
ничем великим не горжусь,
от длинной смерти куцепалой верой
на старческую жизнь отгорожусь
и в личном бессмертии утвержусь.

БОГ

Законы мироздания непреложны,
но в них блуждает сырой разум твой.
В метagalактике законы все возможны,
и так они бесчисленны и сложны,
что кажутся тебе больны и ложны,
и ты отчаянно качаешь головой.

ДИРИЖЕР

Греми, симфония, тактами последними,
ибо мироздание наполнено бреднями.
Двигаются в музыке такие такты,
что ей наплевать на разумные факты.

ТУТТИ С ОБОИМИ ХОРАМИ

Мы бьем челом со всей земною ложью
и по-холопыи – хлоп к подножью,
всей верою к величью Божью,
которое, трубя, хрипя, сипя,
вовсе больше самого себя.

СТИХОТВОРЕЦ И ВСЕ ИНСТРУМЕНТЫ
И ВСЕ ГОЛОСА ОРУТ НА ВЕСЬ ЗАЛ

Гром старости и страшный трус земной,
и я утрусь всем хором поутру.
Гремите, инструменты, вслед за мной
и рушьтесь в зной, как в адскую жару!
Оркестр без палочки в своей руке тая,
симфония кончается моя!

17 мая – 7 августа 1982

ДИФИРАМБ

ПРОТАГОНИСТ

Я – Жизнеслов и славлю ремесло.
Меня несло, вокруг плясали боги,
и груди бегали босые, словно ноги,
и находило слабинку тесло.
Огромна осень в давке винограда.
Как поцелуй, прилипнет лист плюща.
Расплющен разум и в крови награда –
жить безбоязненно, ладошками плеча.

ХОР

Эв́ан! Эв́о́е! Свалка
неразливанных тел.
Вчера была весталка,
да Бог ее всхотел.

Ничего не жалко.
Корешки вернутся,
а пока, мочалка,
надо прошвырнуться.

Да не за пустышку
и не за пустяшку
отпусти излишку,
полюби вращающую!

По Москве
топ-стоп!
В голове
заеб.

ПРОТАГОНИСТ

Со мною ходит ум изувеченный,
извечно круглый, но с поперечиной.
Она – его речам опора
от Гибралтара и до Боспора.

ХОР

Ах, простите, извините!
Но зачем со всех сторон
вы смеетесь и звените,
как служебный телефон?

Босы бесы, босы боги.
Скачет Блок на лихаче.
Рядом руки, рядом ноги,
спит головка на плече.

Но отзвонили вы, Эвадна,
и надорвался телефон.
Дремать в трамвае неповадно,
и посмотрите, как неладно
у вас заляпан сзади фон!

Вот те верх,
Дионис!
Подтянись!
Вот те низ,
Дионис!
Поклонись!

В джинсах прыгают менады,
как лягушки без воды,
оттого что им и надо
растопыривать зады.

ПРОТАГОНИСТ

Широк по осени рыжеволосый Либер
и, как Христос, грехов наотпустил.

ХОР

Du mein lieber, du mein lieber,
Augustin, Augustin.

Полька вместе с менуэтом
и с чечеткою гавот!
Буги в вуги! И на этом
вот вам, вот!

Вот вам, вот! Велико слово,
как авось, как авось.
Обмолот! Летит полова
вкривь и вкось, вкривь и вкось.

ПРОТАГОНИСТ

Садится Бог на пятитонку,
как на наземную ладью,
и, рассудив с собой по-тонку,
везет зерно на самогонку
и тянет пению свою.

ХОР

Как поп попадью
переделал на бадью!
Расплясалась попадья,
расплескалась бадья.

ПРОТАГОНИСТ

А деревенские менады
скакать готовы до Канады,
чтоб на каком-нибудь канале
их хоть немного доконали.

ХОР

Скок-скок!
Кэк-уок!
Прыг вбок,
как Бог!

ПРОТАГОНИСТ

Глазищи – как у рыси!
Помилуй, Дионисе!

ХОР

Душу вывернем наничку,
чем обычай древний –
мы за смычку, мы за смычку
города с деревней.

ПРОТАГОНИСТ

Вот мы содрали время, словно ризу,
а розу – в рот, и тело стало голо.
Так будем жить по первому капризу,
так будем пить, пускай на пол-обола.

7 сентября – 17 октября 1975

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Я был боярский сын, но сан с себя сложил
и ожил от тоски я во скиту.
Как Богу, черным людям я служил,
целя их скорбь, недуг и маяту.
Их скорбь, недуг и маята – на мне,
и из чужих очей кропит их злая влага,
и, как на целине, на сем говне
святительским трудом возвращаю зерна блага.
И всё мое нутро есть якобы вовне.

ХОР

На реке Кончуре
раскинулся скит.

РЕГЕНТ

Кто там врёт и хрипит?
Берите точно ре!

ХОР

На реке Кончуре
в заповедной дыре,
как в норе у бобра,
вдоволь зла и добра.
И бобровых хором,
ох, не трогает гром.
На реке Кончуре
в заповедной дыре...

Я был один, а жил с родимым братом.
И утреню нам птичьи хоры пели.
И вправду привалило нам добра там,
и мы от Господа оторопели,

от сих авось легчайших из даров.
И я под милостью Господней сдюжил,
был тих и крепок, мирен и здоров,
а брат Стефан – тот жизнью занедужил
и в монастырскую подался суету
вкушать общение с людьми и брашна.
А я остался во своем скиту
среди леших и шишиг. И мне не страшно,
когда русалки голые волосы
сушить на месяце повесят. И Ты веси,
о Боже мой, как в сонные часы
в келейку гадами вползают беси
и пасти щерят, стоя на хвостах,
а пугачи не спят и ухают в кустах.

ХОР

Во скиту вмоготу ежедневное
житие во святых философское.
На реке Кончуре наваждение
полусонное и бесовское.

РЕГЕНТ

То быль, а не явь и не сон!
Пойте, дьявлицы, в унисон!

Но пало одинокое блаженство.
Дух человеческий Господь настропалит,
и вот обрек меня на вечное священство
в обители людской сам кир митрополит.
А если так, тогда пускай трудами
возводят общежитие в скиту,
а не кивают Богу бородами,
в своем углу впадая в немоту.
А если так, то, с суетой в разлуке,
как злу бесовскому, противясь всякой скуке,

не с четками, а с потом на челе
пусть иноки молитвенные руки
прикладывают к лесу и земле!

ХОР

Ты гуди, непроглядый бор,
ты стучи, гроза, Божья кузница,
помогай, угодник-топор,
выручай, лопата-заступница!

РЕГЕНТ

Разве можно этак *ля* продлевать!
Вам не в церкви петь, а лес трелевать.

ХОР

Хоть в своем скиту, хоть в чужом пиру,
всё едино мы обездолимся.

ДЬЯКОН

Миром святителю Топору
помолимся!

СЕРГИЙ

Я одиноко жил, а ты меня, владыко,
вверг в общежитие и в колокольный звон,
и посреди молитв, как посредине крика,
священства бремена несущи на амвон.
Я с Богом жил един, и благостыни
иной не чаял, и не чуял ног
я под собой от тишины, а ныне
среди молельщиков, как дерево в пустыне,
я одинок.

И был я чище ключевой водицы,
а бор – темней и глубже алтаря,
и утреню со мной служили птицы,
и подпевала девственно заря.
Единый лес тогда бывал мне шумен,
где были Божьи топоры слышны.
А ныне ветер с каждой стороны
несет молитвы, как полову с гумен,
а ныне есть и авва, и игумен,
и нарушитель Божьей тишины.

ХОР

На реке Кончуре
о ранней поре
их с Господом было двое.
На реке Кончуре,
как на барском дворе,
не стало покоя.

РЕГЕНТ

Пойте: стал монастырь – постоянный двор.
Бейте, бесовы дочери, в ладошки.

ДЬЯКОН

Положи поклон, батюшка-топор!
Да и дай по зубам пиле-матушке!

ХОР

Эх, и гряну я срамотой,
проживу-ка я мимо той
Богом убранной тишины.

ПОП

Отче Сергие, помолись за ны
превеликою немотой.

ХОР

Гармошка ревет.
Прощка Рожкин идет.
Раздуваются меха.
Сам не больше петуха.

РЕГЕНТ

Нет управы на вас?
Что за прок вам в Прощке?

ХОР

А у самого из глаз –
рожки!

СЕРГИЙ

Запомнил я в себе Варфоломея,
а он и был со Господом близнец.
Он умер молча. Отжил мир в уме я,
с самим собою ладить не умея,
и тишине моей настал конец.
Раздался я, и Русь – моя обитель,
и в уши дышит мне татарский храп.
Невольный есмь Угодник и Святитель.
А что поделаешь, когда я Божий раб?
И лезь ли, руки к Богу обратив,
ступать Господней воли супротив?
Сияйте, Богородицыны серьги,
с небес, одетых в куний мех.

Один не втуне ли молюсь за всех,
один за Русь, аз раб Господень Сергей?

ПОП

Неумытые мы умы,
от сумы живем до тюрьмы,
мы изодраны и грязны.
Отче Сергие,
помолись за ны!

ХОР

Что колодники, мы вольны.
Отче Сергие,
помолись за ны!

ПОП

Безрассудные
наши сны,
то-то блудные
мы сыны.
Отче Сергие,
помолись за ны!

РЕГЕНТ

Голос бражкой сыченой лей
да подхватывай веселей!

ХОР

Ах, едрит твою едрит,
батюшка-архимандрит!
Для спасения души
на молитве попляши!

ПОП

Блага мерзкие
нам суждены.
Отче Сергие,
помолись за ны!

СЕРГИЙ

Благословляю всё, чем я живу,
мы все одной судьбою холимся.

ДИАКОН

Миром Божьему естеству
помолимся!

18 июля – 18 августа 1973

БЕСОВА МЕССА (Messa nigra)

1. Прелюдия

Ты, Господи, вся веши,
Ты мне заступа и приют
и зриши сам, как беси
меня несчетно обстают.

Я еще и не протух,
не сомлел еще в земле.
А от меня нечистый дух
идет и тянется ко мне.

Видно с голодухи
иль с иной беды
нечистые духи
лезут из воды.

И гуляет со мной
через все леса
дедушка водяной
из-под колеса.

Черта ли изменится
время взаперти!
Водяная мельница,
жернова верти!

Он, как старик городской,
трясет текучей бородой,
и в такт он повторяет: «Так-с!
Живем мы как в пустыне.
Бре-ке-ке-кекс! Кворакс, кворакс!» –
бормочет по-латыни.

Пыхтит суседко «уф!» да «ух!»
и шлеп себя по плечи
еще один нечистый дух,
невидимый, но леший.

А еще один нечистый дух
был ни дать ни взять Рикарда Хух.
Но я прелюдию играю дурно,
когда пошел играть литературно.

Органу на высотах верхотуры
разверзлись пранебесные высоты,
и баховски подобранные ноты
не терпят никакой литературы.

Орган дудит и воет: «Улю-лю!»
Он пахнет чем-то незрело-вечным.
И всю литературу я пошлю
к ... матери или к бесам запечным.

Из трубки вьется дыма вой.
Поэт скулит и точит лясы.
Эй, принимай, мой домовой,
органные балясы.

Жаловалась девушка
деду домовому:
«Дедушка, дедушка!
Сбудь меня другому».

Падали в колечко
глаза на дно до боли,
и горела свечка
в пустом зеркальном поле.

На сеновал по лесенке
лезть было трудно,

и не пелись песенки,
песенки подблюдны.

Подходила пестрая
цыганка-гадалка,
подходила с сестрами,
говорила жалко:

«Дай погадаю
на дальние годы.
Дай покидаю
карт из колоды».

А душки Наташки
играли в салки,
играли в пятнашки,
как голые русалки.

Господи! Ты веси,
что в Твоей яви
нами токмо беси
правят в канаве.

2. Хорал

Твой черный зад лизать
язычишкам нашим дано
и всяко Тебя лобзать,
владыко Сатано!

Сильнее ста смертей,
сильней, чем власть красоты,
вертепом всех чертей
повелеваешь Ты.

Мы пьяное пьем вино,
живем полдуши губя
и, Господи Сатано,
славим только Тебя.

На Брокене Ты козлом
неотпущенья воссел,
и беспробудным злом
Ты, наш владыка, цел.

Раком, владыко, Ты стал
на Блоксбергский пьедестал.

Ты еси наш Элоим,
и упиваемся мы
сладким гузном Твоим,
смердным, о княже тьмы.

3. Фуга

Гляжу на мир, как на большое хамство,
самодержавное великоханство.
Но мир, как и обычный смертный,
от смерти грамотою шертной
во веки веков не охоронится.
Ведь смерть – всему сокрытая граница.
И в толчее вселенской рынка,
в кострах чертовски страшных звезд
земля – зеленая пылинка,
всечеловеческий погост.

И над могилою вселенской,
где Гегель, и Лаплас, и Кант,
и каждый Божий музыкант
лежат в ограде деревенской,
я плачу, как Владимир Ленский

иль как непризнанный талант.
Не жаль отдать бы мне талант
в долг Хрону, старому хренку,
а он токует мне «ку-ку»
во утрие с часов старинных.
Мне страшно. Нот его звериных
храпит предсмертная игра.

И скоро ли мне в гроб пора?
И отчего с таким вопросом
я остаюсь, как с длинным носом,
как при смерти, а наяву
по-прежнему еще живу?
А человек – бродячий остов,
беглец бесчисленных погостов –
еще тарашит рыбки жабры,
отплясывая *danse macabre*
один, а с ним и все зараз,
кто к смерти хаживал в танц-класс, –
и Кант, и Гегель, и Лаплас.
Из них назло научным фразам
смерть выбила бессмертный разум,
дарованную ханом шерт
разодрала на клочья смерть.

Живу и жду: близка моя могила.
Встаю я утром, как романс без слов,
и голос мой звучит и скорбно и уныло,
как будто я слепой Иван Козлов.

Аз есмь един из многоликой черни,
вступивший в темный хоровод времен,
как элегический романс вечерний,
и трогает меня рукой дочерней
вечерний звон, вечерний звон.

Вселенское неудержимо хамство,
плачь над наукою передовой!
Ведь не уймет научного упрямства
перчаткой никакой городской.
Играет польский полупьяный Глинка,
Берлин раздул павлиний хвост.
Земля – зеленая пылинка,
всечеловеческий погост.

Живу я не на собственном отшибе ль?
И время я сквозь пальцы пропустил.
Давненько Геббель мировую гибель
своею смертью возвестил.

Смерть не в силах с миром примириться.
Ради смерти мира не жалеи!
Ламцадрица, ламцадрица,
лей на лоб покойнику елей!

Гляжу на мир, как на большой хакеж,
где ничегошеньки до смерти не поймешь,
где от меня осталась половинка:
на ней уселся вождь или прохвост.
Земля – единая зеленая пылинка,
всечеловеческий погост.

Хрон, старый хрен, волочит бремя бренно
и мне ворчит, что жизнь моя – одна,
и разумею в старости смиренно,
что старый хрен не стоит ни хрена.

Вы, девицы, молодницы,
заголяйте ягодицы,
задирайте выше трен!
А на ваши ляжки,
ляжки-завалашки,
разве глянет старый хрен.

Бабы – сущие бесы:
жопы сунули в джинсы
и во славу Сатаны
носят узкие штаны.
Прежних девок нет в помине.
Девки носят юбки мини,
девки стали ёбки ныне
и не спросят, сколько лет,
лишь бы хреном стал скелет.
И девчонки в юбках мини
(ни на что запрета нет)
враз пускаются в минет.

Девчонки ныне всюду совки
и вообще большие философки,
им предков нет-ничто запрет,
и с отроческих лет
они – природные бесовки,
ничто им не идет во вред.
А старый хрен несет собачий бред
и черную отслуживает мессу,
когда в ребро войти возможно бесу.

4. Финал

Ты, Господи, вся веси
и видишь, как в кристалле,
что деймоны и беси
ко мне везде пристали.

Стоят они нахмурены,
черные как мурины,
как трубки все прокурены
и все насквозь продурены.

По полям метет пороша,
задыхается душа.
Служат мессу за три гроша –
czarna msza, czarna msza!

И жарит маленьких людей,
как будто белых лебедей,
сам Асмодей, сам Асмодей.

И пустилась в бег со старта,
разевая страстный рот,
толстобрюхая Астарта –
Аштарот, Аштарот!

Уды напрягши и умы,
Тебе мы служим, княже тьмы,
и асмодеятельны мы.
Но нас оставит без мудей
Асмодей, Асмодей!

17 июня – 1 июля 1980

ПОЭМЫ

АВГУСТ

Поэма

I

Закончен плод, как Цицерона фраза,
и думы повисают на ветвях,
а утро трет багровый угол глаза,
и голуби целуются в кустах.
Беру на память милые предметы.
В ушах звенит сухой травы полет.
И всё свершается огромным кругом лета,
и колыбель печальная поет.

У мельницы угрюмой и огромной,
где колесована вода,
вращается кружало жизни темной
и в тростниках поет беда.
Из жарких омутов рождаются стрекозы
и песенки поет русалочья вода.
Из жарких омутов глядят глаза угрозы,
и жалят жадно овода.

У неба добрая улыбка изобилья,
и назревает полный день.
Лишь ястреба пронзительные крылья
свергают на землю немую тень.
Не различить того мне, что знакомо,
всё спуталось в траве и по-цыплячьи спит.
Шуршащий воздух душен, как солома,
и воз темнеющий плетется и скрипит.
Беру на память милые предметы,
слепец, слежу перстами трав полет.

И всё свершается огромным кругом лета,
и колыбель качнулась и поет.

II

В тяжелых садах дорожки остановились,
поцелуй, как лист, оборван с губ.
И грибом мироздания в полдень вылез
пропитанный тенью, неповоротливый дуб.
Легкие лодочки, тяжелые собаки
едва поворачиваются на цепях.
Падают ласточки, как небесные знаки,
прочитываются и скрываются в домах.
Во сне колышется шторка у балкона.
Только и слышно, как страстно деревья растут.
Лето закругляется, но фраза Цицерона
лежит недочитана.

И тут

беру я на память милые предметы,
в ладонь последний поцелуй уронив,
и огромным объёмом завершается лето,
и сумрак тянется на залив.

III

Робкий сумрак ласковой перчаткой
покрывает смутную ладонь.
Сад идет в кусты походкой шаткой:
в окна вносят бережный огонь.

Огненная лира самовара,
лодок песни – воздуха оплот.
Тело, словно древняя кифара,
помертвело и едва поет.

Рост деревьев еле-еле слышен,
стук корней почти неразличим.

И к луне от потемневших вишен
поднимается забвенья дым.

Как доверю лодке вечера я,
перебежку пальцев, струн и струй?
Из кустов летит, легко играя,
весь воздушный поцелуй.

Словно в память, милые предметы
собираю в скорбную ладонь.
Всё свершилось брачным кругом лета –
в окна вносят свадебный огонь.

IV

Валентина, звезда, мерцанье!
Как поют твои соловьи!

А. Блок

Рок и мрак затушили свечи.
Клятва тьмы и любви обет.
Заливаются песней плечи,
жаркой кровью полночных бед.

Август страсти, как ветер, над нами
покачнул занавески свои.
Заливаются соловьями
безудержные плечи твои.

Воздух страсти, как злоба, душен.
Он ни с места. Его не тронь!
Соловьиных твоих жемчужин
я себе положил на ладонь.

Двери слушают еле-еле,
а за ними шагает враг.
Слышен страх в истомленном теле,
и качаются Рок и Мрак.

V

Еще не умерли, не плачем,
в ночной крови еще горим,
но слышно нам, уже незрячим,
как идут брать широкий Рим.

И бесполезна оборона,
и бесполезно сны стеречь;
широкий голос Цицерона
подъемлет золотую речь:

деревья-варвары ворвутся,
ревя как сонмище зверей,
грозою сердца разобьются
у отшатнувшихся дверей.

И пусть напрасно просит ревность
своих неполных слов и прав –
в огромном росте встанет древность
с медвежьих шкур и диких трав.

И пусть напрасно взор пречистый
пощады просит горячо,
коль варвар жаркий и плечистый
сожмет покорное плечо.

И, утверждая мрака меру,
уже толпится тьма зверей,
разрушив плеч лепную веру
и деревянный культ дверей.

VI

Голос завершился, и плечи замкнуты.
Тени страха разломаны пополам.
Куча белья и дыма в комнате,
до боли в глазах знакомого нам.

Свершилось. Растет вершками тяжкими
ночи простой деревянный аршин.
Три пяди отмеряны. Стуча костяшками,
катится смерть с брачных вершин.

Одинок со своею суженой,
беру я ладонь сквозь горячую мглу,
но, словно чужие, летят жемчужины
и рассыпаются на полу.

VII

Печальный воздух бродит, как ягненок,
и слезы лижет теплым языком.
Во сне парном лежу я, как ребенок,
и с детством дальним снова я знаком.

Душа не просит, не кричит, не слышит,
когда покой проходит чрез покой,
и утомленную голубкой дышит
плечо, прильнувши головой.

Предметы смутные и существуют еле,
и девичья ладонь их наугад берет.
И я лежу в нежданной колыбели,
и колыбель качнулась и поет.

VIII

Человек стоит уныло –
Беспомощное дитя.

Тютчев

Скрипела ночь на всех петлях.
Сон нудил, как заноза.
Туман занес широкий шлях,
как прежде в дни мороза.

Не разбирая, что и где,
но зная, что не спится,
я нежность чувствовал к воде
и шел во двор напиться.

Но двор украл незримый вор.
Вор оказался другом, –
и взор обрел туманный двор,
широким ставший лугом.

Заваривались чудеса.
По пальцам мне попало.
Заржавленные небеса
торчали как попало.

В ковш наловила мне вода
небесных аллегорий,
и плыли горе да беда
и вновь беда и горе.

Толпа осмысленных лесов
стояла, словно зданье.
Был Ригель всунут, как засов,
в неплотное создание.

Глубоких дев увидел я
в ковше, как в зодиаке,
и слабый очерк соловья
давал о жизни знаки.

И были Мера и Число –
младых умов кочевье,
и жизни мужество росло,
стучась во все деревья.

И жили мы как нам велит
и учит нас беспечность.

Сплошным потоком Персеид
летела мимо вечность.

И тщетно ум я поднимал, –
уже хромой Иаков, –
я ни ковша не понимал,
ни соловьиных знаков.

На щеки мне вползли леса.
По пальцам мне попало.
Исторгнутые небеса
торчали как попало.

И я почуял дум и дел
звериное соседство,
и тут впервые пожалел,
что я покинул детство.

Ветрами тень луны несло,
устаи погребенных.
На брови мужество росло,
в груди ж играл ребенок.

Он зажимал в свою ладонь
и называл предметы.
Он говорил «игры не тронь!»
и что свершилось лето.

Игры воздушной легкой князь,
он поучал нас пальцем:
«Сухих вещей исчезла связь,
и мир – он стал скитальцем».

И, подпрыгнувши к голове,
увидел я воочью:
всё перепуталось в траве
и дышит только ночью.

Душа времен ко мне летит
прозрачнее соломин.
И знаю, что был Гераклит
как этот август темен.

А мы скитались, как велит
и учит нас беспечность.
Сплошным потоком Персеид
катилась мимо Вечность.

2 августа 1933 – 19 апреля 1941

КИНОЦЕФАЛИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Господь меня кривиться умудрил
и вышвырнул на растерзанье музам...

Как серый вечер, старый гамадрил
идет домой с портфелем и с арбузом.

Киноцефалия! Большой сырой сарай,
ты – слезный край платка, ты – латка к ране...
Афишкин голос и мартышкин рай,
банальные бананы на экране.
Академично пальмы шелестят,
и, раздвигая нервные лианы,
купальниками алыми блестят
лиловогубые дианы.
Библейский вечер с долгой бородой,
с хвостом в руке сопит в усы: «Осанна!»,
увидев, как у зорьки молодой,
открывши кран, экранится Сусанна.
Заветов субтропический неон
покрыл многоэтажные скрижали.

Библейский вечер! Он – всегда не он,
он есть Они, ну а они прижали
число к числу и слово к слову в строй
вогнали кулаком, пером, обухом.

Киноцефалия! Стоит сарай сырой
разбухшим до величия гроссбухом.

А мимо гамадрил идет домой
и одобрительно кивает брюхом.

Геометрически трезвы умов дворцы,
где звонки, как скворцы или болонки,
забиты в суть по самый пуп столбцы
и непреклонные колонки.

Когда ученый кот иль пес влюблен,
расчетливо мечтает он и бредит,
и сальдо сальное облизывает он,
с костями дебет проглотив и кредит.

Число к числу – как стаи черных слуг.
Киноцефалия! Как много суждено там!

Лист или холст развернут словно луг,
где звери и цветы расписаны по нотам.
Из падали тербит ворон жир,
бараны и коровы на жировке,
и жизнь, как музыка, уложена в ранжир
в бухгалтерской аранжировке.

Заведено, уж видно, искони
у сей хвостатой и всесветной касты,
что в сердце всем пихают иск они,
как напоказ стооки и очкасты,
причесаны, клокасты, но клыкасты.

Добром они торгуют и грехом,
приказчики, купцы и всепродавцы,
на черных воронах летят они верхом,
кровавоглазые псоглавцы.

А рядом толпы маленьких макак
и капуциники – как циники-ребятки,
всё скок да скок, и все-таки никак,
никак не прыгнут к жизни на запятки.

А если ты закис и захандрил,
то, чтобы снова мог найти зацеп ты,
тотчас является мудрец и врач мандрил
выписывать столичные рецепты.

Зады подняв, как знамена без дыр,
наигрывая на последней струнке
блюз «Трын-трава», на весь крещеный мир
резвятся львиные игрунки.

Надулся холст высоких парусов.
Не празднуй труса! Заняты романом –
и без купальников и без трусов –
на полотне Диана с Павианом.

Киноцефалия! Огни, огни, огни!
(С огнем играть – не то что чиркать спички.)
«Согнем в дугу!» – они, они, они
во сне бормочут по привычке.

Они вгрызаются в чужой изъян,
и скалится во мгле дилемма злая:
собачьей жизни нет без обезьян,
а обезьянничать нельзя без лая.

Великий раб себе стругает гроб,
на всё посвистывает он сквозь пальцы,

и, на глаза надвинув лоб,
не видит он, судьбы своей холоп,
что в душах, как в скитах, сидят страдальцы,
что у лесов бывают постояльцы,
что есть еще бесштаные скитальцы,
что питекантропы укромных ищут троп,
что бегают мечтать неандертальцы.

В музей таких! В нейлоновый футляр!
Забрать от посетителей в перила!
И стой, антропоморфный экземпляр,
какая-то последняя горилла!

И скачут танцы всех манер и вер,
все по нутру – танго, по рангу – танго.
И падает из глаз, как из пещер,
последняя слеза орангутанга.

И к оной архаической слезе
печально тянет ручки шимпанзе.

Киноцефалия! Ты – Веды и Коран,
ты – Библия, ты – Лия и Ревекка,
ты – давнее преданье человека,
ты – свету на пути расставленный экран,
ты – ванькино Евангелие века.

Киноцефалия! Я сам – стеченье числ,
как черных рек в отчаянной отчизне.
Я сам – баланс и мука коромысл.
Киноцефалия! Я сам и крив и кисл,
как труп мертвецкий на своей же тризне.
Да только что же проку в укоризне?
Авось и есть трегубый смысл
пообезьянничать в собачьей жизни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Киноцефалия! Святой ломбард! Амбар,
куда сумбурные уложены пожитки!
Рабов и бар безбожный бар,
их обирающий до нитки,
чтоб голый мир забрать в смиренную рубашку,
чтоб не шатались души нараспашку,
чтобы прикрыть прекрасный райский срам...

Сарай вселенский! Хрюкающий храм!
Прихрамывая, прешь ты по буграм,
по выбоинам, по горам, по ямам –
страной экранов, и картин, и рам,
ценой утрат и травм, расплатой мелодрам,
потопом Ноевым всемирных телеграмм
по трактам, автострадам и дворам,
и полотняным море-океаном
ревет со всем оркестром окаянным
трагический Трам-гара-рам.

Проходишь краем кривд и косоглазых правд –
и сохнет дерево, одно на весь ландшафт,
и сохнет дерево – от мудрости досрочной,
и сохнет дерево – от дури непорочной.

Сухое дерево три века проскрипит,
печать скрепит проскрипции законом –
и душу вон! Возвысаясь над амвоном,
перед наляпаным, что клякса, фоном
хрипит в дуду и врет в три горла Еврипид,
священнодействует Софокл над саксофоном.
И шествуют прохвост, профан и солдафон,
ликуя ликами и кулаками,
и сам Аристофан расписывает фон,
где птицы спарились лукаво с облаками.

Киношествует в новшествах Эсхил –
котурны он таскает как бахилы.
Сатурново кольцо вертится что есть сил
и дурно пахнут хилые ахиллы.

Киноцефалия –
конец и край!
Хвост, бюст и талия,
валяй – виляй!
Киноцефалия,
знай дуй-играй!
О киноцефалический,
три-ум-фаллический,
о обезьяний рай!

Природу раствори, как зыбкое окно
в тяжелом воздухе, махровом, густопсовом!
Мигает в сумраке бессонном полотно
афинским и ночам и совам.
Циклопий глаз горит. Кренит, как борт, экран.
Топочет он что конь. Сухое море взрыто.
Хохочет хор харит. Кряхтит подъемный кран.
Грохочут барабаны и копыта.
Разодрана завеса. В царство быта
Зевеса выслали. Уже кипит Титан
и книга Соломонова раскрыта.

Из плексигласовых часов текут пески.
Стоит сырой сарай как скиния тоски.

Совиный глаз горит. С Еленою парит
на планере Парис, парит не уставая,
и хорохорится хохлатый хор харит, –
о моровая грусть и мудрость мостовая!

Киноцефалия
бежит за мной,
держа за талию
весь шар земной.
Мать твою молнию
и в шар и в ось!
Эх, кабы кол в нее!
Авось, авось!

А бородач, смотря на ню да инженю
патриархально, матримониально,
мамон почесывает: «Ин женю
сынов своих, покуда на корню,
невесткины охальства извиню, –
всё лучше, чем оженятся повально!»

Где взять русалочек, кикимор и шишиг?
У этих шаг – не шаг, а только шик,
лошадки заводной заученная походь.
Но могут страсти истинной отгрохать
на грош или на шиш. От каждой вспышки – пшик.
Шагает пшют как шах, за ним трясется похоть.

Киноцефалия! Моя, моя насквозь,
пока не околею я, калека!
Авось пронжу, как нож, авось проткнушь, авось
рожусь из жути с видом человека!
Киноцефалия! Отплюнь меня, отбрось!
Авось хоть час с тобой побуду врозь!
Ты – Библия от века и до века,
ты – филькина слепая фильмотека.

Мы выродки твои и мигом цугом минем,
а ты – как вечный караван-сарай.
Помянем мы тебя авосем иль аминем?
Хвост, бюст и талия – играй, играй!

Я как платок закапан и заплакан,
закопан до корней на смертную полынь,
посажен на кол и поставлен на кон;
но как мохнатый павиан-диаком,
вращаясь звероликим зодиаком,
на радость скорпионам, львам и ракам,
тельцам, и козерогам, и собакам,
мартышкам, гамадрилам и макакам
всей пастью, и всей шерстью, и всем мраком
не возглашу тебе: «Аминь!»

И вечной памяти тебя я не предаю,
не гряну с хором «Взбранной воеводе...»,
как пьяный поп пустившись по природе
притопывать в косматом хороводе,
вытаптывать в безумном огороде
лихое «Во саду ли» по грядам.

Киноцефалия! Был яшень, да засох.
Киноцефалия! Гляжу я вбок, как Бог.
И странничаю я в пространстве драном
за страшным и раскрашенным экраном,
где самого себя окликнул я врасплох.

Киноцефалия! Зачем тебе дрожится?
Зачем рожается чужая рожа вкось?
Зачем дешевкой жизни дорожиться
и, как собака, сторожить ложиться
ложь – истину, пробитую насквозь?
Ужели с жалостью придется подружиться?
Ужель с ужимками мне суждено ужиться
и сам я – трижды маленький Авось?

21 февраля 1961 – 5 мая 1964

ЯН МНОГОЛИКИЙ*,
или
ПОЭМА ЛИЦА

* Прим. 1:

По-русски он – Ян, а не Янус!
Он выход, он же и вход,
любого он водит за нос,
в две разные двери ведет.

Двулик, а быть может, двуличен.
Он ключ к миротворному сну,
закрытому в доме, и клич он,
собирающий рать на войну.

Войны поднимает меч он,
покоя стоит сундуком.
Единоголовый, он мечен
двойным, словно дно, лицом.

А время – как вечность в Риме.
На счастье кости мечи,
Бог, и глазами пустыми
храни сундуки и мечи!

Неведомо, стрезва иль спьяна
берет меня оторопь-дрожь.
Я знаю иного Яна
и вижу на нем сто рож.

Открыт, как орел, двукрыло
храм и собой обуян.
Предстал во сто харь сторылый,
надземный, подземный, всеземный,
всесветный стомордый Ян.

1. ПЕЙЗАЖ ЛИЦА

Поперек лица – борозда.
У конца лица – борода.
Возле глаз возносится нос.
(Слезы катятся под откос.)
Конопат сей вид и сопат.
На висках повис власопад.

А на лбу-холму ходит вихрь-начес.
Как в гробу – шишом – рассердился нос.
Задирается! До какой поры?
Задирает вверх две провал-дыры.
А с боков его две скулы,
две скулящие, две скалы,
и щетина прет с раскаленных скал.
А щербатый рот вскрыт во весь оскал.

Краше будешь ли, ту щетину сбрив?
(Слезы катятся – под обрыв.)

Пей же сей пейзаж, пей навзрыд!
До упаду аж он открыт.
Во весь вид открыт – погляди!
(Только слепь лежит впереди.)
Пей во здравие дурачья!
(Разлились усы в два ручья.)
И бежит-шумит за порог, седа,
под обрыв годов – борода.
Так и рушится – ах, в тоске!
Повисая – ох! – на волоске.

Эк ведь касть какая! Разбирает злость.
Что здесь добывается? – Слезы да кость.
Весь пейзаж – на коже. А что же за?
Капля долбит камень, а кость – слеза.

Длится-тянется та страна,
наша ближняя сторона.

А под веками залегло свинца!
Нет конца лицу, нет конца!
А в глазах темно – не видать ни зги!
Помоги лицу, помоги!

2. ЛИКУЮЩИЙ ЛИК

Причислить лицо к лику?
Уж очень дешевый сбыт!
В какую клаку иль клику
оно тогда угодит?

Велик ли и чей он, лик-то?
Уйма? Толпа? Базар?
И чем-то вроде реликта
не будет ли Божий дар?

А к лику святых? А к лику
своих? За совесть и страх?
А если подобно крику
ворвется лицо и – трах!

И пошло в перекося,
и пошло в передрог,
в перетряс – в перенос,
и поехало вбок.

Из него – хрип,
из него – скрип.

Поехало на сторону
без оси колесо.
Помножено на сто оно,
одно за всех лицо.

А вокруг толпится лик
и владык, и калик,
лик паскуд и прощельг,
лик зануд и задрыг.

Лик мук, лик-мык
и вокруг, и впритык!

Ты встал как монастырский тын,
закон – что куколь – нахлобучил,
закон ценой в один алтын.
Он очи выпучил у чучел,
привел за ручку разных пугал
и их поставил в красный угол.

А ось колесу –
ей из стали ли коваться?
А мы на плясу
снова стали ликоваться!

На плясу, на плацу
не бывать лицу!
А бывать лицу
лишь в сыр-бор-лесу!

На кругу танцует лик,
на плацу шагает лик,
и в строй встал крик,
как герой стал крик.
В ряд – ликование,
и с утра, как вчера,
громопобедное «ура»,
а не воркованье
грустненькой горлинки
в горестной горенке.

Господин
Лик –
как один
клик.

3. НЕРУКОТВОРНЫЙ ЛИК

Распластан, как природа, белый плат,
растянут черный холст над прорвой черной, –
умойся уймой той, утрись – да и назад!
Повесь на стенку лик нерукотворный.

Пусть он висит в холстине на стене,
как на груди, плакат сей заповедный,
заплаканный, в покато́й тишине,
пока не стал головушкой победной.

Какой двурушник взял такой рушник
и образ в нем обрел, а не личину?
Без негатива снимок как возник?
И с ним ли вместе в гроб саму причину?

И, веки словно крышки опустив,
так и глядит он в землю с полотенца, –
грозя создать нерукотворный миф
иль собираясь выкинуть коленце?

И страшно заблудиться в трех строках,
когда потягивает на старинку
и, как хлеб-соль, подносят на руках
нерукотворный лик во всю ширинку.

4. О МНОГООБРАЗИИ ЛИЦ

При личном многообразии,
в Австралии, в Африке, в Азии,
в Европе и в Америке
количества лиц не измерите,
а качества и тем паче.

Но лица, околпача
и посадив за рамы,
как манекенных дам,
можно, не строя драмы,
к разным свести родам.

Бывают разные лица,
упорные, как припев,
обширные, как столица,
брыластые, как лев.

Бывают разные лица.
Но не Божий образ – лицо.
Зачем на него молиться,
когда оно так – дрянцо?

А если оно не образ
и ничем ему не воздашь,
то всё же – некая область,
где недра есть и пейзаж.

А стоит ли в недрах рыться,
лицо догола раздев?
Бывают разные лица –
но все на один припев.

**ПРИМЕРЫ (ПРИЛОЖЕНИЯ).
ПРИМЕРКА ОПРЕДЕЛЕНИЙ**

А.

Бывают разные лица.
Бывает лицо – как птица:

блаженствуя и блажа,
летит во все глаза.

Бывают разные лица.
Бывает лицо-орлица –

и вихрем на свет впотъмах
летит во весь размах.

Возносятся к небу лица,
вольные, как небылица.

Их ловят, берут в кольцо...
Кольцуют птицу-лицо.

Б.

Бывают разные лица.
Бывает лицо-телица.

На части оно не делится,
оно не мычит, не телится.

Бывают и как-бы-лица.
Бывает лицо-кобылица.

Само с собой препирается,
на весь мир хвостом задирается.

Бывают и зеволица,
где можно спать завалиться,

бывают домашне-скотские –
бараньи, коровьи, конские,

свинские и козы
(как заунывные козни).

Различаются не по масти,
а просто по роду страсти.

В.

Бывают лица разные:
на свой салтык прекрасные,
но безвластные и безгласные,
безопасные и бесстрастные.

Бывают без мины и с миной,
и с незаряженной миной,
с оскоминой и с длинной
усатой улыбкой соминой.

Бывают и как аквариум,
и ясные, как витрина,
бывают студеным варевом,
но важные, как осетрина.

Бывают лица-лещи,
иных пощечин похлеще
(но зудящие, как клещи,
и тягучие, точно клещи).

Наплывает лицо сазанье,
как тихое наказанье,
и липнет неодолимо
лицо с оттенком налима.

Вертятся лица-малявки,
как горечко на булавке.

Бывают лица с удачей,
да только мерзло-судачьей,
и незачем из напоказ:
суда на них нет, и как раз
их удача и есть незадача
(о лицах таких судача,
сударыня, я не про вас).

Г.

А если лепил из глины
Господь горбатую плоть,
то бывают лица как спины,
которые не расколоть.

Бывают лица-ладони,
подобные доброй мадонне,
готовые всех погладить,
ладошечкой всё уладить.
Такие ладушки-лица,
что впору самим умилиться,
но бывают они иногда
ладонями стыда.

Бывают лица с задами
(простите, я – не о даме!).
Живут без особой беды,
твердя себя, лица-зады,

живут и не ох, и не ах,
а так – у себя на задах.

Бывают лица-пупы,
то пупыри, то столпы,
вырастающие из толпы.

Бывают лица как пятки,
бегущие без оглядки.

Бывают лица-коленки,
их ставят в угол и к стенке.

Бывают лица как брюхо,
весьма раздобревшего духа.

Бывают лица как грудь,
вплотную – не продохнуть.

Бывает лицо как ляжка,
в обтяжку оно, бедняжка.
Не маска на нем, не гримаса,
а прет из него вся масса
взволнованного мяса.

Таких костяных и мясных
набрать мог бы больше раз в пять я,
да не стану, ибо меж них
шагают лица-распятыя.

Любого лица толика
с толку собьет мудреца.
О, как оно многолико,
бывание лица!

Бывает лицо как дом нам,
бывает лицо как сон,

бывает себе подобным,
бывает – само заслон.

А слон-лицо? В разных обличьях,
на всех наречьях и без границ
действует уйма живых, загробных,
одноклеточных и двуутробных,
сухоятных, сырых и сдобных,
обстоятельных и подробных,
сокращенных, целых и дробных,
во всех мелочах и всех величьях
зверски-звериных, рыбьих и птичьих,
господских и рабьих лиц.

Припев не ослабеваает –
долбит он, как долото.
Бывает, лицо – убивает.
Бог знает что бывает,
а есть черт знает что.

5. ЛИЦЕВОЙ СЧЕТ

Пока лицо как часы течет,
открыть лицевой счет!

Свести во всю бухгалтерию
приобретение с потерю,
а гения с тетерею,
да подсунуть душка в материю.

И каждую попытку
сметать на живую нитку.

Счет № 1

Из ситца или из нанки,
из бархата или фая –
где ты, лицо без изнанки,
ярое, как Пасифая?

Лицо без подкладки, где ты,
без шелка, без мадеполама?
Все лица хоть чем-то одеты
во имя Господня срама.

Счет № 2

Лицо – и окно, и рама.
А сторона лицевая,
а самый явный фасад,
чужое обозревая,
украдкой глядит назад.

Окошки, ах, на выкосо,
наличники ярче роз.
Однако же на-ка, выкуси,
хоть шишовый, хоть длинный нос.

И если в глазах двоится,
губы лицо скривит,
но потерять боится
свой лицевой вид.

Любому лицу без изъятя
лицевые счета ведем.
Оно – и квартира, и платье,
оно – и изба, и дом.

6. ЛИЧНОСТЬ

Ходит личность по базару,
хочет присмотреть товару,
очень хочет не забыть
и лицо себе купить.

Нас на мыло, нас на силос
рановато бы еще,
а уже сполна сносилось
в детстве сшитое лицо.

Но с примеркой на базаре
с рук берут любые хари,
можно оптом взять, как встарь,
хоть десяток модных харь.

Ходит личность, ходит хмуро
с видом жмота или жмура.
Пальцем по носу чуть свет
трет потрепанный портрет.

Очень много лиц в продаже
и в универмаге есть,
их и в сельской лавке даже
очень просто приобрести.

И в деревнях, и в столицах
продаются сто сортов,
и выводят гост на лицах
сотни разных глаз и ртов.

Всё испытано на госте,
до зубов и до зениц.
Но покажешься ли в гости
хоть с одним из этих лиц?

Ходит личность, ходит хмуро,
долго думает, как дура,
кроет матерно Творца
за введенный гост лица.

Так нетрудно стать приличным
при прогрессе в наши дни.
Но чтобы лицом фабричным
украшаться – ни-ни-ни!

Пусть уж лик свой будет нажит
горемыканьем, как встарь,
лучше рожу пусть размажет,
если сможет, дед-кустарь.

Личность по рядам шныряет,
выбирает что старей.
Личность с горя примеряет
рукоделья кустарей.

Кожу наложив, как маску,
дырки в зенках просверлив,
личность валит всею массой,
как прилив и как отлив.

И, сказав себе: «Отлично-с!
Вот теперь и я – как я!» –
жить опять уходит личность
в самый центр житья-бытья.

7. ВАЖНОЕ ЛИЦО

Оно – важно.
Оно – нужно.
Оно – почти одно,
на то ведь и оно.

Оно наперечет
(учти и не перечь!).
Оно само речет:
«Учись меня беречь!»

Лицо важное, неподложное,
словно лапа, на всё наложенное.

А слух, как мошкара,
кружится у щеки.
Кругом него «Ура»,
вокруг него штыки.

Ста печатями на всё наложенное,
разгулявшееся на воле,
чьими судьбами унавоженное
размахнувшееся гуляй-поле?

А в сути-то лицо –
парадное крыльцо
к домишку замухрышки.
Не он и не она.
Ни пола нет, ни дна
и ни покрывки.

8. АНАТОМИЯ ЛИЦА

Лицо состоит из частей,
а части имеют названия.
Но всё чаще и всё пустей
на них о любви названивают.

Нечего нежно блажить,
льстиво эпитеты скапливая!
Нужно лицо разложить
и сверху донизу – скальпелем!

А. Лоб

А где у тебя лобик? – Вот!
Каких он мыслей и законов свод?
Пусть питекантроп или остолоп,
блаженно убаюканный наукой, –
обоим дан навеки просто лоб,
хоть об пол бей, хоть об стену им стучай.

Всего прочнее в человеке он,
как некий род посмертного излишка.
Но если мыслей нет и правит лишь закон,
то жизни он – последняя покрывка.

Б. Брови

А где у тебя бровки? – Вот они!
Две кисточки, два лука, две тетивки,
два кустика. Коль хочешь, почерни
иль пощипли! Иль почечи в загривке!

Двинь бровью правой – станешь вдруг правей,
а дрогни левой – влево и дорога.
И держится порою очень строго
всё настроение на уровне бровей.

В. Ресницы

Тень отбросили ресницы
в сон, а на его краю
что привидится, приснится?
Баю-баюшки-баю!

Не разбудишь даже пушкой,
будешь спать до дна, зато

веки с меховой опушкой –
как дешевое манто.

Г. Веки

Опускаются, как занавески, веки,
если свечка в глубине зажглась.
Веки существуют для опеки
разбегающихся и бесстыжих глаз.

Д. Глаза

А где у тебя глазки? – Вот!
Глаза – как норы. Кто же в них живет?
Жучок, зверушка или же змея?
Глаза – как дыры, дыры бытия.

И пусть их взор чудил и чаровал,
но каждый глаз – ко всем чертям провал.
Уж сколько толковали про глаза,
а всё равно не знают ни аза!

Е. Щека

Есть такие, что жаром пышут
и румянцем пуще мороки,
ничегошеньки они не пишут,
жизнь уписывая за обе щеки.

А таких вот не полоните,
кто свои везде ставит точки.
Можно их лупить по ланите,
но нельзя их трепать по щечке.

Есть и тощие, как щепя,
и румяные, как оплеуха.
Но всегда отдает щека,
заезжает хоть чем-то в ухо.

Ж. Уши

А где у тебя ушки? – Вот они!
Ракушки, собирательницы шума,
висят порой, как лопухи в тени,
то наглухо застегнуты, как шуба.
Но даже и у тех, кто беспросветно глух,
в ушах гуляет самозванец-слух.
Но есть такое в собственной судьбе,
что начинается почти легко
и что робеючи самим себе
дошептывают на ушко.

З. Нос

А где у тебя носик? – Вот он, вот!
Сопит он, как естественный завод.
Что там ни говори, а волею Творца
в носу работает машина.
Нос – выдающаяся часть лица,
его дырявая вершина.

И. Рот

По ошибке к лицу относят рот –
багрово-слюнявый грот.
И если бывает рот открыт,
у лица искажается вид.

К. Губы

А где у тебя губки? – Вот они, губки!
Пагубные вызывают поступки.
Тянутся, протягиваются – и чмок!
И вдруг закрываются, как замок.
Так-то так. Но позволь, позволь –
какую же губы играют роль?
Лучше себя хотят казаться,
должны тянуться и прикасаться
и трогать так, чтобы страсть растрогать.
Губы то же, что мягкий коготь.

Л. Зубы

Зубы тоже относят к лицу по ошибке.
Они лишь тогда появляются,
когда расплываются лица в улыбке
или скалятся и ослабляются.
Суть зубную выразить сразу б,
как боль, и пустить слезу бы!
Но не попадает зуб на зуб
от страха попасть на зуб или в зубы.

М. Подбородок

На лице он самая нижняя часть,
и честь ему очень короткая.
Лицу здесь конец. И чтоб не упасть,
подальше от подбородка.

Такова лица анатомия.
Такова наука заманчивая,

в атлас втиснута. А на томе я
ставлю подпись, резать заканчивая.

9. ЭТИМОЛОГИЯ ЛИЦА

Лица крутые и пологие,
лица покатые и отвесные...
Есть безответственные этимологии,
но зато и совсем неизвестные.

Ли-цо! Два слога,
а в них – так много!
Ли – вопросительная частица.
Цо – вопросительное местоимение.
Но изъявляют разные лица
единодушное недоумение. –
Что-де за выверты, что за штуки!
Разумеется, тут ни на грош науки,
ни даже выдумки хитреца.
Ну, а разные мази и маски,
быстро построенные глазки,
любые улыбки, усмешки и муки,
и покалеченные гримаски,
и изувеченно грустные трюки –
разве не выверты лица?
Глядя наотмашь или раскосо,
даже если оно и пустó,
лицо содержит всего два вопроса
себе и другим: «Так ли?» и «Что?».

10. ГРАММАТИКА ЛИЦА

A. Persona prima singularis

Я – лицо первое
в единственном лице,
то бишь числе.
Черева и стерво я
и чики-брики
во добре и зле.

Я есмь лицо первое,
не в Риме, так во времени,
не во времени, так в себе самом,
подстанция нервная,
творение инженерное,
оборачивающееся дерьмом.

Я – лицо первое.
Венера с Минервою
у меня с боков.
Прижались и ластятся,
и всё в глазах застится
на часик от счастьяца
и пустяков.

Число единственное,
а лицо множественное –
полутаинственное,
полухудожественное.

Таскаюсь по истинам,
везде поспело я,
свой нос суя.
В числе единственном
лицо первое
я.

B. Persona secunda singularis

Ты – это, может быть, друг,
ты – это подать рукой,
ты – это чета рук,
ты – это я сам-друг,
ты – это я другой.

Где ты, там нет одного,
где ты, там всегда два –
таково
грамматическое существо
и чужая вживь голова.

Ты, лицо, мне рожи не строй,
всё свободное отменя,
ямы роя, зияя дырой.
Ты второе, вторая, второй –
производное от меня.

B. Persona tertia singularis

a) masculina

Нам с тобою он – сторона!
Сей ли, тот ли – одна сатана.
Но существует он с наших пор
и издалека на нас в упор
глазом чужим, посторонним лбом
и в стороне верстовым столбом,
как иноземной души закон,
оный и овый косится он.

б) *feminina*

Она – это тоже нам сторона,
та ли, сия ли – одна сатана.
Но если я – он, а ты – она,
то она ему часто бывает одна,
единственная в своем женском роде,
совершенная в безглагольном виде,
от идеала до пародии –
во всех «Превращениях» Овидия.
Но до какой кривой пустоты,
но до какого темна или дна
доходит, когда была ты,
а стала просто она!

в) *neutra*

Оно есть нечто между двух полей
с каждого боку по оку
(и вовсе не сбоку-припеку,
а глубокие как утроба!).
Ему в глаза чего хочешь налей,
а оно всё глядит тебе в оба,
со всех боков, по всем сторонам,
то вещью, то чувством, то датой.
Оно есть нечто и мне и нам,
и некий зверь фрейдоватый.
Оно: то стоит, как предмет, в упор,
то крадется тенью предмета,
оно то подушка, а то топор,
оно ведь и то, и это.
Как знак бытия, наперед дано,
а мы с ним то врозь, а то заодно,
по-философски. Да брось! Смешно!
И грустно. Вот то-то и оно!

Г. *Persona prima pluralis*

Мы хороши, когда в нас много Ты,
а стало быть, крепости и моготы,
но если к нам в круг, за нашу черту
лезут они дружить,
то с ними становится неволю
даже и счастливо жить.
Но так уж водится искони,
что нам учиняют иск они,
ставят клеймо и бесову печать,
и мы на себя начинаем мычать
и из себя воздвигаем тюрьму,
откуда по-бычьи мы – му да му,
хоть мы в своем уме и дому.
Мы белою костью, мы черною кастою,
мы кастью и казнью друг другу есмы,
и из самоузилища выходит быкастое,
с рогами, с зубами – мы да мы.

Д. *Persona secunda pluralis*

Вы – то малюсенькие, то огромны –
такие, что и рукой не достать.
Вы и при жизни уже загробны,
у вас ведь иная кровь и стать.
И когда вы свои – вы иного оттенка,
и призыв ваш как стук костяной.
Мы с вами всегда – как на стенку стенка,
разгорожены третьей стеклянной стеной.

Вас может быть число любое,
когда же вы сведены в одно,
почти безродное, но собою
такое видное пятно,

то даже скромную вашу тень я
приветствую возгласом почтения.
В вас не найти ни сестры, ни брата,
вы – это некий особый класс,
полный различных родов и видов,
при полном отсутствии инвалидов.
Но, Боже ты мой, какая утрата,
когда Ты возвращается в Вас!

Е. Persona tertia pluralis

Они существуют и нам, и мне
(насветле появляясь и натемне).
Они под рукою и вдалеке
(но век не бывать им накоротке).
Они существуют, увы, вполне
(и черт их знает, по чьей вине).
Иногда различаются по именам
(что, впрочем, тошно и им, и нам).
С ними враспы мы всю жизнь стоим
(что, впрочем, скучно и нам, и им).
И, как всухую прожитые дни,
длинно и нудно былюют они.

11. ФРАЗЕОЛОГИЯ ЛИЦА

Цены тому нет, когда всё нипочем
(а что почем – и не важно).
Зачем продавать товар лицом?
Само, чай, бывает продажно.

Качай головой, бородой трясись –
как добро с потребою спарить?
Есть способ: рожей лежи в грязи,
чтоб в грязь лицом не ударить.

Один на один – годится борцу,
да и на двух – тоже можно.
Но простому лицу быть лицом к лицу
важному очень сложно.

Коль хочется чем-то людей удивлять,
так надо уметь удивляться.
Но если чье-то лицо представлять,
так надобно представляться.

Что не пьется нынче вино,
в долг не дают без залога.
Но если денег нет налично,
личность лицу не рада.

Самость руками к себе гребя,
всяк и проныра, и прыток.
Но если в наличности нет себя,
лицу-то разве убыток?

Планиды не видно в движеньи планет,
талант без таланту не тянет.
Не всегда лица у такого нет,
на ком порою лица нет.

ТВОЕ ЛИЦО

Твое лицо держу я без оправы
в безвременьи, в сосуде пустоты,
в беспомыслии с приправою отравы,
которой наварила густо ты.

С твоим лицом и маясь, и враждуя,
алхимик я – и пусть по гроб неправ –
и сколько мук и слез еще прожду я,
с лица живой крупинки не собрав.

Но ведая твое обыкновенье –
уж умереть, так твердо умереть, –
ты – философский камень преткновенья,
и все-таки – всегда ты только впредь.

МОЛИТВА О ЛИЦЕ

Есть лица подстать иконам,
а есть и страшней икон,
когда и пешим, и конным
оно всем рылом суконным
стоит поперек, как закон.

Господи, не осуди!
В очи не загляни,
нас не помяни
и
пронеси, Господи!

О, сколько елею литься
способно из подлеща!
Подставляйте же бюсты под лица,
о, дайте же им подлиться,
забыв про испод лица.

Господи, очи вниз поведи
исподволь прочь от исповеди
на преисподнем исходе
и
слава Тебе, Господи!

ВТОРОЙ ПЕЙЗАЖ ЛИЦА

Поперек лица – борозда.
(Дай пить-прикурить! Дай дрозда!)
Хлобыстни в ухо, по роже хрясь!
(Ехали где сухо, заехали в грязь.)
Стукни по сопатке, по хаблу тресь!
(Грезы без оглядки, а от грез – резь.)
И вались своим мудрым мурлом
враскорячку вброд напролом.

От натуги, туги и жалоб
глаза вылезли оба на лоб
и о лоб-лоб-лоб
веки – хлоп-хлоп-хлоп!

Набухающее слезами,
ты, лицо, доилось, как вымя
с потяготою и подсосом.
Оставайся, лицо, с азами,
буквами-буками, с переносом,
со всеми точками и запятыми,
складывайся, лицо, в имя
с восклицанием и вопросом.
Оставайся, лицо, с глазами,
оставайся, лицо, с носом!

17 февраля – 17 июня 1969

КНИГА ЖАЛОБ

Я сетую, по горло сидя в прозе,
тру слезы кулаком, как нищий на морозе
или как Иов на гнилом навозе;
сiju и сквозь клыки себе твержу,
подобно седуусому моржу,
когда гляжу то взад, а то вперед:
«Бог дал и данное нежданно отберет.
Бог дал – Бог взял судьбу твою, убоже!»
И шепотом: «Помилосердствуй, Боже!»
Гляжу и вижу, что лежу в гробу.
Так буди милостив мне, гнойному рабу.
Я из породы всё свое твердящих,
и я Тебе молюсь за всех смердящих.

*

Ты, Господи, – нещадный обирала,
и Ты презришь скулящего раба.
Но пуще Божьей правды привирала
мне богоданная судьба.
И как же не скулить нам, из всей голи нищим,
когда по черепу Твой трахнет гром?
А я – я не держу ножа за голенищем,
скитаясь скромно у чужих хором.
Я кротко предаюсь Твоим ручищам
и исхожу навзрыд своим нутром,
не быв Тебе ни Павлом, ни Петром.

*

И не гляди, что я сейчас печальник,
плюнь на меня – и сразу скорбь пройдет.
Ты чрезвычайный, Господи, начальник,
и стражников Ты ставишь у ворот.
Неправеден Ты к старому сатиру,
ведь в целом мире мы с Тобой одни.

Пошли мне, Господи, отдельную квартиру
довековать мои пустые дни.

*

Чиновники Твои – не ангелы, не черти,
и незачем природу их винить.
Ведь и они ни в естестве, ни в смерти
нисколько не властны изменить,
а только завывают в крути-верти
диалектическую нить.

*

Февраль бурлит. Катаются сугробы,
как на санях, в закопченном саду.
Студен горлит. И от своей нутробы
чего же я, и сам не зная, жду?
Поганки-Музы сроду я не сватал
и не суюсь в поэты-байстрюки.
Но отчего же я не напечатал,
о Боже правый, ни одной строки?
Я, видно, глуп как пуп – и, сидя с краю в хате,
гляжу, как мой февраль всю бурлит.
И зябко мне. У очага печати,
как сторож на ветру, торчит горлит.

*

Я, Боже, право же, других не хуже
и обожаю стихотворный труд.
И всё же я стою посередине стужи,
и байстрюки мне сизый нос утрут.
А может быть, я – камень тот лежачий,
что не знавал течения воды,
и не обзавожусь кошачьей дачей,
чтоб не сгорели к черту все труды.

*

К чему считать изъяны да потери,
напрасный труд – ходить в бюро утрат.
Велик Аллах в своей исламской вере,
но пери стали райские тетери
и гуриям я стал бесстрастный брат.
Когда сижу, как цуцик, в райском сквере,
где медленно гуляют мимо звери,
я предъявляю Иксу мрачный иск,
а солнце криворылый мечет диск.
То укоризненно «quam audes queri?»
мне говорит мой брат, святой Франциск.

*

И мнится мне порой: стою на Палатине,
и сам, как холм, я под луною лыс,
и я молюсь безбожно по-латыни
за Муз больных, как за облезлых крыс.
Почесывает Анадиомена груди
и яростно скребет любвеобильный зад.
Но вот берутся за оружие люди,
и Музы в час воинственный молчат.
И я струны, о Лесбия, не трону,
и ты со мной, Фортунка, не чуди.
Что толку бить челом великому Нейтрону,
коль не успеешь крикнуть: «Пощади!»

*

Как тучи, собралась грядущего завеса,
а олимпийцы беспробудно спят
на брачных ложах с головы до пят,
и грозные перуны у Зевеса
разить готовы махоньких ребят,
и города и веси разбомбят,

но выживет какой-нибудь повеса,
когда сойдет живьем во ад.

*

Я грязен, и жене отдам себя я в стирку,
иль сам себя я отмывать примусь.
Пошли мне, Господи, отдельную квартирку,
чтоб вымыть в ванне всех облезлых Муз.

*

Зачем пишу тебе я в книгу жалоб?
Твои чиновники храня ее, тая,
иначе даже небо задрожало б,
услышав, что проситель – это я.
Но жалобы по желобу струятся,
а я стою и мокну под дождем,
и я уже отвык смеяться и бояться.
Итак, давай до гроба подождем!

*

В отрядах Марса сроду не служив,
не знаю ничего о смертном часе
и мыслю так: жизнь у меня в запасе,
и я до смерти буду полужив,
на эти жалобы жизнь положив.
А люди обо мне, великом лоботрясе,
не беспокоятся и не вменяют в вину,
что ночью, лежа на пустом матрасе
и маясь в снах, как бы в народной массе,
свою отсутствующую жену
за здравие я на ночь помяну.

*

Мне, Боже мой, совсем немного надо:
десяток крепких лет, чтоб завершить труды,

квартирку бы иль домик сбоку сада
иль даже возле собственной воды,
которая ни разу – вот досада! –
не превратится в райные пруды.
Смекни-ка сам: уж если я возник,
мне надо жить, скажу Тебе по-свойски,
а не служить в Твоем чиновном войске.
Мне нужно денег на покупку книг,
чернил, бумаги и вести дневник,
в который я никак еще не вник
и не веду себя с ним по-геройски.
Но, Боже мой, не отнимай жены,
моей единственной опоры.
Она мне мост, идущий через горы
поверх моей семейной тишины.

*

Не посылай мне больше испытаний
не Иов я и не владетель стад,
и не плясун в Твоем кафешантане,
а сам себе прискорбный супостат.
Не посылай ни муки, ни недуга,
дай мне дожить такие дни,
чтоб издалека веял ветер с юга,
и чтоб со мной была на севере подруга,
и чтобы с нею были мы одни,
а беды заметала вьюга.

*

Как ветер, Ты пройдешь и не положишь
охулки на мою святую Русь,
а если Ты и этого не можешь,
я, Боже, не на шутку рассержусь
на жизнь, на жуть и всяческую гнусь.

*

Почто же, Господи, судьба моя горбата
и сердце у меня порой щемит?
Почто мне не дан сан и ум аббата,
а то и был бы я, ей-ей, что патер Шмидт.
Признайся, Господи, что Ты ко мне скупенек –
с облезлой Музой приучаешь жить.
А мог бы мне как должно удружить
и здорово меня разодолжить,
пустив к себе на несколько ступенек
по нотной лестнице, и с самым верхним до
стоял бы я за пультом, как маэстро,
над бурей океанского оркестра,
и влез бы я в орлиное гнездо
и сочинял бы, как второй Стравинский.
А вот по милости Твоей по свинской
не ведаю, за чьи грехи
пишу, как ирод, скорбные стихи
и предстаю на сцене в голом виде,
как будто я задрипанный Овидий.
Однако все мои нагие скорби
таскаю на загорье в старой торбе
и никому, ни вам ни нам,
я скорь мою за славу не продам,
а оттого, что вижу задорожи,
мне эта скорь всё ближе и дороже.

*

Люблю снегов российское величье
и грохаюсь в сугробы ниц.
Но, Боже мой, теперь стоит зима синичья,
а чем Ты кормишь дурочек-синиц?
Иль Ты не видишь, как скудеет племя птичьё
от вспышек электрических зарниц?

Эх, Господи, Ты, знать, ослеп, а Ты бы
взглянул на тварей на дворе своем
и увидал, как молча дохнут рыбы,
как пахнет ядом каждый водоем.
Пойди же, Господи, в обход подворный
и погляди, Творец слепой,
как маятно Твоей природе рукотворной
справляться с человеческой толпой.
А птицы те, что ни орут, ни сеют
и сыты бывшие по милости Твоей,
теперь летать, как прежде, не умеют,
не ищут ни букашек, ни червей,
не ловят на лету ни комаров, ни мушек,
а пожирают крошки из кормушек –
остатки жалости зажиточных людей.
Подумай, Господи, о том, что будет дальше,
и загляни в пустую близь времен.
Вдруг генералу или генеральше
не всхочется идти кормильцем на балкон?
И что тогда? Последняя синица
в последний раз побьется у окна,
протянет лапки. Время помрачится
и мертвая наляжет тишина.

*

При всем уме я телом, Боже, мал,
но существую я неугомонно.
Зачем же из меня повыжимал
Ты жизнь, как из неспелого лимона,
в чернявый кофей полумутный сок?
А сам Ты сух, черт знает как высок,
меня пихаешь к пропасти под горку,
швыряешь, как обсосанную корку.
И неужели ради красоты
мне в пищу подбавляешь кислоты?

И говоришь с профессорскою миной:
«Лимоны – это витамины».
Эх, Боже мой, зачем во тьму времен
иль, проще говоря, на вечную помойку
я выброшен, как выжатый лимон,
иль на больничную уложен койку?
И Ты, профессор, исподволь иль вдруг
диагностируешь мне старческий недуг,
а он возьмет да и согнет в дугу,
и больше ничего я не смогу.
Ведь Твой медведь – не мастер дуги гнуть,
он не умеет исподволь шагнуть
и силы богатырской не хоронит:
согнет меня в дугу и переломит.
А Ты, профессор, на мои поминки
пропишешь мне пилюльки-витаминки.

*

Когда нашлешь Ты ангельскую рать,
увы! не устоит моя халупа.
Я побоюсь бесстрашно умирать,
ибо бесстрашно означает глупо.
Боюсь я загодя, ибо подходит срок,
а уж как стукнет, так бояться поздно,
и потащусь бессильно за порог
великозвездный и великопостный.

*

Сосуд телесный скоро опростаю,
зане Ты, Господи, на всё горазд.
Шугаю годы, как воронью стаю,
и с каждым птичьим годом нарастаю,
а по весне опять, как снег, растаю,
и жалуюсь не сам, а мой возраст.
В нутробе стала нынче непогода,
и ум мозжит, и осень на дворе.

Иль Ты отвалишь мне всего полгода
побыть с женою в зимнем серебре?
Иль дашь серебряную свадьбу справить?
Сожжем на ней мы сто одну свечу
и станем в сторону кривым умом лукавить.
Но, Боже мой, я этак не хочу.
Ужели доживу я до маразма,
Тобой возвращенный некогда Адам,
и, позабыв иронию Эразма,
я глупости хвалу и впрямь воздам?
Будь, Господи, с моей судьбой поосторожней,
как хочешь гни в дугу мой лук и век,
но самого себя не дай мне стать ничтожней,
зане я тоже человек.

*

Не светлый дым, блестящий при луне,
а эта тень, бегущая от дыма...

Тютчев

Нет, Господи, я не Аника-воин,
земли с Микулой вместе не пахал.
Я наг и нагл, но, право, не нахал,
и если бы Тебя я был достоин,
и если бы посмертно был удвоен,
я б на свои достоинства начхал.
Как может быть ничтожество нахальным?
Оставлю-ка хвастливость молодым!
Я не желаю быть поэтом эпохальным:
«Я был, я мыслил, я прошел, как дым».

*

Февраль окончен. Нынче день Касьянов,
я подбиваю кулаком итог
всех неполадок, всех моих изъянов,

которые валяются, увянув,
как на подтаявшем снегу листок.
Дни падают в цене. При этой дешевизне
не горько ль наваждений массу ждать,
и что за прок мне, Боже мой, о жизни,
которой нет уже, печально рассуждать?
По философским размышленьям шляться
не хочется в замызанной отчизне,
которую сам черт не поберет,
но если уж мне стало размышляться
и стало житься на своей же тризне,
то я живу ни взад и ни вперед.
Снег сыплется, как соль. Неужто будет ссора?
А где поспорятся, там и разбой.
Но нет, на снег не вынесу я сора,
нажитого в тепле моей избой.
Не стану, Боже, ссориться с Тобой,
ниже с моей лирической судьбой.
Февраль окончен. Как олимпиаду,
справляет свой день ангела Касьян,
и сани катятся по бешеному саду,
на них катается философу в отраду
смерть – мой последний крохотный изъян.

7–29 февраля 1980

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

«А слово-то у вас салонновато...» 88
«Август! Ты – пышные сени осени...» (КВАРТЕТ № 1) 321
АВГУСТ. Поэма («Закончен плод, как Цицерона фраза...») 583
«Аз, Бах, емь бычий бог и силой осяян...» (СИМФОНИЯ № 5. Appassionata, или Страстная) 452
АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА («Узилище, где стены – как закат...») 150
АЛЬБОМ («Сколько рабства у нас в любом!») 287
АМАРИЛЛИС («На оконце от солнца и скуки...») 255
АНАТОМИЯ ЛИЦА (Ян многоликий. «Лицо состоит из частей...») 612
АНТИГЕРОИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ в семи частях 370
АСТРА («В брильянтах и в боа по золотым садам...») 254
«Ах ты лапушка моя...» 184
«Ах ты, маюшко-май...» 132
«Ах ты, розовая верзила...» (МАЛЬВА) 264
«Ах ты, сукин сын, поганенький мужик!» (РУССКАЯ ПЛЯСОВАЯ. Танцевальная сюита, 5) 349
«Ах, взгляд твой вяло-оловянный...» 236
«Ах, какая же ты вареная!» 220

БАЛЬЗАМИН («Отыщу ль замену бальзамину?») 249
«Бегают, как дети...» (ГАВОТ (см. Гавот Глюка-Брамса). Танцевальная сюита, 2) 345
«...Бежал от жалости я прочь...» 64
«Безжалостно строга к веселым полуженам...» 213
БЕЛЫЙ («Глядит он из-под дуба, кулак ядреный...») 270
«Белый дождь вáлится...» 107
БЕРЕЗОВЫЙ ДОМИК («Поэзия поленится...») 152
БЕСОВА МЕССА (Messa nigra) 575
БЛАГОПОЛУЧИЕ («Не овечье, но и не сучье...») 97
«Блестя, как медный номерок...» (NOMINA SUNT ODIOSA) 18
БЛИНЫ («Люди с детства влюблены...») 278
«Бог весть с чего сегодня я столпился...» 168
«Богиня доморощенной богемы...» 216
«Бодрость я в себя вселю...» 82
«Бойкий ум на отлете...» 67
БОРЩ С СОСИСКАМИ («Средь сладковато-кислой красноты...») 281

«Боялась ты любовь развить...» 129
«Брат русак, не трусь!» 186
«Бредет зима, и нет покоя стуже...» (ЗАЗИМЬЕ) 42
БУДДИЧЕСКОЕ («Итак – кому печаль мою повем...») 78
«Будто душой Венерой к Адонису...» 221
«Буду я с Володенькой...» (ЧАСТУШКА) 80
«Будь дотла живой...» 88
«Бульжником тебе под пятку голова!» 214
«Был ум у наших предков птичий...» (На лекции) 66
«Бьет волна в бок корабля...» 9

«В брильянтах и в боа по золотым садам...» (АСТРА) 254
«В глазах ни ласки нет, ни женской власти...» 210
«В глубокой громадной траве умирал муравей...» (СМЕРТЬ МУРАВЬЯ) 284
«В годы гордости – ходатай...» (ОТРЫВОК) 69
«В двух шагах от катаклизма...» 149
«В дугу согнулся лазурный луг...» 60
«В зеленом стекле стакана...» 14
В КУБИСТИЧЕСКОЙ МАНЕРЕ («Гляди наглей...») 216
«В месяцеслове у природы...» (1 АПРЕЛЯ) 165
«В нечаянно больших очах...» 245
В ОТОРОЧЕННОЙ МЕХОМ ШАПОЧКЕ («Как давно и все-таки недавно...») 91
«В печи ворчат корчаги...» 39
«В пять ярусов стоит жильё...» 135
«В ребрах засела, как в корсете...» (С РАЗДВОЕНИЕМ) 204
«В сад очарованный (вечер мой, сжался!) ...» (ВАЛЬС С ПЕРЕБОЯМИ) 298
В САНЯХ («Путь – на день-деньской длины...») 34
В СВЕРХКУБИЧЕСКОЙ МАНЕРЕ («С тобой я б был глуп, слаб...») 217
«В серенькой зелени скромницею ты...» (МАТТИОЛА) 256
«В соцветьях, как в гроздьях созвездий...» (СИРЕНЬ) 258
«В сумерках ты вымарка...» 293
«В тоненьком березничке...» (ПОДБЕРЕЗОВИК) 273
«В трех водицах купана...» 205
«В человеке чувства...» 93
«В черной нежити, в простых просторах...» 148
«В чистой речке простирает...» (ЛЕТНЯЯ ПРАЧЕЧНАЯ) 59

ВАЖНОЕ ЛИЦО (Ян многоликий. «Оно – важно...») 611
 ВАЛЕРИЯ («Раз-другой ты встречена...») 241
 ВАЛЬС С ПЕРЕБОЯМИ («В сад очарованный (вечер мой, сжался!) ...») 298
 ВАЛЬС ЯРОСЛАВНЫ («Медленно, мерно и плавно...») 299
 «Вас доведет до хворости...» 60
 ВАСИЛЬКИ («Из-под косматой ржи глядят...») 261
 ВВЕДЕНИЕ В ПОРТРЕТНУЮ ГАЛЕРЕЮ («Пожалуйте за мной скорее!») 191
 «Вечеру, потеряв рассудок...» (ЖАСМИН) 264
 «Вдвоем они во мне, два полоумных года!» (ДВА ГОДА) 90
 «Веселой грозюю грянул май...» (РУССКАЯ РАПСОДИЯ) 310
 «Весенней зеленью горят...» 45
 «Весенней радости творец...» (СКВОРЕЦ) 35
 «Весьма прелестен лес былинный...» (ЛИСИЧКИ) 268
 «Вечер наш облака простер...» 153
 «Взгляд пронзительно голый...» 227
 «Видно, и сама не знаешь, кто ты...» 207
 «Во всю картину выкатила буркалы...» 232
 «Водой плеща...» 102
 «Возьми на память хоть усмешку!» 138
 ВОЛНУШКИ («Опять настали дни отличные...») 268
 «Вот вспомнилось, как мы шагали...» (ПРОРОЧЕСТВО) 88
 «Вот вы в саду шутивы...» 47
 «Вот пень, усеянный до пят...» (ОПЕНКИ) 271
 «Всё прожито. И к старости всё пусто...» 179
 «Всё шло на запад. Обрывались листья...» (ШПЕНГЛЕР) 6
 «Всегда хотелось быть самой...» 240
 «Всем садом на окне, как бы зеленый тюль...» 174
 «Вслепь развалюсь от благодушья...» 87
 «Встану рано, на свету...» 58
 ВСТУПЛЕНИЕ (Книга грибов. «Утратил я старинную охоту...») 267
 ВСТУПЛЕНИЕ (Книга яств. «Я – человеческий закон, обшитый кожей...») 277
 ВСЯ ОСЕНЬ («Живопись осени! Что ж тут калякать!») 107
 ВТОРОЙ ПЕЙЗАЖ ЛИЦА (Ян многоликий. «Поперек лица – борозда...») 625
 «Выползла – гриб по грибы (разучилась ходить по гробы ты)...» 198
 «Высокие сосны...» 128
 «Вышел день, но какой-то тощий...» 81

ГАВОТ (см. Гавот Глюка-Брамса) (Танцевальная сюита, 2. «Бегают, как дети...») 345
 ГАДАНЬЕ («Лицо в лицо и рама в раме...») 203
 ГВОЗДИКИ («Загремели, грубо-дики...») 253
 «Где ты спряталась, моя нелюдимочка...» 135
 «Где ты, думочка моя...» (ТИНА) 242
 ГЕОРГИН («Для зренья ты – как барабан для слуха...») 265
 ГИАЦИНТЫ («За столом сошлись они...») 248
 ГИАЦИНТЫ («Они идут, как духовитый вызов...») 266
 ГЛАДИОЛУС («Как ласков твой атласный голос!») 259
 ГЛАЗКОМ ОДНИМ ВПЕРЕД («По малости беря – не много будет тайн...») 68
 «Гляди наглей...» (В КУБИСТИЧЕСКОЙ МАНЕРЕ) 216
 «Глядит он из-под дуба, кулак ядреный...» (БЕЛЫЙ) 270
 «Гляжу на мир, как на большое хамство...» (ФУГА. Бесова месса, 3) 578
 «Говорят мне, что пасьянс...» (ПАСЬЯНС) 160
 ГОПАК (см. Гопак Мусоргского) (Танцевальная сюита, 4. «Пей, лей, не жалей!») 347
 «Господь меня кривиться умудрил...» (КИНОЦЕФАЛИЯ) 590
 ГРАММАТИКА ЛИЦА (Ян многоликий, 10) 618
 ГРУЗДИ («Когда в сентябре приступает осенняя грусть...») 269
 ГРУППОВОЙ («Не ивы, не вербы, не ветлы...») 230
 ГРУСТНЫЕ ЧАСТУШКИ («Стыну я, ты – холодна...») 93
 ГУАШЬ («На свидание, как на вызов...») 232
 «Даже если стукнет двадцать восемь...» 214
 ДВА ГОДА («Вдвоем они во мне, два полоумных года!») 90
 25 МАРТА 1980 ГОДА («Ты! Но к четырнадцатой годовщине...») 177
 «Девичий дождик – нежности образчик...» 198
 ДЕВЧОНКА С ЧЕЛКОЮ («Я девчонка с челкою!») 61
 «Девять лет звонит телефон...» 134
 «День с тобой и ночь с тобой...» 140
 «Дерева вечером невнятной...» (ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР В КАРТАШЕВ-СКОЙ) 178
 ДЕТСКИЙ МАРШ («Шагая по природе...») 27
 «Детской далью дышит поляка...» (ПОЛЬКА) 300
 ДИФИРАМБ («Я – Жизнелов и славлю ремесло...») 564
 «Для зренья ты – как барабан для слуха...» (ГЕОРГИН) 265
 «Дни, будто губы, открытые настезь, сухи...» (ПИОНЫ) 252

«До бела каленья...» 225
«До чего же мы не похожи...» 32
ДОЛГИ («Сам у себя сижу я в шелковом долгу...») 159
«Дочурку чудную баюкая...» 201
ДУМА («Я – длинная боярственная дума...») 76
ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК («Как он извивается в позах! Он, точно придворный...») 257

«Еле слышится весной...» 294
ЕЛЕНЕ («С Новым годом! С новым горем!») 83
ЕЛЕНЕ, ЧТОБЫ НЕ ЗНАЛА («Я шагал по широкому миру...») 50
«Еловый рыжик крыт зеленым лаком...» (РЫЖИК) 275
«Если нет и нельзя, говорят: «Пусть так!» 87
«Если пудру с тебя смахну...» 228
«Есть лица подстать иконам...» (МОЛИТВА О ЛИЦЕ. Ян многоликий) 624
«Еще укутана в рубашку...» 197

ЖАСМИН («Вечеру, потеряв рассудок...») 264
«Жду еще какого же рожна я...» 117
ЖЕНЕ («Подкручивая усик...») 182
«Живешь и скачешь в три ухаба...» 127
«Живешь себе, не глядя в ноты...» 233
«Живопись осени! Что ж тут калякать!» (ВСЯ ОСЕНЬ) 107
«Жизнь, как воду, преодолевая...» (СПОРТСМЕНКА) 195
«Жила метель. Ошибки и поступки...» (РОЖДЕСТВО) 30
«Жил-был на свете переводчик...» (ЭПИГРАММА) 174
«Жил-был Рим. На холмах и в долине...» 131
«Жили да пожили...» 244

«За душой я встречал тебя часто...» 207
«За спиною грядущее и холодит...» 53
«За стеной у меня живет сосед...» 105
«За столом сошлись они...» (ГИАЦИНТЫ) 248
«За твою улыбочную мякоть...» 235
«Забавно вспоминать те дни...» (САШЕ) 143
«Загремели, грубо-дики...» (ГВОЗДИКИ) 253
«Задумавшись, что в кладезе глубоком...» 176
ЗАЗИМЬЕ («Бредет зима, и нет покоя стуже...») 42
«Закончен плод, как Цицерона фраза...» (АВГУСТ. Поэма) 583

«Зачинайся, милая былина...» 109
«Зелен откос до отказа, до рвоты с желтизной...» 200
«Зеленеют холмики гробовые...» (РАДУНИЦА) 38
«Земля! Ты очень весело...» 83
«Золотые обручи гоняет...» 38

«И взглянет невзначай она...» 61
«И зачем так нарядненько? ...» 222
«И оптом, и в розницу – целый гарем...» (У ВИТРИНЫ) 289
«И стыд и боль в тебе оглохли...» 225
«И так бывает не всегда ль...» 183
ИДЕЯ ЛЕТНЯЯ («Лета легкого не троньте...») 25
«Идут всех мастей сердцеброды...» (ОТРЫВОК) 69
«Идут хозяйки на базар...» 37
«Идут, одеты в белые чулки...» (СМОРЧКИ) 275
ИЗ ДЕВИЧЬИХ ПЕСЕН («Мы очень даже чинные...») 59
«Из не очень-то юных ты самая ранняя...» (НОРА) 243
«Из себя ты выдрала клоч письма...» 137
«Из смоленой капитанской трубки...» 190
«Из травы нечесанной ловко...» (РЯДОВКА ФИОЛЕТОВАЯ) 272
«Из умов, каморок...» 52
«Изготовить – не искусство ли ...» 133
«Из-за кустов физкультурой дебелий...» 202
«Из-под косматой ржи глядят...» (ВАСИЛЬКИ) 261
«Исполнен поэтических красот...» 154
«Истоптаны дороженьки...» (ЧЕРТОВА ПЕСЕНКА) 293
«История – не ряд бездушный дат...» 49
«Исхлестанная в линии...» 194
«Итак – кому печаль мою повем...» (БУДДИЧЕСКОЕ) 78

К ПЕЙЗАЖУ ПРИРОДЫ («У тебя корявый вид...») 27
«К своему подножью...» 139
«К черту, что ли, ты исчезла...» 108
«К широкой памяти, как к Волге, подступил...» 164
«Каждый день на свет...» 101
«Кажется, каждой минутой готова пригульнуться...» 239
«Как будто выглянув из детской...» 209
«Как вздыхает копна твоя палевая...» 196
«Как давно и все-таки недавно...» (В ОТОРОЧЕННОЙ МЕХОМ ШАПОЧКЕ) 91

«Как девка в расписной косынке...» (ПОДОСИНОВИКИ) 274
 «Как жалобная пустота – утрата...» 101
 «Как ласков твой атласный голос!» (ГЛАДИОЛУС) 259
 «Как молодлица лежит на столе, притаясь под платом...» (КУЛЕБЯКА) 281
 «Как наивен и безгрешен...» 13
 «Как он извивается в позах! Он, точно придворный...» (ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК) 257
 «Как прожить, чтобы не обмануться...» 79
 «Как расправиться с ворохом лета?» (РОМАШКИ) 259
 «Как слабо – словно пальцы по лицу...» 53
 «Как страусово яйцо...» (ПРЕДЧУВСТВИЕ ОДИНОЧЕСТВА) 80
 «Как ты высок, задумчивый чердак!» (ЧЕРДАК) 41
 «Как ты светла! Почти прозрачна с виду...» 200
 «Как чувства трудятся тревожно!» 81
 «Как эклога ты, Евлега...» 129
 «Как? Мне поехать к полюсу?» (ОТКАЗ) 74
 «Какая ты удобная!» 222
 «Какой опрометчивый ум...» 42
 «Каменной поступью, тяжеловесным потоком стремится...» (НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ) 172
 КАННЫ («Парное утро розливо в стаканы...») 263
 «Католики справляют Рождество...» (КВАРТЕТ № 2. Рождественский) 323
 КВАРТЕТ № 1 («Август! Ты – пышные сени осени...») 321
 КВАРТЕТ № 2 (Рождественский) («Католики справляют Рождество...») 323
 КВИНТЕТ № 1 («Осиной человек живет в году...») 327
 «Кем он будет? Медведем матерым...» (ОТРЫВОК) 67
 КИНОЦЕФАЛИЯ («Господь меня кривиться умудрил...») 590
 КЛАВДИЯ («У девочки-трепачки...») 240
 КЛОУН («Посмотри, как легко вращается...») 11
 КНИГА ЖАЛОБ («Я сетую, по горло сидя в прозе...») 626
 «Когда алчба берет тебя в клещи...» (ЩИ) 277
 «Когда в сентябре приступает осенняя грусть...» (ГРУЗДИ) 269
 «Когда клиента ты спровадишь...» 289
 «Козетка записная, как малая книжка...» 235
 КОЛОДЕЦ («Ты – слуховой проход для наземных сплетен...») 44
 КОЛОКОЛЬЧИК («Сколько их, лиловых голов...») 261
 «Копошусь муравьиной стройкой...» 118

КРАСАВИЦА («Не модной дамой, отданной до дна...») 202
 КРИВОДУШЬЕ («Окно распахнуто, а в нем...») 163
 «Кривое утро встало из-за рощи...» 151
 КРУШЕНИЕ БЕССОННИЦЫ («О, комната с дедовским трюмо...») 6
 «Кто знает, отчего же заперта...» (ЦВЕТЫ) 178
 «Кто ты была, и знать неважно...» 236
 «Куда себя сложить мне, бедокуру?» 120
 КУЛЕБЯКА («Как молодлица лежит на столе, притаясь под платом...») 281
 «Кусает скорбно нитку рот твой кроткий...» 39
 «Легло болото, как половик...» (МОХОВИК) 271
 «Лета легкого не троньте...» (ИДЕЯ ЛЕТНЯЯ) 25
 ЛЕТНИЕ ЭСКИЗЫ («На крыльцо в халате выхожу я голый...») 175
 ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР В КАРТАШЕВСКОЙ («Деревья вечером невнятной...») 178
 ЛЕТНЯЯ ПРАЧЕЧНАЯ («В чистой речке простирает...») 59
 «Лжемы погружены по шею во Лжеявь...» (СЕПТЕТ № 1) 331
 ЛИКУЮЩИЙ ЛИК (Ян многоликий. «Причислить лицо к лику?») 600
 ЛИСИЧКИ («Весьма прелестен лес быллинный...») 268
 «Лица крутые и пологие...» (ЭТИМОЛОГИЯ ЛИЦА. Ян многоликий, 9) 617
 ЛИЦЕВОЙ СЧЕТ (Ян многоликий. «Пока лицо как часы течет...») 608
 «Лицо в лицо и рама в раме...» (ГАДАНЬЕ) 203
 «Лицо набекрень – и актрисой надтреснутой...» 206
 «Лицо состоит из частей...» (АНАТОМИЯ ЛИЦА. Ян многоликий, 8) 612
 ЛИЧНОСТЬ (Ян многоликий. «Ходит личность по базару...») 610
 «Люблю природу, Русь и девок...» 124
 «Любовь! Как пред огромной тещей зять я...» 53
 «Люди с детства влюблены...» (БЛИНЫ) 278
 «Люди созданы для любви...» 199
 МАЛИНОВЫЙ КИСЕЛЬ («Неужели, милые, вы еще доселе...») 282
 МАЛЬВА («Ах ты, розовая верзила...») 264
 МАРШ (см. «Афинские развалины» Бетховена) (Танцевальная сюита, 3. «Топай, Груша! Хлопай, Глаша!») 346
 МАТТИОЛА («В серенькой зелени скромницею ты...») 256
 МЕДАЛЬОН («У тебя есть медальон...») 290
 «Медленно, мерно и плавно...» (ВАЛЬС ЯРОСЛАВНЫ) 299

«Меня крапивой хвошет хворь...» 108
 «Меня сослали на луну...» 95
 «Мне правду вынь, да не положи!» 128
 «Мой ангел пуком лилий царских...» (LILIA REGALIA) 265
 «Мой вековечный друг – простяк...» 119
 «Мой ум – как дом. И вот, от входа...» 66
 «Мой ум дудит в одну и ту же дудку...» (СЕПТЕТ № 2) 338
 «Мокрое утро, и после дождя в темноте...» 170
 МОЛИТВА О ЛИЦЕ (Ян многоликий. «Есть лица подстать иконам...»)
 624
 МОХОВИК («Легло болото, как половик...») 271
 МУХОМОР («На поляне алеет пятном...») 273
 «Мы въехали в квартирку...» 62
 «Мы играем в сумерки...» 57
 «Мы очень даже чинные...» (ИЗ ДЕВИЧЬИХ ПЕСЕН) 59
 «Мы пьянчуги, так вина-то...» (BACCHUS SCHOLASTICUS) 148
 «Мыслишкою черной скакала блоха...» (СМЕРТЬ БЛОХИ) 283

 НА БУЛЬВАРЕ («Пересекая площадь, дерево плелось...») 24
 «На днях я стал прямой старик...» 166
 «На косогоре...» 131
 «На крыльцо в халате выхожу я голый...» (ЛЕТНИЕ ЭСКИЗЫ) 175
 «На крыши домов натываясь...» 113
 «На людях плотна она, как белица...» (ЦВЕТНАЯ КАПУСТА В СУ-
 ХАРЯХ) 280
 «На мне играли в зале...» (ТРАГИКОМИЧЕСКОЕ СКЕРЦО) 303
 «На оконце от солнца и скуки...» (АМАРИЛЛИС) 255
 «На поляне алеет пятном...» (МУХОМОР) 273
 «На прогулке летней...» (ПЕТУНИИ) 256
 «На садовом, ах, карнавале...» (НАСТУРЦИИ) 252
 «На свидание, как на вызов...» (ГУАШЬ) 232
 «На теле выписанном ни одной помарки...» 234
 «На то тебе и ночи ведь...» 238
 «На узеньком лице два неприкрытых глаза...» 212
 «На холст! И когти в холку!» 218
 «На холсте не грохот оды...» (РОНДО НА ПОРТРЕТ ЖЕНЫ) 161
 «На холсте тебя иль в яви я...» 244
 «На чужих раздумьях ворожа...» 84
 «Надоело играть мне в куколки...» 210
 «Накрашу я с три короба. Раздета...» 226

«Написать на куртине бы лето!» (САД. Вступление) 246
 НАСТУРЦИИ («На садовом, ах, карнавале...») 252
 «Не брани, не кори с потолка меня...» 122
 «Не верил я, что вьяве может...» 89
 «Не видел и в глаза б их...» 102
 «Не гибкая ваза-подружка...» 226
 «Не за горами, нет, а где-то за холмом...» 71
 «Не знаю, откуда...» 127
 «Не ивы, не вербы, не ветлы...» (ГРУППОВОЙ) 230
 «Не Лизой или Настенькой...» 215
 «Не модной дамой, отданной до дна...» (КРАСАВИЦА) 202
 «Не овечье, но и не сучье...» (БЛАГОПОЛУЧИЕ) 97
 «Не повар, а великий добродей...» (ЭПИГРАММА) 97
 «Не подушка, а холм раскаленного мела...» (ЩЕКА НА ПОДУШКЕ)
 23
 «Не раз меня волна вздымала...» 52
 «Не стой рядом, ступай к ляду!» 124
 «Не хуже прочих ванек и емель я...» (НЕОКОНЧЕННАЯ ФУГА) 172
 «Невелики на вечность шансы...» 37
 «Невесть чего настроя...» 67
 НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ («Каменной поступью, тяжеловесным потоком
 стремится...») 172
 «Недвижимо стынет...» 48
 НЕЗАБУДКИ («Среди травинки-заковык...») 247
 НЕМНОЖКО ЛЕТА («Пионерского ли отряда...») 30
 НЕОКОНЧЕННАЯ ФУГА («Не хуже прочих ванек и емель я...») 172
 НЕРУКОТВОРНЫЙ ЛИК (Ян многоликий. «Распластан, как природа,
 белый плат...») 602
 «Нет, ничего нельзя постичь ей...» (ФИАЛКА) 254
 «Нет, это правда, что батюшка-день оскудел...» 140
 «Неужели, милые, вы еще доселе...» (МАЛИНОВЫЙ КИСЕЛЬ) 282
 «Ни в театрах, ни в киношках...» 183
 «Ни головою, ни хвостом не хвастай...» 146
 НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ («Я повстречался в зеркале с собой...») 156
 НОВОФАЮМСКИЙ («Ты – воскресшая египтянка...») 204
 НОРА («Из не очень-то юных ты самая ранняя...») 243
 НОЧНОЙ СНИМОК («По небу слабосильная луна плыла...») 22
 «Ночь. Зеленая. Как тоска...» (NOTTURNO) 302
 «Ну что такое Ваши двадцать девять!» 123
 «Ну, вот и дожил я, пожалуй, до беды...» 160

«О вас я складываю фразы ...» 120
«О день пестроголосый!» 47
«О жизнь запинаясь чужую...» 208
«О коршун, упавший, как сердце, навзрыд!» (ПРОМЕТЕЙ) 20
«О МНОГООБРАЗИИ ЛИЦ (Ян многоликий. «При личном многообразии...») 603
«О седое чудо завитков и линий...» (СТАРИННЫЙ) 218
«О трезвенник умом, великий Сумароков...» 155
«О чем писать? Ведь всё как мир старо...» 33
«О, комната с дедовским трюмо...» (КРУШЕНИЕ БЕССОННИЦЫ) 6
«Ода в честь не сложена...» 136
ОДА НА ДОКАЗАТЕЛЬСТВО БЫТИЯ БОЖЬЕГО («Я верю, что Бог есть...») 167
ОДА НЕВЕДЕНИЮ («Слава мне...») 147
«Оздоровительный морг...» (ПЛЯЖ) 62
«Ой же ты какая не надменная...» 215
«Окно распахнуто, а в нем...» (КРИВОДУШЬЕ) 163
ОКРОШКА («Рыжий квас, тебя бы я возвысил...») 280
«Он жил уверенно и плотно...» 86
«Она в самый раз изломана...» 233
«Они идут, как духовитый вызов...» (ГИАЦИНТЫ) 266
«Оно – важно...» (ВАЖНОЕ ЛИЦО. Ян многоликий, 7) 611
ОПЕНКИ («Вот пень, усеянный до пят...») 271
«Опять настали дни отличные...» (ВОЛНУШКИ) 268
«Опять увал! Огромная яруга!» (СТАНСЫ) 162
«Осенний пруд. Как желтые кувшинки...» 181
«Осень, стой! Не увози хоромы!» 115
«Осиной человек живет в году...» (КВИНТЕТ № 1) 327
«Остался я один, покинут и покаран...» 291
«Осторожней! Не запачкай!» (НАРЦИСС) 262
ОСТРОВА («Просторны вы, как в город сени...») 77
«От меня до Бога...» 44
«От осеннего тепла...» 137
«От ума его сутулого...» (ЭПИГРАММА) 81
ОТКАЗ («Как? Мне поехать к полюсу?» 74
ОТРЫВОК («В годы гордости – ходатай...») 69
ОТРЫВОК («Идут всех мастей сердцеброды...») 69
ОТРЫВОК («Кем он будет? Медведем матерым...») 67
«Оттого, что некого винить...» 100
«Отыщу ль замену бальзамину?» (БАЛЬЗАМИН) 249

«Парное утро розливо в стаканы...» (КАННЫ) 263
ПАРНЫЙ ПОРТРЕТ («Эх, и крутите вы шарманку!») 73
ПАСЬЯНС («Говорят мне, что пасьянс...») 160
ПЕВИЦА («Поблескивая, чуть срыжа...») 195
«Пей, лей, не жалеи!» (ГОПАК (см. Гопак Мусоргского). Танцевальная сюита, 4) 347
ПЕЙЗАЖ ЛИЦА (Ян многоликий. «Поперек лица – борозда...») 599
1 АПРЕЛЯ («В месяцеслове у природы...») 165
ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ (As-dur) для рояля с оркестром («Я сам себя приподнял, словно сад...») 351
ПЕРЕВОРОТ. Концерт для рояля с оркестром («Я – осени студеной броня...») 355
«Передо мною скачет город...» 110
«Пересекая площадь, дерево плелось...» (НА БУЛЬВАРЕ) 24
«Пес еще за будкой...» 68
ПЕСЕНКА («Туча! Слушай-ка, голубушка...») 85
ПЕСЕНКА ПАНА («Распускался апрель...») 294
ПЕТУНИИ («На прогулке летней...») 256
«Пил я и пел на пиру, словно яблоком, песней играя...» 56
«Пионерского ли отряда...» (НЕМНОЖКО ЛЕТА) 30
ПИОНЫ («Дни, будто губы, открытые настежь, сухи...») 252
«Плывет, широк, как Волхов, старый торг...» (ЦЕРКОВЬ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ) 145
ПЛЯЖ («Оздоровительный морг...») 62
ПЛЯСОВАЯ («Хочешь – покорствуй!») 301
«Пляшут в глазах крохотные черти...» (логаэды) 130
«По будним дням с тобой...» 139
«По всей по вероятности, я отнюдь не первый...» 173
«По комнате медовый дух...» 78
«По лугу шествуя однажды, я забрел...» 34
«По малости беря – не много будет тайн...» (ГЛАЗКОМ ОДНИМ ВПЕРЕД) 68
«По небу высокому месяц летел...» 21
«По небу слабосильная луна плыла...» (НОЧНОЙ СНИМОК) 22
«По тебе только попусту шастаю!» 208
«По улице мчится метелица...» (ЧАСТУШЕЧНЫЙ РОМАНС) 55
«Поблескивая, чуть срыжа...» (ПЕВИЦА) 195
«Погода как жара нависла...» 171
«Погода мокрая – как зябкие кусты...» 173
«Под Новый Год я враг друзьям и одам...» 94

ПОДБЕРЕЗОВИК («В тоненьком березничке...») 273
«Подкатился к речонке бедовой...» 86
«Подкручивая усик...» (ЖЕНЕ) 182
«Подле милого столько подлости...» (ЛОГАЭДЫ) 130
«Поднимается вечер. Печалью чаруя...» 40
«Поднимаюсь, тонна за тонной...» (ТРУДОВАЯ ПРЕЛЮДИЯ) 70
ПОДОСИНОВИКИ («Как девка в расписной косынке...») 274
ПОДРАЖАНИЕ МОРГЕНШТЕРНУ («Телом был он тощ, как спичка...») 169
«Подружка-задрьжка...» 219
ПОДСНЕЖНИК («Приподняв головкой прутик...») 257
«Подул октябрь, и роще стало знобко...» (СИМФОНИЯ № 4. Осенняя) 432
«Пожалуйте за мной скорее!» (ВВЕДЕНИЕ В ПОРТРЕТНУЮ ГАЛЕРЕЮ) 191
«Позабыв про те леса...» 132
«Пока лицо как часы течет...» (ЛИЦЕВОЙ СЧЕТ. Ян многоликий, 5) 608
«Поломан, исковеркан...» 16
«Получает пан талон...» 174
ПОЛЬКА («Детской далью дышит полька...») 300
ПОЛЬКА (Танцевальная сюита, 6. «Полька, полька, полечка!») 350
«Полька, полька, полечка!» (ПОЛЬКА. Танцевальная сюита, 6) 350
«Поперек лица – борозда...» (ВТОРОЙ ПЕЙЗАЖ ЛИЦА. Ян многоликий) 625
«Поперек лица – борозда...» (ПЕЙЗАЖ ЛИЦА. Ян многоликий, 1) 599
«По-русски он – Ян, а не Янус!» 598
«Посередь самой весны...» 159
ПОСЛЕ САШИНЫХ ПАРОДИЙ НА СИМФОНИИ И ФУГИ («Скажу я про жену мою...») 174
«Последняя встреча!» 84
«Послушай! – А я оглох...» 82
«Послушай, Дика, судьба-индейка...» 78
«Посмотри, как легко вращается...» (КЛОУН) 11
«Посреди болот и кочек...» 7
«Построенная под углами...» 224
«Поцелуй меня, обалдуй!» 213
«Поцелую моему шесть лет...» 112
ПОЧКИ ПО-РУССКИ («Хороши по-русски почки...») 278
«Поэзия поленится...» (БЕРЕЗОВЫЙ ДОМИК) 152

ПРАЗДНИК («Я в старости справляю Рождество...») 157
ПРЕДЧУВСТВИЕ ОДИНОЧЕСТВА («Как страусово яйцо...») 80
ПРЕЛЮДИЯ («Ты – музыка моя! Сама себя подслушай...») 297
ПРЕЛЮДИЯ («Удар удал! И грохот разудалый...») 298
ПРЕЛЮДИЯ (Бесова месса, 1. «Ты, Господи, вся веси...») 575
ПРЕЛЮДИЯ (Танцевальная сюита, 1. «Чадит заря, как жирная жаровня...») 344
«При личном многообразии...» (О МНОГООБРАЗИИ ЛИЦ. Ян многоликий, 4) 603
«Прижималась к нему сударкой...» 82
ПРИМЕРЫ (ПРИЛОЖЕНИЯ). ПРИМЕРКА ОПРЕДЕЛЕНИЙ (Ян многоликий) 604
«Приподняв головкой прутик...» (ПОДСНЕЖНИК) 257
«Причислить лицо к лику?» (ЛИКУЮЩИЙ ЛИК. Ян многоликий, 2) 600
ПРОМЕТЕЙ Фрагмент («О коршун, упавший, как сердце, навзрыд!») 20
ПРОРОЧЕСТВО («Вот вспомнилось, как мы шагали...») 88
«Проста, как пицца для нагула...» (РАБЛЕЗИАНКА) 193
«Просторны вы, как в город сени...» (ОСТРОВА) 77
«Прощай, огромная Москва...» 142
«Прытки, в кротком беспорядке...» 231
«Путь – на день-деньской длины...» (В САНЯХ) 34
РАБЛЕЗИАНКА («Проста, как пицца для нагула...») 193
РАДУНИЦА («Зеленеют холмики гробовые...») 38
«Раз-другой ты встречена...» (ВАЛЕРИЯ) 241
«Разменяй любовь, разменяй...» 141
«Раскинулся луг, как раздольная Русь...» (СМЕРТЬ ГУСЯ) 284
«Распластан, как природа, белый плат...» (НЕРУКОТВОРНЫЙ ЛИК. Ян многоликий, 3) 602
«Распускался апрель...» (ПЕСЕНКА ПАНА) 294
«Рассматривает Божий храм...» (ТУРИСТЫ) 160
«Растаял лед хрустальный, и простая...» (ФИЛАРМОНИЯ) 296
«Ремесленник или художник...» (УЛИЧНЫЙ ФОТОГРАФ) 288
«Ресницы тусклые колыша...» 223
«Рождественское детство, где...» 157
РОЖДЕСТВО («Жила метель. Ошибки и поступки...») 30
РОМАШКИ («Как расправиться с ворохом лета?») 259
РОМАШКИ («Сегодня у меня привольные замашки...») 249

РОНДО НА ПОРТРЕТ ЖЕНЫ («На холсте не грохот оды...») 161
 «Рука из мрамора! Откуда взялся ты...» 110
 РУССКАЯ ПЛЯСОВАЯ (Танцевальная сюита, 5. «Ах ты, сукин сын, поганенький мужик!») 349
 РУССКАЯ РАПСОДИЯ («Веселой грозой грянул май...») 310
 «Русый шелк на пальцы наматывая...» 46
 «Русь звенела утренней росой...» 144
 «Рыжеет сонно маленькое пламя...» 92
 «Рыжий квас, тебя бы я возвысил...» (ОКРОШКА) 280
 РЫЖИК («Еловый рыжик крыт зеленым лаком...») 275
 РЫЖИКИ («Я шагаю, а за мной...») 269
 РЯДОВКА ФИОЛЕТОВАЯ («Из травы нечесанной ловко...») 272

«С Новым годом! С новым горем!» (ЕЛЕНЕ) 83
 С РАЗДВОЕНИЕМ («В ребрах засела, как в корсете...») 204
 «С тобой я б был глуп, слаб...» (В СВЕРХКУБИЧЕСКОЙ МАНЕРЕ) 217
 «С тропы проторенных риторик...» 94
 САД. Вступление («Написать на куртине бы лето!») 246
 «Сажусь я за пир почестен...» 79
 «Сам у себя сижу я в шелковом долгу...» (ДОЛГИ) 159
 «Сам я ни в одном глазу!» 75
 САШЕ («Забавно вспоминать те дни...») 143
 «Сегодня Катеньке два года...» 114
 «Сегодня у меня привольные замашки...» (РОМАШКИ) 249
 «Семь лет минуло поцелую...» (ТЕБЕ НА ГОРЬКУЮ ПАМЯТЬ) 125
 СЕНОКОС («Широко дышит травами покос...») 54
 «Сентябрь весь в мороси, и рощи отсырели...» (СЕНТЯБРЬСКИЕ СКОРБИ) 179
 СЕНТЯБРЬСКИЕ СКОРБИ («Сентябрь весь в мороси, и рощи отсырели...») 179
 СЕПТЕТ № 1 («Лжемы погружены по шею во Лжеявь...») 331
 СЕПТЕТ № 2 («Мой ум дудит в одну и ту же дудку...») 338
 СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ («Я был боярский сын, но сан с себя сложил...») 568
 «Сижу в своем саду...» 187
 СИМФОНИЧЕСКАЯ ПОЭМА для рояля с оркестром («Сухое общест-
 во природы...») 361
 СИМФОНИЯ № 3. Гипотетическая (для органа с оркестром) («Я слы-
 шу только мудрое молчанье...») 405

СИМФОНИЯ № 4. Осенняя («Подул октябрь, и роще стало знобко...») 432
 СИМФОНИЯ № 5. Appassionata, или Страстная («Аз, Бах, есмь бычий бог и силой осиян...») 452
 СИМФОНИЯ № 6. Октябрьская («Я самодержец музыки, а сам...») 490
 СИМФОНИЯ № 7. Личная («Я сочиню предсмертную программу...») 510
 СИМФОНИЯ № 8. Туманная, или Антигалактическая («Я без оркес-
 тра, как зачин, вступаю...») 546
 СИРЕНЬ («В соцветьях, как в гроздьях созвездий...») 258
 «Скажу я про жену мою...» (ПОСЛЕ САШИНЫХ ПАРОДИЙ НА СИМФОНИИ И ФУГИ) 174
 СКВОРЕЦ («Весенней радости творец...») 35
 «Сколько было лакано...» 105
 «Сколько их, лиловых голов...» (КОЛОКОЛЬЧИК) 261
 «Сколько рабства у нас в любом!» (АЛЬБОМ) 287
 «Слава мне...» (ОДА НЕВЕДЕНИЮ) 147
 «Слова закружились, обстали, как бор...» 104
 «Слово ваше выварено...» 72
 «Смели, пробовали, сметали...» 48
 СМЕРТЬ БЛОХИ («Мыслишкой черной скакала блоха...») 283
 СМЕРТЬ ГУСЯ («Раскинулся луг, как раздольная Русь...») 284
 СМЕРТЬ МУРАВЬЯ («В глубокой громадной траве умирал мура-
 вей...») 284
 «Смирное тело устало и от восторгов остыло...» 158
 СМОРЧКИ («Идут, одеты в белые чулки...») 275
 СОННАЯ СОНАТА («Я жду и сплю. И медленно высокий сон постро-
 ен...») 318
 СОСЕДКИ («Твоя жена с моей женой...») 185
 СПОРТСМЕНКА («Жизнь, как воду, преодолевая...») 195
 «Среди травинок-заковык...» (НЕЗАБУДКИ) 247
 «Среди цветов находятся счастливики...» (ТЮЛЬПАНЫ) 263
 «Средь моря ночи моему уму...» 153
 «Средь сладковато-кислой красноты...» (БОРЩ С СОСИСКАМИ) 281
 СТАНСЫ («Опять увал! Огромная яруга!») 162
 СТАРИННЫЙ («О седое чудо завитков и линий...») 218
 «Стоят преданья старины глубоко...» 96
 «Стужа, скука и хвороба...» 73
 «Стыну я, ты – холодна...» (ГРУСТНЫЕ ЧАСТУШКИ) 93
 «Стынут голые, не шурша, сучья...» 111

«Сухое общество природы...» (СИМФОНИЧЕСКАЯ ПОЭМА для рояля с оркестром) 361
«Сухую ткань из воздуха кусая...» 231

«Так водится, бывает – дорогая...» 37
«Так! Одиночество златое...» 5
ТАНЦЕВАЛЬНАЯ СЮИТА 344
ТВОЕ ЛИЦО (Ян многоликий. «Твое лицо держу я без оправы...») 623
«Твое лицо держу я без оправы...» (ТВОЕ ЛИЦО. Ян многоликий) 623
«Твой черный зад лизать...» (ХОРАЛ. Бесова месса, 2) 577
«Твоя жена с моей женой...» (СОСЕДКИ) 185
ТЕБЕ НА ГОРЬКУЮ ПАМЯТЬ («Семь лет минуло поцелую...») 125
«Тебя нагую полагаю...» 227
«Тело твое сбилось и собрано...» 238
«Телом был он тощ, как спичка...» (ПОДРАЖАНИЕ МОРГЕНШТЕР-НУ) 169
ТИНА («Где ты, думочка моя...») 242
«То, что ложно, как наружно!» 75
«Томилась ты от милого...» 126
«Топай, Груша! Хлопай, Глаша!» (МАРШ (см. «Афинские развалины» Бетховена). Танцевальная сюита, 3) 346
«Тот, что был когда-то так близок...» 115
ТРАГИКОМИЧЕСКОЕ СКЕРЦО («На мне играли в зале...») 303
ТРЕТИЙ КОНЦЕРТ ДЛЯ РОЯЛЯ С ОРКЕСТРОМ («Я ночь сию как занавес распахиваю...») 358
ТРУДОВАЯ ПРЕЛЮДИЯ («Поднимаясь, тонна за тонной...») 70
ТУРИСТЫ («Рассматривает Божий храм...») 160
«Туча! Слушай-ка, голубушка...» (ПЕСЕНКА) 85
«Ты – воскресшая египтянка...» (НОВОФАЮМСКИЙ) 204
«Ты – музыка моя! Сама себя подслушай...» (ПРЕЛЮДИЯ) 297
«Ты – слуховой проход для наземных сплетен...» (КОЛОДЕЦ) 44
«Ты будто бы церковка, словно...» (ФУКСИЯ) 250
«Ты была как дума, друг мой ситный...» 124
«Ты до муки крестной красива...» 228
«Ты исполнена тука и духа...» 199
«Ты как милое мясо в железной духовке томишься...» 237
«Ты разгулявшаяся монна Лиза...» 211
«Ты рушишься постройкой ливня...» 17
«Ты стареешь, я старею...» 133
«Ты тихонькая, ты рыженькая!» 220

«Ты трясодушка, дрыгоножка...» 215
«Ты франтиха иль шутиха...» 70
«Ты! Но к четырнадцатой годовщине...» (25 МАРТА 1980 ГОДА) 177
«Ты, Господи, вся веси...» (ПРЕЛЮДИЯ. Бесова месса, 1) 575
«Ты, Господи, вся веси...» (ФИНАЛ. Бесова месса, 4) 581
ТЮЛЬПАНЫ («Среди цветов находятся счастливики...») 263
«Тяжело из лесу, словно лось, я...» 65

У ВИТРИНЫ («И оптом, и в розницу – целый гарем...») 289
«У девочки-трепачки...» (КЛАВДИЯ) 240
«У жизни что за иноходь!» 34
«У ног растет, шумя, трава...» 51
«У тебя есть медальон...» (МЕДАЛЬОН) 290
«У тебя корявый вид...» (К ПЕЙЗАЖУ ПРИРОДЫ) 27
«Удар удал! И грохот разудалый...» (ПРЕЛЮДИЯ) 298
«Узилище, где стены – как закат...» (АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВ-РА) 150
УЛИЧНЫЙ ФОТОГРАФ («Ремесленник или художник...») 288
«Умирают цветы без агонии...» 104
«Умы писать умеют кренделя...» 45
«Устал, как пес. И вот огромный мой зевок...» 154
«Утратил я старинную охоту...» (ВСТУПЛЕНИЕ. Книга грибов) 267
«Утро пухнет, как щека...» 22

ФИАЛКА («Нет, ничего нельзя постичь ей...») 254
«Философ тоже! Фу-ты ну-ты!» 57
ФИНАЛ (Бесова месса, 4. «Ты, Господи, вся веси...») 581
ФРАЗЕОЛОГИЯ ЛИЦА (Ян многоликий. «Цены тому нет, когда всё нипочем...») 622
ФУГА (Бесова месса, 3. «Гляжу на мир, как на большое хамство...») 578
ФУКСИЯ («Ты будто бы церковка, словно...») 250

«Ходит личность по базару...» (ЛИЧНОСТЬ. Ян многоликий, 6) 610
ХОРАЛ (Бесова месса, 2. «Твой черный зад лизать...») 577
«Хороши по-русски почки...» (ПОЧКИ ПО-РУССКИ) 278
«Хочешь – покорствуй!» (ПЛЯСОВАЯ) 301
«Хрустит Москва, дробя умы и кости...» 141

ЦАРЬ ГОРОХ. Русская огородная рапсодия («Я на себе верхом, как мелкий бес, сижусь...») 311

ЦВЕТНАЯ КАПУСТА В СУХАРЯХ («На людях плотна она, как белица...») 280
 ЦВЕТЫ («Кто знает, отчего же заперта...») 178
 «Цены тому нет, когда всё нипочем...» (ФРАЗЕОЛОГИЯ ЛИЦА. Ян многоликий, 11) 622
 ЦЕРКОВЬ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ («Плывет, широк, как Волхов, старый торг...») 145

«Чадит заря, как жирная жаровня...» (ПРЕЛЮДИЯ. Танцевальная сюита, 1) 344
 ЧАСТУШЕЧНЫЙ РОМАНС («По улице мчится метелица...») 55
 ЧАСТУШКА («Буду я с Володенькой...») 80
 ЧЕРДАК («Как ты высок, задумчивый чердак!») 41
 «Черствину жизни как пережевать...» 42
 ЧЕРТОВА ПЕСЕНКА («Истоптаны дороженьки...») 293
 «Чиста, светла, прохладна...» 237
 «Что? Ведьм не стало? Бросьте-ка...» 295
 «Чуть не спугнув бездумную лазурь...» 58

«Шагая по природе...» (ДЕТСКИЙ МАРШ) 27
 «Шампиньоны – грибы дворовые...» (ШАМПИНЬОНЫ) 274
 ШАМПИНЬОНЫ («Шампиньоны – грибы дворовые...») 274
 «Шевелишь, как усиком...» 221
 «Шестьдесят четыре года...» 126
 «Широко дышит травами покос...» (СЕНОКОС) 54
 ШПЕНГЛЕР («Всё шло на запад. Обрывались листья...») 6
 «Шумя травую пожелтелой...» 47

ЩЕКА НА ПОДУШКЕ («Не подушка, а холм раскаленного мела...») 23
 ЩИ («Когда алчба берет тебя в клещи...») 277

ЭПИГРАММА («Не повар, а великий добродей...») 97
 ЭПИГРАММА («От ума его сутулого...») 81
 «Эта ночь не внемлет Богу...» (DANSE MACABRE. Отрывок) 8
 ЭТИМОЛОГИЯ ЛИЦА (Ян многоликий. «Лица крутые и пологие...») 617
 «Эх, и крутите вы шарманку!» (ПАРНЫЙ ПОРТРЕТ) 73

«Я – длинная боярственная дума...» (ДУМА) 76
 «Я – Жизнелов и славлю ремесло...» (ДИФИРАМБ) 564
 «Я – осени студеной броня...» (ПЕРЕВОРОТ. Концерт для рояля с оркестром) 355
 «Я – папа, но крохотный в лапах недуга...» (BREVE MORTALE) 93
 «Я – только калека...» 69
 «Я – человеческий закон, обшитый кожей...» (ВСТУПЛЕНИЕ. Книга яств) 277
 «Я без оркестра, как зачин, вступаю...» (СИМФОНИЯ № 8. Туманная, или Антигалактическая) 546
 «Я будто луг развернут пред лесами...» 51
 «Я был боярский сын, но сан с себя сложил...» (СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ) 568
 «Я был пронзитель и звонок...» 295
 «Я в старости справляю Рождество...» (ПРАЗДНИК) 157
 «Я верю, что Бог есть...» (ОДА НА ДОКАЗАТЕЛЬСТВО БЫТИЯ БОЖЬЕГО) 167
 «Я взором расписал большое в дол окно...» 154
 «Я вижу ведь и сам, что делаюсь слабей...» 104
 «Я время сдал давно в музей...» 118
 «Я далекой думой донят...» 57
 «Я девчонка с челкою!» (ДЕВЧОНКА С ЧЕЛКОЮ) 61
 «Я долго ждал, что ты ужалишь...» 229
 «Я жду и сплю. И медленно высокий сон построен...» (СОННАЯ СОНАТА) 318
 «Я заморожен был на три столетия...» 291
 «Я коробейник, старый воробей!» 64
 «Я ли, ты ли...» 114
 «Я людям вовсе не завидую...» 152
 «Я много больше ста вселенных сразу...» 106
 «Я на себе верхом, как мелкий бес, сижу...» (ЦАРЬ ГОРОХ. Русская огородная рапсодия) 311
 «Я не ропщу и не ругаюсь...» 86
 «Я не хочу быть таким...» 28
 «Я неделим пока еще, как атом...» 71
 «Я ночь сию как занавес распаиваю...» (ТРЕТИЙ КОНЦЕРТ ДЛЯ РОЯЛЯ С ОРКЕСТРОМ) 358
 «Я повстречался в зеркале с собой...» (НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ) 156
 «Я помню явно и точнее кода...» 152
 «Я сам себе сегодня – просто Он...» (ЯДРО. Фуга) 98

СПИСОК ИСПРАВЛЕНИЙ К КНИГЕ 1

«Я сам себя невидимо настиг...» 94
 «Я сам себя приподнял, словно сад...» (ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ (As-dur) для рояля с оркестром) 351
 «Я самодержец музыки, а сам...» (СИМФОНИЯ № 6. Октябрьская) 490
 «Я седой охальник и русак...» 187
 «Я сетую, по горло сидя в прозе...» (КНИГА ЖАЛОБ) 626
 «Я славно посреди ума, тумана и невзгод...» 116
 «Я слышал очень много жалоб...» 123
 «Я слышу только мудрое молчанье...» (СИМФОНИЯ № 3. Гипотетическая (для органа с оркестром)) 405
 «Я сочиню предсмертную программу...» (СИМФОНИЯ № 7. Личная) 510
 «Я спал в былом и вот, как сон, разломан...» 85
 «Я умер загодя; очнулся ото сна...» 170
 «Я чья-то тихая жестокая затея...» 163
 «Я шагал по широкому миру...» (ЕЛЕНЕ, ЧТОБЫ НЕ ЗНАЛА) 50
 «Я шагаю, а за мной...» (РЫЖИКИ) 269
 «Я, как горшок, леплю лазурь...» 72
 «Я, слава Господу, еще не слеп...» 112
 «Я, словно время, сам бесстрашный часокрад...» 65
 «Яблоня у шалаша...» 49
 ЯДРО. Фуга («Я сам себе сегодня – просто Он...») 98
 «Языком я, как высерок, лазаю...» 150
 ЯН МНОГОЛИКИЙ, или ПОЭМА ЛИЦА 598

BACCHUS SCHOLASTICUS («Мы пьянчуги, так вина-то...») 148
 BREVE MORTALE («Я – папа, но крохотный в лапах недуга...») 93
 LILIA REGALIA («Мой ангел пуком лилий царских...») 265
 NOMINA SUNT ODIOSA («Блестя, как медный номерок...») 18
 NOTTURNO («Ночь. Зеленая. Как тоска...») 302
 FIΛAPMONIA («Растаял лед хрустальный, и простая...») 296

Страница	Строка	Следует читать
30	10 сверху	Он горд, неучтив и неискренен,
461	1 снизу	<i>26 июня 1958 – 10 мая 1965</i>
508	4 сверху	не могут оторваться ум и рот.
–	12 сверху	о Костология – ты брешь и ложь!
509	8 снизу	Нос дышит кротко и тепло –
510	11 снизу	ушел от себя, как сердечный стук.
514	7 снизу	чтобы я родился в Благовещенье.
521	4 сверху	в глуби кишит и копошится.
–	12 сверху	а это вот рубцы былого.
522	14 сверху	<i>6 ноября 1964</i>
524	5 снизу	с подгнивших и промозглых нив
539	10 снизу	как дурака;
545	5 сверху	<i>13–17 мая 1965</i>
–	4 снизу	когда Ты не проворнее, чем свет,
547	10 снизу	Прости, что я один, скорбя, в бору токую,
–	17 снизу	И смолоду побрел по жизни дикий бор.
551	1 снизу	<i>29 июля – 8 августа 1965</i>
556	5 сверху	Хоть <i>клещой</i> тащи из бабы
558	3 снизу	забирайся в тень, паренек!
562	между 6 и 7 снизу	сколько бедных страстей заморожено,
–	пропущено	и, словно царь Долдон, владычит
580	9 снизу	Живем мы на острове Каменном,
–	4 снизу	и падала, как грешная слеза.
591	8 снизу	

В стихотворении «Влюбляются, разлюбляют...» (с. 532) пропущена гл. II:

II

Не лучше ли беззаботней,
 попроще и по условью
 лишь каждый вечер субботний
 забавиться любовью,

дабы вспоминал со сна я,
 что в память за ночь вбито:
 суббота – не Страстная,
 была да и забыта.

В стихотворении «Сидят в телах поэты...» (с. 579) пропущен эпитафия:

Vin och skönhet mig uprör,
 Nota bene tils jag dör.
*C. M. Bellman*¹.

¹ Жду, пока люблю да пью... / Нота бене: смерть мою. *К. М. Бельман.*
 (Перевод *С. Петрова.*)

СПИСОК ИСПРАВЛЕНИЙ К КНИГЕ 2

Страница	Строка	Следует читать
22	7 сверху	Ты б кого-нибудь попросила
23	8 снизу	Поработает душеукладчица –
26	8 снизу	<i>22–26 октября 1967</i>
32	6 снизу	мирно, жирно, сырно и колбасно.
35	2 снизу	На Петровском крутом морозе
41	1 сверху	отталкивая, как кривой рукой,
–	5 сверху	и заживо из самого себя я выжит.
–	10 снизу	твой куколь – будто райский кукишок.
43	9 сверху	где надо, сосны тихо вырастали.
69	11 снизу	ДЕНЬ
112	14 снизу	и стены яро-белого накала
–	7 снизу	злаченный ум над плотной белизной,
113	1 сверху	Античного она не знала лавра,
122	сноска *	Что я? Я достаточно велик, / Чтобы называться точкой мира. <i>Лессинг (нем.)</i> .
124	7 снизу	Мыли тени ноги на причале,
129	1 снизу	<i>25 декабря 1970 – 7 января 1971</i>
130	9 снизу	Да кто же ты еси, когда я сам – не я?
135	9 сверху	за очей крутой кипяток.
136	6 сверху	и сам огорчался?
–	13 сверху	что дуракам на потребу
160	4 снизу	И нужно, может быть, еще небрежней
161	8 снизу	живет вприхромочку, ковыль-ковыль.
164	6–8 сверху	жить не по-женски, а по смете
		расхода медленных закоренелых чувств
		(не более, чем в час по чайной ложке).
–	10 сверху	как грешные стишки в замызанной обложке.
165	6 сверху	и снежное бушует бранно поле!
177	3 сверху	куда Емелей с легкого похмелья
217	сноска *	То, что я хочу сказать, я говорю всегда со всей твердостью. <i>Монтень (фр.)</i> .
223	12 сверху	и погорел! И плакала обида
272	12 сверху	И нищая расселина ума
301	3 снизу	про ум, про срам, про сокровенья, –
330	9 сверху	мерзлые цветы?

СОДЕРЖАНИЕ

332	12 сверху	И – вместо Эвридики – дулю на-кось!
345	1 сверху	Стоит зима, обшитая кошмой.
363	1 снизу	<i>29 апреля – 7 мая 1975</i>
377	8 снизу	манатейку носили серую
390	11 сверху	Der Schriftsteller dachte Worte, und spricht Gedanken.
–	сноска *	Писатель измыслил слова и произносит мысли.
398	3 сверху	А в кухне чад, и гам, и суетня,
402	6 снизу	НЕЗАБУДКА
403	1 снизу	<i>7 декабря 1973</i>
412	8 снизу	sie malet also nie werkmäßig.
–	сноска *	Энергия – высший закон поэтического искусства; она, стало быть, никогда не проявляется механически.
413	15 снизу	и нет во мне чертовских черт.
419	7 снизу	<i>25 апреля – 7 мая 1976</i>
426	1 снизу	<i>15 июля 1976</i>

В фуге «Грустная голова» (с. 168–169) пропущена кода:

*

Сказала, правды не тая,
сказала, как рожая,
что ты уж больше не моя,
хотя и не чужая.
Своей утратою владеть
я буду долго-долго.
В любовь нельзя себя одеть
даже из чувства долга.
И не попишешь ничего,
да и не надо, ибо
за щедрость сердца твоего,
за всё тебе спасибо.

12 января 1972

1930-е	
«Так! Одиночество золотое...»	5
ШПЕНГЛЕР («Всё шло на запад. Обрывались листья...»)	6
КРУШЕНИЕ БЕССОННИЦЫ («О, комната с дедовским трюмо...»)	6
«Посреди болот и кочек...»	7
DANSE MACABRE (отрывок)	
(«Эта ночь не внемлет Богу...»)	8
«Бьет волна в бок корабля...»	9
КЛЮН («Посмотри, как легко вращается...»)	11
«Как наивен и безгрешен...»	13
«В зеленом стекле стакана...»	14
«Поломан, исковеркан...»	16
«Ты рушишься постройкой ливня...»	17
NOMINA SUNT ODIOSA («Блестя, как медный номерок...»)	18
ПРОМЕТЕЙ Фрагмент	
(«О коршун, упавший, как сердце, навзрыд!»)	20
«По небу высокому месяц летел...»	21
НОЧНОЙ СНИМОК («По небу слабосильная луна плыла...»)	22
«Утро пухнет, как щека...»	22
ЩЕКА НА ПОДУШКЕ	
(«Не подушка, а холм раскаленного мела...»)	23
НА БУЛЬВАРЕ («Пересекая площадь, дерево плелось...»)	24
ИДЕЯ ЛЕТНЯЯ («Лета легкого не троньте...»)	25
К ПЕЙЗАЖУ ПРИРОДЫ («У тебя корявый вид...»)	27
ДЕТСКИЙ МАРШ («Шагая по природе...»)	27
«Я не хочу быть таким...»	28
РОЖДЕСТВО («Жила метель. Ошибки и поступки...»)	30
НЕМНОЖКО ЛЕТА («Пионерского ли отряда...»)	30

1940-е

«До чего же мы не похожи...»	32
«О чем писать? Ведь всё как мир старо...»	33
В САНЯХ («Путь – на день-деньской длины...»)	34
«По лугу шествую однажды, я забрел...»	34
«У жизни что за иноходь!»	34
СКВОРЕЦ («Весенней радости творец...»)	35
«Идут хозяйки на базар...»	37
«Невелики на вечность шансы...»	37
«Так водится, бывает – дорогая...»	37
«Золотые обручи гоняет...»	38
РАДУНИЦА («Зеленеют холмики гробовые...»)	38
«Кусает скорбно нитку рот твой кроткий...»	39
«В печи ворчат корчаги...»	39
«Поднимается вечер. Печалью чаруя...»	40
ЧЕРДАК («Как ты высок, задумчивый чердак!»)	41
«Черствину жизни как пережевать...»	42
«Какой опрометчивый ум...»	42
ЗАЗИМЬЕ («Бредет зима, и нет покоя стуже...»)	42
КОЛОДЕЦ («Ты – слуховой проход для наземных сплетен...»)	44
«От меня до Бога...»	44
«Весенней зеленью горят...»	45
«Умы писать умеют кренделя...»	45
«Русый шелк на пальцы наматывая...»	46
«Вот вы в саду шутивы...»	47
«О день пестроголосый!»	47
«Шумя травую пожелтелой...»	47
«Недвижимо стынет...»	48
«Смели, пробовали, сметали...»	48
«Яблоня у шалаша...»	49
«История – не ряд бездушный дат...»	49
ЕЛЕНЕ, ЧТОБЫ НЕ ЗНАЛА («Я шагал по широкому миру...»)	50
«У ног растет, шумя, трава...»	51
«Я будто луг развернут пред лесами...»	51

«Не раз меня волна вздымала...»	52
«Из умов, каморок...»	52

1950-е

«Как слабо – словно пальцы по лицу...»	53
«Любовь! Как пред огромной тещей зять я...»	53
«За спиною грядущее и холодит...»	53
СЕНОКОС («Широко дышит травами покос...»)	54
ЧАСТУШЕЧНЫЙ РОМАНС («По улице мчится метелица...»)	55
«Пил я и пел на пиру, словно яблоком, песней играя...»	56

1960-е

«Философ тоже! Фу-ты ну-ты!»	57
«Я далекой думой донят...»	57
«Мы играем в сумерки...»	57
«Встану рано, на свету...»	58
«Чуть не спугнув бездумную лазурь...»	58
ИЗ ДЕВИЧЬИХ ПЕСЕН («Мы очень даже чинные...»)	59
ЛЕТНЯЯ ПРАЧЕЧНАЯ («В чистой речке простирает...»)	59
«Вас доведет до хворости...»	60
«В дугу согнулся лазурный луг...»	60
«И взглянет невзначай она...»	61
ДЕВЧОНКА С ЧЕЛКОЮ («Я девчонка с челкою!»)	61
«Мы въехали в квартиру...»	62
ПЛЯЖ («Оздоровительный морг...»)	62
«Я коробейник, старый воробей!»	64
«... Бежал от жалости я прочь...»	64
«Я, словно время, сам бесстрашный часокрад...»	65
«Тяжело из лесу, словно лось, я...»	65
«Мой ум – как дом. И вот, от входа...»	66
«Был ум у наших предков птичий...» (На лекции)	66
«Невесть чего настроя...»	67

«Бойкий ум на отлете...».....	67
ОТРЫВОК («Кем он будет? Медведем матерым...»)	67
«Пес еще за будкой...»	68
ГЛАЗКОМ ОДНИМ ВПЕРЕД («По малости беря – не много будет тайн...»)	68
ОТРЫВОК («В годы гордости – ходатай...»)	69
«Я – только калека...».....	69
ОТРЫВОК («Идут всех мастей сердцеброды...»)	69
ТРУДОВАЯ ПРЕЛЮДИЯ («Поднимаясь, тонна за тонной...»)	70
«Ты франтиха иль шутиха...».....	70
«Не за горами, нет, а где-то за холмом...».....	71
«Я неделим пока еще, как атом...».....	71
«Я, как горшок, леплю лазурь...».....	72
«Слово ваше выварено...»	72
ПАРНЫЙ ПОРТРЕТ («Эх, и крутите вы шарманку!»)	73
«Стужа, скука и хвороба...».....	73
ОТКАЗ («Как? Мне поехать к полюсу?»)	74
«То, что ложно, как наружно!»	75
«Сам я ни в одном глазу!»	75
ДУМА («Я – длинная боярственная дума...»)	76
ОСТРОВА («Просторны вы, как в город сени...»)	77
БУДДИЧЕСКОЕ («Итак – кому печаль мою повем...»)	78
«Послушай, Дика, судьба-индейка...».....	78
«По комнате медовый дух...»	78
«Сажусь я за пир почестен...».....	79
«Как прожить, чтобы не обмануться...».....	79
ЧАСТУШКА («Буду я с Володенькой...»)	80
ПРЕДЧУВСТВИЕ ОДИНОЧЕСТВА («Как страусово яйцо...»)	80
ЭПИГРАММА («От ума его сутулого...»)	81
«Вышел день, но какой-то тощий...».....	81
«Как чувства трудятся тревожно!».....	81
«Послушай! – А я оглох...»	82
«Бодрость я в себя вселю...»	82
«Прижималась к нему сударкой...»	82
«Земля! Ты очень весело...»	83
ЕЛЕНЕ («С Новым годом! С новым горем!»)	83
«На чужих раздумьях ворожа...»	84

«Последняя встреча!»	84
«Я спал в былом и вот, как сон, разломан...»	85
ПЕСЕНКА («Туча! Слушай-ка, голубушка...»)	85
«Я не ропщу и не ругаюсь...».....	86
«Он жил уверенно и плотно...».....	86
«Подкатился к речонке бедовой...».....	86
«Вслепь развалясь от благодущья...»	87
«Если нет и нельзя, говорят: «Пусть так!»	87
«А слово-то у вас салонновато...»	88
«Будь дотла живой...»	88
ПРОРОЧЕСТВО («Вот вспомнилось, как мы шагали...»)	88
«Не верил я, что въяве может...».....	89
ДВА ГОДА («Вдвоем они во мне, два полоумных года!»)	90
В ОТОРОЧЕННОЙ МЕХОМ ШАПОЧКЕ («Как давно и все-таки недавно...»)	91
«Рыжее сонно маленькое пламя...».....	92
BREVE MORTALE («Я – папа, но крохотный в лапах недуга...»)	93
ГРУСТНЫЕ ЧАСТУШКИ («Стыну я, ты – холодна...»)	93
«В человеке чувства...».....	93
«Я сам себя невидимо настиг...»	94
«Под Новый Год я враг друзьям и одам...».....	94
«С тропы проторенных риторик...».....	94
«Меня сослали на луну...».....	95
«Стоят преданья старины глубоко...».....	96
ЭПИГРАММА («Не повар, а великий добродей...»)	97
БЛАГОПОЛУЧИЕ («Не овечье, но и не сучье...»)	97
ЯДРО. Фуга («Я сам себе сегодня – просто Он...»)	98
«Оттого, что некого винить...».....	100

1970-е

«Как жалобная пустота – утрата...».....	101
«Каждый день на свет...».....	101
«Водой плеща...»	102
«Не видел и в глаза б их...»	102

«Умирают цветы без агонии...»	104
«Я вижу ведь и сам, что делаюсь слабей...»	104
«Слова закружились, обстали, как бор...»	104
«За стеной у меня живет сосед...»	105
«Сколько было лакано...»	105
«Я много больше ста вселенных сразу...»	106
ВСЯ ОСЕНЬ («Живопись осени! Что ж тут калякать!»)	107
«Белый дождь вáлится...»	107
«Меня крапивой хвощет хворь...»	108
«К черту, что ли, ты исчезла...»	108
«Зачинайся, милая былина...»	109
«Рука из мрамора! Откуда взялся ты...»	110
«Передо мною скачет город...»	110
«Стынут голые, не шурша, сучья...»	111
«Я, слава Господу, еще не слеп...»	112
«Поцелую моему шесть лет...»	112
«На крыши домов натыкаясь...»	113
«Сегодня Катеньке два года...»	114
«Я ли, ты ли...»	114
«Осень, постой! Не увози хоромы!»	115
«Тот, что был когда-то так близок...»	115
«Я славлю посреди ума, тумана и невзгод...»	116
«Жду еще какого же рожна я...»	117
«Копошусь муравьиной стройкой...»	118
«Я время сдал давно в музей...»	118
«Мой вековечный друг – простяк...»	119
«О вас я складываю фразы...»	120
«Куда себя сложить мне, бедокуру?»	120
«Не брани, не кори с потолка меня...»	122
«Я слышал очень много жалоб...»	123
«Ну что такое Ваши двадцать девять!»	123
«Не стой рядом, ступай к ляду!»	124
«Люблю природу, Русь и девок...»	124
«Ты была как дума, друг мой ситный...»	124
ТЕБЕ НА ГОРЬКУЮ ПАМЯТЬ	
(«Семь лет минуло поцелую...»)	125
«Томилась ты от милого...»	126

«Шестьдесят четыре года...»	126
«Не знаю, откуда...»	127
«Живешь и скачешь в три ухаба...»	127
«Мне правду вынь, да не положи!»	128
«Высокие сосны...»	128
«Как эклога ты, Евлега...»	129
«Боялась ты любовь развить...»	129
«Подле милого столько подлости...» (логаэды)	130
«Пляшут в глазах крохотные черти...» (логаэды)	130
«Жил-был Рим. На холмах и в долине...»	131
«На косогоре...»	131
«Ах ты, маюшко-май...»	132
«Позабыв про те леса...»	132
«Изготовить – не искусство ли...»	133
«Ты стареешь, я старею...»	133
«Девять лет звонит телефон...»	134
«В пять ярусов стоит жильё...»	135
«Где ты спряталась, моя нелюдимочка...»	135
«Ода в честь не сложена...»	136
«Из себя ты выдрала клочок письма...»	137
«От осеннего тепла...»	137
«Возьми на память хоть усмешку!»	138
«К своему подножью...»	139
«По будним дням с тобой...»	139
«Нет, это правда, что батюшка-день оскудел...»	140
«День с тобой и ночь с тобой...»	140
«Разменяй любовь, разменяй...»	141
«Хрустит Москва, дробя умы и кости...»	141
«Прощай, огромная Москва...»	142
САШЕ («Забавно вспоминать те дни...»)	143
«Русь звенела утренней росой...»	144
ЦЕРКОВЬ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ	
(«Плывет, широк, как Волхов, старый торг...»)	145
«Ни головою, ни хвостом не хвастай...»	146
ОДА НЕВЕДЕНИЮ («Слава мне...»)	147
ВАССНУС SCHOLASTICUS («Мы пьянчуги, так вина-то...»)	148
«В черной нежити, в простых просторах...»	148

«В двух шагах от катаклизма...»	149	
«Языком я, как высерок, лазаю...»	150	
АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ ЛАВРА		
(«Узилище, где стены – как закат...»)	150	
«Кривое утро встало из-за рощи...»	151	
«Я людям вовсе не завидую...»	152	
«Я помню явно и точнее кода...»	152	
БЕРЕЗОВЫЙ ДОМИК («Поэзия поленился...»)		152
«Вечер наш облака простер...»	153	
«Средь моря ночи моему уму...»	153	
«Исполнен поэтических красот...»	154	
«Устал, как пес. И вот огромный мой зевок...»	154	
«Я взором расписал большое в дол окно...»	154	
«О трезвенник умом, великий Сумароков...»	155	
НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГИЯ		
(«Я повстречался в зеркале с собой...»)	156	
«Рождественское детство, где...»	157	
ПРАЗДНИК («Я в старости справляю Рождество...»)		157
«Смирное тело устало и от восторгов остыло...»	158	
«Посередь самой весны...»	159	
ДОЛГИ («Сам у себя сижу я в шелковом долгу...»)		159
ТУРИСТЫ («Рассматривает Божий храм...»)		160
ПАСЬЯНС («Говорят мне, что пасьянс...»)		160
«Ну, вот и дожил я, пожалуй, до беды...»	160	
РОНДО НА ПОРТРЕТ ЖЕНЫ		
(«На холсте не грохот оды...»)	161	
СТАНСЫ («Опять увал! Огромная яруга!»)		162
КРИВОДУШЬЕ («Окно распахнуто, а в нем...»)		163
«Я чья-то тихая жестокая затея...»	163	
«К широкой памяти, как к Волге, подступил...»	164	
1 АПРЕЛЯ («В месяцеслове у природы...»)		165
«На днях я стал прямой старик...»	166	
ОДА НА ДОКАЗАТЕЛЬСТВО БЫТИЯ БОЖЬЕГО		
(«Я верю, что Бог есть...»)	167	
«Бог весть с чего сегодня я столпился...»	168	
ПОДРАЖАНИЕ МОРГЕНШТЕРНУ		
(«Телом был он тощ, как спичка...»)	169	

«Мокрое утро, и после дождя в темноте...»	170	
«Я умер загодя; очнулся ото сна...»	170	
«Погода как жара нависла...»	171	
НЕОКОНЧЕННАЯ ФУГА		
(«Не хуже прочих ванек и емель я...»)	172	
НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ («Каменной поступью, тяжеловесным потоком стремится...»)		172
«По всей по вероятности, я отнюдь не первый...»	173	
«Погода мокрая – как зябкие кусты...»	173	
ПОСЛЕ САШИНЫХ ПАРОДИЙ НА СИМФОНИИ И ФУГИ		
(«Скажу я про жену мою...»)	174	
«Получает пан талон...»	174	
ЭПИГРАММА («Жил-был на свете переводчик...»)		174
«Всем садом на окне, как бы зеленый тюль...»	174	
ЛЕТНИЕ ЭСКИЗЫ		
(«На крыльцо в халате выхожу я голый...»)	175	
«Задумавшись, что в кладезе глубоко...»	176	

1980-е

25 МАРТА 1980 ГОДА		
(«Ты! Но к четырнадцатой годовщине...»)	177	
ЦВЕТЫ («Кто знает, отчего же заперта...»)		178
ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР В КАРТАШЕВСКОЙ		
(«Деревья вечером невнятной...»)	178	
«Всё прожито. И к старости всё пусто...»	179	
СЕНТЯБРЬСКИЕ СКОРБИ		
(«Сентябрь весь в мороси, и рощи отсырели...»)	179	
«Осенний пруд. Как желтые кувшинки...»	181	
ЖЕНЕ («Подкручивая усик...»)		182
«Ни в театрах, ни в киношках...»	183	
«И так бывает не всегда ль...»	183	
«Ах ты лапушка моя...»	184	
СОСЕДКИ («Твоя жена с моей женой...»)		185
«Брат русак, не трус!»	186	
«Я седой охальник и русак...»	187	

«Сижу в своем саду...»	187
«Из смоленой капитанской трубки...»	190

СТИХОТВОРНЫЕ ЦИКЛЫ

ЖЕНСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ВВЕДЕНИЕ В ПОРТРЕТНУЮ ГАЛЕРЕЮ

(«Пожалуйте за мной скорее!»)	191
РАБЛЕЗИАНКА («Проста, как пища для нагула...»)	193
«Исхлестанная в линии...»	194
ПЕВИЦА («Поблескивая, чуть срыжа...»)	195
СПОРТСМЕНКА («Жизнь, как воду, преодолевая...»)	195
«Как вздыхает копна твоя палевая...»	196
«Еще укутана в рубашку...»	197
«Выползла – гриб по грибы (разучилась ходить по гробы ты)...»	198
«Девичий дождик – нежности образчик...»	198
«Ты исполнена тука и духа...»	199
«Люди созданы для любви...»	199
«Зелен откос до отказа, до рвоты с желтизной...»	200
«Как ты светла! Почти прозрачна с виду...»	200
«Дочурку чудную баюкая...»	201
«Из-за кустов физкультурой дебелой...»	202
КРАСАВИЦА («Не модной дамой, отданной до дна...»)	202
ГАДАНЬЕ («Лицо в лицо и рама в раме...»)	203
НОВОФАЮМСКИЙ («Ты – воскресшая египтянка...»)	204
С РАЗДВОЕНИЕМ («В ребрах засела, как в корсете...»)	204
«В трех водицах купана...»	205
«Лицо набекрень – и актрисой надтреснутой...»	206
«Видно, и сама не знаешь, кто ты...»	207
«За душой я встречал тебя часто...»	207
«О жизнь запинаясь чужую...»	208
«По тебе только попусту шастаю!»	208

«Как будто выглянув из детской...»	209
«Надоело играть мне в куколки...»	210
«В глазах ни ласки нет, ни женской власти...»	210
«Ты разгулявшаяся монна Лиза...»	211
«На узеньком лице два неприкрытых глаза...»	212
«Безжалостно строга к веселым полуженам...»	213
«Поцелуй меня, обалдуй!»	213
«Бульжником тебе под пятку голова!»	214
«Даже если стукнет двадцать восемь...»	214
«Ой же ты какая не надменная...»	215
«Ты трясодушка, дрыгоножка...»	215
«Не Лизой или Настенькой...»	215
«Богиня доморощенной богемы...»	216
В КУБИСТИЧЕСКОЙ МАНЕРЕ («Гляди наглей...»)	216
В СВЕРХКУБИЧЕСКОЙ МАНЕРЕ	
(«С тобой я б был глуп, слаб...»)	217
СТАРИННЫЙ («О седое чудо завитков и линий...»)	218
«На холст! И когти в холку!»	218
«Подружка-задрьжка...»	219
«Ах, какая же ты вареная!»	220
«Ты тихонькая, ты рыженькая!»	220
«Будто дурой Венерой к Адонису...»	221
«Шевелишь, как усиком...»	221
«И зачем так нарядненько? ...»	222
«Какая ты удобная!»	222
«Ресницы тусклые колыша...»	223
«Построенная под углами...»	224
«До бела каленья...»	225
«И стыд и боль в тебе оглохли...»	225
«Не гибкая ваза-подружка...»	226
«Накрашу я с три короба. Раздета...»	226
«Тебя нагую полагая...»	227
«Взгляд пронзительно голый...»	227
«Если пудру с тебя смахну...»	228
«Ты до муки крестной красива...»	228
«Я долго ждал, что ты ужалишь...»	229
ГРУППОВОЙ («Не ивы, не вербы, не вётлы...»)	230

«Прытки, в кротком беспорядке...»	231
«Сухую ткань из воздуха кусая...»	231
«Во всю картину выкатила буркалы...»	232
ГУАШЬ («На свидание, как на вызов...»)	232
«Живешь себе, не глядя в ноты...»	233
«Она в самый раз изломана...»	233
«На теле выписанном ни одной помарки...»	234
«За твою улыбочную мягкость...»	235
«Козетка записная, как малая книжка...»	235
«Ах, взгляд твой вяло-оловянный...»	236
«Кто ты была, и знать неважно...»	236
«Чиста, светла, прохладна...»	237
«Ты как милое мясо в железной духовке томишься...»	237
«На то тебе и ночи ведь...»	238
«Тело твое сбилось и собрано...»	238
«Кажется, каждой минутой готова пригулиться...»	239
«Всегда хотелось быть самой...»	240
КЛАВДИЯ («У девочки-трепачки...»)	240
ВАЛЕРИЯ («Раз-другой ты встречена...»)	241
ТИНА («Где ты, думочка моя...»)	242
НОРА («Из не очень-то юных ты самая ранняя...»)	243
«На холсте тебя иль в яви я...»	244
«Жили да пожили...»	244
«В нечаянно больших очах...»	245

КНИГА ЦВЕТОВ

САД. Вступление («Написать на куртине бы лето!»)	246
НЕЗАБУДКИ («Среди травинок-заковык...»)	247
ГИАЦИНТЫ («За столом сошлись они...»)	248
БАЛЬЗАМИН («Отыщу ль замену бальзамину?»)	249
РОМАШКИ («Сегодня у меня привольные замашки...»)	249
ФУКСИЯ («Ты будто бы церковка, словно...»)	250
НАСТУРЦИИ («На садовом, ах, карнавале...»)	252
ПИОНЫ («Дни, будто губы, открытые настезь, сухи...»)	252
ГВОЗДИКИ («Загрели, грубо-дики...»)	253

АСТРА («В брильянтах и в боа по золотым садам...»)	254
ФИАЛКА («Нет, ничего нельзя постичь ей...»)	254
АМАРИЛЛИС («На оконце от солнца и скуки...»)	255
МАТТИОЛА («В серенькой зелени скромницею ты...»)	256
ПЕТУНИИ («На прогулке летней...»)	256
ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК («Как он извивается в позах! Он, точно придворный...»)	257
ПОДСНЕЖНИК («Приподняв головкой прутик...»)	257
СИРЕНЬ («В соцветьях, как в гроздьях созвездий...»)	258
ГЛАДИОЛУС («Как ласков твой атласный голос!»)	259
РОМАШКИ («Как расправиться с ворохом лета?»)	259
ВАСИЛЬКИ («Из-под косматой ржи глядят...»)	261
КОЛОКОЛЬЧИК («Сколько их, лиловых голов...»)	261
НАРЦИСС («Осторожней! Не запачкай!»)	262
ТЮЛЬПАНЫ («Среди цветов находятся счастливики...»)	263
КАННЫ («Парное утро розливо в стаканы...»)	263
ЖАСМИН («Вечеру, потеряв рассудок...»)	264
МАЛЬВА («Ах ты, розовая верзила...»)	264
ГЕОРГИН («Для зренья ты – как барабан для слуха...»)	265
LILIA REGALIA («Мой ангел пуком лилий царских...»)	265
ГИАЦИНТЫ («Они идут, как духовитый вызов...»)	266

КНИГА ГРИБОВ

ВСТУПЛЕНИЕ («Утратил я старинную охоту...»)	267
ЛИСИЧКИ («Весьма прелестен лес былинный...»)	268
ВОЛНУШКИ («Опять настали дни отличные...»)	268
ГРУЗДИ («Когда в сентябре приступает осенняя грусть...»)	269
РЫЖИКИ («Я шагаю, а за мной...»)	269
БЕЛЫЙ («Глядит он из-под дуба, кулак ядреный...»)	270
МОХОВИК («Легло болото, как половики...»)	271
ОПЕНКИ («Вот пень, усеянный до пят...»)	271
РЯДОВКА ФИОЛЕТОВАЯ («Из травы нечесанной ловко...»)	272
ПОДБЕРЕЗОВИК («В тоненьком березничке...»)	273
МУХОМОР («На поляне алеет пятном...»)	273

ПОДОСИНОВИКИ («Как девка в расписной косынке...»)	274
ШАМПИНЬОНЫ («Шампиньоны – грибы дворовые...»)	274
СМОРЧКИ («Идут, одеты в белые чулки...»)	275
РЫЖИК («Еловый рыжик крыт зеленым лаком...»)	275

КНИГА ЯСТВ

ВСТУПЛЕНИЕ («Я – человеческий закон, обшитый кожей...»)	277
ЩИ («Когда алчба берет тебя в клещи...»)	277
ПОЧКИ ПО-РУССКИ («Хороши по-русски почки...»)	278
БЛИНЫ («Люди с детства влюблены...»)	278
ОКРОШКА («Рыжий квас, тебя бы я возвысил...»)	280
ЦВЕТНАЯ КАПУСТА В СУХАРЯХ («На людях плотна она, как белица...»)	280
БОРЩ С СОСИСКАМИ («Средь сладковато-кислой красноты...»)	281
КУЛЕБЯКА («Как молодичка лежит на столе, притаясь под платом...»)	281
МАЛИНОВЫЙ КИСЕЛЬ («Неужели, милые, вы еще доселе...»)	282

КНИГА СМЕРТЕЙ

СМЕРТЬ БЛОХИ («Мыслишкой черной скакала блоха...»)	283
СМЕРТЬ МУРАВЬЯ («В глубокой громадной траве умирал муравей...»)	284
СМЕРТЬ ГУСЯ («Раскинулся луг, как раздольная Русь...»)	284

ФОТОГРАФИЯ

АЛЬБОМ («Сколько рабства у нас в любом!»)	287
УЛИЧНЫЙ ФОТОГРАФ («Ремесленник или художник...»)	288

«Когда клиента ты спровадишь...»	289
У ВИТРИНЫ («И оптом, и в розницу – целый гарем...»)	289
МЕДАЛЬОН («У тебя есть медальон...»)	290

ВЕРХОМ НА ЧЕМ-ТО И ВПЕРЕД

«Остался я один, покинут и покаран...»	291
«Я заморожен был на три столетья...»	291

НЕЧИСТЬ

ЧЕРТОВА ПЕСЕНКА («Истоптаны дороженьки...»)	293
«В сумерках ты вымарка...»	293
«Еле слышится весной...»	294
ПЕСЕНКА ПАНА («Распускался апрель...»)	294
«Что? Ведьм не стало? Бросьте-ка...»	295
«Я был пронзителен и звонок...»	295

МУЗЫКА

ФИЛАРМОНИЯ («Растаял лед хрустальный, и простая...»)	296
ПРЕЛЮДИЯ («Ты – музыка моя! Сама себя подслушай...»)	297
ПРЕЛЮДИЯ («Удар удал! И грохот разудалый...»)	298
ВАЛЬС С ПЕРЕБОЯМИ («В сад очарованный (вечер мой, сжался!)...»)	298
ВАЛЬС ЯРОСЛАВНЫ («Медленно, мерно и плавно...»)	299
ПОЛЬКА («Детской далью дышит полька...»)	300
ПЛЯСОВАЯ («Хочешь – покорствуй!»)	301
НОТТУРНО («Ночь. Зеленая. Как тоска...»)	302
ТРАГИКОМИЧЕСКОЕ СКЕРЦО («На мне играли в зале...»)	303
РУССКАЯ РАПСОДИЯ («Веселой грозою грянул май...»)	310
ЦАРЬ ГОРОХ. Русская огородная рапсодия («Я на себе верхом, как мелкий бес, сижусь...»)	311

СОННАЯ СОНАТА	
(«Я жду и сплю. И медленно высокий сон построен...»)	318
КВАРТЕТ № 1 («Август! Ты – пышные сени осени...»)	321
КВАРТЕТ № 2 (Рождественский)	
(«Католики справляют Рождество...»)	323
КВИНТЕТ № 1 («Осиной человек живет в году...»)	327
СЕПТЕТ № 1 («Лжемы погружены по шею во Лжеявь...»)	331
СЕПТЕТ № 2 («Мой ум дудит в одну и ту же дудку...»)	338
ТАНЦЕВАЛЬНАЯ СЮИТА	
1. Прелюдия («Чадит заря, как жирная жаровня...»)	344
2. Гавот (см. Гавот Глюка-Брамса)	
(«Бегают, как дети...»)	345
3. Марш (см. «Афинские развалины» Бетховена)	
(«Топай, Груша! Хлопай, Глаша!»)	346
4. Гопак (см. Гопак Мусоргского) («Пей, лей, не жалей!»)	347
5. Русская плясовая	
(«Ах ты, сукин сын, поганенький мужик!»)	349
6. Полька («Полька, полька, полечка!»)	350
ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ (As-dur) для рояля с оркестром	
(«Я сам себя приподнял, словно сад...»)	351
ПЕРЕВОРОТ. Концерт для рояля с оркестром	
(«Я – осени студеной броня...»)	355
ТРЕТИЙ КОНЦЕРТ ДЛЯ РОЯЛЯ С ОРКЕСТРОМ	
(«Я ночь сию как занавес распаиваю...»)	358
СИМФОНИЧЕСКАЯ ПОЭМА для рояля с оркестром	
(«Сухое общество природы...»)	361
АНТИГЕРОИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ в семи частях	370
Часть первая. Палочная	
(«Удар! Гром древних драм! И треснула земля...»)	371
Часть вторая. Барыня	
(«Духовые! Гряньте духовитей!»)	378
Часть третья. Менуэт	
(«Боже мой! Нежно вступайте, гобой!»)	385
Часть четвертая. Ярмарка	
(«А вот, господа, и четвертая часть...»)	390
Часть пятая. Marcia funebre	
(«Тише вы, души! Хоронят героя...»)	400

СИМФОНИЯ № 3. Гипотетическая (для органа с оркестром)	
(«Я слышу только мудрое молчанье...»)	405
СИМФОНИЯ № 4. Осенняя	
(«Подул октябрь, и роще стало знобко...»)	432
СИМФОНИЯ № 5. Appassionata, или Страстная	
(«Аз, Бах, емь бычий бог и силой осиян...»)	452
СИМФОНИЯ № 6. Октябрьская	
(«Я самодержец музыки, а сам...»)	490
СИМФОНИЯ № 7. Личная	
(«Я сочиню предсмертную программу...»)	510
СИМФОНИЯ № 8. Туманная, или Антигалактическая	
(«Я без оркестра, как зачин, вступаю...»)	546
ДИФИРАМБ («Я – Жизнелов и славлю ремесло...»)	564
СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ	
(«Я был боярский сын, но сан с себя сложил...»)	568
БЕСОВА МЕССА (Messa nigra)	
1. Прелюдия («Ты, Господи, вся веси...»)	575
2. Хорал («Твой черный зад лизать...»)	577
3. Фуга («Гляжу на мир, как на большое хамство...»)	578
4. Финал («Ты, Господи, вся веси...»)	581

ПОЭМЫ

АВГУСТ. Поэма («Закончен плод, как Цицерона фраза...»)	583
КИНОЦЕФАЛИЯ («Господь меня кривиться умудрил...»)	590
ЯН МНОГОЛИКИЙ, или ПОЭМА ЛИЦА	
«По-русски он – Ян, а не Янус!»	598
1. ПЕЙЗАЖ ЛИЦА («Поперек лица – борозда...»)	599
2. ЛИКУЮЩИЙ ЛИК («Причислить лицо к лику?»)	600
3. НЕРУКОТВОРНЫЙ ЛИК	
(«Распластан, как природа, белый плат...»)	602
4. О МНОГООБРАЗИИ ЛИЦ	
(«При личном многообразии...»)	603
ПРИМЕРЫ (ПРИЛОЖЕНИЯ). ПРИМЕРКА	
ОПРЕДЕЛЕНИЙ	604
5. ЛИЦЕВОЙ СЧЕТ («Пока лицо как часы течет...»)	608

6. ЛИЧНОСТЬ («Ходит личность по базару...»)	610
7. ВАЖНОЕ ЛИЦО («Оно – важно...»)	611
8. АНАТОМИЯ ЛИЦА («Лицо состоит из частей...»)	612
9. ЭТИМОЛОГИЯ ЛИЦА («Лица крутые и пологие...»)	617
10. ГРАММАТИКА ЛИЦА	618
11. ФРАЗЕОЛОГИЯ ЛИЦА	
(«Цены тому нет, когда всё нипочем...»)	622
ТВОЕ ЛИЦО («Твое лицо держу я без оправы...»)	623
МОЛИТВА О ЛИЦЕ («Есть лица подстать иконам...»)	624
ВТОРОЙ ПЕЙЗАЖ ЛИЦА	
(«Поперек лица – борозда...»)	625
КНИГА ЖАЛОБ («Я сетую, по горло сидя в прозе...»)	626
Алфавитный указатель стихотворений	636
Список исправлений к книге 1	657
Список исправлений к книге 2	659

Петров С. В.

П30 Собрание стихотворений: Неизданное. – М.: Водолей, 2011. – 688 с. – (Серебряный век. Паралипоменон).

ISBN 978–5–91763–064–9

Сергей Владимирович Петров (1911–1988), поэт огромного масштаба, долгое время был известен широкому читателю только как переводчик. Его творческое наследие ошеломляюще и по объему, и по художественной значимости. Сам поэт увидел опубликованными лишь два десятка стихотворений в последние шесть лет жизни; первый авторский сборник Петрова вышел в свет спустя девять лет после его кончины.

Настоящее издание продолжает вышедшее в 2008 г. Собрание стихотворений в двух книгах. В него вошли стихи 1930–1980-х гг., по различным причинам не включенные в предыдущие тома; стихотворения, объединенные в циклы; поэтические произведения, написанные в музыкальных жанрах; поэмы.

ББК 84(2Рос=Рус)6
УДК 882

Петров Сергей Владимирович

Собрание стихотворений
Неизданное

Технический редактор *А. Ильина*
Корректор *Н. Федотова*

Подписано в печать 10.03.11. Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Печ. л. 43. Заказ №

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23
Официальный сайт: <http://www.vodoleybooks.ru>
E-mail: info@vodoleybooks.ru

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К». г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Алексеева Л. А. Горькое счастье: Собрание сочинений. 2007. – 416 с. – (Малая серия).

Големба А. С. Я человек эпохи Миннезанга: Стихотворения. 2007. – 384 с. – (Малая серия).

Меркурьева В. А. Тщета: Собрание стихотворений. 2007. – 608 с. – (Малая серия).

Соловьев С. М. Собрание стихотворений. 2007. – 856 с. – (Большая серия).

Петров С. В. Собрание стихотворений: В 2 кн. 2008. – 616 + 640 с. – (Большая серия).

Позняков Н. С. Преданный дар: Избранные стихотворения. 2008. – 176 с. – (Малая серия).

Случайная фраза, сказанная Мариной Цветаевой на допросе во французской полиции в 1937 г., навела исследователей на имя Николая Познякова (1893 – ок. 1969) – поэта, учившегося в московской Поливановской гимназии не только с Сергеем Эфроном, но и с В. Шершеневчем и С. Шервинским. Позняков – участник альманаха «Круговая чаша» (1913); во время войны работал в Красном Кресте; позже попал в эмиграцию, где издал поэтический сборник, а еще... стал советским агентом, фотографом, «парижской явкой». Как Цветаева и Эфрон, в конце 1930-х гг. он уехал в СССР, в 1948 году был репрессирован и вспоминался лишь как переводчик с древних языков (соавтор С. В. Шервинского по переводу «Антигоны»). В архиве Шервинского сохранились тетради со стихами Познякова; вместе с берлинской книгой они дали возможность подготовить литературное «воскрешение» поэта – наследника других «поливановцев» (Брюсова и Волошина, Белого). Еще одна «пропущенная страница» русской поэзии Серебряного века приходит к читателю.

Щиrowsкий В. Е. Танец души: Стихотворения и поэмы. 2008. – 200 с. – (Малая серия).

Одним из вершинных достижений русской поэзии в 1930-е годы стало творчество В. Е. Щиrowsкого (1909–1941). Поэт, оказавшийся столь социально чуждым советской власти (он был сыном сенатора), работавший в провинции то сварщиком, то электриком, то попадавший за решетку, погиб в Керчи под бомбежкой в 1941 году; чудом уцелела часть его архива. В книгу вошли все сохранившиеся произведения В. Щиrowsкого, а также краткие воспоминания о нем А. Н. Доррер, подруги жены поэта. Второе издание существенно дополнено материалами, которые лишь недавно стали доступны.

Голохвастов Г. В. Гибель Атлантиды: Стихотворения. Поэма. 2008. – 576 с. – (Большая серия).

Русский американский поэт первой волны эмиграции Георгий Голохвастов (1882–1963) – автор многочисленных стихотворений (прежде всего – в жанре полусонета) и грандиозной поэмы «Гибель Атлантиды» (1938). Чрезвычайно богатое, насыщенное яркими оккультными красками мистическое ощущение допотопной эпохи, визионерски пережитое поэтом, кажется, подводит к пределу творчества в изображении древней жизни атлантов. Современники Голохвастова сравнивали его произведение с лучшими европейскими образцами эпического жанра: «Божественной комедией» Данте, «Освобожденным Иерусалимом» Тассо, «Потерянным Раем» Мильтона. Философско-эзотерический эпос Георгия Голохвастова «Гибель Атлантиды» является выдающимся поэтическим произведением в освещении истинности платоновского предания и Атлантической Традиции, идущей к нам из тьмы тысячелетий.

Верховский Ю. Н. Струны: Собрание сочинений. 2008. – 928 с. – (Малая серия).

В собрание сочинений Юрия Никандровича Верховского (1878–1956) вошли в полном составе прижизненные сборники его стихотворений «Разные стихотворения» (1908), «Стихотворения. Том I. Сельские эпиграммы. Идиллии. Элегии» (1917), «Солнце в заточении» (1922) и «Будет так» (1943), а также неизданные собрания стихотворений «Зимняя весна» и «Иволга», стихотворения, не вошедшие в сборники, рассказы, фрагменты переписки и дневниковых записей, документы. Многие материалы публикуются впервые.

Барт С. В. Стихотворения. 1915–1940. Проза. Письма. 2008. – 336 с. – (Малая серия).

Среди поэтов Серебряного века есть забытые почти намеренно. Таким поэтом был Соломон Веняминович Копельман, в первой публикации (1915) выбравший псевдоним «С. Барт». Первый сборник Барта – единственный, изданный в России, – известен в одном экземпляре. Позже Барт обосновался в эмиграции, в стране, неблагоприятной для русской поэзии, – Польше. В Берлине и в Варшаве вышли еще четыре его книги. В 1941 году поэт погиб в Варшавском гетто. Более полувека должно было пройти, чтобы в Стэнфордском университете вышло первое собрание стихотворений Барта. Книга стала библиографической редкостью, а факты и материалы продолжали копиться. В предлагаемом читателю издании собрано всё, что дает право считать Соломона Барта одним из значительнейших русских поэтов Восточной Европы.

Лозина-Лозинский А. К. Противоречия: Собрание стихотворений. 2008. – 648 с. – (Большая серия).

Алексей Константинович Лозина-Лозинский (1886–1916) – одаренный поэт, практически незамеченный при жизни и недооцененный по-смертно. Книга включает в себя трехчастное собрание стихов «Противоречия», вышедшее в 1912 г., сборники «Троттуар» и «Благочестивые путешествия», изданные уже после смерти поэта, представительный свод несобранных и неизданных стихотворений и переводы из Ш. Бодлера, П. Верлена, Л. Стеккетти, Г. Гейне. Впервые в подобном объеме представляются опубликованные и неопубликованные материалы, связанные с жизнью и творчеством несправедливо забытого поэта Серебряного века.

Тарловский М. А. Молчаливый полет: Стихотворения. Поэма. 2009. – 672 с. – (Большая серия).

В книге с максимально возможной на сегодняшний день полнотой представлено оригинальное поэтическое наследие Марка Ариевича Тарловского (1902–1952), одного из самых виртуозных русских поэтов XX века, ученика Э. Багрицкого и Г. Шенгели. Выпустив первый сборник стихотворений в 1928, за год до начала ужесточения литературной цензуры, Тарловский в 1930-е гг. вынужден был полностью переключиться на поэтический перевод, в основном с «языков народов СССР», в результате чего был практически забыт как оригинальный поэт.

Настоящее издание объединяет все прижизненные сборники стихотворений Тарловского (сборник «Почтовый голубь» воспроизводится в аутентичном составе впервые) и множество стихотворений, оставшихся за их пределами, к которым примыкают написанные в середине 1930-х стихотворные мемуары об Э. Багрицком «Веселый странник».

Вега Мария. Ночной корабль: Стихотворения и письма. 2009. – 528 с. – (Большая серия).

Среди поэтов «первой волны» эмиграции – в плееде Бунина, Ходасевича, Георгия Иванова, Одоевцевой и других – легче всего было «затеряться» тем, кто по каким-либо причинам вернулся в СССР: если эмигранты не могли этого простить Цветаевой, то что говорить о поэтах не столь известных... Среди «затерявшихся» – Мария Ланг (1898–1980), урожденная Волынцева, взявшая псевдоним «Мария Вега», издавшая в эмиграции три сборника стихотворений, не такой уж малой ценой вернувшаяся на родину и дожившая свой век в городе на Неве. Настоящее собрание стихотворений Марии Веги дополнено ее письмами к поэту Светлане Соложенкиной.

Нарциссов Б. А. Письмо самому себе: Стихотворения и новеллы. 2009. – 440 с. – (Малая серия).

Родился в России, вырос в Эстонии, спасся в Германии, сформировался как поэт в Австралии, написал все свои лучшие стихотворения, похоронен в США, – такова география судьбы выдающегося русского поэта первой волны эмиграции Бориса Нарциссова. Творческая его биография совсем иная: это едва ли не самый близкий у нас продолжатель поэтической традиции Эдгара По. Не просто романтик звезды Каноус (нередко именуемой Южной Полярной звездой), не просто визионер с колдовской фамилией, одаренный и мастерством и чуткостью большого поэта, – Нарциссов известен у нас только скупыми публикациями в антологиях, тогда как оценит его лишь тот, кто прочтет оставленное им наследство целиком. Именно такой и приходит ныне к читателю «Письмо самому себе» – блистательная «эдгариана» поэзии русского зарубежья.

Голохвастов Г. В. Лебединая песня: Несобранное и неизданное. 2010. – 352 с. – (Малая серия).

Русский американский поэт первой волны эмиграции Георгий Голохвастов (1882–1963) – автор многочисленных стихотворений (прежде всего – в жанре полусонета) и грандиозной поэмы «Гибель Атлантиды» (1938), изданной в России в 2008 г.

В книгу вошли не изданные при жизни автора произведения из его фонда, хранящегося в отделе редких книг и рукописей Библиотеки Колумбийского университета, а также перевод «Слова о полку Игореве» и поэмы Эдны Сент-Винсент Миллей «Возрождение».

Садовской Б. А. Морозные узоры: Стихотворения и письма. 2010. – 568 с. – (Большая серия).

Борис Садовской (1881–1952) – заметная фигура в истории литературы Серебряного века. До революции у него вышло 12 книг – поэзии, прозы, критических и полемических статей, исследовательских работ о русских поэтах. После 20-х годов писательская судьба покрыта завесой. От расправы его уберегло полное забвение: никто не подозревал о том, что он жив. Настоящее издание включает в себя более 400 стихотворений, публикуются неизданные и несобранные стихи из частных архивов и дореволюционной периодики. Большой интерес представляют страницы биографии Садовского, впервые воссозданные на материале архива О.Г. Шереметевой.

Зальцман П. Я. Сигналы Страшного суда: Поэтические произведения. – 2011. – 480 с. – (Малая серия).

Настоящее издание впервые в приближающемся к полноте объеме знакомит читателя с поэтическим творчеством художника Павла Яковлевича Зальцмана (1912–1985). Зальцману-поэту, прошедшему школу Павла Филонова и близкому к кругу ОБЭРИУ, удалось в своих произведениях объединить формальный эксперимент с непосредственностью поэтического высказывания и с уникальной экспрессией передать катастрофизм эпохи и трагедию творческой личности. Тексты подготовлены по материалам рукописного архива поэта и сопровождаются текстологическим и реальным комментарием.

Кугушева Н. П. Проржавленные дни: Собрание стихотворений. – 2011. – 336 с. – (Малая серия).

В последний раз Наталья Петровна Кугушева (1899–1964) увидела свое стихотворение напечатанным, когда ей было тридцать лет. Вторая половина ее жизни вместила многое: пятнадцатилетнюю добровольную ссылку в Казахстане, куда она последовала за репрессированным мужем, одиночество, почти полную нищету, забвение. Но все эти годы она продолжала писать стихи, чудом дошедшие до наших дней. Большая часть их впервые печатается в настоящем издании.

**Книги издательства «Водолей»
можно приобрести в следующих магазинах Москвы:**

ГУП «ОЦ»Московский Дом книги»

119019, Москва, ул. Н.Арбат,7

тел. (495) 789-35-91

ТД «Библио-Глобус»

101990, Москва, ул. Мясницкая, 6\3, стр. 1

тел. (495) 781-19-00

Дом книги «Молодая гвардия»

119180, Москва, ул. Б. Полянка, 28, стр. 1

тел. (495) 238-00-32

ТДК «Москва»

125009, Москва, ул. Тверская, 8, стр. 1

тел. (495) 629-73-55, (495) 629-64-83

Галерея книги «НИНА»

Москва, ул. Бахрушина,28

тел. (495) 959-21-03. (495) 959-20-94

Книжный магазин «Русское зарубежье»

109240, Москва, ул. Н.Радищевская,2

тел. (495) 915-00-83, (495) 915-27-97

**Книжная лавка при Литературном институте
им А.М.Горького**

123104, Москва, Тверской б-р,25

тел. (495) 694-01-98

Книжный магазин «Гилея»

117997, Москва, Нахимовский пр-т, 51\21

тел. (499) 724-61-67

Книжный магазин «Фаланстер»

109012, Москва, М. Гнездниковский пер.,12\27

тел. (495) 749-57-21

Оптовая торговля: ООО «КнАрт»

E-mail: knarttd@mail.ru тел. 8-916-119-67-20